

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

II

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF ISAAC ASIMOV

Volume eleven

NEMESIS

«POLARIS» PUBLISHERS
1994

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

Книга одиннадцатая

НЕМЕЗИДА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994**

Nemesis

Copyright © 1989 by Nightfall, Inc.

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык, оформление,
название серии

Книга выпущена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

А 4703040100—039 Без объявл.
94

ISBN 5-88132-071-9

НЕМЕЗИДА

*Марку Хэрсту, бесценному
редактору, который, по-моему,
тратит на мои рукописи
больше времени, чем я сам.*

ОТ АВТОРА

Книга эта не входит в мои серии об Академии, роботах или Галактической империи. Она сама по себе. Наверно, об этом стоит предупредить, чтобы избежать недоразумений. Может быть, я еще напишу другой роман, связывающий этот с остальными — а может быть, и нет. В конце концов, сколько же можно заставлять себя придумывать хитросплетения новой истории?

И еще. Я давно уже руководствуюсь основным правилом — все мои произведения должны быть ясными. И потому отказался от мысли о всяких поэтических, символических и прочих экспериментах, хоть они и могли бы в случае удачи принести мне Пулитцеровскую премию. Я научился писать просто и ясно, и это помогает мне установить теплые отношения с читателями и профессиональными критиками.

Мои книги пишутся сами собой — я сам удивился, обнаружив в своем романе две событийные линии. Одни события совершаются в будущем, другие — в прошлом, но обе линии сходятся в настоящем. Не сомневаюсь, что вы без труда разберетесь во всем, но, поскольку мы с вами друзья, я счел необходимым предупредить вас заранее.

ПРОЛОГ

Он остался один.

Где-то там, далеко, светили звезды и среди них одна, небольшая, со своей маленькой системой миров. Мысленный взор являл ее гораздо отчетливей, чем можно было увидеть глазами, если вернуть прозрачность окну.

Маленькая звезда, розовато-красная, цвета крови и разрушения, носящая соответствующее имя.

Немезида!

Немезида, богиня возмездия.

Он опять вспомнил историю, которую слышал еще в молодости, — легенду, миф, сказание о всемирном Потопе, истребившем грешное человечество, когда уцелела одна семья, с которой все началось снова.

Но на сей раз Потопа не будет. Грядет Немезида.

Человечество вновь пало. Так пусть Немезида обрушит на него кару, — оно заслужило такую судьбу. И это будет не Потоп. Не просто Потоп.

Даже если кому-то удастся уцелеть — куда им деваться?

Почему же он не чувствует жалости? Человечество не может оставаться таким, как есть. Оно медленно гибнет — и по заслугам. И если медленная смерть станет быстрой — о чем же жалеть?

Здесь, вокруг Немезиды, кружит планета, вокруг планеты вращается спутник, вокруг спутника — Ротор.

Только горстка избранных спаслась в Ковчеге от Потопа. Он не знал, каким был тот Ковчег, но сейчас Ковчегом стал Ротор. Он нес в себе семя рода людского, из которого должен вырасти новый и лучший мир.

А старой Земле предстоит встреча с Немезидой.

Он снова подумал об этом. Красный карлик неумолимо летел вперед. Ему и его мирам ничто не грозило. А вот Земле...

Немезида уже в пути, Земля!

Она несет предначиненное возмездие!

Глава 1

МАРЛЕНА

1

Последний раз Марлена видела Солнечную систему, когда ей едва миновал год. И, конечно, ничего не помнила.

Марлена много читала, но это занятие не помогло ей ощутить себя крохотной частичкой Солнечной Семьи.

Все свои пятнадцать лет она провела на Роторе, который был для нее целым миром. Как-никак восемь километров в диаметре. Лет с десяти у нее вошло в привычку регулярно, примерно раз в месяц, обходить его кругом. Иногда Марлена забиралась туда, где тяготение было слабым — и тогда девочка почти парила в воздухе, едва касаясь ногами поверхности. Но пари или ходи — Ротор летел все дальше и дальше, а с ним и здания, парки... и люди.

Путешествие занимало целый день, но мать девочки и не думала беспокоиться. Она всегда говорила, что Ротор — абсолютно безопасное место. «Это не Земля», — твердила она, не объясняя, впрочем, почему считала Землю местом не безопасным. «Да так, ничего», — говорила она.

Меньше всего Марлене нравились люди. Говорили, что, по последним данным, на Роторе их шестьдесят тысяч. Слишком много. Даже чересчур. И у каждого на лице фальшь. Марлена ненавидела эти лица, замечая то, что пряталось под приветливой внешностью. Но она молчала. Только раз, еще маленькой девочкой, она

осмелилась сказать об этом, но мать рассердилась и запретила ей неуважительно говорить о взрослых.

Став постарше, она научилась видеть фальшь куда более ясно, и лживые лица перестали волновать ее. Она научилась не обращать на них внимания и старалась почаще уединяться и размышляла, размышляла.

Она все чаще думала об Эритро — планете, на орбите которой прошло ее детство. Марлена частенько забиралась на обзорную палубу и, сама не зная почему, с жадностью вглядывалась в лик планеты, мечтая когда-нибудь попасть туда.

Иногда мать спрашивала девочку, чем привлекает ее пустынная безжизненная планета, но та отмалчивалась. Она и сама не знала. «Просто хочется взглянуть на нее», — был ее всегдашний ответ.

Она разглядывала планету в одиночестве, на обзорной палубе никогда никого не было. Роториане сюда не ходили: это не запрещалось, но почему-то никто не испытывал к Эритро подобного интереса.

Половина планеты была светлой, половина — погружена во мрак. Марлена смутно помнила, что впервые увидела ее диск, сидя у матери на руках. С каждым мгновением планета становилась больше: Ротор медленно приближался к ней.

Действительно ли она это помнила? Впрочем, тогда ей было почти четыре года — могла и запомнить.

Воспоминание это — реальное или придуманное — незаметно сменилось размышлениями о величине планеты. Диаметр Эритро превышал двенадцать тысяч километров — что рядом с ними жалкие восемь? Планета не выглядела такой большой, и Марлена не могла даже представить себе, что стоит на ее поверхности, а вокруг просторная ширь на сотни и даже тысячи километров. Но она знала, что хочет увидеть это, очень хочет.

А вот Ауриanela Эритро не интересовала, и Марлену это огорчало. Он говорил, что у него и так есть о чем подумать, например, как получше готовиться к поступлению в колледж: ведь ему уже семнадцать с половиной. А Марлене недавно исполнилось всего пятнадцать. Подумаешь, разница — убеждала она себя, — все равно девочки развиваются быстрее.

Должны, по крайней мере. Она с привычным недовольством оглядела себя — ребенок, совсем еще ребенок, все еще коренастая коротышка.

Она вновь перевела взгляд на Эритро, огромную и прекрасную, рдеющую под лучами красного солнца. Это большое небесное тело на самом деле не было планетой. Девочка знала, что перед ней спутник. Спутник громадного Мегаса, который и был настоящей планетой. Правда, на Роторе под этим словом обычно подразумевалась Эритро. Парочка эта, Мегас и Эритро, а с ними и Ротор, кружили вокруг звезды, которая звалась Немезидой.

— Марлена!

Девочка узнала голос Ауринала. В последнее время она все больше помалкивала в его присутствии, и причина этой застенчивости смущала ее. Ей нравилось, как он произносит ее имя. Ауринел делал это правильно. В три слога: Мар-ле-на, слегка раскатывая букву «р». Просто приятно слушать.

Она обернулась и, стараясь не покраснеть, пробормотала:

— Привет, Ауринел.

Он ухмыльнулся:

— Опять на Эритро глазеешь, а?

Марлена не ответила. Конечно же, она была занята именно этим. Все знали, что ее интересует Эритро.

— Как ты здесь оказался?

(Ну скажи, что искал меня, подумала она.)

— Твоя мать послала меня, — ответил Ауринел.

(Ладно.)

— Почему?

— Она сказала, что ты не в духе, а когда ты принимаешься жалеть себя, то поднимаешься сюда. И что я должен увести тебя. Потому что иначе, сказала она, ты станешь еще угрюмее. А почему у тебя плохое настроение?

— Хорошее настроение. А если и не совсем, то не без причины.

— Какой причины? Выкладывай, ты уже не маленькая и должна уметь выражать свои чувства словами.

Марлена подняла бровь.

— Я прекрасно умею разговаривать. А причина простая — я хочу путешествовать.

Ауриネル расхохотался.

— Но ты же путешествуешь, Марлена. Ты уже пролетела больше двух световых лет. Во всей истории Солнечной системы никому до нас не удавалось пролететь и части светового года. Никому. Так что нечего кукситься, Марлена Инсигна Фишер, галактическая путешественница.

Марлена едва сдержалась, чтобы не хихикнуть. Инсигна — это девичья фамилия ее матери. Прежде, когда Ауриネル, дурачась, называл ее полным именем, он отдавал честь и корчил уморительную гримасу, но такого не случалось уже давно. Наверное, потому, подумала она, что он уже считает себя взрослым и отрабатывает достойные манеры.

— Я не помню путешествия, — ответила она. — И ты это знаешь. А раз так, значит, и нечего было запоминать. Просто мы здесь, в двух световых годах от Солнечной системы, и никогда не вернемся назад.

— А ты откуда знаешь?

— Да ну тебя, Ауриネル. Неужели ты хоть раз слышал, чтобы кто-нибудь говорил о возвращении?

— Ну и что? Земля — мирок людный, всю Солнечную систему тоже обжили, повсюду теперь тесновато. И нам лучше здесь, потому что мы хозяева всему, что видит глаз.

— Какие хозяева? Мы целую вечность палимся на Эритро, но почему-то не торопимся спускаться, чтобы стать ее истинными хозяевами.

— О чем ты? Ведь на Эритро уже построен прекрасный и надежный Купол. Ты же знаешь.

— Он не для нас, а для горстки ученых. А я говорю о нас с тобой. Нам даже не разрешают бывать там.

— Всею свое время, — по-взрослому сказал Ауриネル.

— Конечно — когда стану старухой или помру.

— Не сгущай краски. И вообще пошли-ка отсюда, пусть твоя мама порадуется. Да и мне некогда торчать здесь. Дела. Долоретта...

В ушах Марлены застучало, и она уже не расслышала, что Ауринел сказал дальше. Довольно и того, что было произнесено это имя... Долоретта!

Марлена ненавидела Долоретту, такую стройную — и такую пустую.

Ах вот, значит, как! Ауринел волочится за Долореттой. Взглянув на него, Марлена сразу это поняла. А теперь его послали за ней, и он, видите ли, тратит здесь попусту свое драгоценное время. Теперь ей все стало ясно. Значит, он спешит к этой... этой Долоретте. (Ну почему она всегда обо всем догадывается? Иногда это так противно.)

Марлене вдруг захотелось сделать Ауринелу больно, отыскать такие слова, от которых ему стало бы не по себе. Ошеломить его.

— Мы не вернемся в Солнечную систему, — проговорила она. — И я знаю почему...

— Ну и почему же? — Марлена не ответила, и он насмешливо добавил: — Опять девчачьи тайны?

Марлену это задело.

— Не хочу тебе говорить, — пробормотала она. — Я и сама не должна была знать об этом.

Но ей так хотелось все выложить ему. Ей так хотелось, чтобы всем было так же плохо, как и ей.

— Но мне-то скажешь? Мы ведь друзья?

— Друзья? — переспросила Марлена. — Ну хорошо, скажу. Мы никогда не вернемся назад, потому что Земля обречена.

Реакция Ауринела оказалась совсем не такой, как она ожидала. Он разразился громким хохотом. И не сразу заметил ее яростный и негодующий взгляд.

— Марлена, откуда ты это взяла? — спросил он. — Ужасников насмотрелась, что ли?

— Я их не смотрю.

— Тогда почему говоришь такие вещи?

— Потому что знаю. Я умею делать выводы. Из того, что говорят люди и о чем умалчивают, и из того, что у них получается, когда они полагают, что изображают именно то, что хотят. И из того, что мне отвечает компьютер, когда я задаю ему вопросы.

— Ну и что он тебе отвечает?

— Я не хочу, чтобы ты знал об этом.

— А может быть, ты просто выдумываешь?

— Нет. Земля погибнет не в один миг — быть может, на это уйдут тысячелетия, но она обречена. — Марлена важно кивнула. — И ничто ее не спасет.

Она повернулась и, сердитая, пошла прочь. Как посмел Ауриネル усомниться в ее словах? И не просто усомниться: он решил, что она не в своем уме. Впрочем, наверное, так оно и есть — она сказала ему слишком много и ничего этим не добилась. Все вышло не так, как она хотела.

Ауриネル смотрел ей вслед. Улыбка исчезла с его лица, и тревожная складка залегла между бровями.

2

Долгое путешествие к Немезиде превратило Эугению Инсигну в немолодую женщину. Все эти годы она напоминала себе: я делаю это ради наших детей, ради их будущего.

Однако эта мысль всегда угнетала ее.

Почему? Ведь она знала, что Ротор должен был покинуть Солнечную систему. Об этом знали все добровольцы, улетавшие на Роторе. А среди тех, у кого не хватило духу на вечную разлуку с родной планетой, был и...

Эугения предпочитала не оканчивать эту мысль, так часто приходившую в голову. Теперь все они здесь, на Роторе, — но был ли Ротор для них домом? Разве что для Марлены: другого дома она не знала. А она, Эугения? Ее домом была Земля — и Луна, и Солнце, и Марс, и все миры, что знало человечество на протяжении своей истории и предыстории, с тех пор как появилась сама жизнь. Нет, Ротор не дом им — этого нельзя было забывать.

Первые двадцать восемь лет своей жизни Эугения провела в Солнечной системе — и даже училась на Земле с двадцати одного до двадцати трех лет.

Как ни странно, Земля частенько вспоминалась ей. Эугения не любила Землю: эти толпы, шум, суету, абсолютную слабохарактерность, обнаруживаемую тамошними властями в важных вопросах, и их грубый деспотизм в каждой мелочи. Еще ей не нравилась вечная непогода, ее разрушительная сила, уродующая

землю и приводящая в ярость океан. И, закончив образование, она с радостью вернулась на Ротор с молодым мужем. Ей хотелось, чтобы он полюбил милый ее сердцу вращающийся мирок так же, как и она, родившаяся в нем.

Но мужу Ротор казался тесным. «Тебе осточертеет здесь через полгода», — говорил он.

Жена наскучила ему даже раньше. Ну что ж...

Все уладится, все будет хорошо, но не для нее. Она, Эугения Инсигна, навеки затерялась между мирами. И все это ради детей. Эугения родилась на Роторе и прекрасно может обойтись без Земли. Марлена уже и вовсе не видела ничего, кроме Ротора, и сумеет прожить без Солнечной системы, зная лишь о том, что где-то возле Солнца — родина ее предков. А ее дети забудут и об этом. И Земля, и Солнечная система станут для них мифом, и только Эритро будет цветущим миром.

Эугения надеялась на это. У Марлены вдруг обнаружилась странная привязанность к Эритро: впрочем, она может исчезнуть так же быстро, как и возникла.

И все-таки жаловаться на судьбу было бы несправедливо. Нельзя было даже мечтать о том, что возле Немезиды обнаружится планета, пригодная для жизни людей. Совпадение условий на ней с земными оказалось воистину удивительным. Однако если прикинуть все вероятности и учесть, что Немезида не так уж и далека от Солнечной системы, то такое совпадение уже не покажется невероятным.

Эугения вернулась к своим ежедневным отчетам — компьютер дождался ее внимания с присущим его племени бесконечным терпением.

Но не успела она приняться за работу, как позвонила секретарша — негромкий голос донесся из крошечного динамика, приколотого к левому плечу.

— Вас хочет видеть Ауридел Пампас. Он не записывался на прием.

Инсигна поморщилась, но тут же вспомнила, что сама посылала его за Марленой.

— Пусть войдет, — сказала она.

Она бросила беглый взгляд в зеркало и убедилась, что выглядит превосходно. Она казалась себе моложе

своих сорока двух. И надеялась, что остальные разделяют ее мнение.

Глупо думать о внешности, ожидая семнадцатилетнего мальчишку, но Эугения Инсигна заметила, как глядела на него бедняжка Марлена, и прекрасно понимала, что означал этот взгляд. Инсигна догадывалась, что Ауринел, юноша, внешностью своей весьма довольный, едва ли обратит внимание на Марлену, еще не избавившуюся от подростковой угловатости. Но если Марлену ожидает разочарование, — пусть у девочки не будет повода вообразить, что мать могла в чем-то содействовать ее неудаче, — придется очаровать мальчугана.

Все равно окажусь виноватой, со вздохом подумала Инсигна, когда Ауринел, застенчиво улыбаясь, ступил в ее кабинет.

— Ну, Ауринел, — проговорила она, — отыскал Марлену?

— Да, мэм. Именно там, где вы сказали. Я передал ей, что вы хотели, чтобы она ушла оттуда.

— И какой она тебе показалась?

— Не могу вам сказать, доктор Инсигна, депрессия у нее или что-нибудь другое, только в голову ей пробралась забавная идея. Даже не знаю, понравится ли ей, если я расскажу обо всем вам.

— Не стоило бы, конечно, узнавать об этом от чужого человека, но странные идеи посещают ее нередко, и это меня беспокоит. Так что, пожалуйста, лучше скажи.

Ауринел покачал головой.

— Ладно, только не выдавайте меня. Совершенно ненормальная мысль. Она решила, что Земля должна погибнуть.

Ауринел ожидал, что Инсигна рассмеется.

Но смеха не последовало. Напротив, она забеспокоилась:

— Что такое? Почему она так решила?

— Не знаю, доктор Инсигна. Марлена странный ребенок — вы это знаете — и идеи ее посещают... А может быть, она просто дурачила меня?..

— Вполне возможно, даже наверняка, — перебила его Инсигна. — У моей дочери странные представления о чувстве юмора. Послушай, Ауринел, я бы не

хотела, чтобы ты болтал об этом. Знаешь, не люблю дурацких разговоров. Ты понимаешь?

— Конечно, мэм.

— Я серьезно — ни слова.

Ауриネル кивнул.

— И спасибо, что рассказал. Это важно. Я переговорю с Марленой, выясню, что ее встревожило, но так, чтобы не выдать тебя.

— Спасибо, — поблагодарил Ауриネル. — Еще минутку, мэм.

— Да?

— Значит, Земля и в самом деле погибнет?

Поглядев на юношу, Инсигна деланно усмехнулась.

— Нет, конечно! Можешь не волноваться.

Глядя ему вслед, Инсигна думала, что ей, пожалуй, не удалось убедить мальчишку в своей искренности.

3

Янус Питт обладал весьма значительной внешнестью, что, вероятно, помогло ему подняться к вершинам власти на Роторе. При подборе жителей будущих поселений предпочтение отдавали людям ростом не выше среднего. Тогда еще собирались экономить — на помещении и ресурсах. Потом выяснилось, что подобные предосторожности излишни, и от них отказались, однако тенденция успела сформироваться, и жители самых первых поселений были ниже, чем в тех, что заселялись позднее.

Питт был высок, по-юношески строен, голубоглаз, и только легкая седина свидетельствовала о том, что он уже немолод — как-никак уже пятьдесят шесть.

Взглянув на вошедшую Инсигну, Питт улыбнулся. В ее присутствии он всегда ощущал какую-то неловкость: она раздражала его своей вечной принципиальностью — с такими людьми всегда трудно общаться.

— Спасибо, что сразу принял меня, Янус, — проговорила она.

Питт отодвинулся от компьютера и откинулся на спинку кресла.

— К чему пустые формальности? Ведь мы давно знаем друг друга.

— И столько пережили вместе, — добавила Инсигна.

— Верно, — согласился Питт. — Как твоя дочь?

— О ней-то я и хочу поговорить с тобой. Мы заэкранированы?

Питт удивленно поднял брови.

— Экранировать? Что и от кого?

Ведь Ротор практически один во всей Вселенной. Солнечная система более чем в двух световых годах отсюда, а другие миры словно и вовсе не существуют: до них, может быть, миллионы световых лет.

Конечно, роториане могли чувствовать свое одиночество, могли ощущать неуверенность. Но опасаться чего-то извне...

— Ты знаешь, при решении каких именно вопросов необходимо экранироваться, — сказала Инсигна. — Ты сам настаивал на их секретности.

Включив экран, Питт вздохнул:

— Опять за старое... Ради бога, Эугения, все давным-давно улажено — еще четырнадцать лет назад, когда мы улетали. Конечно, я понимаю, что ты не можешь об этом забыть...

— Забыть? Почему я должна забыть? Это моя звезда, — она указала в сторону Немезиды, — и я в известной мере отвечаю за нее.

Питт скрипнул зубами. Опять... — подумал он. Но вслух сказал:

— Мы заэкранированы. Итак, Эугения, что тебя встревожило?

— Марлена. Моя дочь. Она все узнала.

— Что узнала?

— Все... О Немезиде, о том, что случится с Солнечной системой.

— Как это могло произойти? Или ты проболталась?

Инсигна беспомощно развела руками.

— Само собой, я ничего ей не говорила, но ей и не нужно говорить. Не знаю, как это у нее получается, но Марлена, кажется, замечает абсолютно все. Она умеет догадываться, даже о чем человек думает. Эту ее способность я заметила уже давно, только в последний год она проявляется все сильнее.

— Догадывается, значит, и время от времени попадает в точку. Объясни Марлене, что на сей раз она ошиблась, и последи, чтобы девочка не болтала.

— Но она уже успела поделиться этим открытием с молодым человеком, а он передал мне их разговор. Так я обо всем и узнала. Юношу зовут Ауринел Пампас. Он сын моих друзей.

— Хорошо. Учтем и это. Скажи ему, чтобы не придавал значения фантазиям маленьких девочек.

— Она уже не маленькая. Ей пятнадцать.

— Уверяю тебя — для него она малышка. Я знаю, что говорю, — ведь я наблюдаю за этим юношей. Он торопится стать взрослым, а насколько я помню себя, у мальчишек его возраста пятнадцатилетние девчонки не вызывают интереса, тем более...

— Тем более, что она такая нескладная? — перебила его Инсигна. — Ты это хотел сказать? Но она ведь такая умница.

— Это важно для нас с тобой. Но не для Ауринела. Если хочешь, я сам поговорю с мальчишкой. А ты побеседуй с Марленой. Объясни ей, что ее догадка смешна, что гибель Земли невозможна. И не следует распространять выдумки.

— Самое печальное то, что она совершенно права...

— Опять ты за свое. Знаешь, Эугения, мы с тобой столько лет скрывали эту тайну от всех, что будет лучше, если все так и останется. Едва люди узнают правду, они ее тотчас исказят. На нас обрушится целый шквал дурацких сантиментов, абсолютно никому не нужных. Они помешают нам осуществить то, ради чего мы оставили Солнечную систему.

Эугения недоуменно поглядела на Питта.

— Значит, у тебя нет ни капли жалости к Солнечной системе, к Земле, породившей человечество.

— Знаешь, Эугения, чувства мои к делу не относятся, и я не могу позволить тебе отдаться эмоциям. Мы оставили Солнечную систему, когда поняли, что человеку пришла пора осваивать звездные миры. Я уверен, что за нами последуют другие, возможно, это происходит уже сейчас. Мы сделали человечество явлением галактического масштаба, и нам не следует мыслить в рамках одной планетной системы. Наше дело — здесь.

Они посмотрели друг на друга.

— Ты снова затыкаешь мне рот, — тяжело вздохнув, произнесла Эугения. — Ты заставлял меня молчать все эти годы.

— Да, и я буду делать это и в будущем году, и через год. Хватит, Эугения, ты меня утомляешь. Довольно с меня и первого раза.

И он вновь отвернулся к компьютеру.

Глава 2

НЕМЕЗИДА

4

В первый раз он заставил ее молчать шестнадцать лет назад, в 2220 году, в том самом году, когда перед людьми открылась Галактика.

Тогда шевелюра Януса Питта была темно-каштановой, а сам он еще не занимал должность комиссара Ротора, но уже считался многообещающим и весьма перспективным специалистом. Он возглавлял департамент исследований и коммерции и отвечал за работу Дальнего Зонда, который во многом был его собственным детищем.

Это было время, когда предпринимались первые попытки передачи материи через пространство с помощью гиперпривода.

Насколько было известно, только на Роторе занимались разработкой гиперпривода, и Питт принадлежал к числу энергичнейших сторонников полной секретности этих исследований.

— Солнечная система перенаселена, — говорил он на заседании совета. — Для космических поселений уже не хватает места. Даже пояс астероидов не поможет исправить ситуацию, поскольку и он почти весь заселен. Но что хуже всего — в каждом поселении существует собственное экологическое равновесие. От этого страдает коммерция, потому что все боятся подцепить чужую заразу. Уважаемые коллеги, у нас нет другого выхода: Ротор должен покинуть Солнечную систему — без торжественных проводов, без предуп-

реждений. Покинуть навсегда, найти место во Вселенной, где мы сможем построить собственный дом, вырастить новую ветвь человечества, создать собственное общество и собственный образ жизни. Без гиперпривода это невозможно — но он у нас есть. За нами, разумеется, последуют другие. Солнечная система превратится в созревший одуванчик, семена которого разлетятся по всей Вселенной. Если мы отправимся первыми, то, быть может, сумеем подыскать уютное местечко еще до того, как начнется массовый Исход. Мы успеем встать на ноги и сможем противостоять любому, кто посягнет на наш дом. Галактика велика, места должно хватить для всех.

Присутствующие яростно заспорили. Одни в качестве аргумента выдвигали страх, боязнь оставить обжитое место, другие — любовь к родной планете. Некоторые идеалисты советовали поделиться знаниями со всеми, чтобы и другие могли воспользоваться ими.

На победу Питт не надеялся. Но она пришла к нему — в лице Эугении Инсигны, давшей ему в руки решающий аргумент. Немыслимая удача — ведь она обратилась прямо к нему.

Ей было тогда всего двадцать шесть лет. Она была замужем, но детей у нее еще не было.

Взволнованная, раскрасневшаяся, Эугения была нагружена ворохом распечаток.

Питт помнил, что при ее появлении он почувствовал раздражение. Он был секретарем департамента, а она — если говорить честно — никто, но с того самого момента считать ее таковой уже было нельзя.

Но Питт пока еще не знал об этом — и уже собирался выразить недовольство подобной бесцеремонностью. Но, заметив возбуждение молодой женщины, воздержался от колкостей. Она явно намерелась обрушить на него свой утомительный энтузиазм и немедленно ознакомить со всеми подробностями этих многочисленных документов.

Хорошо, пусть все кратко изложит одному из помощников, решил он.

— Вижу, у вас важные материалы, доктор Инсигна, и вы хотите, чтобы я с ними ознакомился. Прекрасно, я сделаю это при первой же возможности. Почему

бы вам не оставить все это моим сотрудникам? — и он указал на дверь, в надежде, что, сделав «кругом через плечо», она отправится в приемную. (Позже, на досуге, он пытался представить себе, что было бы, если бы она послушалась его тогда — и сердце невольно замирало.)

Но она ответила:

— Нет-нет, мистер секретарь. Я должна переговорить лично с вами — и ни с кем другим. — Голос ее дрожал от волнения. — Это же величайшее открытие со времен... со времени... — она смешалась и замолчала. — Словом, величайшее!

Питт с сомнением посмотрел на распечатки, зажатые в ее трясущихся руках, — и не ощутил никакого волнения. Этим специалистам всегда мерещится, что каждый их робкий шаг по научной ниве ниспровергает любые основы.

И он отрешенно произнес:

— Хорошо, доктор Инсигна, объясните мне вкратце суть дела.

— Мы экранированы, сэр?

— Зачем?

— Мне не хочется, чтобы кто-нибудь узнал об этом, пока я трижды не проверю и не перепроверю все выводы. Хотя я лично ни в чем не сомневаюсь. Я понятно объясняю?

— Вполне, — холодно ответил Питт и прикоснулся к переключателю. — Я включил экран. Можете говорить.

— У меня все здесь. Я сейчас покажу вам.

— Нет, сначала изложите суть... в нескольких словах.

Она набрала воздуха в легкие.

— Мистер секретарь, я открыла ближайшую к нам звезду. — Округлив глаза, Эугения часто дышала.

— Самой близкой к нам звездой является альфа Центавра, — ответил Питт. — Об этом известно уже четыре столетия.

— Она считалась ближайшей из всех известных нам звезд, но теперь она таковой не является. Я открыла звезду, которая находится еще ближе к нам. У Солнца есть соседка. Представляете?

Питт внимательно посмотрел на нее. Обычное дело. Людям молодым, бесхитростным и пылким свойственно воспламеняться по каждому поводу.

— А вы уверены в этом? — спросил он.

— Я? Конечно! Позвольте я ознакомлю вас с данными — подобного астрономия не знала...

— Если вы не ошиблись. Только не надо заваливать меня цифрами. Я все посмотрю потом. Рассказывайте. Если существует звезда более близкая к нам, чем альфа Центавра, почему ее до сих пор не обнаружили? Почему история приберегла эту честь для вас, доктор Инсигна?

Он понимал, что говорит саркастическим тоном, но его собеседница словно не замечала этого — слишком уж она разволновалась.

— Все очень просто. Между нами и Звездой-Соседкой располагается темное облако космической пыли. Если бы не оно, на земном небосводе эта звезда имела бы восьмую звездную величину — и ее, конечно, давно заметили бы. Но пыль поглощает свет, и звезда потускнела до девятнадцатой величины. И потому ей нетрудно затеряться среди бесчисленного множества тусклых звезд. Она не имеет никаких особенностей, кроме того, к ней никто и не приглядывался. Она видна только в южном полушарии Земли, и до постройки поселений телескопы Земли, как правило, смотрели в другую сторону.

— Ну а почему же вы обратили на нее внимание?

— Все дело в Дальнем Зонде. Видите ли, Звезда-Соседка и Солнце постоянно меняют свое положение друг относительно друга. Не исключено, что они с Солнцем медленно обращаются вокруг общего центра тяготения с периодом в миллионы лет. Столетия назад условия могли быть иными и Звезда-Соседка, возможно, находилась у края облака и ярко светила, но, чтобы ее увидеть, нужен телескоп, а телескопы используются на Земле только шестьсот лет, — а в тех местах, откуда она видна, и того меньше. Через несколько столетий она вновь станет видимой — выйдет из-за пылевого покрова. Но нам уже незачем ждать так долго. Дальний Зонд все сделал за нас.

Питт почувствовал, как в глубине души загорается слабый огонек энтузиазма.

— Итак, вы хотите сказать, что на достаточном удалении от Земли, там, где облако уже не могло помешать, Дальний Зонд сфотографировал участок неба, на котором обнаружилась эта ваша Звезда-Соседка?

— Именно. Я обнаружила звезду восьмой величины там, где не должно быть таких звезд. Спектрально она относится к красным карликам, которые нельзя увидеть издалека.

— А почему вы решили, что эта звезда ближе к нам, чем альфа Центавра?

— Естественно, я изучила этот же участок неба с Ротора — никакой звезды восьмой величины там не оказалось. Однако почти в том же самом месте нашлась звездочка девятнадцатой величины, которой не было на фотоснимке, сделанном Дальним Зондом. Тогда я решила, что это и есть та самая звезда — только ослабленная пылевым облаком, а визуальное несовпадение обусловлено параллактическим смещением.

— Да, я понимаю. Это когда ближние звезды смещаются на фоне дальних, если глядеть на них из разных точек пространства.

— Правильно, но звезды в основном находятся так далеко от нас, что, если бы Дальний Зонд прошел больше половины светового года, их положение не изменилось бы. Иное дело — ближние светила. Смещение Звезды-Соседки оказалось просто чудовищным, конечно же, относительное. Я просмотрела снимки, переданные с Дальнего Зонда по мере его удаления от Солнца. В обычном пространстве он с интервалом сделал три снимка этого участка неба. И на них видно, как Звезда-Соседка становится ярче, смещаясь к краю облака. По параллактическому смещению получается, что она расположена от нас в двух световых годах. Наполовину ближе, чем альфа Центавра.

Питт задумчиво глядел на Эутению, и в наступившем продолжительном молчании она вдруг растерялась.

— Секретарь Питт, — сказала она, — может быть, теперь вы захотите познакомиться с материалами?

— Нет, — ответил он, — меня удовлетворило все, что я услышал от вас. Ну а теперь я хочу задать вам несколько вопросов. Мне кажется, — если я правильно вас понял, — этой звездой девятнадцатой величины

едва ли может заинтересоваться кто-то еще — настолько, чтобы измерять ее параллакс и расстояние до нее.

— Вероятность этого близка к нулю.

— Можно ли каким-нибудь иным способом обнаружить эту тусклую звезду?

— Она будет перемещаться по небу очень быстро — для звезды, конечно. Если постоянно наблюдать за ней, можно заметить, что она перемещается примерно по прямой. Движение звезд трехмерно, а мы видим его в двухмерной проекции. Кропотливая работа.

— Как вы полагаете, может ли это смещение привлечь к себе внимание астрономов, если им вдруг случится его обнаружить?

— Едва ли они его заметят.

— Значит, вполне возможно, что о Звезде-Соседке известно только на Роторе — ведь, кроме нас, никто не посылал автоматических аппаратов в глубокий космос. Здесь вы специалист, доктор Инсигна. Что знают в поселениях и на Земле о Дальнем Зонде?

— Эти работы не засекречены, мистер секретарь. Другие поселения предоставляли нам научные приборы, мы даже информировали обо всем Землю, не слишком интересующуюся астрономией в последние годы.

— Да, они целиком положились на поселения — это разумно. Но что если другой Дальний Зонд, подобный нашему, был запущен каким-нибудь из поселений, решившим держать это дело в секрете?

— Сомневаюсь, сэр. Им потребовался бы гиперпривод, а сведения о нем в секрете. Если бы они сами сумели создать гипердвигатели, мы бы узнали об этом. Им пришлось бы производить в пространстве кое-какие эксперименты, что выдало бы их.

— В соответствии с соглашением по научным исследованиям, все данные, полученные Зондом, должны быть опубликованы. Значит ли это, что вы уже известили?..

— Нет, конечно, — с негодованием перебила его Инсигна. — До публикации необходимо провести более подробные исследования. А пока я располагаю лишь предварительными результатами, о которых и извещаю вас конфиденциально.

— Но вы же не единственный астроном, работающий с Дальним Зондом. Полагаю, вы уже успели проинформировать остальных?

Покраснев, Инсигна отвернулась. И сказала, словно защищаясь:

— Нет, я не сделала этого. Эти снимки обнаружила я. Я их исследовала и поняла, что они означают. И я хочу, чтобы честь открытия принадлежала мне. Есть только одна ближайшая к Солнцу звезда, и я хочу значиться в анналах науки как открывшая ее.

— Ну а если существует еще более близкая? — В первый раз за весь разговор Питт позволил себе улыбнуться.

— Об этом уже было бы известно. Даже о моей звезде знали бы давно — не окажись там крошечного облачка пыли. Ну а другая звезда, да еще более близкая — об этом нечего и говорить.

— Значит, так, доктор Инсигна. О Звезде-Соседке знаем лишь мы с вами. Я не ошибаюсь? И никто более?

— Да, сэр. Пока — вы и я.

— Не только пока. Все ваши сведения должны оставаться в секрете, пока я не решу сообщить о ней кое-кому.

— Но как же соглашение об открытом доступе к научной информации?

— Мы забудем о нем. Всякое правило имеет исключения. Ваше открытие касается безопасности нашего поселения. В данном случае мы вправе не обнародовать его. Молчим же мы о гиперприводе, не так ли?

— Но какое Звезда-Соседка может иметь отношение к безопасности Ротора?

— Самое прямое, доктор Инсигна. Вы, возможно, еще не поняли этого, но ваше открытие изменит судьбу всего рода человеческого.

5

Эугения застыла и молча уставилась на Питта.

— Садитесь. Теперь мы с вами соучастники, а заговорщикам следует дружить. Отныне с глазу на глаз вы для меня Эугения, а я для вас — Янус.

— Но это неудобно, — возразила Инсигна.

— Привыкнете, Эутения. Заговорщикам не до формальностей.

— Но я не собираюсь участвовать ни в каких тайных делах и хочу, чтобы вы это знали. Я не вижу смысла в том, чтобы держать в тайне информацию о Звезде-Соседке.

— По-моему, вы просто опасаетесь за свои права первооткрывателя.

Недолго поколебавшись, Эутения выпалила:

— Вы правы, Янус, клянусь самой последней микросхемой компьютера, я жажду известности.

— Давайте на миг забудем о существовании Звезды-Соседки, — проговорил он. — Вы знаете, что я давно уже предлагаю увести Ротор за пределы Солнечной системы? И что вы об этом думаете? Вам не хочется оставить Солнечную систему?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Хотелось бы, конечно, собственными глазами увидеть какой-нибудь астрономический объект — только страшновато немного.

— Страшно оставить дом?

— Да.

— Но вы же и не оставите его. Ротор и есть ваш дом. — Рука его описала полукруг. — И в странствие он отправится вместе с вами.

— Пусть так, мистер... Янус, но Ротор — это не все, что мы считаем своим домом. Здесь у нас соседи: другие поселения, планета Земля — да вся Солнечная система.

— Ну вот, сколько народу. Рано или поздно люди начнут разбредаться, хотим мы этого или нет. Когда-то на Земле люди преодолевали горные хребты, пересекали океаны. А два столетия назад земляне стали оставлять родную планету, чтобы жить в поселениях. То, что я предлагаю — просто очередное событие в нашей старой истории.

— Понимаю, но многие-то остались. И Земля не опустела. Там еще найдутся семьи, которые не покинули родных краев и живут на одном месте поколение за поколением.

— И вы собираетесь присоединиться к этим домо-седам?

— Мой муж Крайл относится к их числу, он не согласен с вами, Янус.

— У нас на Роторе каждый имеет право думать и говорить все что угодно — пусть ваш муж протестует на здоровье. Но вот о чем я хочу вас спросить — как вы думаете, куда можно отправиться из Солнечной системы, если мы все-таки решимся на это?

— Конечно, на альфу Центавра. Эта звезда считается ближайшей. Ведь даже с помощью гиперпривода мы не сможем двигаться быстрее скорости света — значит, на путешествие уйдет примерно четыре года. А к дальним звездам путь и того дольше. Но и четыре года — срок немалый.

— Ну, а если предположить, что мы смогли бы передвигаться быстрее — куда бы вы в таком случае направились?

Инсигна задумалась ненадолго, а потом проговорила:

— Наверное, все-таки на альфу Центавра. Все-таки она относительно недалеко. Даже звезды над ней по ночам такие же, как над Землей. Если захотим вернуться — путь недалек. Самая крупная звезда А в тройной системе альфы Центавра практически как две капли воды похожа на Солнце. Звезда В поменьше — но не намного. Даже если забыть о красном карлике — альфе Центавра С — это уже две планетные системы.

— Допустим, мы полетим к альфе Центавра, обнаружим там приемлемые условия и останемся, чтобы заселить новый мир, известив об этом Землю. Куда отправятся другие, решившие оставить Солнечную систему?

— Конечно, к альфе Центавра, — без колебаний отвечала Инсигна.

— Итак, место назначения очевидно. Значит, следом за нами неизбежно последуют остальные — и новый мир в конце концов станет таким же перенаселенным, как и старый. Много людей, много культур, много поселений, каждое с собственной экологической системой.

— Тогда настанет время осваивать другие звезды.

— Но, Эугения, где бы мы ни устроились — если мы устроимся с комфортом, за нами неизбежно потянутся соседи. Гостеприимное солнце, плодородная планета привлекут к себе толпы желающих.

— Да, наверное.

— Ну а если мы полетим к звезде, которая удалена от нас чуть больше чем на два световых года, — кто отправится следом, если о существовании этой звезды никому не известно, кроме нас?

— Никто, пока звезду не обнаружат.

— Но на это уйдет немало времени. А пока они устремятся к альфе Центавра и к другим, более далеким звездам. И не заметят красного карлика буквально у себя под носом. Ну а если его обнаружат — все подумают, что эта тусклая звездочка непригодна для жизни. Только никто в Солнечной системе не должен знать, что люди уже заинтересовались этой звездой.

Инсигна неуверенно взглянула на Питта.

— Но зачем все это? Хорошо, мы полетим к Звезде-Соседке, и об этом никто не узнает. И что дальше?

— А то, что мы сможем сами заселить весь этот мир. Если там есть пригодная для обитания планета...

— Но ее там нет. По крайней мере около красного карлика.

— Тогда мы воспользуемся сырьем, которое там найдем, и настроим множество новых поселений.

— Вы думаете, что там для нас окажется больше места?

— Да. Гораздо больше — если все человеческое стадо не ввалится туда следом за нами.

— У нас просто будет больше времени. Даже одно наше поселение когда-нибудь заполнит все пригодное для обитания пространство вокруг Соседки. Ну за пять столетий вместо двух. И что же?

— Эугения, в этом-то и вся разница. Пусть остальные толкнутся, сбиваются в кучу, пусть опять собираются вместе тысячи различных культур, порожденных Землей за всю ее скорбную историю. А нам пусть предоставят возможность побыть одним — тогда мы сумеем создать сеть поселений, общих по экологии и культуре. Ситуация изменится в нашу пользу: меньше хаоса — меньше анархии.

— Но и скучнее... К тому же меньше различий — ниже жизнеспособность.

— Ни в коей мере. Я уверен, что и внутри нашего общества возникнет разнообразие, но теперь уже на

общей основе. А посему наши поселения будут жизнеспособнее. Но даже если я ошибаюсь, подобный эксперимент стоит провести. Почему бы тогда нам первым не выбрать себе звезду, не проверить, сработает ли подобная схема? Лучше сразу отдать предпочтение красному карлику, на который никто не позарится, а там посмотрим, сумеем ли мы построить возле него новое общество, более совершенное, чем было до нас. Разве не стоит проверить, на что способны люди, — продолжал он, — когда им не приходится тратить энергию на поддержание бесполезных культурных различий в условиях чуждой внешней среды.

Слова эти взволновали Инсигну. Даже если Янус не прав — человечество убедится, что таким путем следовать нельзя. Ну а если все получится?

Но она покачала головой.

— Пустые мечтания. Соседку быстро обнаружат. Даже если мы утаим сведения о ней.

— Эугения, будьте откровенны: ваше открытие состоялось случайно. Просто вам посчастливилось заметить звезду — ну случилось так, что вы сравнили два снимка одного участка неба. Но ведь вы могли и не заметить эту точку. Неужели другие не могут не обратить внимание на нее?

Инсигна промолчала, но выражение ее лица удовлетворило Питта.

Его голос стал тихим, вкрадчивым.

— Даже если в нашем распоряжении окажется только одно столетие, всего сто лет, чтобы построить новое общество — мы все равно успеем вырасти и окрепнуть. И сумеем защитить себя, когда остальные бросятся на поиски. Мы будем уже достаточно сильны, чтобы не прятаться.

И снова Инсигна не ответила.

— Ну, убедил я вас? — спросил Питт.

— Не совсем. — Она словно очнулась.

— Тогда поразмыслите. Я хочу вас кое о чем попросить. Пока вы обдумываете мое предложение, не говорите никому о Звезде-Соседке, а все материалы о ней отдайте мне на хранение. Они будут целы. Я обещаю. Они понадобятся нам, если мы решим отправиться туда. Ну как, Эугения, способны вы на подобную малость?

— Да, — ответила она тихо. И восторженно: — Кстати, чуть не забыла. Я имею право дать звезде имя. Это моя звезда, и я назову ее...

Питт улыбнулся.

— И как же вы предлагаете именовать ее? Звездой Эугении?

— Нет. Я все-таки не дура. Я хочу назвать ее Немезидой.

— Немезидой? Не-ме-зи-дой?

— Да.

— Почему?

— Уже в конце двадцатого столетия считали, что у Солнца должна быть звезда-спутница. Но тогда ее обнаружить не смогли. Самую близкую соседку Солнца так и не разыскали, но в статьях ее называли Немезидой. Мне хотелось бы почтить таким образом память ученых, догадавшихся о ее существовании.

— Но Немезида? Ведь это же какая-то греческая богиня... с довольно скверным характером.

— Это богиня возмездия, законного отмщения, неотвратимой кары. Прежде ее имя широко использовалось в литературе. Теперь мой компьютер снабдил его пометкой — архаическое.

— Ну а почему же предки называли звезду Немезидой?

— Они связывали ее с кометным облаком. Они считали, что, обращаясь вокруг Солнца, Немезида возмущает движение комет, в результате чего те падают на Землю. Дело в том, что подобные удары из космоса регулярно губили жизнь нашей планеты каждые двадцать шесть миллионов лет.

— В самом деле? — Питт казался удивленным.

— Ну, не совсем так. Эта гипотеза не подтвердилась, но тем не менее я хочу, чтобы звезда называлась именно Немезидой. И еще я хочу, чтобы в анналы была внесена запись о том, что именно я дала ей имя.

— Это я могу обещать вам, Эугения. Вы открыли ее — так и будет отмечено в нашей истории. Ну а когда человечество, от которого мы сбежим, обнаружит свою, так сказать, немезидийскую ветвь, оно узнает и о первооткрывательнице. Ваша звезда, ваша Немезида, окажется первой, которой суждено будет восходить

над поселениями оставивших Солнечную систему людей.

...Глядя в спину уходившей Эугении, Питт ощущал уверенность: она не подведет. Он позволил ей дать звезде имя — жест великодушный и хитроумный. Теперь она будет стремиться к своей звезде. И конечно же, будет заинтересована в том, чтобы возле нее выросла цивилизация, подчиняющаяся логике и порядку, способная заселить всю Галактику.

И тут, не успев вкусить блаженства от воображаемой картины светлого будущего, Питт ощутил, как сердце стиснул ужас, прежде незнакомый ему.

Почему именно Немезида? Отчего Инсигна вдруг вспомнила имя богини возмездия?

И чтобы не поддаться слабости, он постарался не думать об этом, как о недобром предзнаменовании.

Глава 3

МАТЬ

6

Время было обеденное, и Инсигна находилась в таком расположении духа, когда чуточку побаивалась собственной дочери.

В последнее время подобное случалось все чаще, но почему — она не знала сама. Быть может, потому, что Марлена становилась все молчаливее, все чаще уходила в себя, вечно была погружена в какие-то размышления, слишком личные, чтобы о них можно было говорить.

Иногда смятение и опаска мешались в душе Инсигны с чувством вины: во-первых, ее материнское терпение часто бывало безгранично, во-вторых, она прекрасно видела физические недостатки дочери. Ни спокойное обаяние матери, ни буйная привлекательность отца не передались Марлене.

Девочка была невысока и плохо сложена. Нескладеха — так про себя Инсигна называла бедняжку Марлену.

Да, бедная девочка — слова эти не шли у матери из головы и вечно просились на язык.

Невысокая, нескладная. Плотная — но не жирная. Такова была ее девочка. Ни капли изящества. Темно-каштановые волосы прямые и достаточно длинные. Нос чуть бульбочкой, уголки рта слегка опущены, маленький подбородок — и эта вечная углубленность в себя.

Прекрасными были только глаза: огромные, черные, горящие; четкие темные дуги бровей, а длинные ресницы даже казались искусственными. Но всего прочего

одни глаза не могли компенсировать, как бы ни очаровывал их взгляд.

Когда Марлене исполнилось пять лет, Инсигна стала понимать, что особо привлекательной для мужчин дочь никогда не будет, и с каждым годом она все больше убеждалась в этом.

Кое-какое внимание уделял девочке Ауригел, которого привлекали ее не по годам развитый интеллект и способность все схватывать на лету. В его присутствии Марлена держалась застенчиво, однако чувствовалось, что общение с ним доставляет ей удовольствие. Она смутно догадывалась, что в объекте, называемом «мальчишкой», может обнаружиться нечто неотразимо привлекательное, хоть и не понимала еще, что именно.

Правда, в последние два года Инсигне стало казаться, что Марлена сумела досконально разобраться, что такое «мальчик». Дочь без разбора поглощала книги и фильмы, слишком взрослые, если не для ума, то во всяком случае для тела — они-то и внесли полную ясность. Но рос и Ауригел: он уже начинал поддаваться под власть гормонов, и разговорчики понемногу перестали привлекать его.

В тот вечер за обедом Инсигна поинтересовалась:

— Ну, как прошел день, дорогая?

— Как обычно. Приходил Ауригел — по-моему, он все сам тебе рассказал. Извини, что я заставила себя разыскивать.

Инсигна вздохнула.

— Видишь ли, Марлена, мне иногда кажется, что ты грустишь, и мое беспокойство вполне извинительно. По-моему, ты проводишь в одиночестве слишком много времени.

— Я люблю быть одна.

— Не притворяйся. Радости на твоем лице не видно. Многие ребята охотно подружились бы с тобой, да и тебе было бы веселее. Ведь Ауригел — твой приятель.

— Был. Теперь его интересуют другие. Сегодня я в этом убедилась. И возмутилась. Представь себе, он торопился к Долоретте.

— Нельзя на него за это сердиться, — ответила Инсигна. — Ты же знаешь, Долоретта его ровесница.

— По возрасту, — выпалила Марлена, — но она такая глупая.

— В этом возрасте внешность имеет значение.

— Вот он и доказал это. Значит, и сам такой же глупый, как она. И чем больше он облизывается на Долоретту, тем легче становится его собственная голова. Это видно.

— Марлена, он повзрослеет и, может быть, сумеет понять, что в человеке по-настоящему важно. Ты ведь сама взрослеешь и тоже станешь...

Марлена загадочно поглядела на Инсигну и произнесла:

— Не надо, мам: ты сама не веришь в то, что хочешь сказать. Даже на минутку.

Инсигна покраснела. Она-то думала, что дочь не догадывается об этом. А она, оказывается, знает — но откуда? Инсигна говорила совершенно естественным тоном, искренне, пытаясь ощутить свою искренность. Но Марлена видела ее насквозь. И не впервые. Инсигна подозревала, что Марлена умеет улавливать интонации, мгновения нерешительности, жесты — и по ним всегда узнавала то, чего ей не следовало бы знать. Вот эти способности дочери и пугали Инсигну. Никто не хочет оказаться прозрачным как стеклышко для осуждающих глаз.

Ну например, что же такого она сказала Марлене, из чего дочка сделала вывод, что Земля обречена? Придется выяснить и обдумать.

Инсигна вдруг ощутила усталость. Ей Марлену не провести — стоит ли пытаться?

— Хорошо, ближе к делу, — проговорила Инсигна. — Чего ты хочешь?

— Я вижу, что ты и в самом деле хочешь узнать это, — ответила Марлена. — И только поэтому скажу. Я хочу уехать отсюда.

— Уехать отсюда? — Инсигна не могла уразуметь смысла этих простых слов. — Куда же ты хочешь уехать?

— Мама, на свете существует не только Ротор.

— Конечно. Но на два световых года вокруг ничего нет.

— Нет, мама, ты не права. До Эритро меньше двух тысяч километров.

— Это ничего не значит. Там нельзя жить.

— Но ведь там живут люди.

— Да, под Куполом живут ученые и инженеры, занятые важной научной работой. Но ведь Купол много меньше Ротора. Если тебе здесь тесно, то каково покажется там?

— Там за пределами Купола будет Эритро. Когда-нибудь люди расселятся по всей планете.

— Возможно. Но в этом нельзя быть уверенным.

— А я уверена.

— Все равно на это уйдут столетия.

— Пора начинать — почему я не могу быть среди первопроходцев?

— Марлена, ты смешна. У тебя здесь уютный дом. Когда это пришло тебе в голову?

Марлена поджала губы, а потом сказала:

— Я не уверена, но, пожалуй, несколько месяцев назад, и становится все хуже. Я просто уже не могу оставаться на Роторе.

Поглядев на дочь, Инсигна нахмурилась: девочка понимает, что потеряла Ауринала, сердце ее разбито, она хочет уехать отсюда, чтобы наказать его. Вот, мол, будет она горевать в одиночестве посреди безжизненной пустыни, и ему станет стыдно...

М-да, такого нельзя исключить. Эугения вспомнила себя в пятнадцать лет. Нежное сердечко... малейшее переживание способно разбить его. Правда, сердечные раны в таком возрасте заживают быстро, да только юной девушке в это не поверить. Пятнадцать лет! Это потом, потом только...

Да что попусту думать об этом!

— Так чем же, Марлена, тебя так привлекает Эритро?

— Даже не знаю. Она такая огромная... Человек должен жить в огромном мире — разве это не естественно? — Поколебавшись, она нерешительно добавила: — Таким, как Земля!

— Как Земля! — с укоризной отозвалась Эугения. — Ты ничего не знаешь о ней. Ты никогда ее не видела!

— Я много видела, мама. В библиотеке полно фильмов о Земле.

Это верно. Питт даже собирался изъять их и уничтожить. Он намеревался бежать из Солнечной системы, бежать навсегда, — и любые романтические воспоминания о родной планете мешали ему. Инсигна тогда решительно возражала, но теперь ей стал ясен смысл тогдашних намерений Питта.

— Марлена, не придавай им большого значения, — сказала она. — В фильмах все идеализировано. И по большей части они рассказывают о далеком прошлом. Тогда дела на Земле еще не обстояли так скверно, но и в те времена там было не так уж хорошо.

— Даже тогда?

— Даже тогда. Знаешь ли ты, на что теперь похожа Земля? Это просто дыра, в которой невозможно жить. Поэтому люди покидают ее и строят поселения; они оставляют огромный и ужасный мир, чтобы жить в цивилизованных условиях, и никто из них не хочет возвращаться.

— На Земле еще живут миллиарды людей.

— Именно поэтому там невозможно жить. Все, кто мог, уже переселились. Вот почему сейчас столько поселений и все они перенаселены. Вот почему мы здесь, дорогая.

— Отец землянин, и он остался там, хотя мог быть здесь, — тихо сказала Марлена.

— Да, он остался, — хмуро согласилась Эугения, пытаясь говорить ровным голосом.

— Почему же, мама?

— Хватит, Марлена. Мы уже говорили об этом. Многие предпочли остаться дома. Просто не хотели покидать родные края. Почти у всех роториан на Земле остались родные. Ты это прекрасно знаешь. Ты хочешь вернуться на Землю? Так?

— Нет, мама, вовсе нет.

— Впрочем, даже если бы ты и хотела, до нее целых два световых года. Ты это должна понимать.

— Конечно, я понимаю. Я просто хочу напомнить тебе, что рядом есть вторая Земля. Это Эритро. Я хочу туда, я стремлюсь туда.

Инсигна не сумела сдержаться. Почти с ужасом она услышала собственные слова:

— Значит, и ты хочешь бросить меня, как твой отец? Марлена вздрогнула.

— Мама, неужели это правда, что он бросил тебя? Мне кажется, все сложилось бы по-другому, если бы ты повела себя иначе. — И спокойно добавила: — Ведь ты сама прогнала его, мама.

Глава 4

ОТЕЦ

7

Странно — а может, глупо, — но воспоминания эти даже теперь, после четырнадцати лет разлуки, все еще причиняли ей невыносимую боль.

Крайл был высок — за метр восемьдесят, тогда как рост мужчин на Роторе в среднем не превышал метра семидесяти. Благодаря этому преимуществу он — как и Янус Питт — казался сильным и властным. Это впечатление долго обманывало Эугению, и она не скоро поняла, что на его силу нельзя положиться.

У него был прямой нос, резко очерченные скулы, сильный подбородок — и страстный суровый взгляд. Он словно источал мужественность. Эугения ощутила ее аромат при первой встрече и сразу же покорилась.

Инсигна тогда заканчивала астрономический факультет на Земле. Ей хотелось поскорей вернуться на Ротор и заняться работой, связанной с Дальним Зондом. Она знала, что эта работа предполагает широкие исследования космоса, но даже не подозревала, какое ошеломляющее открытие предстоит сделать ей самой.

Тогда-то она и познакомилась с Крайлом и, к собственному смятению, безумно влюбилась... в землянина. Подумать только — в землянина! И уже почти решила выбросить из головы мечты о Дальнем Зонде и остаться на Земле, с ним.

Эугения помнила, как Крайл удивленно посмотрел на нее и сказал:

— Остаться здесь... со мной? А мне бы хотелось уехать с тобой на Ротор.

Она и подумать не смела, что он готов променять свой огромный мир на ее крохотный мирок.

Как Крайлу удалось добиться разрешения жить на Роторе, Инсигна не знала, да так никогда и не узнала.

Иммиграционные законы были весьма строги. Как только очередное поселение заканчивало набор необходимого числа людей, въезд немедленно ограничивался: во-первых, потому, что поселения могли обеспечить комфортом лишь ограниченное число жителей, а во-вторых, каждое из них отчаянно стремилось сохранить внутреннее экологическое равновесие. Люди, прибывавшие с Земли или из других поселений по необходимости, подвергались тщательной дезинфекции, а иной раз отправлялись в карантин. И едва гости заканчивали свои дела, их немедленно выпроваживали.

Крайл тоже был гостем. Однажды он посетовал на то, что ему предстоит провести в карантине несколько недель, и Эугения втайне обрадовалась его настойчивости. Значит, она и в самом деле нужна ему, раз он идет на все.

Но временами он казался ушедшим в себя, невнимательным, и тогда Эугения начинала гадать, что именно погнало его на Ротор, несмотря на все препятствия. Может быть, причина не в ней? Что если он преступник? Или у него есть опасные враги? А может быть, ему просто надоела земная женщина и он сбежал от нее? Спросить она не решалась.

Сам он никогда не говорил об этом.

Но и после того как Крайл обосновался на Роторе, оставалось неясным, как долго ему удастся там пробыть. Иммиграционное бюро специальным разрешением предоставило Крайлу гражданство, что для Ротора было событием экстраординарным.

Все, что делало общество Крайла Фишера неприемлемым для роториан, казалось Инсигне дополнительным поводом для восхищения им. Земное происхождение придавало ему блеск и неординарность. Истинной роторианке следовало презирать чужака, но Эугения находила в этом даже источник эротического возбуж-

дения. И решила биться за Крайла с враждебным миром — и победить.

Когда Крайл стал подыскивать себе работу — чтобы зарабатывать и как-то устроиться в новом для него обществе, — она намекнула ему, что женитьба на роторианской женщине — роторианке в третьем поколении — может заставить бюро иммиграции предоставить ему все права гражданина.

Крайл поначалу удивился, словно прежде это ему и в голову не приходило, но потом как будто обрадовался. Инсигна же почувствовала некоторое разочарование. Одно дело — выходить замуж по любви, другое — ради того, чтобы муж получил гражданство. Но она сказала себе: ничего, за все приходится платить.

И после подобающей по роторианским обычаям долгой помолвки они поженились.

Жизнь пошла прежним чередом. Он не был страстным любовником — впрочем, как и до свадьбы. Но относился к ней неизменно ласково и внимательно, и это не давало остыть счастью в ее душе. Он никогда не был груб, а тем более жесток. Кроме того, Инсигна помнила, что муж оставил ради нее свой мир и преодолел множество препятствий, чтобы иметь возможность жить вместе с нею. Все это, конечно, свидетельствовало в пользу его чувств.

Несмотря на то что Крайл стал полноправным гражданином, в душе его все-таки оставалась какая-то неудовлетворенность. Инсигна видела это, но не могла осуждать мужа. Гражданство — гражданством, но поскольку он не был рожден роторианином, ряд интересных областей деятельности по-прежнему был закрыт для него. Она не знала, чему его учили там, на Земле; сам же он никогда не рассказывал, какое образование получил. Но в разговоре недостатка образованности не обнаруживал. Впрочем, он мог быть и самоучкой: Инсигна успела узнать, что на Земле высшее образование не считается обязательным, как у роториан.

Вот это-то и смущало ее. Не то, что Крайл Фишер был землянином — тут она могла смело глядеть в лицо друзьям и коллегам, когда об этом заходила речь. Но вот то, что он мог оказаться необразованным землянином...

Но никто не делал никаких намеков, а Крайл терпеливо выслушивал рассказы Эутении о работе Дальнего Зонда. Правда, она так и не рискнула проверить его знания, заведя какой-нибудь разговор о технике. Впрочем, иногда он задавал ей вопросы по делу или отпускал вполне уместные замечания. Ей это было приятно, поскольку его слова вполне могли принадлежать человеку интеллигентному.

Фишер работал на одной из ферм — занятие вполне уважаемое, более того — из числа важнейших, но, увы, занимавшее место почти в самом низу социальной шкалы. Он не возмущался и не жаловался жене — ведь без ее помощи он не смог бы попасть даже туда, — но и не обнаруживал удовлетворения. О своей работе он не рассказывал, но Эутения замечала в нем смутное недовольство.

И поэтому она привыкла обходиться без фраз вроде: «Привет, Крайл. Ну, как дела на работе?»

То есть поначалу она задавала такие вопросы, но ответ был неизменно один: «Ничего особенного» — и короткий досадливый взгляд.

Наконец и она перестала сообщать ему во всех подробностях мелкие служебные дразги и сплетни. Ведь даже такие мелочи могли дать ему повод для неприятных сравнений.

Инсигна убеждала себя, что страхи ее преувеличены и свидетельствуют скорее о ее собственной неуверенности в себе. Вечерами, когда она приступала к описанию дневных трудов, Фишер слушал ее, не обнаруживая нетерпения. Несколько раз без особого интереса он расспрашивал ее о гиперприводе, но Инсигна знала о нем немного.

Политические перипетии на Роторе интересовали Крайла — Впрочем, мелочную возню колонистов он воспринимал с высокомерием истинного землянина. Эутения старалась помалкивать, чтобы муж не заметил ее неудовольствия.

И в конце концов между ними пролегло молчаливое отчуждение, которое иногда нарушали короткие разговоры о просмотренных фильмах, общих знакомых, мелких жизненных проблемах.

Она не считала себя несчастной. Пирожное превратилось в белый хлеб — однако есть вещи куда менее вкусные, чем пышный батон.

Были в этом и свои преимущества. Заниматься секретными делами — значит не говорить о них никому, — но кто сумел бы не проболтаться, лежа рядом с женой или мужем? Впрочем, Инсигне это почти не грозило — так мало секретного было в ее работе.

Но, когда открытие Звезды-Соседки вынужденно и совершенно неожиданно для Эутении угодило под спуд — как только сумела она сдержаться? Естественные побуждения требовали иного: немедленно похвастаться перед мужем, обрадовать его тем, что она совершила важное открытие и имя ее не исчезнет со страниц учебников астрономии, пока живо человечество. Она могла бы рассказать ему все еще до разговора с Питтом. Могла просто попрыгать перед ним на одной ножке: «Угадай-ка! Угадай-ка! Ни за что не угадаешь!»

Но она не сделала этого. Просто не сообразила, что Фишер может заинтересоваться. Может быть, он разговаривал о работе с другими — с фермерами или жестянщиками, — но не с ней...

Поэтому она даже не обмолвилась ему о Немезиде. И разговоров об этом не было до того ужасного дня, когда рухнула их семейная жизнь.

8

Когда же она полностью перешла на сторону Питта?

Поначалу мысль о том, что существование Звезды-Соседки нужно держать в секрете, смущала Инсигну; она не хотела покидать Солнечную систему ради звезды, о которой не было известно почти ничего, кроме положения в пространстве. Она считала незачинным и бесчестным создавать новую цивилизацию втайне от всего человечества.

Но этого требовала безопасность поселения, и Инсигна сдалась. Однако она намеревалась бороться с Питтом и при любой возможности противоречить ему. Аргументы свои она отточила настолько, что, на ее взгляд, они сделались абсолютно безукоризненными и неопровержимыми, но... ей пришлось оставить их при себе.

Питт всегда успевал перехватить инициативу.

Как-то раз он сказал ей:

— Эутения, вы наткнулись на Звезду-Соседку в известной мере случайно, и ничто не мешает вашим коллегам сделать то же самое.

— Едва ли... — начала она.

— Нет, Эутения, не будем полагаться на вероятность. Нам необходима уверенность. Вы сами последите, чтобы никто даже шагу не сделал в опасную сторону, к материалам, которые могут выдать положение Немезиды.

— Как же я смогу это сделать?

— Очень просто. Я беседовал с комиссаром, и вы теперь будете возглавлять все работы по исследованиям Дальнего Зонда.

— Но это значит, что я перескочила...

— Да. У вас повысилась ответственность, зарплата, общественный статус. Чем вы недовольны?

— Я не думаю возражать, — ответила Инсигна, ощущая тяжелые удары своего сердца.

— Уверен, что с обязанностями главного астронома вы справитесь самым лучшим образом, но главная ваша цель будет заключаться в том, чтобы все астрономические исследования производились с высочайшим качеством и максимальной эффективностью и при этом не имели бы никакого отношения к Немезиде.

— Но, Янус, разве можно утаить такое открытие?

— Я и не собираюсь этого делать. Сразу же, как только выйдем из Солнечной системы, все узнают, куда мы направляемся. Но до тех пор знать о Немезиде должны немногие — и чем позже они узнают о ней, тем лучше.

Повышение в должности, не без стыда отметила Инсигна, лишило ее желания возражать.

В другой раз Питт поинтересовался:

— А как у вас с мужем?

— В каком смысле? — немедленно перешла в оборону Инсигна.

— По-моему, он — землянин?

— Он родился на Земле, но стал гражданином Ротора. — Инсигна поджала губы.

— Понимаю. Значит, вы ничего не рассказывали ему о Немезиде?

— Совершенно ничего.

— А этот самый муж никогда не говорил вам, почему он оставил Землю и что ему понадобилось на Роторе?

— Нет. Да я и не спрашивала.

— Неужели вас это вовсе не интересует?

Поколебавшись, Инсигна призналась:

— Конечно же — иногда.

— Тогда, быть может, я смогу кое-что объяснить вам, — улыбнулся Питт.

Так он и сделал — постоянно, понемногу, не навязчиво, не оглушая, во время каждого разговора. Речи его вывели Инсигну из оболочки, в которой она замкнулась. В конце концов, если живешь на Роторе, приходится и воспринимать все по-роториански.

Но благодаря Питту, тому, что он рассказывал, тем фильмам, которые он советовал ей посмотреть, она наконец составила верное представление о Земле и миллиардах людей, ее населяющих, о вечном голоде и насилии, о наркотиках и умопомешательстве. И Земля стала казаться ей бездной, полной ужасов, от которой следовало бежать как можно дальше. Она больше не удивлялась, почему Крайл Фишер оставил планету — она думала, почему так мало землян последовали его примеру.

Правда, сами поселения были немногим лучше. Теперь она поняла, как замкнуты эти мирки, жители которых не имеют возможности свободно передвигаться в космосе. Каждое поселение боялось заразы, чуждой микрофлоры и фауны. Торговля медленно отмирала, а если где и велась, то в основном с помощью автоматических кораблей, перевозивших тщательно простерилизованные грузы.

Поселения ссорились и враждовали. Околомарсианские поселения были не лучше прочих. Только в поясе астероидов поселения пока еще беспрепятственно умножались, тем самым навлекая на себя растущую неприязнь всех обитавших ближе к Солнцу.

И Инсигна все чаще внутренне соглашалась с Питтом, она почувствовала желание бежать из этой нестерпимой нищеты — чтобы заложить основы новой цепи

миров, где не будет места страданию. Новое начало, новые возможности.

А потом выяснилось, что она беременна, и энтузиазм немедленно начал улетучиваться. Одно дело — рисковать собой и мужем, другое — подвергать опасности собственное дитя.

Но Питт был невозмутим. Он поздравил ее:

— Ребенок родится здесь, у Солнца, и вам хватит времени привыкнуть к младенцу. К тому времени, как мы подготовимся к пути, ему исполнится годика полтора. А потом вы и сами поймете, какое это счастье, что не пришлось ждать дольше. Ваше дитя и знать не будет об участи загубленной родом людским планеты, об отчаянии, разделившем людей. Ребенок будет знать только свой новый мир — культурный, в котором все его обитатели будут понимать друг друга. Какой везучий ребенок, какой счастливый ребенок. Не то что мои сын и дочь — они уже выросли, и оба отмечены этой печатью.

И Эутения вновь воспрянула духом. И когда родилась Марлена, она уже начала опасаться всяких задержек, чтобы неудачники, заплонившие всю Солнечную систему, не смогли заразить девочку своей бестолковостью.

К тому времени она уже полностью разделяла взгляды Питта.

Ребенок, к большому облегчению Инсигны, словно приворожил Фишера. Она и не предполагала, что Крайл окажется таким хорошим отцом. Он буквально не давал на нее пылинке упасть и охотно взял на себя свою долю отцовских забот. Даже вдруг сделался жизнерадостным.

Когда Марлене было около года, по Солнечной системе вдруг поползли слухи, что Ротор собирается в путь. Известие взбудоражило едва ли не всю систему, а Питт, уже явно метивший в комиссары, зловеще усмехался.

— Ну что они могут сделать? Чем они могут остановить нас? Весь этот околосолнечный шовинизм; все эти обвинения в нелояльности лишь приведут к свертыванию исследований гиперпривода в других поселениях, что только послужит нашим целям.

— Но как они сумели узнать об этом? — удивилась Инсигна.

— Об этом позаботился я, — улыбнулся он. — Теперь я не против, пусть знают, что мы улетаем, ведь им неизвестно, куда мы направляемся. В конце концов скрывать это больше нельзя. Мы должны провести всеобщее голосование, а когда все роториане узнают о предстоящем отлете, узнает о нем и Солнечная система.

— Голосование?

— Конечно — а почему нет? Подумайте, разве можно улетать с таким количеством людей, которые боятся оказаться вдали от Солнца или будут тосковать без него? Так мы с нашим делом не справимся. Нам нужны добровольцы, и к тому же ретивые. Идея отлета должна получить всеобщее одобрение.

Он был абсолютно прав. Кампания началась немедленно, а преднамеренная утечка информации смягчила напряженность как внутри Ротора, так и за его пределами.

Одни роториане радовались предстоящему событию, другие боялись.

Когда Фишер обо всем узнал, он помрачнел и однажды сказал жене:

— Это безумие.

— Неизбежное безумие, — поправила его Инсигна, стараясь говорить спокойно.

— Почему? Почему мы должны скитаться среди звезд? И куда нам лететь? Там же нет ничего.

— Там миллиарды звезд...

— А сколько планет? Ведь мы даже не знаем, есть ли вообще планеты возле других звезд, не говоря уж о пригодных для обитания. Только Солнечная система может быть домом для людей Земли.

— Любопытство в крови человека. — Это было одно из высказываний Питта.

— Романтическая чушь. Неужели никто здесь не понимает, что на голосование поставлено предложение: трусливо сбежать, бросить человечество и кануть в космической дали.

— Крайл, насколько я понимаю, — сказала Инсигна, — общественное мнение на Роторе склоняется к тому, чтобы принять это предложение.

— Пропаганда совета. Неужели ты считаешь, что народ проголосует за то, чтобы оставить Землю? Чтобы оставить Солнце? Никогда. Если такое случится — мы вернемся на Землю.

Она почувствовала, как ее сердце замерло.

— Нет-нет, неужели с тебя не хватит этих ваших самумов, буранов и мистралей — или как они там называются? Тебе хочется, чтобы на голову падали льдинки, шел дождь, чтобы выл ветер?

— Все это не так уж и плохо. — Высоко подняв брови, он посмотрел на жену. — Верно, бывают бури, но их легко предсказать. Между прочим, они даже интересны — если не слишком сильны. Это даже здорово: немного холода, немного жары, немного дождя. Разнообразие. Бодрит. И потом — подумай, как разнообразна земная кухня.

— Кухня? Что ты болтаешь? Люди на Земле голодают. Мы вечно отправляем туда корабли с продовольствием.

— Да, некоторые голодают, но ведь не все.

— И ты хочешь, чтобы Марлена выросла в подобных условиях?

— Так выросли миллиарды детей.

— Моей девочки среди них не будет, — отрезала Инсигна.

Теперь все надежды ее заключались в Марлене. Девочке уже было десять месяцев, и у нее прорезалось по два передних зуба, сверху и снизу. Цепляясь за прутья манежа, она вставала на ножки, взирая на мир круглыми, изумленными, озаренными несомненным умом глазами.

Фишер души не чаял в своей дурнушке-дочурке. Когда девочка не сидела у него на руках, он возился с нею, любовался и восхищался дивными глазками. Больше восхищаться было нечем, и единственное достоинство заменяло отцу все остальные.

Конечно же, Фишер не станет возвращаться на Землю, понимая, что это означает вечную разлуку с Марленой. Инсигна не была уверена, что, будучи поставлен

перед выбором, Крайл выберет ее, женщину, которую любил и на которой женился, — а не Землю... Впрочем, Марлена непременно заставит его остаться.

Непременно?

9

Через день после голосования, придя с работы, Эутения Инсигна застала своего мужа в ярости. Задыхаясь от гнева, он произнес:

— Результаты голосования сфальсифицированы.

— Тише, ребенка разбудишь, — ответила она.

Крайл попытался прийти в себя.

Чутьочку расслабившись, Инсигна сказала:

— Теперь можно не сомневаться в том, чего желают роториане.

— И ты тоже голосовала за бегство?

Она помедлила. Лгать бессмысленно. К тому же она уже выразила свое мнение.

— Да, — подтвердила она.

— Питт приказал, еще бы, — буркнул Крайл.

Она удивилась:

— При чем здесь Питт? Неужели я не способна сама принять решение?

— Но ты и он... — Фишер умолк.

Кровь бросилась ей в лицо:

— Что ты хочешь этим сказать?

(Неужели он подозревает ее в неверности?)

— Что? А то, что он — политикан. И стремится стать комиссаром любой ценой, а ты хочешь подняться, уцепившись за него. За политическую лояльность тоже платят, не так ли?

— И куда же я, по-твоему, мечу? Как будто некуда. Я астроном, а не политик.

— Тебя же повысили — пренебрегая при этом более старшими, более опытными.

— Наверное, я хорошо работаю...

(Как ей теперь защитить себя, не выдав истину?)

— Не сомневаюсь, что тебе самой нравится эта мысль. Но все дело в Питте.

— Так куда же ты клонишь? — вздохнула Инсигна.

— Слушай! — Крайл говорил негромко, помня, что Марлена спит. — Не верю я, что все поселение готово

рискнуть жизнью, отправляясь в путь с этим гиперприводом. Откуда вам известно, как дело обернется? Откуда вы знаете, как он сработает? А что если мы все погибнем?

— Дальний Зонд работает прекрасно.

— А живые существа на нем были? Если нет, откуда вам знать, как воздействует гиперпривод на живой организм? Что тебе известно о нем?

— Ничего.

— Как же так? Ты ведь работаешь в лаборатории, а не на ферме.

Ревнует, решила Инсигна. И сказала:

— Ты думаешь, что все работники лаборатории сидят в одной комнате. Я уже говорила тебе: я астроном и ничего не знаю о гиперприводе.

— Значит, Питт ничего тебе не рассказывал?

— О гиперприводе? Он и сам не знает, что это такое.

— Ты хочешь убедить меня, что никто из вас о нем ничего не знает?

— Отчего же — специалисты по гиперпространству знают все. Те, кому положено знать — знают. Остальным это ни к чему.

— Значит, гиперпривод — секрет для всех, кроме горстки специалистов?

— Совершенно верно.

— Тогда нельзя быть уверенным в безопасности гиперперелета, нельзя полагаться на одних специалистов по гиперпространству. Они-то как, по-твоему, могли убедиться в этом?

— Думаю, они проводили необходимые эксперименты.

— Ты предполагаешь...

— Вполне разумное предположение. Они утверждают, что перелет безопасен.

— Ты думаешь, что они не способны на ложь?

— Кстати, они тоже полетят. И я уверена, что такие эксперименты проводились.

Прищурившись, Крайл посмотрел на жену:

— Значит, уже уверена. Конечно, Дальний Зонд — твое детище. Так были на его борту живые существа или нет?

— Я же не имела отношения к обеспечению полета. Я ознакомлена лишь со всеми астрономическими материалами. — Инсигна потеряла терпение. — Знаешь что, мне не нравится этот спор, да и ребенок уже ворочается. Теперь у меня к тебе пара вопросов. Что ты собираешься делать? Летишь с нами или нет?

— Я не обязан лететь. Условия голосования таковы: всякий, кто не хочет, может не лететь.

— Я знаю, что ты не обязан, но как ты поступишь? По-моему, не стоит разрушать семью.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла неубедительной.

— Но я не хочу оставлять Солнечную систему, — медленно и угрюмо проговорил Фишер.

— Значит, лучше оставить меня и Марлену?

— Зачем нам с Марленой разлучаться? Если ты намерена рисковать — при чем тут ребенок?

— Если полечу я, полетит и Марлена, — твердо произнесла Эугения. — Пойми это, Крайл. Куда ты с ней подашься? В недостроенное поселение на астероидах?

— Конечно, нет. Я родом с Земли и всегда могу вернуться туда.

— Это на гибнущую-то планету? Блестящая мысль.

— Уверяю тебя, до ее гибели осталось еще о-го-го сколько.

— Зачем же ты тогда покинул ее?

— Я думал, что здесь мне будет лучше. Я не знал, что покупаю себе билет в никуда без возврата.

— Не в никуда, — не выдержала Инсигна. — Если бы ты только знал, куда мы отправляемся, то не стал бы так торопиться на Землю.

— Почему? Куда летит Ротор?

— К звездам.

— К забвению.

Они посмотрели друг на друга. В этот момент Марлена открыла глаза и спросонья пискнула. Взглянув на ребенка, Фишер смягчился.

— Эугения, нам незачем расставаться. Я не собираюсь разлучаться с Марленой. И с тобой тоже. Давай вернемся вместе.

— На Землю?

— Да. А почему бы и нет? У меня там остались друзья. У моей жены и дочери не будет никаких проблем. Все ваши здешние экологические балансы Землю не волнуют. Лучше жить на огромной планете, чем в крошечном вонючем пузыре посреди космоса.

— Твоя планета просто до предела раздувшийся вонючий пузырь. Нет-нет, никогда.

— Тогда позволь мне взять Марлену с собой. Это для тебя путешествие оправдывает всякий риск. Ты ведь астроном, тебе нужна Вселенная для твоих работ, но ребенок пусть останется у Солнца, в безопасности и покое.

— Это на Земле-то? Не смей меня. Зачем ты затеял этот разговор? Чтобы отобрать у меня моего ребенка?

— Нашего ребенка.

— Моего. Ступай куда хочешь. Я не хочу больше видеть тебя. И не смей трогать ребенка. Ты сказал, что я в хороших отношениях с Питтом — так оно и есть. А значит, я могу устроить так, чтобы тебя отправили в пояс астероидов, хочешь ты того или нет. А потом добирайся как знаешь до своей прогнившей Земли. А теперь убирайся из моего дома и подыщи себе другое место для ночлега, пока тебя не выслали отсюда. Когда сообщишь мне, где устроился, я перешлю тебе пожитки. И не думай, что сможешь вернуться. Мой дом будет под охраной.

В тот момент Инсигна была искренна, она говорила то, что думала; гнев переполнял ее сердце. Она могла уговорить его, уломать, убедить, наконец, переспорить, но не стала даже пытаться. Она с ненавистью посмотрела на мужа — и выгнала из дома.

И Фишер ушел. А она отправила вслед его вещи. Потом он отказался лететь на Роторе и его выслали. Эугения полагала, что он вернулся на Землю.

Оставил навсегда ее и Марлену. Нет, это она оставила его навсегда.

Глава 5

ДАР

10

Инсигна удивлялась себе самой. Она никому еще не рассказывала о расставании с мужем, хотя переживала случившееся почти каждый день целых четырнадцать лет. Она и не собиралась посвящать кого бы то ни было в эту грустную историю, которая должна была вместе с ней уйти в могилу.

Не то чтобы она видела в этом нечто стыдное — просто считала глубоко личным делом.

И вот ни с того ни с сего выложила все до капли своей юной дочери, которую до сих пор считала ребенком.

Дочь грустно смотрела на мать темными взрослыми глазами — по-совиному, не моргая... Наконец Марлена промолвила:

— Значит, это ты его прогнала?

— В общем — да. Я так разозлилась, просто расвирепела. Он хотел забрать тебя с собой. И куда — на Землю! — Она помедлила, потом решительно проговорила: — Теперь понимаешь?

— Неужели ты не смогла бы обойтись без меня? — спросила Марлена.

— Как ты можешь такое говорить? — вспыхнула Инсигна — и осеклась под невозмутимым взглядом дочери. Действительно, так ли уж нужна была ей тогда дочь... Но она ответила, стараясь не выдать волнения: — Ну что ты. Разве я могла от тебя отказаться?

Марлена замотала головой, и на миг лицо ее помрачнело.

— Ведь я не была очаровательным ребенком. Может, отцу я была нужна больше, чем тебе? Может быть, все тогда и произошло из-за того, что я была ему нужнее, чем тебе? А ты настояла на своем, чтобы причинить ему боль.

— Какие ужасные вещи ты говоришь. Все было совершенно не так, — ответила Инсигна, абсолютно не уверенная в том, что не кривит душой.

Грустное это дело — обсуждать семейную драму с Марленой. С каждым днем девочка все больше обнаруживала жуткое умение резать по живому. Инсигне не раз приходилось сталкиваться с этим, но прежде она считала подобные выходки случайными. Но это происходило все чаще, и теперь своим языком-скальпелем Марлена резала уже преднамеренно.

Инсигна проговорила:

— Марлена, а как ты поняла, что я сама прогнала твоего отца? Я ведь тебе не говорила об этом. Разве я себя чем-то выдала?

— Мама, я не понимаю, как это происходит, но я просто знаю. Когда ты вспоминаешь об отце, разговариваешь о нем с другими, в твоем голосе всякий раз слышится сожаление, чувствуется, что ты хотела бы, чтобы все было иначе.

— В самом деле? А я этого не ощущаю.

— Я наблюдаю, делаю выводы. Как ты говоришь, как смотришь...

Пристально поглядев на дочь, Инсигна вдруг выпалила:

— Ну-ка, о чем я сейчас думаю?

Слегка вздрогнув, Марлена усмехнулась. Смешливой она не была и никогда не смеялась от души.

— Это легко, — сказала она, — сейчас ты думаешь, что я читаю твои мысли. Но это не так. Я не знаю их. Просто умею догадываться по словам, жестам, интонациям и выражениям. Люди абсолютно не умеют скрывать свои мысли. Я убедилась в этом, наблюдая за ними.

— Зачем тебе понадобилось наблюдать за людьми?

— Потому что все лгали мне, когда я была ребенком. Говорили, что я миленькая. Или же это говорили тебе,

потому что я была рядом. Да у всех на лицах словно написано: я говорю не то, что думаю. И никто даже не представляет себе, как это заметно. Сначала я не могла поверить, что этого никто не знает. Но потом я сказала себе: наверно, они считают, что просто удобнее делать вид, что говоришь правду. — Марлена помолчала и вдруг спросила: — Почему ты не сказала отцу, куда мы направляемся?

— Не могла. Тогда это была не моя тайна.

— Но если бы ты сказала, он, возможно, и отправился бы с нами.

Инсигна затрясла головой.

— Нет-нет, никогда. Он твердо решил возвращаться на Землю.

— А если бы ты все рассказала ему, мама, комиссар Питт не разрешил бы ему возвращаться? Ведь наш отец не должен был знать то, чего знать не положено.

— Питт не был тогда комиссаром, — рассеянно пробормотала Инсигна и внезапно вспыхнула: — Таким он был мне не нужен. И тебе, кстати, тоже!

— Не знаю. Я не могу представить, каким он был бы теперь.

— А я знаю!

Пламя чувств вновь охватило Инсигну. Ей вновь с отчаянной ясностью припомнилась и их ссора, и собственный резкий голос, приказывавший Фишеру убираться. Он должен был уйти. Нет, ошибки не было. Ей не хотелось, чтобы он стал пленником, невольным узником Ротора. Она еще слишком любила его — или недостаточно ненавидела...

Она резко сменила тему разговора, стараясь, чтобы выражение лица не выдало ее.

— Сегодня ты озадачила Ауринала. Почему ты сказала ему, что Земля погибнет? Он явился ко мне весьма озабоченный этим.

— Ты бы сказала ему, что я еще ребенок и все это — детский лепет. Такой ответ прекрасно устроил бы его.

Инсигна не стала обращать внимания на эти слова. Быть может, и в самом деле лучше не говорить ничего, чем говорить правду.

— Ты действительно думаешь, что Земля обречена?

— Да. Иногда ты говоришь о Земле — «бедная Земля». Ты редко забываешь назвать Землю бедной.

Инсигна почувствовала, что краснеет. Неужели она и впрямь так говорит о Земле?

— А разве это не так? — спросила она. — Планета перенаселена, измучена цивилизацией — это же просто клубок болезней, бедствий и ненависти. Трудно ее не пожалеть. Бедная Земля.

— Нет, мама. Ты говоришь это иначе. — Марлена подняла руку вверх ладонью, словно что-то держала в ней.

— Ну, Марлена?

— Я понимаю это умом, но не могу выразить словами.

— Попробуй. Я должна понять.

— Мне кажется, что ты чувствуешь себя виноватой...

— Отчего ты так решила?

— Однажды ты смотрела в иллюминатор на Немезиду, и мне показалось тогда, что все дело в ней. Когда я спросила у компьютера, что такое Немезида, он мне сказал: это нечто безжалостное, сулящее гибель, грозное возмездие.

— Она названа так по другой причине! — воскликнула Инсигна.

— Но имя ей дала ты, — невозмутимо ответила Марлена.

Это уже ни для кого не было тайной: когда Ротор вышел за пределы Солнечной системы, Инсигна потребовала публичного признания своего открытия.

— Именно поэтому, уверяю тебя, смысл имени здесь ни при чем.

— Тогда почему ты считаешь себя виноватой, мама? (Молчи... если не хочешь говорить правду.)

Наконец Инсигна проговорила:

— Так как же, по-твоему, погибнет Земля?

— Я-то не знаю, а вот ты, мама...

— Марлена, мы с тобой принялись играть в загадки, пусть так. Об одном только прошу: никому ни о чем не говори: и об отце, и об этой бредовой идее о гибели Земли.

— Если ты хочешь, я буду молчать. Только Земля погибнет — и это вовсе не бред.

— А я говорю — бред. Будем считать это бредом. Марлена кивнула.

— Схожу-ка я погляжу на планету, — сказала она с видимым безразличием. — А потом пойду спать.

— Хорошо!

Инсигна смотрела вслед уходящей дочери. Вина, — думала она, — я ее чувствую. Она, должно быть, словно печать у меня на лице. Каждый может увидеть, если захочет.

Каждый ли? Нет, только Марлена. С ее даром.

Должна же девочка иметь что-то взамен того, что ей не дано. Редкий ум — этого слишком мало. Потому-то она и одарена способностью читать по лицам, интонациям, неприметным для другого глаза жестам и телодвижениям. Так что ни одной тайны от нее не скроешь. Давно ли открылся у нее этот дар? Давно ли она узнала о нем? Или это результат взросления? Но тогда почему она именно теперь обнаружила его, словно извлекла из-под покрова, под которым скрывала? Или ей потребовалось оружие против матери?

Может быть, это случилось потому, что Ауригел отверг ее, окончательно и бесповоротно, — и она сама об этом догадалась? И теперь просто мечется от боли, слепо рассыпая удары?

Я виновата, — думала Инсигна, — мне ли не знать собственной вины? Одна я во всем виновата. Я могла бы давно все выяснить, но не хотела.

Глава 6

ПРИБЛИЖЕНИЕ

11

Так когда же она сама об этом догадалась? Когда давала звезде имя «Немезида»? Неужели уже тогда она инстинктивно ощутила, чем грозит эта звезда человечеству, и с неосознанной точностью выразила свои опасения в ее имени?

Когда Инсигна обнаружила далекую звездочку, ей важно было одно — она сделала открытие. В голове кружилась только мысль о бессмертии. Это ее звезда, звезда Инсигны. Она даже хотела назвать ее так. Получалось звучно... только нескромно. Подумать только, как бы ей пришлось сейчас мучиться, если бы все-таки поддалась искушению.

Навязанная Питтом секретность сбила ее с толку. Потом началась суета перед Исходом. (Так, наверное, и будут называть это событие в учебниках по истории — с прописной буквы.)

Ну а после Исхода целых два года корабль то выходил из гиперпространства, то осторожно вползал в него. От Инсигны требовали бесконечных расчетов гиперперехода, для которых нужны были все новые и новые астрономические данные, и ей приходилось контролировать все наблюдения. Только измерения плотности и состава межзвездной материи стоили ей изрядных трудов.

Почти четыре года ей некогда было подумать о Немезиде, не было времени заметить очевидное.

Но так ли это на самом деле? Или она просто ничего не желала видеть, ища спасения за мелкими загадками, суетой и волнениями?

Но наконец завершился последний гиперпространственный переход. Оставалось последнее — в течение месяца осуществить торможение. Ротор мчался сквозь ливень атомов водорода с такой скоростью, что невинные атомы преобразались в частицы космических лучей.

Обычный космический аппарат не смог бы защитить людей от излучения, но Ротор был покрыт снаружи толстым слоем грунта, который нарастили еще перед стартом. Он-то и поглотил опасные лучи.

Когда-нибудь, говорил Инсигне один из специалистов по гиперпространству, люди сумеют входить в него на обычной скорости и так же возвращаться обратно. «Общее представление о гиперпространстве мы имеем, эпохальных открытий не будет. Все остальное — дело техники».

Может быть. Впрочем, другие специалисты полагали, что подобное совершенство будет достигнуто, когда звезды померкнут.

Когда ужасная правда открылась Инсигне, она бросилась к Питту. За последний год они виделись редко: она знала, как мало у него времени. Очарование первого межзвездного путешествия начинало рассеиваться, и повсюду возникала известная напряженность; до людей постепенно доходило, что они вот-вот, через считанные месяцы, окажутся возле чужой звезды. Там перед ними немедленно возникнут проблемы: какое-то время придется жить возле незнакомого красного карлика, и никто не мог гарантировать, что материя вокруг него сложилась в планеты, пригодные для жилья, или астероиды, способные послужить источником сырья.

Янус Питт уже не выглядел молодым — впрочем, волос его не поседел, и на лице не было морщин. Всего четыре года назад Инсигна принесла ему свое открытие, а во взгляде Питта уже появилась глубокая озабоченность, словно радость оставила его навсегда.

Теперь он был верховным комиссаром. Быть может, это и служило причиной его тревог. Инсигна не извела истинной власти и сопряженной с ней ответственно-

сти, но нечто подсказывало ей, что подобное могущество — вещь не сладкая.

Питт рассеянно улыбнулся ей. Поначалу никто не знал о тайне, которая их объединяла, и они были вынуждены держаться вместе. Вдвоем они могли разговаривать откровенно, не опасаясь проболтаться. Но после Исхода, когда секрет был раскрыт, они вновь отделились друг от друга.

— Янус, — сказала она. — Я очень беспокоюсь и пришла поговорить с тобой. Дело касается Немезиды.

— Что-нибудь новенькое? Теперь ты уже не можешь сказать, что звезды нет там, где ты предполагала. Вот она, видна невооруженным глазом. Правда, до нее еще шестнадцать миллиардов километров.

— Да, я знаю. Но когда я открыла ее, нас разделяло чуть более двух световых лет, и я решила, что Немезида и Солнце обращаются вокруг общего центра тяготения. На таком расстоянии иначе и быть не могло, но, как выяснилось, все обстоит иначе. Нас ждет подлинная трагедия.

— Хорошо. И какая же трагедия нас ожидает?

— Дело в том, что хотя Немезида находится близко от Солнца, но все-таки не настолько, чтобы образовать с ним пару. Их взаимное притяжение на таком расстоянии настолько слабо, что воздействие ближайших звезд способно сделать нестабильной ее орбиту.

— Но Немезида же вот, перед нами.

— Да, она перед нами, но в той же мере, как и перед альфой Центавра.

— При чем тут альфа Центавра?

— Немезида располагается чуть ближе к Солнцу, чем к этой звезде. Мне кажется, что она все-таки входит в систему альфы Центавра. Правда, более вероятно, что, с какой бы из этих двух звезд она ни была связана прежде, тяготение второй сейчас разрушает эту связь, если уже не разрушило.

Питт задумчиво смотрел на Инсигну, барабанив пальцами по ручке кресла.

— Сколько времени нужно Немезиде на один оборот вокруг Солнца — если она, конечно, входит в его систему?

— Пока не знаю. Придется изучить ее орбиту. Мне следовало заняться ею еще до Исхода, но тогда на меня сразу навалилось столько забот. Но это не оправдание — их и теперь немало.

— Ну а на глазок?

— Если орбита круговая, Немезиде потребуется около пятидесяти миллионов лет, чтобы обойти Солнце, а точнее, — центр тяготения всей системы, вокруг которого обращаются обе звезды. Соединяющая их линия всегда будет проходить через этот центр. Но если орбита Немезиды представляет собой вытянутый эллипс и она сейчас находится вблизи точки максимального удаления — а иначе быть не может, поскольку обе звезды в таком случае не были бы связаны тяготением, — тогда период ее обращения чуть превышает двадцать пять миллионов лет.

— Значит, когда Немезида в предыдущий раз находилась в этой точке своей орбиты, альфа Центавра находилась совершенно в другом месте, чем теперь. Двадцать пять или пятьдесят миллионов лет, но альфа Центавра не стояла на месте. На сколько она могла сместиться за такой срок?

— На заметную долю светового года.

— Не значит ли это, что обе звезды впервые борются за Немезиду? И до сих пор она мирно кружила и кружила себе по орбите?

— Едва ли, Янус. Кроме альфы Центавра вокруг полно звезд. Сейчас сказывается влияние альфы Центавра, в прошлом на Немезиду могли воздействовать другие звезды. Ее орбита просто нестабильна.

— Ну а если она не вращается вокруг Солнца, что же ей тогда делать в наших краях?

— Именно! — воскликнула Инсигна.

— Что значит «именно»?

— Будь Немезида на солнечной орбите, ее относительная скорость составила бы от восьмидесяти до ста метров в секунду в зависимости от массы. Для звезды это очень мало, следовательно, она длительное время как бы стояла на месте. Тогда облако могло долго прятать ее, в особенности если оно движется в ту же сторону, что и Немезида, относительно Солнца. Тусклая, почти неподвижная звездочка — и все-таки уди-

вительно, что ее до сих пор никто не обнаружил. Однако... — она сделала паузу.

Даже не пытавшийся изобразить интерес, Питт вздохнул:

— Ну? Будет наконец резюме?

— Так вот, если Немезида не обращается вокруг Солнца, значит, она движется независимо, и ее относительная скорость может достигать уже сотен или более километров в секунду — в тысячу раз больше той, что она имела бы на орбите. Значит, она просто случайно залетела сюда, пройдет мимо Солнца и никогда не вернется. Но тем не менее она остается за облаком и, на взгляд, почти не меняет своего положения.

— Как это может быть?

— Если звезда движется с внушительной скоростью, а для наблюдателя остается почти на одном месте — этому может быть только одно объяснение.

— Только не говори мне, что она качается из стороны в сторону.

— Янус, не надо шутить. — Инсигна закусил губу. — Все это не смешно. Дело в том, что скорее всего Немезида движется почти по прямой к Солнцу... Она не смещается ни вправо, ни влево, словно стоит на месте, а на самом деле летит прямо на нас, прямо на Солнечную систему.

— Это достаточно достоверные данные? Им можно верить? — Питт озабоченно взглянул на Эугению.

— Пока нет. Когда я обнаружила звезду, никаких причин специально измерять ее спектр у меня не было. Конечно, когда я измерила ее параллакс, следовало определить и спектр. Только у меня до этого руки не дошли. Ты ведь, конечно, помнишь, что, назначая меня руководителем всех работ по Дальнему Зонду, ты приказал, чтобы никто из моих подчиненных не вздумал даже взглянуть в сторону Немезиды. И я не имела права отдать им такое распоряжение, ну а после Исхода... каюсь, я просто забыла. Но теперь придется заняться этим делом вплотную.

— Позволь тогда задать тебе один вопрос. А что если Немезида, наоборот, летит от Солнца? Тогда для нас она тоже как бы стоит на одном месте. Теоретически оба события равновероятны, не так ли?

— Истину определит спектральный анализ. Если будет обнаружено красное смещение — значит, Немезида удаляется, если фиолетовое — приближается.

— Но теперь уже поздно этим заниматься. Если ты сейчас станешь определять ее спектр, он покажет, что Немезида приближается к нам — потому что мы приближаемся к ней.

— Я не стану сейчас определять спектр Немезиды. Я займусь спектром Солнца. Если Немезида приближается к Солнцу, значит, и Солнце приближается к Немезиде; следует учесть и собственное движение Ротора. Но сейчас мы тормозим, и через какой-нибудь месяц наше собственное движение перестанет сказываться на результатах спектроскопических измерений.

С полминуты Питт размышлял, уставившись в стол, вовсе не заваленный бумагами; рука его медленно поглаживала клавиатуру компьютера. Наконец, не поднимая глаз, он буркнул:

— Нет, эти наблюдения лучше не проводить. Я не хочу, чтобы ты впредь забивала себя голову такой ерундой. На мой взгляд, здесь нет ничего интересного.

И знаком велел ей идти.

12

Ноздри Инсигны раздулись от гнева. Она резко выдохнула и громко произнесла:

— Как ты смеешь, Янус? Как ты смеешь?

— В чем дело? — Питт нахмурился.

— Как ты смеешь отсылать меня, словно простого оператора-компьютерщика? Не найди я Немезиду — где бы мы были? И ты не стал бы комиссаром! Немезида моя. Во всем, что касается ее, я имею право голоса.

— Немезида уже не твоя. Теперь она принадлежит Ротору. Пожалуйста, уходи, не мешай мне заниматься делами.

— Янус, — продолжала она, повысив голос, — повторяю тебе еще раз: по всему следует, что Немезида летит прямо на Солнечную систему.

— А я тебе опять говорю: может быть, летит, а может, и наоборот. И даже если так — теперь это не наша Солнечная система — она осталась всем этим... Только не надо говорить мне, что Немезида столкнется

с Солнцем. Я тебе просто не поверю, если ты станешь упорствовать. За пять миллиардов лет Солнце ни разу не сталкивалось со звездой, даже близко не подходило. Вероятность столкновения звезд чудовищно мала даже в более густо населенных ими областях Галактики. Я не астроном, но это по крайней мере знаю.

— Янус, вероятность и есть вероятность — это не гарантия. Возможно, хоть и мало вероятно, Солнце действительно столкнется с Немезидой, однако я в этом и сама сомневаюсь. Вся беда в том, что близкое прохождение звезды, даже без столкновения, способно оказаться гибельным для Земли.

— И насколько близким окажется это твое близкое прохождение?

— Не знаю. Придется хорошенько посидеть за расчетами.

— Хорошо. Итак, ты предлагаешь, чтобы мы взяли на себя все хлопоты: наблюдения и расчеты. А что прикажешь делать, если ситуация действительно чревата бедой для Солнечной системы? Что тогда? Будем предупреждать их?

— Естественно, разве у нас есть выбор?

— А как мы будем это делать? У нас нет никакой гиперсвязи. А если бы и была — они все равно не смогли бы принять сообщение. Если мы попробуем использовать излучение — если у нас найдется достаточно мощный источник когерентного света, микроволн, модулированных нейтрино, да чего угодно — через два года твое послание достигнет Земли. А как мы узнаем, принято ли оно? Если они получают сообщение и дадут ответ, то его мы узнаем еще через два года. И что же мы получим в итоге? Нам придется открыть Земле, где расположена Немезида, ведь они увидят, что информация от нее-то и идет. И все наши труды, весь план создания единой цивилизации возле Немезиды, вдали от тлетворного влияния Земли, немедленно рухнет.

— Янус, а какую цену придется заплатить человечеству за наше молчание?

— А тебе-то что? Даже если Немезида движется к Солнцу, сколько лет уйдет на это путешествие?

— Вероятно, она подойдет к Солнечной системе через пять тысяч лет.

Откинувшись в кресле, Питт холодным сухим взором с деланным удивлением взглянул на Инсигну.

— Надо же, через пять тысяч лет. Всего только через пять тысяч лет? Ты не забыла, Эутения, первый человек ступил на поверхность Луны всего двести пятьдесят лет назад. Два с половиной столетия миновало — и вот мы уже возле самой близкой звезды. Где же мы окажемся еще через два с половиной века? Да где угодно, возле какой угодно звезды. А через пять тысяч лет, через пятьдесят столетий, люди расселятся по всей Галактике, если только там не окажется иных форм разумной жизни. Да мы протянем руку к другим галактикам! Через пять тысяч лет наша техника станет такой, что, если Солнечной системе и впрямь будет грозить беда, все население и планет, и поселений сумеет отправиться в дальний космос к новым звездам.

— Янус, не думаю, что технический прогресс позволит эвакуировать всю Солнечную систему простым мановением руки. Чтобы переселить миллиарды людей — без хаоса, без снижения уровня жизни, — потребуются долгие приготовления. Но даже если смертельная опасность будет угрожать жизни человечества только через пять тысяч лет, люди должны узнать о ней немедленно. Чтобы, не теряя времени, приступить к подготовке.

— Эутения, я знаю — у тебя доброе сердце — и потому предлагаю тебе компромисс, — проговорил Питт. — Давай так: пусть у роториан будет в запасе еще сотня лет, чтобы обжиться, народить детей, настроить поселений, обрести уверенность и силу. Вот тогда мы сможем спокойно заняться будущим и Немезиды, и самого Солнца. Тогда, если потребуется, мы предупредим Солнечную систему. И у них останутся почти те же пять тысяч лет на подготовку. Одно столетие — подобная задержка едва ли окажется роковой.

— Таким тебе видится будущее? — вздохнула Эутения. — Человечество рассеется среди звезд, и каждая крохотная группка его будет стараться отогнать чужих от своей звезды? Вечная ненависть, взаимные козни и свары — как и все эти тысячи лет на Земле, только раздутые теперь до масштабов Галактики?

— Эугения, ничего мне не видится. Пусть человечество поступает, как ему заблагорассудится. Пусть оно рассеется, как ты сказала, пусть создает себе галактическую империю, пусть делает, что захочет. Я не собираюсь ему диктовать или направлять на путь истинный. С меня довольно моего поселения, его нужд и забот и того столетия, что нужно ему, чтобы пустить корни у Немезиды. К этому времени ни тебя, ни меня благополучно не будет в живых, и пусть наши потомки сами решают, как им предупреждать Солнечную систему и стоит ли это делать. Я пытаюсь подойти к этому делу с позиций разума, а не эмоций. Эугения, ты же умная женщина. Подумай об этом.

Так Инсигна и сделала. Усевшись в кресле, она долго с укоризной глядела на Питта, ожидавшего с подчеркнутым долготерпением на лице.

Наконец она проговорила:

— Ну хорошо, я вижу, к чему ты клонишь. Придется заняться исследованием относительного движения Земли и Немезиды. Возможно, и в самом деле не из-за чего поднимать шум.

— Нет. — Питт поднял вверх указующий перст. — Вспомни, что я тебе говорил. Этого делать нельзя. Если Солнечной системе ничто не грозит, затраты себя не оправдают. Тогда мы будем просто исполнять то, на чем я настаиваю — столетие спокойно растить здесь принесенное Ротором зерно цивилизации. Если же окажется, что это не так, что беда неминуема — совесть, страх и вина будут мучить тебя. Новость эта, конечно же, станет известна и ослабит решимость роториан, многие из которых не менее сентиментальны, чем ты. Ты поняла меня? — Она промолчала. — Вот и отлично, вижу, что поняла. — И вновь знаком велел ей уходить.

На сей раз она ушла. Глядя ей вслед, Питт подумал: она становится совершенно несносной.

Глава 7

РАЗРУШЕНИЕ

13

Марлена круглыми глазами глядела на мать. Она старалась, чтобы радость не отразилась на ее лице, но душа ее пела. Наконец-то мать рассказал ей и об отце, и о комиссаре Питте. Наконец-то ее считают взрослой.

— А я бы проследила за движением Немезиды, невзирая на приказ комиссара Питта, — проговорила Марлена, — но вижу, что ты, мама, поступила иначе. Печать вины на твоём лице доказывает это.

— Вот уж не думала не гадала, что у меня на лбу печать вины, — сказала Инсигна.

— Своих чувств не скрыть никому, — отозвалась Марлена, — стоит только приглядеться повнимательнее — и все становится ясным.

Другие так не умеют. Это Марлена поняла не сразу — и с большим трудом. Люди не умеют смотреть и видеть, не умеют обращать внимание. Они словно не замечают лиц, тел, звуков и поз... и всяких там нервных жестов.

— Не надо тебе постоянно так вглядываться, Марлена — сказала Инсигна, словно мысли их текли параллельно. Она обняла дочь за плечи, чтобы смягчить то, что хотела сказать. — Люди нервничают, когда ты пронизываешь их взглядом своих огромных глаз. Уважай их уединение.

— Да, мама — сказала Марлена, без всякого усилия подмечая, что Инсигна пытается как-то оградиться от

нее. Она явно беспокоилась о себе самой, не понимая, что выдает себя каждым жестом. — Ну а как случилось, что, невзирая на чувство вины, ты ничего не сделала для Солнечной системы? — спросила Марлена.

— По целому ряду причин, Молли.

Какая Молли! — возмутилась про себя Марлена. — Я Марлена! Марлена! Марлена! Три слога, ударение на втором. Взрослая!

— Каких же? — упрямо спросила она.

Неужели мать не может заметить, какое отчуждение охватывает ее всякий раз, когда она слышит свое детское имя? Ведь и лицо дергается, и в глазах зажигается огонек, и губы кривятся. Почему люди не видят? Почему не замечают?

— Во-первых, слова Януса Питта звучали весьма убедительно. Сколь бы неожиданными ни были его соображения, какими бы неприглядными они ни казались, но в конце концов приходится признать известную справедливость его аргументов.

— Но если так, мама, — он опасный человек... просто жуткий.

Оторвавшись от размышлений, Инсигна с любопытством взглянула на дочь.

— Почему ты так решила?

— Можно достаточно убедительно обосновать любую точку зрения. И если ты сумеешь быстро подыскать подходящие причины и безукоризненно их представить, можешь убедить кого угодно и в чем угодно, а это опасная вещь.

— Я согласна с тобой. Янус Питт действительно обладает такой способностью. Удивляет меня то, что ты сумела это понять.

Еще бы, — подумала Марлена, — ведь мне всего пятнадцать, и ты привыкла видеть во мне ребенка.

Но вслух сказала:

— Наблюдая за людьми, можно многому научиться.

— Да. Только помни, что я тебе говорила, следи за собой.

(Никогда!)

— Так, значит, мистеру Питту удалось тебя убедить?

— Он сумел доказать мне, что наше промедление не опасно.

— А тебе не хотелось все-таки выяснить, куда движется Немезида и чем это грозит? Тебе же следовало это сделать!

— Да, но это не так легко, как тебе кажется. Обсерватория вечно загружена. Приходится ждать своей очереди, чтобы воспользоваться инструментами. Хотя я и руковожу ею, но не распоряжаюсь бесконтрольно. К тому же, когда кто-то из нас берется за какое-то дело, все немедленно узнают об этом. Что и как делается, знают все, и почему — тоже всем известно. Так что у меня практически не было возможности получить подробный спектр Немезиды и Солнца, а потом воспользоваться компьютером обсерватории для необходимых вычислений так, чтобы об этом никто не знал. Полагаю, что у Питта в обсерватории есть люди, которые приглядывают за мною. И если бы я выказала норов, об этом ему непременно стало бы известно.

— Но что он может тебе сделать, а?

— Конечно, он меня не расстреляет за измену — ты, наверное, это имела в виду? — едва ли он возмечтал о чем-нибудь подобном, но во всяком случае может освободить от работы в обсерватории и отправить куда-нибудь на ферму. А мне бы не хотелось. К тому же вскоре после моего разговора с Питтом мы обнаружили рядом с Немезидой планету или крошечную звезду: мы до сих пор не знаем, к планетам или звездам ее отнести. Между ними всего четыре миллиона километров, и спутник этот не излучает в видимом диапазоне.

— Ты говоришь о Мегасе, мама?

— Да. Это старинное слово означает «большой». Для планеты Мегас очень массивен, он тяжелее Юпитера, самой большой планеты Солнечной системы, но для звезды слишком мал. Некоторые называют Мегас коричневым карликом. — Она умолкла и, прищурившись, посмотрела на дочь, словно вдруг засомневалась, что дочь способна разобраться в сути дела. — А ты знаешь, Молли, что такое коричневый карлик?

— Мама, меня зовут Марлена.

Инсигна слегка порозовела.

— Конечно. Прости, я частенько забываюсь. Понимаешь, привыкла. Просто была у меня когда-то любимая дочурка по имени Молли.

— Знаю. Когда мне снова исполнится шесть, можешь вновь звать меня Молли.

Инсигна рассмеялась:

— Итак, Марлена, знаешь ли ты, что такое коричневый карлик?

— Да, мама. Коричневый карлик — это крохотное, подобное звезде небесное тело, не обладающее необходимой массой, чтобы давление и температура внутри него стали достаточными для синтеза ядер водорода, при этом массы тела хватает для осуществления вторичных реакций, разогревающих его.

— Правильно. Неплохо. Мегас как раз находится на линии раздела. И не горячая планета, и не тусклый коричневый карлик. Он не испускает видимого света — только инфракрасный, и недостаточно интенсивно. Мегас не похож на известные нам небесные тела. Он оказался первой планетой за пределами Солнечной системы, которую мы обнаружили и могли изучить, поэтому обсерватория занялась подробнейшими исследованиями. И мне не дали бы приборного времени на изучение движения Немезиды, даже если бы я попросила, но, по правде сказать, я обо всем забыла. Мегас заинтересовал меня не менее, чем других.

— Ммм, — произнесла Марлена.

— В итоге мы решили, что Мегас просто внушительных размеров планета, обращающаяся вокруг Немезиды. Масса его в пять раз...

— Знаю, мама. В пять раз больше, чем у Юпитера, и составляет одну тридцатую массы самой Немезиды. Все это мне давным-давно рассказал компьютер.

— Конечно, дорогая. И Мегас пригоден к обитанию не более, чем Юпитер, скорее даже менее. Поначалу это нас разочаровало, хотя нельзя было надеяться, чтобы возле красного карлика нашлась пригодная для обитания планета. Приливные силы неминуемо заставили бы планету с морями обратиться к Немезиде одной стороной.

— Но разве не так дело обстоит с Мегасом? По-моему, одна сторона его всегда смотрит на Немезиду.

— Да, верно. Это значит, что у него есть теплая сторона и холодная. На теплой — достаточно тепло. Но она раскалилась бы докрасна, если бы не плотная атмосфера, — циркуляция ее несколько уравнивает температуру на всей планете. Поэтому — ну и потому что Мегас сам выделяет тепло — на обратной его стороне тоже не холодно. С точки зрения астронома, Мегас обладает уникальными особенностями. Потом мы обнаружили, что у Мегаса есть спутник — или планета, если считать его звездой — Эритро.

— Вокруг которой и обращается Ротор. Знаю, мама, но после открытия Мегаса и Эритро и всех тогдашних хлопот прошло одиннадцать лет. Неужели за все это время ты не сумела украдкой снять спектры Немезиды и Солнца? И кое-что просчитать?

— Ну...

— Я знаю, ты сделала это, — быстро сказала Марлена.

— Догадалась по выражению моего лица?

— По всему твоему виду.

— Марлена, жить рядом с тобой, наверное, скоро будет невозможно. Да, я сделала это.

— И?

— Немезида летит к Солнечной системе.

Помолчав, Марлена негромко спросила:

— Значит, произойдет столкновение?

— Нет, если верить моим расчетам. Я уверена, что ни с Солнцем, ни с Землей, ни с какой-нибудь большой планетой она не столкнется. Но, видишь ли, даже если этого не случится, Земля все равно может погибнуть.

14

Марлена видела, что разговор о гибели Земли неприятен матери, что Инсигна охотно прекратила бы его, если бы дочь не приставала с расспросами. Выражение ее лица, то, как она отодвинулась от Марлены, словно хотела уйти, как время от времени деликатно облизывала губы, словно старалась стереть с них привкус собственных слов — было для Марлены красноречивее любых слов.

Но девочка не хотела, чтобы мать замолчала, — всего нужного она еще не услышала.

— А как Немезида может погубить Землю, не сталкиваясь с ней? — тихо спросила она.

— Попробую объяснить. Земля обращается вокруг Солнца — как Ротор вокруг Эритро. Если бы Солнечная система состояла только из Земли и Солнца, то первая могла бы кружить вокруг второго почти бесконечно. Я говорю — почти, ибо дело в том, что, обращаясь вокруг Солнца, Земля излучает гравитационные волны, уносящие ее энергию, и медленно, очень медленно приближается к Солнцу. Сейчас этим фактором можно пренебречь. Но на самом деле все гораздо сложнее, потому что Земля не одна. Ее притягивают Луна, Марс, Венера, Юпитер и другие планеты. Их суммарное притяжение невелико по сравнению с солнечным, и орбита Земли более или менее постоянна. Однако малые воздействия сложным образом меняют свою силу и направление — поскольку перемещаются и порождающие их объекты — и тем самым вызывают незначительные изменения орбиты Земли. Планета то приближается к Солнцу, то удаляется от него. Ось ее поворачивается, меняет наклон, изменяется эксцентриситет орбиты, и так далее.

Можно показать — и уже было показано, — что все эти изменения цикличны, то есть периодически меняют направление. Существенно, что движение Земли вокруг Солнца неравномерно и подчиняется дюжине вынужденных воздействий. То же происходит со всеми телами Солнечной системы. Такая легкая тряска не мешает жизни на Земле. В худшем случае может наступить обледенение — но оно кончится; уровень моря упадет — и подыметсЯ: планета переживает все это уже более трех миллиардов лет.

А теперь представим, что будет, если Немезида вторгнется в Солнечную систему и промчится, скажем, в световом месяце от Земли — меньше чем в триллионе километров. Пока она будет проходить мимо Солнца — а на это потребуется несколько лет, — гравитационное поле системы исказится. Планеты станут дергаться на орбитах, но когда Немезида пройдет, все снова встанет на свои места.

— Но ты выглядишь так, словно дела обстоят гораздо хуже, чем ты говоришь. Что плохого в том, что

Немезида хорошенько порастрясет Солнечную систему? Ведь потом все встанет на свои места.

— Встать-то встанет, но где в результате очутятся планеты? На прежнем ли месте? В этом, собственно, и вся проблема. Если изменится орбита Земли — она отодвинется от Солнца или приблизится к нему? Если ось планеты изменит свое положение в пространстве — как это подействует на климат планеты? Даже малое изменение может сделать необитаемым целый мир.

— А нельзя ли все рассчитать?

— Нет. На Роторе трудно проводить астрономические измерения: он дергается в пространстве, и куда сильнее, чем планеты. Чтобы определить, какой путь выберет Немезида, потребуется много времени и много расчетов, и все равно нельзя будет положиться на их результаты, пока Немезида не окажется возле Солнца — через много-много лет после моей смерти.

— Значит, ты не можешь сказать, как близко к Солнечной системе подойдет Немезида?

— Рассчитать это почти невозможно. Нужно учесть гравитационное поле почти всех ближних звезд. И даже самая крохотная неточность при исходном расстоянии в два световых года может привести к таким отклонениям, что точное попадание превратится в абсолютный промах, и наоборот.

— Но комиссар Питт утверждал, что, когда Немезида окажется близко, всякий обитатель Солнечной системы сумеет спастись — разве он не прав?

— Возможно, и прав. Но можно ли сказать, что будет через пять тысяч лет? Какие исторические выкрутасы произойдут, к каким последствиям они приведут? Можно лишь надеяться, что все уцелеют.

— Даже если их не предупредить, — проговорила Марлена, робко напоминая матери общеизвестную астрономическую истину, — они сами все обнаружат. Иначе не может быть. Немезида приблизится, ее заметят, и, когда в направлении ее движения уже нельзя будет ошибиться, люди сумеют определить траекторию с куда большей точностью.

— Но тогда времени на подготовку к бегству останется гораздо меньше.

Поглядев на носки своих туфель, Марлена проговорила:

— Мама, не сердись на меня. Но мне кажется, ты не будешь рада, даже если все люди сумеют спастись. Что-то тут не то. Пожалуйста, скажи мне, в чем дело.

— Мне бы не хотелось, чтобы все покинули Землю, — ответила Инсигна, — пусть даже все пойдет по плану, и у них хватит времени, и обойдется без несчастных случаев — мне все равно не нравится эта мысль. Я не хочу, чтобы люди покинули Землю.

— А если это неизбежно?

— Пусть. Можно склонить голову перед судьбой, но мне не нравится такая перспектива.

— Значит, ты чувствуешь, что привязана к Земле? Ты, кажется, училась там, не так ли?

— Я завершала там дипломную работу. Земля не понравилась мне, но это ровным счетом ничего не значит. Это родина человечества. Ты понимаешь, что я имею в виду, Марлена? Как бы я к ней ни относилась, она останется миром, где жизнь просуществовала целую вечность. Для меня Земля не планета — а идея, абстракция. И я хочу, чтобы она жила ради того, что было. Не знаю, поняла ли ты меня.

— Отец был землянином, — сказала Марлена.

Инсигна поджала губы.

— Да, был.

— И он вернулся на Землю.

— Судя по регистрационным записям, он поступил именно так. Во всяком случае я в этом не сомневаюсь.

— Значит, я наполовину землянка. Да?

Инсигна нахмурилась.

— Все мы земляне, Марлена. Мои предки жили на Земле. И прабабка моя родилась там же. Все здесь — порождение Земли. И не только люди. Каждый кусочек жизни в любом из поселений — от вируса до дерева — с Земли.

— Но только люди сознают это. И некоторые — лучше остальных. Ведь ты до сих пор вспоминаешь об отце? — заглянув Инсигне в глаза, Марлена вздрогнула. — Это не мое дело. Но ведь ты сама хочешь рассказать мне.

— Да, у меня было такое желание — но я не могу руководствоваться чувствами. В конце концов, ты и его дочь. Да, я до сих пор вспоминаю о нем. — Инсигна пожала плечами. — А о чем ты вспоминаешь, Марлена?

— Мне не о чем вспоминать. Я забыла его. Я даже никогда не видела его голограммы.

— Но ведь дело не в... — Инсигна осеклась.

— Знаешь, когда я была поменьше, меня удивляло, почему во время Исхода одни отцы оставались со своими детьми, а другие — нет. И я решила, что те, кто оставил Ротор, не любили своих детей и мой отец тоже не любил меня.

Инсигна взглянула на дочь.

— Ты никогда не говорила мне об этом.

— Я так думала, когда была маленькой. А потом стала старше и поняла, что все гораздо сложнее.

— Ты не должна была так думать. Это неправда. И я немедленно переубедила бы тебя, если бы имела хоть малейшее представление...

— Мама, я понимаю, ты не любишь разговаривать о том времени.

— Пришлось бы, знай я только о твоей идее, — но, увы, я не умею читать на твоём лице, как ты на моем. Он любил тебя. И взял бы с собой, если бы я согласилась. Вы разлучились по моей вине.

— Он тоже виноват. Он должен был остаться.

— Должен — но теперь, когда столько лет прошло, я понимаю его лучше, чем прежде. В конце концов, я оставалась дома — мой мир всегда был со мной. И здесь, за два световых года от Земли, я тоже дома, на Роторе, где родилась. Твой отец был другим. Он родился на Земле. И я думаю, он не смог примириться с мыслью о том, что ему придется навсегда оставить родную планету. Мне не нравится Земля. Но сердца миллиардов людей могут разорваться от тоски по ней.

Они помолчали, потом Марлена сказала:

— Интересно, что он делает сейчас на Земле?..

— Трудно сказать. Двадцать триллионов километров — путь неблизкий, и четырнадцать лет — это очень долго.

— Как ты думаешь, он жив?

— Даже этого мы с тобой не можем знать, — отозвалась Инсигна. — Жизнь человека на Земле весьма быстролетна... — И словно вдруг осознав, что разговаривает не сама с собой, продолжила: — Я уверена, что он жив. Когда мы расставались, здоровье у него было хоть куда, и вообще ему еще нет пятидесяти. — И тихо спросила: — Тебе его не хватает, Марлена?

Та покачала головой.

— Как может не хватать того, чего у тебя никогда не было?

Он был у тебя, мама, — подумала она, — и тебе-то его и не хватает.

Глава 8

АГЕНТ

15

Как ни странно, Крайлу Фишеру пришлось привыкать к Земле, осваиваться на ней заново. Он и представить не мог, что за неполные четыре года Ротор станет частью его жизни. Конечно, четыре года — большой срок, однако не настолько, чтобы родная планета стала совсем чужой.

Снова необъятный земной простор, далекий четкий горизонт, а над ним высокое хмурое небо. Снова люди, люди... Как приятно опять ощутить земное притяжение, но главное — погода, по-прежнему своенравная: непредсказуемые холода, оттепели и ветра от умеренного до сильного.

Крайлу не нужно было испытывать все это на своей шкуре, чтобы прочувствовать. Даже находясь в собственной квартире, он знал, что творится за ее стенами. Капризы планеты действовали на него, волновали душу. А может быть, ему так только казалось — в его тесной, уставленной мебелью комнатухе, где каждый звук был отчетлив и ясен и куда загнал его этот шумный и тленный мир.

Странно — на Роторе он все время скучал по Земле, а вернувшись домой, затосковал о Роторе. Может быть, ему суждено всю жизнь стремиться туда, где его нет?..

Вспыхнула сигнальная лампочка, заверещал звонок. Звук вибрировал — на Земле все вибрирует, тогда как

на Роторе буквально все удручало своей эффективностью и постоянством.

— Входите, — негромко пригласил Крайл. Отреагировав на голос, дверь открылась.

Вошел Гаранд Уайлер — Фишер ждал его — и взглянул на хозяина с удивлением.

— Крайл, ты хоть пошевелился, после того как я ушел?

— Походил взад-вперед. В ванной посидел.

— Хорошо. Значит, ты жив, хоть с виду этого и не скажешь. — Темнокожий гость широко улыбнулся, сверкнув ослепительно белыми зубами. У него были черные глаза и густые курчавые волосы. — Все думаешь о Роторе?

— Да, все время.

— Хотел спросить, да как-то не получалось. Значит, там были одни Белоснежки и никаких семи гномов, так?

— Одни Белоснежки, — согласился Фишер, — чернокожих я не встречал.

— В таком случае скатертью им дорога. Ты знаешь, что они улетели?

Фишер напрягся и едва не вскочил, но сдержался и кивнул.

— Они же собирались.

— И не соврали. Когда Ротор стартовал, мы следили за ним — по излучению, потом он набирал скорость с помощью своего гиперпривода — и вдруг исчез... Словно его и не было.

— А вы заметили, когда он вновь вошел в пространство?

— Несколько раз — и с каждым разом слабей и слабей. Сперва он опробовал силенки, а потом стал уходить со скоростью света, а после того, как он трижды нырнул в пространство и выскочил, то оказался уже недостижимым для наших приборов.

— Так они решили, а несогласных вроде меня — выбросили, — с горечью проговорил Фишер.

— Жаль, что тебя там не было. Это было интересно. Знаешь, а ведь кое-кто из сторонников жесткой линии считал, что вся эта история с гиперприводом — не что иное, как надувательство, затеянное по неизвестным причинам.

— Но ведь Ротор уже отправлял в космос свой Дальний Зонд. Без гиперпривода он не смог бы залететь так далеко.

— Надувательство! Так они и говорили.

— И ошиблись.

— Да, теперь все это знают. Все-все. Когда Ротор исчез из поля зрения приборов, другого объяснения не осталось. Все поселения за ним следили. Ошибки быть не могло. Он исчез практически одновременно для всех наблюдателей. К сожалению мы не знаем одного — куда они направились.

— Наверное, на альфу Центавра. Куда же еще?

— В Конторе полагают, что это не альфа Центавра и что ты знаешь пункт назначения.

На лице Фишера появилась досада.

— Меня и так допрашивали всю дорогу — и до Луны, и после. Я ничего не утаил.

— Конечно. Мы это знаем. Ты не утаил ничего, что тебе было известно. Но меня просили переговорить с тобой по-дружески и выяснить, не знаешь ли ты такого, о чем и сам не догадываешься. Ну просто в голову не приходило. Все-таки ты пробыл там четыре года. Женился, завел ребенка. Не мог же ты ничего не узнать.

— А как? Да покажи я хоть малейший интерес к таким вещам, меня немедленно выставили бы. Одно только мое земное происхождение заставляло их относиться ко мне с подозрением. Если бы я не женился, так сказать, не дал бы им понять, что намереваюсь сделаться роторианином, меня бы вышвырнули без разговоров. А так — меня просто не информировали обо всех важных делах. — Фишер поглядел в сторону. — Ну и вышло, как они хотели. Моя жена была всего лишь астрономом. Мне же не из чего было выбирать, сам знаешь. Не мог же я дать объявление на головидение, что ищу молодую даму — специалиста по гиперпространству. Уж если бы я встретил такую, то постарался бы заарканить, будь она похожа хоть на гиену. Только не повезло — не встретил. Техника — вещь тонкая, по-моему, они держат ценных специалистов в полной изоляции. Не исключено, что в лабораториях они носят маски и пользуются псевдонимами. Четыре года я пробыл там — и никакого следа, никакого намека. Не мог

же я не понимать, что здесь подумают, будто я надуваю Контору. — Обернувшись к Гаранду, он заговорил со внезапной пылкостью: — Все сложилось плохо, мне не повезло. Никак не мог отделаться от мысли, что я неудачник.

Уайлер сидел напротив Фишера за столом посреди тесной комнатухи и покачивался на задних ножках стула, придерживаясь за столешницу, чтобы не упасть.

— Крайл, Контора не может позволить себе деликатничать, но не все же такие бесчувственные. Сожалею, что приходится обходиться с тобой подобным образом, но, увы... Мне очень жаль, что работа эта выпала мне. Твой провал встревожил нас: ты не смог добыть никакой информации. Если бы Ротор не исчез, едва ли кто-нибудь взволновался, но он исчез. У них есть гиперпривод, а ты ничего не дал Земле.

— Я знаю.

— Но не думай, что мы намерены тебя вышвырнуть и забыть. Не исключено, что ты еще сможешь оказаться полезным. Итак, я вынужден установить, честным ли был твой провал.

— Что это значит?

— Я должен иметь возможность заявить, что твоя неудача не была вызвана какими-нибудь личными причинами. В конце концов, ты был женат на роторианке. Она была красивая? Ты любил ее?

— Иными словами, не из-за любви ли я решил встать на сторону роториан и хранить их тайну?! — негодуяще воскликнул Фишер.

— Ну, — невозмутимо произнес Уайлер. — И что ты мне скажешь?

— Как ты мог подумать? Если бы я решил стать роторианином, то просто улетел бы с ними. Затерялся бы в глубинах космоса — и никто бы меня не нашел. Но я этого не сделал. Я покинул Ротор и вернулся на Землю, понимая, что погубил свою карьеру.

— Мы ценим твою преданность.

— Моя преданность может быть сильнее, чем вы предполагаете.

— Хорошо, возможно, ты любил свою жену и вынужден был оставить ее. Это зачлось бы в твою пользу, имей мы возможность проверить данный факт.

— Дело не столько в жене, сколько в дочери.

Уайлер задумчиво взглянул на Фишера.

— Крайл, мы знаем, что у тебя там осталась годовалая дочка. Учитывая обстоятельства, тебе не следовало бы, наверное, заходить так далеко.

— Согласен. Но я же не хорошо смазанный робот. Иногда кое-что случается и против твоей воли. А когда девочка родилась, я нянчился с ней целый год...

— Понятно, но год — это всего лишь год. Едва ли за такое время может создаться прочная связь.

Фишер скривился.

— Тебе кажется, что все так просто, но ты совершенно ничего не понимаешь.

— Объясни — я попробую понять.

— Видишь ли, она как две капли воды похожа на мою сестру.

Уайлер кивнул.

— Ты упоминал о ней в своей анкете. Роза, кажется.

— Розанна. Она погибла восемь лет назад во время беспорядков в Сан-Франциско. Тогда ей было всего семнадцать.

— Сочувствую.

— Она не была ни на чьей стороне. Просто под руку подвернулась — это чаще случается с невинными очевидцами, чем с заводилами и их приспешниками. Потом мы нашли ее тело и кремировали.

Уайлер сочувственно молчал.

— Ей было только семнадцать, — продолжал Фишер. — Родители наши умерли, — он коротко взмахнул рукой, словно хотел сказать, что не желает вдаваться в подробности, — когда мне было четырнадцать, а ей четыре. После школы я работал и следил, чтобы она была сыта, одета и под присмотром — даже когда мне самому приходилось туго. Я стал программистом — эта работа едва могла прокормить, о приличном заработке не могло быть и речи. И вот едва ей исполнилось семнадцать... Да она за всю жизнь никого пальцем не тронула и знать не знала, о чем был весь шум и зачем драка. Просто шла мимо, и все...

— Теперь мне понятно, почему ты решил отправиться на Ротор.

— О да. Пару лет я жил как во сне. Потом, чтобы занять чем-нибудь голову и в надежде на опасности, поступил в Контору. И какое-то время искал смерти — а пока не нашел ее, старался сделать что-то полезное. Когда обсуждался вопрос о засылке агента на Ротор, я вызвался добровольцем. Не хотелось больше видеть Землю.

— Но ты вернулся. Жалеешь?

— Немного жалею, конечно. Только на Роторе мне было душно. При всех своих недостатках наша Земля так просторна. Гаранд, если бы ты только видел Розанну! Ты даже не можешь себе представить. Хорошенькой она не была, а вот глаза... — Взгляд Фишера застыл, словно углубился в былое. — Прекрасные глаза... жутковатые даже. Я никогда не мог глядеть в них без трепета. Она словно видела меня насквозь — если ты понимаешь меня.

— Нет, не понимаю, — заметил Уайлер.

Фишер не обратил внимания на его слова.

— Она всегда знала, когда я привирал или утаивал что-нибудь. Даже промолчать было трудно — она всегда догадывалась, в чем дело.

— Ты хочешь сказать, что она была телепатом?

— Что? Да нет же. Она говорила, что умеет догадываться по выражению лица и интонациям. Она говорила, что никто не может скрыть свои мысли. Смейся не смейся, но и скорби за смехом не спрячешь, и улыбкой горечи в душе не укрыть. Она пыталась объяснять, но я так и не сумел понять, как ей это удавалось. Она была совсем не такая, как все, Гаранд. Я благоговел перед ней. И вот рождается моя собственная дочка, Марлена...

— Ну и?..

— С такими же точно глазами.

— Как у сестры?

— Поначалу не совсем, но я видел, как они становились такими. Ей было только шесть месяцев, а мне уже хотелось опустить глаза под ее взглядом.

— И жена испытывала то же самое?

— По ее поведению я никогда не замечал этого, но ведь сестрички Розанны у нее не было. Марлена почти не плакала, всегда была такой спокойной. Розанна, насколько я помню ее в детстве, была такой же. И судя

по личику Марлены, красавицей она быть не собиралась. В общем, словно это Розанна вернулась ко мне. Словом, все давалось мне весьма тяжело.

— Ты говоришь о возвращении на Землю?

— Да, так трудно было покидать их. Словно я вновь потерял Розанну. Дочь мне тоже теперь не увидеть!

— Но ты же вернулся.

— Из чувства долга. Долг! Но если честно — я чуть было не остался. Меня буквально раздирало на части. Я отчаянно не хотел оставлять Розанну... то есть Марлену. Видишь, я имена перепутал. Жена моя, Эугения, тогда сказала мне трагическим голосом: «Если бы ты знал, куда мы направляемся, то не рвался бы обратно». А я совсем не собирался их покидать. Я хотел, чтобы она вернулась со мной на Землю. Она отказалась. Тогда я попросил ее отдать мне... Марлену. Она снова отказалась. И в тот самый момент, когда я уже готов был сдаться, она словно взбесилась и прогнала меня. Я и ушел.

Уайлер задумчиво взглянул на Фишера.

— «Если бы ты знал, куда мы направляемся, то не рвался бы обратно...» Так она сказала?

— Да, так она и сказала. А когда я стал спрашивать, куда же летит Ротор, ответила: «к звездам».

— Тут что-то не так, Крайл. Ты знал, что они собираются лететь к звездам, но она сказала: «Если бы ты знал, куда мы направляемся...» — значит, кое-что тебе не было известно. Так что же ты так и не узнал?

— О чем ты говоришь? Как можно знать то, чего не знаешь?

Уайлер пожал плечами.

— Ты сказал об этом на допросе в Конторе?

Фишер задумался.

— Кажется нет. Просто не вспомнил, пока не начал рассказывать тебе. — Он прикрыл глаза, потом медленно проговорил — Нет, я никому не говорил об этом. Просто в голову не пришло.

— Ну хорошо. А как ты там считаешь, куда мог отправиться Ротор? Может быть, ты все-таки выхал кое-что? Слыхи, какой чудак.

— Бесполезно. Ты же знаешь, что он не говорит. Куда же еще? Все равно...

— Твоя жена была астрономом. Что она говорила об этом?

— Ничего. Буквально ни слова.

— Но Ротор же запустил Дальний Зонд...

— Да.

— И твоя жена участвовала в этой работе в качестве астронома.

— Да, но она об этом молчала, а я старался не спрашивать. За любое открытое проявление излишнего любопытства меня могли бы посадить — даже казнить, насколько я понимаю, — и тогда дело осталось бы несделанным.

— Но она же была астрономом — неужели не знала, куда они собираются лететь? Она ведь сказала: «Если бы ты знал...» — понял? Она знала, но если бы узнал и ты...

Фишер не проявил интереса к намеку:

— Видишь ли, она молчала, и я не могу сказать, знала она или нет, мне нечего тебе сказать.

— Ты уверен? А не припомнишь каких-нибудь словечек, фраз, смысла которых ты не понял тогда? Что-нибудь такое, чем ей случалось озадачить тебя?

— Не могу даже представить.

— Подумай! Что если с помощью Дальнего Зонда они обнаружили планетную систему около одной из подобных Солнцу компонент альфы Центавра?

— Не могу сказать.

— Или они нашли планету возле какой-нибудь другой звезды?

Фишер пожал плечами.

— Думай, — настаивал Уайлер. — Можно ли понимать ее слова так: «Ты думаешь, мы летим к альфе Центавра, а мы летим к планете, что обращается вокруг нее»? Или же она могла сказать: «Ты думаешь, мы летим к альфе Центавра, а мы летим к другой звезде, рядом с которой нам удалось обнаружить пригодную для жизни планету»? Или что-нибудь в этом роде.

— Нет, не знаю.

Гаранд Уайлер поджал пухлые губы. Потом произнес:

— А теперь, старый дружище Крайл, я скажу тебе вот что. Тебя ждет три события. Во-первых, новый

допрос. Во-вторых, скорее всего, нам удастся уговорить поселение на Церере, и они предоставят нам свои телескопы, чтобы мы могли внимательно и скрупулезно проверить каждую звезду в сотне световых лет от Солнца. В-третьих, наши специалисты по гиперпространству получают хорошую нахлобучку, чтобы впредь ловили мышей. Не сомневайся, так оно и будет.

Глава 9

ЭРИТРО

16

Годы шли. И не часто, совсем-совсем не часто — или так только казалось Янусу Питту — удавалось в одиночестве откинуться на спинку кресла, просто посидеть и расслабиться. Изредка выпадали минуты, когда не нужно было отдавать распоряжения, обдумывать информацию, принимать решения, ездить на фермы и фабрики; когда можно было не следить за направлением движения Ротора в космосе; когда никто не ждал приема, и не с кем было встречаться, некого было выслушивать, отчитывать и хвалить.

И всегда в такие моменты Питт позволял себе редкую роскошь: он предавался жалости к себе самому.

Конечно, другой судьбы он и не принял бы. Он всегда хотел стать комиссаром, ибо был уверен, что лучше, чем кто бы то ни было, сумеет руководить Ротором. Став наконец комиссаром, он еще больше убедился в этом.

И все-таки жаль, что среди всех этих тупиц, населявших Ротор, нет никого, кто был бы наделен хоть частью его собственной прозорливости. С момента Исхода прошло уже четырнадцать лет, но никто так и не сумел увидеть неизбежное — несмотря на то что Питт пытался все растолковать.

В оставшейся позади Солнечной системе кто-нибудь скоро, и достаточно скоро, снова изобретет гиперпривод, как это сделали на Роторе — быть может, даже более совершенный. Настанет день, когда сотни и тыся-

чи поселений, миллионы и миллиарды земель отправятся колонизировать Галактику. Жестокое будет время.

Да, Галактика безмерна. Он тысячу раз слышал об этом. А за ней простираются другие галактики. Но человечество не в состоянии распространяться равномерно. Непременно какая-нибудь звездная система покажется притягательнее соседних, и из-за нее тут же начнется грызня. И если десять поселений с колонистами на борту отправятся к десяти звездам, можно не сомневаться — все десять сойдутся в одной звездной системе.

Рано или поздно обнаружат и Немезиду, и тогда здесь появятся колонисты. Сумеет ли Ротор выжить?

Выжить можно, если иметь в запасе время, успеть построить сильную цивилизацию и обжить достаточно большое пространство. Если хватит времени, можно освоить несколько звездных систем. Если нет — достаточно и Немезиды, но она должна стать неприступной. Не к завоеваниям, не к захватам стремился Питт. Он хотел создать островок спокойствия и безопасности к тому времени, когда ввергнутая в хаос конфронтации Галактика полыхнет огнем.

И только он один понимал это. Только он взвалил на себя эту тяжесть. А сколько ему осталось? Четверть века — не более... И что тогда? Кто сумеет проявить подобную дальнзоркость, когда его не станет?

Тут-то Питт и начинал жалеть себя. Столько лет, столько трудов, сколько еще предстоит — да разве хоть кто-нибудь сумеет по достоинству оценить дело рук его? Никто. И все кончится, его идея утонет в океане посредственности, что плещется у ног мудрых провидцев.

За все четырнадцать лет, минувших после Исхода, разве был хоть миг, когда он мог ощутить спокойную уверенность? Каждую ночь он засыпал с мыслью, что поутру узнает: возле Немезиды объявилось новое поселение.

И день за днем посреди повседневной суеты какая-то часть его была настороже, в любую минуту ожидая рокового известия.

Четырнадцать лет прошло, но цель еще не достигнута. Правда, уже построено целое поселение — Ротор-2.

Новенький, пахнувший краской, как прежде говорили, — его уже начали обживать. Еще три поселения находились в различной степени готовности.

Скоро, лет через десять, поселений станет больше и можно будет следовать древнему завету: плодитесь и размножайтесь!

Грустный пример Земли заставлял поселения помнить о собственных возможностях, и умножение рода людского в космосе не поощрялось. Неопровержимая сила арифметики сталкивалась с непоборимой мощью инстинкта, но логика побеждала чувства. Однако если поселений будет все больше, настанут времена, когда для них потребуются жители — много, — и тогда потребности к воспроизводству можно будет дать волю.

Временно, правда. Ведь сколько поселений ни создавай, все будут заселены, раз население без всяких сложностей сможет удваиваться каждые тридцать пять лет. Но настанет день, когда, миновав максимум, число строящихся поселений пойдет на убыль, тогда загнать в бутылку этого джина будет куда труднее, чем выпустить.

Кто сумеет предусмотреть все это и подготовиться должным образом, когда его, Питта, не станет?

Кроме того, нельзя забывать про Эритро, планету, вокруг которой обращался Ротор, встречая восходы и закаты огромного Мегаса и румяной Немезиды. Эритро! Загадочная планета...

Питт прекрасно помнил те дни, когда Ротор входил в систему Немезиды. Ротор стремился к красному карлику, и люди постепенно открывали для себя непривычную простоту его планетной системы.

Мегас обнаружили всего в четырех миллионах километров от Немезиды — Меркурий от Солнца отделяет расстояние в пятнадцать раз большее. От своей звезды Мегас получал примерно то же количество энергии, что и Земля от Солнца, — только в спектре Немезиды было больше инфракрасных лучей и меньше видимых.

Даже с первого взгляда трудно было не заметить, что для заселения Мегас явно непригоден. Этот газовый гигант был постоянно обращен к Немезиде одной стороной. Вокруг звезды и вокруг собственной оси он обращался за одно и то же время — двадцать дней.

Вечная ночь на другой половине Мегаса несколько снижала температуру планеты, излучавшей собственное тепло. На обращенном к Немезиде полушарии царила невыносимая жара. При такой температуре Мегас удерживал свою атмосферу лишь потому, что его масса была больше, а диаметр меньше, чем у Юпитера, а сила притяжения на его поверхности в пятнадцать раз превышала юпитерианскую и в сорок раз — земную.

Других планет у Немезиды не было.

Ротор подлетал все ближе, Мегас становился все виднее — и ситуация вновь изменилась.

Новость Питту сообщила Эугения Инсигна. На одном из снимков после компьютерной обработки обнаружили некий объект, после чего фотографию немедленно доставили Инсигне как главному астроному. И она в смятении явилась к Питту, в его комиссарский кабинет.

— У Мегаса есть спутник, — произнесла она, стараясь сдержать волнение. Голос ее дрожал.

Питт приподнял брови.

— Неужели это такая неожиданность? В Солнечной системе у газовых гигантов их бывает до двадцати.

— Конечно, Янус, но это не просто спутник. Он очень большой.

Питт сохранял невозмутимость.

— У Юпитера таких четыре.

— Я хочу сказать, что он действительно большой — и масса, и размер почти как у Земли.

— Да? Интересно.

— Более чем интересно, Янус. Если бы этот спутник обращался вокруг Немезиды, приливные факторы давно заставили бы его повернуться к звезде одной стороной и он сделался бы непригодным для жизни. Но в данном случае одна его сторона обращена к куда более прохладному Мегасу. Далее, плоскость орбиты спутника образует большой угол с плоскостью экватора Мегаса. Это значит, что Мегас виден только из одного полушария спутника; период его вращения с севера на юг составляет примерно один день. От восхода до заката Немезиды на небе спутника тоже один день. В одном полушарии день и ночь делятся по двенадцать часов. В другом все происходит примерно так же,

только днем часто случаются затмения — полчаса, не более, — сопровождаемые легким похолоданием. В этом полушарии в ночные часы светлее — отраженный Мегасом свет рассеивает тьму.

— У этого спутника такое интересное небо — просто находка для астронома.

— Янус, это не просто астрономическая «конфетка». Не исключено, что температура на спутнике равномерна и приемлема для человека. Значит, он может оказаться пригодным для жизни.

Питт улыбнулся.

— Становится еще интереснее, но все-таки его свет непривычен для нас.

Инсигна кивнула.

— Верно, солнце этой планеты покажется нам багровым, а небо темным, там нет коротковолнового излучения, которое рассеивается атмосферой. И я думаю, ландшафт должен выглядеть там красноватым.

— Поскольку ты давала имя Немезиде, а кто-то из твоих людей Мегасу, на сей раз я воспользуюсь правом первооткрывателя. Назовем этот спутник «Эритро». Если не ошибаюсь, слово это греческое и означает «красный».

Какое-то время после этого новости оставались хорошими. Систему Мегас—Эритро окружал пояс астероидов. Маленькие планетки могли оказаться источником сырья для создания новых поселений.

Когда они еще ближе подошли к Эритро, обнаружили новые признаки ее пригодности для жизни. На Эритро оказались даже моря, которые по предварительным оценкам облачного покрова в инфракрасном и видимом свете были мельче земных. По-настоящему высоких гор на суше было немного.

Проанализировав все данные, Инсигна сделала заключение: климат планеты пригоден для человека.

Когда атмосферу Эритро можно было уже изучать точными спектроскопами, Инсигна с уверенностью сказала Питту:

— Атмосфера Эритро чуть-чуть плотнее, чем на Земле, и содержит шестнадцать процентов свободного кислорода, пять процентов аргона, остальное — азот. Воз-

можно примесь двуокиси углерода, только мы ее пока не обнаружили. Главное — там можно дышать.

— Звучит все лучше и лучше, — обрадовался Питт. — Разве могла ты предположить такую возможность, когда обнаружила Немезиду?

— Это может обрадовать разве что биологов, а вот население Ротора — едва ли. При таком количестве кислорода в атмосфере возможно существование жизни.

— Жизни? — задумчиво повторил Питт.

— Жизни, — злобно подтвердила Инсигна. — А там, где есть жизнь, могут оказаться и разум, и цивилизация.

17

Для Питта начались кошмарные дни. Теперь ему уже виделись не только полчища землян, преследующие по пятам его Ротор; к давним опасениям добавились новые, более сильные. Что если Ротор вторгнется в пределы владений какой-нибудь древней и могущественной цивилизации, а та, сама того не замечая, возьмет и прихлопнет Ротор, как назойливого комара?

Но они продолжали приближаться к Немезиде, и однажды Питт с тревогой спросил у Инсигны:

— Так, значит, наличие кислорода и в самом деле может быть признаком существования жизни?

— Янус, это неизбежно следует из законов термодинамики. В атмосфере, похожей на земную — а насколько мы можем судить, Эритро во всем подобна Земле, — свободный кислород не может существовать, это столь же неопровержимо, как и то, что камни не могут висеть в воздухе. В атмосфере кислород непременно будет самопроизвольно соединяться с другими элементами, выделяя при этом энергию. Присутствовать в атмосфере свободный кислород может лишь тогда, когда в ней происходит какой-то процесс, обеспечивающий непрерывное выделение кислорода и поглощающий энергию.

— Эутения, я это все понимаю — но неужели таким процессом может быть только жизнь?

— Дело в том, что кроме фотосинтеза в зеленых растениях природа не придумала другого способа превращения энергии в свободный кислород.

— Ты говоришь, природа не придумала — но ведь это в Солнечной системе не придумала. А мы возле другой звезды, тут иная планета, совершенно другие условия. Законы термодинамики, конечно, неизменны — а вдруг здесь кислород выделяется в результате неизвестного в Солнечной системе химического процесса, происходящего с выделением кислорода?

— Если ты любитель пари, я бы не советовала тебе ставить на это, — ответила Инсигна.

Нужны были доказательства, и Питту оставалось только ждать.

Сначала обнаружили, что магнитные поля Немезиды и Мегаса крайне слабы. Особого восторга открытие не вызвало, об этом многие уже догадывались, ведь и звезда, и планета вращались очень медленно. Магнитное поле Эритро, совершавшей один оборот вокруг собственной оси за двадцать три часа шестнадцать минут и за то же время обегавшей один раз вокруг Мегаса, по интенсивности оказалось эквивалентно земному.

Инсигна выглядела довольной.

— Планета защищена от космического излучения, к тому же звездный ветер от Немезиды должен быть куда слабее солнечного. Это хорошо, значит, признаки жизни на Эритро мы сумеем обнаружить издалека. Технологической цивилизации, разумеется.

— Каким это образом? — поинтересовался Питт.

— Можно не сомневаться, что высокого уровня технологии невозможно достигнуть, не используя радиоволнового излучения, распространяющегося во все стороны от Эритро. А поскольку искусственный компонент легко выделить из естественного хаоса радиоволн, излучаемых ею, планета обладает не слишком сильным магнитным полем.

— Едва ли это необходимо, — ответил Питт. — Можно доказать, что Эритро безжизненна, несмотря на наличие кислородной атмосферы.

— О? Хотелось бы услышать, каким образом это можно доказать.

— Вот что мне пришло в голову. Слушай! Ты же сама говорила, что приливное воздействие замедляет вращение Немезиды, Мегаса и Эритро. И не ты ли

говорила, что в итоге Мегас отодвинулся от Немезиды, а Эритро удалилась от Мегаса?

— Да.

— Следовательно, некогда Мегас располагался ближе к Немезиде, а Эритро — к Мегасу, а значит, и к Немезиде. Отсюда следует, что поначалу на Эритро было слишком жарко для возникновения жизни, скорее всего она только недавно достаточно охладилась. О возникновении технологической цивилизации не может быть и речи.

Инсигна мягко усмехнулась.

— Я и представить себе не могла подобной изобретательности в астрономических вопросах — одной фантазии недостаточно. Красные карлики живут долго, так что Немезида вполне могла сформироваться еще на заре Вселенной, скажем, миллиардов пятнадцать лет тому назад. Тогда приливное воздействие было весьма сильным, и поначалу все три тела располагались близко друг к другу. На процесс взаимного удаления могли уйти самые первые три-четыре миллиарда лет жизни этой системы. Приливное воздействие уменьшается обратно пропорционально кубу расстояния, так что потом оставшиеся десять миллиардов лет значительных перемен не было. А этого времени хватило бы на существование не одной, а нескольких технологических цивилизаций. Нет, Янус, что толку в безосновательных измышлениях. Лучше подождем, не обнаружится ли что-нибудь интересное в радиоволновом диапазоне.

— Но мы тогда окажемся еще ближе к Немезиде...

Наконец звезда приблизилась настолько, что превратилась в крошечный красный тусклый шарик и на нее можно было смотреть невооруженным глазом. Возле нее ржавой точкой виднелся Мегас. В телескоп он казался пошедшим на ущерб — под таким углом подлетал к Немезиде и Мегасу Ротор. Эритро можно было различить в телескоп — алую неяркую точку.

Но она становилась все ярче, и наконец Инсигна сказала Питту:

— Хочу тебя порадовать, Янус. Мы так и не обнаружили никакого радиоизлучения, которое могло бы иметь искусственное происхождение.

— Чудесно. — Теплая волна истинного облегчения окатила Питта.

— Но не надо скакать от радости, — осадила его Инсигна. — Ну а если они предпочитают обходиться без радиоволн? Или научились экранировать их? Или вообще пользуются чем-нибудь другим?

Питт криво улыбнулся.

— Ты серьезно?

Инсигна неуверенно пожала плечами.

— Если ты хочешь предложить мне пари, советую не ставить на это, — сказал Питт.

Вскоре Эритро превратилась в шар, который уже различали без телескопа, за ней воздушным шариком парил Мегас, с другой стороны Ротора виднелась Немезида. Ротор тормозил, чтобы выйти к Эритро. Видимые в телескоп, над планетой клубились знакомые облака, совсем как на Земле, — оставалось надеяться, что и давление, и температура на поверхности Эритро будут не слишком отличаться от земных.

— Радуйся, Янус, городских огней на ночном полушарии Эритро мы не обнаружили, — объявила Инсигна.

— Ты хочешь сказать, что на ней нет технологической цивилизации?

— Конечно.

— Тогда я сам попытаюсь выступить в качестве адвоката дьявола, — проговорил Питт. — Разве цивилизация, возникающая у тусклого красного солнца, не может обойтись без яркого уличного освещения?

— Это в видимом диапазоне оно может казаться неярким, но Немезида обильно светит и в инфракрасном. Нетрудно предположить, что их уличные светильники дают инфракрасное излучение. Но спектр излучения планеты является полностью естественным. К тому же вся поверхность излучает достаточно однородно, а искусственное освещение образует произвольного вида сетки с темными ячейками, где никто не живет.

— Значит, Эугения, о технологической цивилизации можно забыть, — с облегчением проговорил Питт. — Ее здесь нет. Цивилизация могла бы сделать Эритро кое в чем привлекательнее для нас, но нельзя же стремиться к встрече с теми, кто ни в чем нам не уступает, если не превосходит. В таком случае нам пришлось бы уда-

литься, но куда? К тому же на новый перелет могло бы уже не хватить запасов энергии. Ну а раз так — мы можем с легким сердцем остаться у Немезиды.

— Но атмосфера Эритро изобилует кислородом, значит, на планете должна существовать жизнь. Нет лишь технологической цивилизации. Следовательно, нам придется спускаться на ее поверхность и изучать формы, которые приняла здесь жизнь.

— Зачем?

— Как ты можешь спрашивать, Янус? Если мы наткнулись на жизнь, возникшую независимо от Земли, — какое изобилие открытий ожидает наших биологов.

— Да-да, конечно. Это относительно научной любознательности. Видишь ли, местные формы жизни от нас не сбегут. Позже найдется время и для них. Сейчас же все внимание следует уделить неотложным задачам.

— Но что может быть важнее исследования жизни на первой планете, открытой людьми за пределами Солнечной системы?

— Эугения, постарайся же, наконец, подумать, как нам устроиться здесь. Надо будет строить новые поселения. Придется урегулировать все отношения в обществе, состоящем из понимающих друг друга людей, значительно менее воинственном, чем то, что осталось в Солнечной системе.

— Но для этого нам понадобится сырье, а значит, все равно надо спускаться на поверхность Эритро и исследовать жизнь, возникшую на ней...

— Нет, Эугения. Сажать транспорты на Эритро, потом поднимать их — дело чересчур энергоемкое при таком гравитационном поле. Даже здесь, в космосе, совместное гравитационное воздействие Эритро и Мегаса достаточно ощутимо. Мои люди уже все просчитали. Транспортировку сырья из пояса астероидов наладить будет сложнее, но это выгоднее, чем возить все с Эритро. Если перевести Ротор в пояс астероидов, затраты уменьшатся. Новые поселения мы будем сооружать именно там.

— Значит, ты предлагаешь не обращать на Эритро вообще никакого внимания?

— Да, Эугения, пока. Вот укрепим, подкопим сил, выйдем на стадию устойчивого прироста — тогда и

займемся жизнью на Эритро или загадочными химическими процессами на ее поверхности.

Питт примиряюще улыбался Инсигне. Он был уверен, что исследования Эритро следовало отложить на возможно более далекие времена. Раз технологического общества на ней не существует, прочие формы жизни могут и подождать. Орды последователей, извергаемые Солнечной системой вдогонку Ротору, — вот кто был его истинным врагом.

Ну почему же никто, кроме него, не понимает, что следует делать? Что заставляет всех вечно уклоняться с магистрального пути на глухие тропы?

Разве можно позволить себе умереть, оставив этих дураков без присмотра?

Глава 10

ПЕРЕУБЕЖДЕНИЕ

18

Итак, теперь, через двенадцать лет после того, как выяснилось, что на Эритро нет технологической цивилизации, через двенадцать мирных лет, в течение которых ни одно поселение с Земли не появилось в окрестностях Немезиды, чтобы погубить зарождающийся новый мир, Питт мог еще наслаждаться редкими моментами покоя. Но сомнения одолевали его даже во время недолгого отдыха. Он все подумывал, не увести ли Ротор отсюда, как он намеревался поначалу. Вот если бы они не остались на орбите Эритро, если бы на ее поверхности не вырос Купол...

Питт откинулся на спинку кресла, ограничительные поля поддерживали его, полный покой навевал сон... Внезапный негромкий звонок заставил его, хоть и не сразу, вернуться к действительности.

Он открыл глаза — и как это они вдруг оказались закрытыми? — и взглянул на небольшую видеополосу на противоположной стене. Легкое нажатие руки превратило ее в экран головизора.

Конечно же, это был Семен Акорат.

Перед комиссаром появилась блестящая, как коленка, лысина: Акорат сбрасывал и темный венчик вокруг нее, полагая, что редкая растительность на краю пустыни способна лишь подчеркнуть полное запустение в центре, а объемистый череп во всей своей нагой красе

может показаться даже величественным. Вот он. Озабоченный взгляд... Его глаза были озабоченными даже тогда, когда повод для беспокойства трудно было сыскать.

Питт не любил Акората. Не потому, что тот когда-либо подводил его, проявив неумение или отсутствие преданности — в обоих качествах его нельзя было даже заподозрить, — просто не нравился, и все тут. Акорат вечно нарушал покой Питта, отрывал от размышлений, требовал от Питта такое, чего сам не намеревался делать. Акорат распоряжался в приемной Питта и определял, кому и как попадать на прием к комиссару.

Питт слегка нахмурился. Он что-то не помнил, чтобы кому-то назначал встречу на это время. Однако, будучи человеком рассеянным, он во всем полагался на исполнительного, ничего не забывавшего Акората.

— Кто там? — спросил он без интереса. — Что-нибудь несущественное?

— Абсолютно ничего важного, — ответил Акорат, — но лучше вам самому поговорить с ней.

— Она рядом с вами и слышит нас?

— Комиссар, — с укоризной проговорил Акорат, усмотрев в словах босса замечание. — Конечно же, нет. Она рядом, но по другую сторону экрана.

Мысли свои он формулировал с привычной точностью, что весьма нравилось Питту. Акората нельзя было понять превратно.

— Если «она», значит, это доктор Инсигна. Вы не забыли мои инструкции? Без предварительной записи я не приму ее. Акорат, я сыт ею по горло. Хватит с меня этих двенадцати лет. Найдите какой-либо предлог. Скажите, что я медитирую... Нет, она не поверит... Скажите, что...

→ Комиссар, это не доктор Инсигна. Я бы не стал вас беспокоить. Это ее дочь.

— Ее дочь? — Он не смог сразу припомнить имя девочки. — Ты хочешь сказать, что здесь Марлена Фишер?

— Да. Естественно, я объяснил ей, что вы заняты, но она сказала мне, что лгать стыдно, что все написано у меня на лице и что таким голосом правду не говорят, —

с возмущением цитировал баритон секретаря. — Во всяком случае, она утверждает, что не собирается уходить. Она просила передать вам, что просит принять ее. Ну как, комиссар? По правде говоря, ее глаза просто пугают меня.

— Кажется, я что-то уже слышал о них. Хорошо, пусть войдет. Пусть войдет, и посмотрим, сумею ли я перенести их взгляд. Придется подумать о ее способностях, всему должно быть рациональное объяснение.

Марлена вошла. Удивительное самообладание, подметил Питт, впрочем, подобающе скромна и без какой бы то ни было заносчивости. Села, положив руки перед собой, предоставляя Питту право начать разговор. Он не торопился, рассеянным взором поглядывал на девочку. Питту приходилось видеть Марлену, когда она была поменьше, но с тех пор прошло много времени. Хорошеньким ребенком ее назвать было нельзя, и подростком она не сделалась симпатичней. Широкие скулы, полное отсутствие изящества — но удивительные глаза с длинными ресницами под широкими дугами бровей.

— Ну, мисс Фишер, — начал Питт, — вы хотели видеть меня — так мне сказали. Могу ли я спросить, зачем я вам понадобился?

Марлена окинула его холодным взором своих необыкновенных глаз и без тени смущения проговорила:

— Комиссар Питт, полагаю, моя мать уже сказала вам о моем разговоре с приятелем; я проговорила ему о том, что Землю ждет гибель.

Брови сошлись вплотную над обыкновенными глазами Питта.

— Да, — ответил он. — Надеюсь, что она успела уже запретить вам дурацкие разговоры о таких серьезных вещах.

— Да, комиссар, она сделала это. Но если о чем-то просто не говорить или называть глупостью, это не значит, что это что-то не существует.

— Мисс Фишер, комиссар Ротора — я, и подобные вопросы относятся к моей компетенции, так что я прошу вас позволить мне решать здесь, что так, что не так, что глупо, что нет. С чего вы взяли, что Земля

погибнет? Ваша мать говорила что-нибудь в этом роде?

— Не прямо, комиссар.

— Косвенно, значит?

— Она просто не сумела скрыть это, комиссар. Люди говорят не только словами. Есть еще интонации, выражения лиц, движения глаз и ресниц, разнообразные покашливания. Всех способов не перечесть. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Прекрасно понимаю. Мне тоже приходится обращать внимание на подобные вещи.

— И вы гордитесь этой способностью, комиссар. Вы знаете, что умеете хорошо понимать людей, и эта способность явилась одной из причин назначения вас комиссаром.

На лице Питта появилось удивление.

— Юная леди, я вам этого не говорил.

— Словами — нет. Но вы, комиссар, могли и не прибегать к ним. — Она смотрела прямо в глаза Питту, на лице ее не было даже тени улыбки, только легкий интерес к разговору.

— Итак, мисс Фишер, вы пришли, чтобы поговорить со мной об этом?

— Нет, комиссар. Я пришла потому, что в последнее время моей матери стало сложно попадать к вам на прием. Нет, конечно, она мне этого не говорила. Я сама заметила и подумала, что, возможно, вы согласитесь переговорить со мной.

— Хорошо, и вот вы здесь. О чем же вы хотите поведать мне?

— Моя мать беспокоится — потому что Земля может погибнуть. Там остался мой отец, вы помните это.

Питт уже ощущал раздражение. Как можно постоянно смешивать личные интересы с процветанием Ротора? Эта Инсигна — хоть он и благодарен ей, открывшей для него Немезиду — давно уже буквально душила его этой своей удивительной способностью безошибочно угадывать неверный путь и толкать его туда. А теперь, когда он больше не хочет ее видеть, подслала дурочку дочь.

— Как вы считаете, эта самая гибель произойдет завтра или в следующем году? — спросил Питт.

— Нет, комиссар, я знаю, что до нее еще почти пять тысяч лет.

— К этому времени вашего отца уже не будет в живых. Как, впрочем, и вашей матери, и меня, и вас. Когда мы все умрем, до гибели Земли и всей Солнечной системы останется почти пять тысяч лет — хотя я лично сомневаюсь, что Солнечной системе действительно угрожает нечто серьезное.

— Неважно, когда это случится, комиссар, — важно, что случится.

— Ваша мать должна была объяснить вам, что люди Земли задолго до начала катаклизма сумеют заметить угрозу — если она возникнет — и предотвратят ее. К тому же бессмысленно заранее горевать по поводу гибели планеты. Эта участь ожидает любой из миров. Каждая звезда неизбежно проходит стадию красного гиганта и губит свои планеты. Планеты умирают, как люди. Только жизнь их много дольше. Вы согласны со мной, юная леди?

— Согласна, — согласилась Марлена. — Мы с компьютером дружим.

Нисколько не сомневаюсь, — подумал Питт и с опозданием стер с лица сардоническую усмешку. Наверное, она поняла, как он к ней относится.

И, желая окончить разговор, Питт произнес:

— Тогда можно считать разговор оконченным. Любые речи о гибели планеты глупы, но даже если бы это было не так — что вам до нее? Не советую вспоминать об этом, иначе не только вас, но и вашу мать будут ожидать неприятности.

— Разговор еще не окончен, комиссар.

Питт почувствовал, что теряет терпение, однако невозмутимо ответил:

— Дорогая мисс Фишер, если комиссар говорит — все, значит — все, и ваше мнение здесь ни при чем.

Он привстал, но Марлена не пошевелилась.

— Я хочу предложить вам кое-что, в чем вы нуждаетесь.

— Я?

— Возможность избавиться от моей матери.

Воистину озадаченный, Питт сел в кресло.

— Что вы имеете в виду?

— Я объясню, если вы согласитесь выслушать меня. Моя мать уже не может оставаться на Роторе. Ее волнует, что будет с Землей, Солнечной системой, иногда она... даже тревожится об отце. Ей кажется, что Немезида погубит всю Солнечную систему. И она считает, что в ответе за это, поскольку давала имя звезде. Комиссар, она человек эмоциональный.

— Да. Вы тоже это подметили?

— Она причиняет вам беспокойство. Она частенько напоминает вам о делах, которые ей кажутся важными, а для вас, наоборот, не представляют интереса. Приходится отказывать ей в приеме, посылать ее подальше — мысленно, комиссар. Ее действительно можно отослать отсюда.

— В самом деле? Ах да, у нас появилось новое поселение. Значит, я должен отослать ее на новый Ротор?

— Нет, комиссар, пошлите ее на Эритро.

— Почему я вообще должен это делать? Чтобы избавиться от нее?

— Да, комиссар. Вы этого хотите. А мне нужно другое. Я хочу, чтобы вы отпустили ее на Эритро, — здесь она не имеет возможности работать в обсерватории: приборы постоянно заняты, она чувствует, что за ней следят, и ощущает ваше раздражение. К тому же Ротор не слишком хорошее место для точных измерений. Для этого он вращается слишком быстро и неравномерно.

— Вот как — все на своих местах. Это ваша мама столько наговорила? Нет, не нужно объяснять. Понимаю, она это сделала косвенно и только косвенно.

— Да, комиссар. Кроме того, не забывайте про мой компьютер.

— Тот самый, с которым вы живете душа в душу?

— Да, комиссар.

— Значит, вы полагаете, что на Эритро ей будет работать лучше?

— Да, комиссар. Там будет стабильная база для наблюдений, и мама сумеет выполнить все измерения. Сумеет выяснить, уцелеет ли Солнечная система. А поскольку для этого ей потребуется немало времени, то по крайней мере на этот срок вы избавитесь от нее.

— Похоже, и вы стремитесь избавиться от нее, не так ли?

— Ни в коем случае, комиссар, — строго ответила Марлена. — На Эритро мы полетим вместе. Таким образом, вы избавитесь и от меня, что доставит вам даже большее удовольствие.

— А почему вы решили, что я хочу отослать вас подальше?

Марлена посмотрела на Питта немигающими печальными глазами.

— Вам уже этого захотелось, комиссар, потому что теперь вы знаете, что я безошибочно интерпретирую все ваши внутренние побуждения.

И Питт вдруг понял, что отчаянно хочет избавиться от этого чудовища. Он сказал:

— Позвольте подумать, — и отвернулся. В его жести было нечто детское, но он не желал, чтобы эта жуткая девица читала его лицо, как открытую книгу.

Девушка была права. Теперь ему хотелось отделаться от матери и дочери разом. Что касается матери, то он и сам подумывал, не сослать ли ее на Эритро. Но она явно не стремилась туда, а подобная инициатива с его стороны обещала закончиться нежелательным шумом. И вот ее дочь предоставила ему повод. Теперь Инсигна не будет противиться назначению на Эритро, а это меняет дело.

Он медленно проговорил:

— Ну, если ваша мать действительно этого хочет...

— Она хочет этого, комиссар. Она еще не говорила об этом мне, и, возможно, еще сама не отдает себе отчета, но она захочет туда. Я знаю. Поверьте мне.

— Что мне еще остается? А вы хотите туда?

— Очень, комиссар.

— Тогда я немедленно распоряжусь. Вас это устраивает?

— Да, комиссар.

— Ну теперь я могу, наконец, считать разговор оконченным?

Марлена встала и склонила голову в неуклюжем поклоне, явно предназначенном, чтобы выразить благодарность.

— Спасибо, комиссар.

Она повернулась и вышла, но только через несколько минут после того, как за девушкой закрылась дверь, Питт осмелился расслабить мышцы лица, уже уставшие от застывшего на нем выражения.

Он не мог позволить ей узнать то, чего она не должна была даже заподозрить, то, что лишь он один знал об Эритро.

Глава 11

ОРБИТА

19

Пора было приниматься за дело, но Питт чувствовал, что не готов. Пришлось даже отложить прием посетителей. Ему нужно было подумать.

Прежде всего о Марлене. У ее матери, Эугении Инсигны Фишер, постоянно были какие-то проблемы, и положение только ухудшилось за эти двенадцать лет. Вечные эмоции и заскоки, нисколько не уравновешиваемые рассудком. Но все-таки она была обычным человеком, ею можно было управлять, направляя ее в нужную сторону, контролировать. Достаточно было окружить ее со всех сторон несокрушимыми стенами логики, а когда она изредка начинала трепыхаться, ее всегда можно было уговорить оставаться в этой темнице.

Но с Марленой дело обстояло иначе. Это было просто чудовище. И Питт был рад, что она по-глупому выдала себя, сказав, что хочет помочь матери. Пока она еще не набралась опыта и ума. Став взрослее, она сумеет воспользоваться своими способностями самым сокрушительным образом. И тогда она станет еще опаснее — значит, остановить ее нужно немедленно. Так пусть ее остановит другое чудовище — Эритро.

Питт понимал, что делает. Эритро показалась ему чудовищем с самого начала. Такое впечатление создавал весь облик планеты, кровавые отсветы лучей Немезиды, зловещий и угрюмый ландшафт.

Когда Ротор приблизился к поясу астероидов, находившемуся в сотне миллионов миль от орбиты, по

которой кружили Мегас и Эритро, Питт уверенно объявил: «Приехали».

Он считал, что никаких сложностей не возникнет. Свет и тепло Немезиды не достигали пояса астероидов. Впрочем, Ротору это было и не нужно, поскольку он обеспечивал себя энергией. В этом было одно из достоинств искусственного мирка. Зачем ему кровавый свет звезды, который сжимает сердце, туманит разум и леденит душу?

Кроме того, в поясе астероидов тяготение Немезиды и Мегаса сказывалось не так сильно, и любые маневры в космосе можно было производить с меньшими затратами. Отсюда легче было вести добычу полезных ископаемых на астероидах.

Идеальное место!

Однако роториане подавляющим большинством голосов решили, что поселение должно находиться на орбите Эритро. Питт старался доказать, что тогда им придется утопать в злом и унылом красном свете, что помимо Эритро их будет держать в своей гравитационной хватке и Мегас, а за сырьем все равно придется летать к астероидам.

Питт сердито переругивался с Тамбором Броссеном, бывшим комиссаром Ротора, от которого он унаследовал пост. Порядком подустав на службе, Броссен наслаждался ролью отставного, но влиятельного государственного деятеля — куда больше, чем прежде ролью комиссара. (Говорили, что процесс принятия решения доставлял ему куда меньшее удовольствие, чем Питту.)

Броссен смеялся над заботами Питта о местоположении поселения. Правда, внешне он оставался совершенно серьезен, но в глазах пряталась усмешка.

— Янус, — говорил он. — Не стоит добиваться полного единомыслия среди населения Ротора. Пусть хоть время от времени у них будет возможность взбрыкнуть — покорнее будут в других случаях. Хотят они жить возле Эритро — пусть живут возле Эритро.

— Но ведь это неразумно, Тамбор. Разве ты этого не понимаешь?

— Конечно, понимаю. Но Ротор почти весь свой век провел возле громадной планеты. Роториане к этому привыкли и полагают, что иначе быть не может.

— Но ведь то была околоземная орбита. Эритро не Земля, она ничуть на нее не похожа.

— По размерам эта планета почти не отличается от Земли. На ней есть суша и море. Вокруг нее атмосфера, в которой присутствует кислород. Можно пролететь еще тысячи световых лет, но так и не обнаружить мир, похожий на Землю. Могу повторить еще раз: пусть будет так, как хотят люди.

Питт последовал совету Броссена, хоть в душе остался с ним не согласен. Новый Ротор строился на орбите возле Эритро, остальные два тоже. Однако проекты поселений в поясе астероидов уже были готовы и прорисованы на чертежах, но общественное мнение не торопилось давать санкцию на их сооружение.

Из всего, что произошло после открытия Немезиды, самой большой ошибкой Питт считал то, что Ротор остался возле Эритро. Этого не должно было случиться. И все же... все же... мог ли он переубедить роториан? Может, стоило нажать посильнее? А что если тогда дошло бы до новых выборов и его смещения?

Причина была в ностальгии. Люди хотели иметь возможность обернуться лицом к былому — нельзя же заставлять их смотреть только вперед. Даже Броссена.

...Он умер семь лет назад. Питт сидел у смертного одра старика и слышал его последние слова. Броссен поманил к себе Питта, тот нагнулся к умирающему. Слабой рукой, покрытой иссохшей кожей, старик коснулся руки Питта и едва слышно шепнул:

— Каким же ярким было Солнце Земли, — и умер.

Роториане помнили свое родное Солнце и зеленую Землю, а потому они решительно отвергли все аргументы Питта, все-таки настояв на том, чтобы Ротор остался на орбите у совсем не зеленого мира, обращавшегося вокруг тусклой звезды.

Так было напрасно потеряно целых десять лет. Останься они в поясе астероидов, работы уже ушли бы вперед на целое десятилетие — Питт не сомневался в этом.

Одного этого хватило, чтобы испортить отношение Питта к Эритро; однако с ней были связаны и обстоятельства худшие... куда более худшие.

Глава 12

ГНЕВ

20

Так уж случилось, что Крайл Фишер дал землянам понять, что Ротор следует искать в неожиданном месте, а позже сумел и уточнить свой намек.

Он пробыл на Земле уже два года, и Ротор постепенно уходил из его памяти. Воспоминания о Эутении Инсигне изредка посещали его — но что она теперь для него? — а вот Марлена... В памяти своей он не мог отделить ее от Розанны... Годовалая дочь и семнадцатилетняя сестра в его воспоминаниях упорно сливались в одну личность.

Жилось ему легко. Пенсии хватало с избытком. Ему даже подыскали работу — некую административную должность, в которой он мог принимать решения, заведомо не затрагивавшие ничего существенного. Крайл полагал, что его простили, — во всяком случае частично, — лишь потому, что он сумел вовремя припомнить слова Эутении: «Если бы ты знал, куда мы летим».

И все же он чувствовал, что за ним следят, и был этим весьма огорчен.

Время от времени в гости заезжал Гаранд Уайлер, всегда дружелюбный и дотошный, и всякий раз так или иначе вспоминал про Ротор. Так случилось и на сей раз. Разговор, как и ожидал Фишер, вновь зашел о Роторе.

— Два года прошло, — хмуро проворчал Фишер. — Чего вам еще от меня нужно?

Уайлер покачал головой.

— Признаюсь честно, Крайл, я не знаю. Мы располагаем только фразой твоей жены. Как ты понимаешь, этого мало. Не могла же она так и не проговориться за все годы, что вы были вместе. Постарайся вспомнить. Может быть, наедине... между собой. Ничего не припоминается?

— Гаранд, ты меня в пятый раз спрашиваешь об этом. Меня допрашивали. Меня гипнотизировали. Меня подвергали психокодированию. Меня выжали досуха, и сказать мне больше нечего. Оставьте меня в покое, найдите себе другую забаву. Или верните меня на работу. Там, наверху, сотня поселений, в каждом живут друзья и недоброжелатели — и все следят друг за другом. О том, что могут знать в одном из поселений, остальные могут даже не подозревать.

— Честно скажу, старина, — ответил Уайлер, — мы уже работаем в этом направлении. Особенный интерес для нас представляет Дальний Зонд. Получается, что он помог Ротору обнаружить нечто неизвестное всем остальным. Земля ведь не посылала космические аппараты в дальний космос. И другие поселения тоже. А Ротор сумел сделать это. Все, что Зонд обнаружил в космосе, должно быть в материалах Ротора.

— Вот и отлично. Займитесь ими. Работы там хватит на годы и годы. А меня оставьте в покое. Навсегда.

Но Уайлер продолжал:

— Действительно, там столько наворочено, что хватит не на один год. В соответствии с соглашением о результатах научных исследований Ротор передал нам целую гору информации. В частности фотографии звездного неба во всех спектральных диапазонах. Камеры Зонда обследовали почти все небо, мы тщательно изучаем снимки, но ничего интересного пока не обнаружили.

— Ничего?

— Пока ничего. Но ведь ты сам сказал, что работы у нас на многие годы. Конечно, нашлось много такого, от чего астрономы наши в полном восторге. Находки поддерживают в них рвение и интерес к делу. Однако мы пока не получили от них ни намека, ни даже тени намека на то, куда подевался Ротор. Пока, во всяком случае. Насколько я понимаю, у нас нет никаких оснований предполагать, что у всех трех солнц альфы Цен-

тавра могут оказаться планеты. Других, подобных альфе Центавра звезда неподалеку от Солнца может не оказаться. Но я и не ожидаю, что обнаружится что-то существенное. Что мог заметить Дальний Зонд такого, чего нельзя было увидеть из Солнечной системы? Он ведь отходил всего на пару световых месяцев. Вроде бы никакой разницы, но у нас полагают, что Ротор все-таки успел заметить нечто, причем достаточно быстро. Потому-то мы вновь обращаемся к тебе.

— Почему ко мне?

— Потому что твоя бывшая жена возглавляла работы по Дальнему Зонду.

— Не совсем. Она была назначена главным астрономом, когда все данные уже были получены.

— Да, работами она руководила с самого начала, но тогда выходит, что ее назначение неспроста. Неужели она так и не проговорила о том, что именно обнаружил Дальний Зонд?

— Ни словом. Погоди, ты сказал, что камеры Дальнего Зонда сумели снять почти все небо?

— Да.

— Что значит «почти»?

— Ну, не могу сказать точно. Кажется, не менее девяноста процентов.

— Или больше?

— Может быть, больше.

— Интересно...

— Что тут интересного?

— На Роторе распоряжался один тип по имени Питт...

— Нам это известно.

— Мне кажется, я знаю, как он поступил бы. Питт передавал бы результаты, полученные Дальним Зондом, понемногу — так сказать, в порядке исполнения соглашения по науке, и все прочее. И ко времени исчезновения Ротора оказалось бы, что часть информации они нам так и не успели передать. Ну процентов десять, может, даже меньше. Только это очень важные проценты.

— Именно та часть неба, куда ушел Ротор?

— Возможно.

— Но у нас же ее нет.

— Она у нас есть.

— Как это?

— Ты же сам только что удивлялся, что такого мог обнаружить Дальний Зонд, о чем не знали бы в Солнечной системе. Зачем тратить время на то, что они передали нам? Нужно выяснить, снимки какого участка неба они не передали, и подробно изучить его по собственным звездным картам. Потом спросить себя, нет ли там таких объектов, которые выглядели бы иначе для Дальнего Зонда, и почему. Вот что я сделал бы. — Помолчав, Фишер вдруг крикнул: — Ступай же! Пусть там хорошенько просмотрят ту часть неба, которой мы не получили.

— Ерунда какая-то, — задумчиво пробормотал Уайлер.

— Ни в коем случае. Все просто. Если только в Конторе есть еще парни, которые не сидят на собственных мозгах.

— Посмотрим, — отозвался Уайлер и протянул Фишеру руку.

Внезапно нахмурившись, Фишер сделал вид, что не заметил ее.

Прошло несколько месяцев, прежде чем Уайлер появился вновь. Фишер не ждал его. Был выходной день, Фишер пребывал в добром расположении духа и даже читал книгу.

Фишер был не из тех, кто считал книги проклятием двадцатого столетия, полагая, что лишь варианты телевидения соответствуют высокому уровню цивилизации. Есть нечто, думал он, перелистывая страницы, в этом приятном ощущении, когда держишь в руке тяжелую книгу, в этой возможности задуматься, отыскать нужное место без всякой суеты с обратной перемоткой. Фишер был убежден, что книга является более цивилизованным средством хранения информации.

И каждое нарушение приятного оцепенения возмущало его.

— Ну что там, Гаранд? — спросил он нелюбезно.

Благородная улыбка не покидала лица Уайлера. Он процедил сквозь зубы:

— Мы нашли ее как раз там, где ты и сказал.

— Что нашли? — переспросил уже позабывший обо всем Фишер. Но, сообразив, о чем толкует Уайлер, торопливо проговорил: — Только не говори того, чего мне не положено знать. Больше я не желаю иметь дела с Конторой.

— Поздно, Крайл. Ты нам нужен. Сам Танаяма желает тебя видеть.

— Когда?

— Как только я смогу тебя доставить к нему.

— Тогда хоть объясни мне, о чем речь. Я не хочу предстать перед ним дурак дураком.

— Это я и собираюсь сделать. Изучен каждый участок неба, отсутствовавший в материалах, полученных Дальним Зондом. И те, кто это делал — как ты и советовал, — спросили себя, что здесь могло выглядеть для Дальнего Зонда иначе, чем для Солнечной системы. Ответ был очевиден — смещение ближайших звезд. Тут-то астрономы и обнаружили удивительную штуковину, о существовании которой никто и не подозревал.

— Ну?

— Очень тусклую звездочку, с паралаксом, превышающим одну угловую секунду дуги.

— Я не астроном. Это много или мало?

— Это значит, что звезда вполосину ближе к нам, чем альфа Центавра.

— Ты сказал «очень тусклую»?

— Мне объяснили, что она расположена за пылевым облаком. Слушай, ты, конечно, не звездочет, но жена твоя была на Роторе астрономом. Не исключено, что она-то ее и обнаружила. Она тебе ничего не говорила об этой звезде?

Фишер покачал головой.

— Ни слова. Правда...

— Ну-ну?

— Последние несколько месяцев она казалась мне какой-то взволнованной, словно что-то переполняло ее.

— И ты не спрашивал почему?

— Я полагал, что это связано с отбытием Ротора. Она радовалась, а я психовал.

— Из-за дочери?

Фишер кивнул.

— Но ее волнение могло быть связано и с новой звездой. Сходится. Конечно, они полетели к этой звезде. А если ее открыла твоя жена, значит, они полетели к ее собственной звезде. Отсюда и ее прыть. Разумное предположение?

— Вполне. Во всяком случае не противоречивое.

— Вот и отлично. За этим ты и понадобился Танаяме. Он кипит от гнева. Не из-за тебя, конечно, — вообще кипит.

21

В этот же день — ибо задержек в подобных вопросах не допускали — Крайл Фишер оказался в здании Все-земного бюро расследования, которое сотрудники этого учреждения предпочитали именовать Конторой.

Каттиморо Танаяма, руководивший ею уже более тридцати лет, заметно состарился. Его немногочисленные голографические портреты были сделаны довольно давно, когда гладкие волосы Танаямы были еще черными, спина прямой, а взгляд энергичным.

С тех пор он успел поседеть и сгорбиться. Не собирается ли Танаяма подать в отставку? — подумал Фишер. Впрочем, не исключено, что старик решил умереть на работе. Однако он успел подметить, что взгляд Танаямы остался острым и пронизательным.

Фишер понимал его с некоторым трудом. Английский давно стал универсальным языком на Земле, однако в нем успели образоваться диалекты, поэтому произношение Танаямы было непривычно для североамериканца.

— Ну, Фишер, — холодно промолвил Танаяма, — дело на Роторе вы провалили.

Спорить было не о чем, тем более с Танаямой.

— Да, директор, — ровным голосом ответил Фишер.

— Но вы, возможно, еще владеете кое-какой полезной информацией.

Фишер вздохнул и ответил:

— Меня допрашивали вдоль и поперек.

— Я знаю, мне докладывали, только вас спросили не обо всем. Лично у меня к вам вопрос, на который я хочу получить ответ.

— Да, директор?

— За время пребывания на Роторе имели ли вы какие-нибудь основания заподозрить тамошнее руководство в ненависти к Земле?

Брови Фишера поползли вверх.

— Ненависти? Мне казалось очевидным, что люди на Роторе, да наверное и всех остальных поселениях, смотрят на Землю свысока, считают ее отсталой, убогой и варварской планетой. Но ненависть... Откровенно говоря, сомневаюсь, что нас ценили достаточно высоко, чтобы возненавидеть.

— Я говорю о руководстве, не о населении.

— Я тоже, директор. Ненависти не было.

— Тогда я ничем не могу этого объяснить.

— Чего объяснить, директор?

Танаяма бросил на Фишера пронизательный взгляд (сила личности этого японца была такова, что редко кто замечал, что он невелик ростом).

— Вы знаете, что эта звезда движется к нам? Прямо к Солнечной системе!

Фишер вздрогнул и попытался отыскать взглядом Уайлера, но тот сидел в углу, прячась от света, падавшего из окна, и, судя по его виду, думал о чем-то своем.

— Хорошо, Фишер, садитесь, может быть, это поможет вам освежить память. Я тоже сяду. — Танаяма присел на край своего стола, свесив короткие ножки. — Вам было известно о направлении движения звезды?

— Нет, директор. Я даже не знал о ее существовании, пока агент Уайлер не просветил меня.

— Вы не знали? На Роторе такое не могло остаться неизвестным.

— Мне об этом не говорили.

— Но как раз перед стартом Ротора ваша жена стала радостной и возбужденной. Так вы сказали агенту Уайлеру. По какой причине?

— Агент Уайлер полагает, что именно она открыла эту звезду.

— Быть может, ей уже было известно о направлении ее движения, и она радовалась тому, что должно произойти с нами?

— Не знаю, директор, почему подобные мысли должны были доставлять ей радость. Уверю вас, что дейст-

вительно понятия не имею, было ли ей известно о направлении движения звезды и даже о самом ее существовании.

Танаяма задумчиво взглянул на Фишера, легонько почесывая пальцем подбородок.

— На Роторе все были евро? — вдруг спросил он. — Правильно?

Фишер широко открыл удивленные глаза. Ему давно не приходилось слышать этот вульгаризм — тем более из уст правительственного чиновника. Он вспомнил, что и Уайлер говорил о «белоснежках» на Роторе, когда Крайл только что возвратился. Тогда Фишер отнесся к его речам с легким сарказмом — и не обратил на них внимания.

— Не знаю, директор, — ответил он с сожалением. — Я не изучал их досье и ничего не могу сказать об их происхождении.

— Ну, Фишер, для этого не обязательно изучать анкеты. Можно судить по внешнему виду. Приходилось ли вам встречать на Роторе людей с лицами афро, монго или хиндо? Темнокожих? С эпикантусом?

Фишер взорвался.

— Знаете, директор, сейчас не двадцатый век! — Если бы он знал, как это сделать, то выразился бы покрепче. — Я просто не обращаю внимания на подобные вещи, как, впрочем, и все на Земле. Удивлен, что слышу от вас такие слова, и полагаю, что они могли бы скомпрометировать вас, если бы о них стало известно...

— Агент Фишер, не дурите мне голову, — ответил директор, с укоризной водя из стороны в сторону корявым указательным пальцем. — Я говорю о том, что есть. Конечно, мне известно, что сейчас на Земле расовым различиям, по крайней мере внешне, внимания не уделяется.

— Только внешне? — возмутился Фишер.

— Только внешне, — холодно ответил Танаяма. — Когда земляне отправляются в поселения, они сами собой сортируются. Почему так получается, если различия между людьми не существенны? В любом поселении все жители едва ли не на одно лицо, а если обнаруживаются не такие, как все, они оказываются в меньшинстве, чувствуют себя неуютно или их заставля-

ют чувствовать себя неуютно, а лучше всего перебраться в другие поселения, где таких, как они, большинство. Разве не так?

Фишер понимал, что возразить нечего. Так оно и было, внутренне он принимал все это как данное.

— Что поделаешь, — ответил он. — Человеческая природа, каждый тянется к себе подобным... К соседям.

— Каждый, бесспорно, тянется к подобным себе. Потому что люди ненавидят и презирают тех, кто не похож на них.

— Существуют и поселения м-монго. — Фишер заппулся, понимая, что может смертельно обидеть директора — человека, оскорбить которого нетрудно и очень опасно.

Танаяма и бровью не повел.

— Я знаю, но евро еще совсем недавно доминировали на планете и до сих пор не могут этого позабыть.

— Остальные, возможно, тоже не могут забыть этого, и причин для ненависти у них не меньше.

— Но ведь это Ротор бежал из Солнечной системы.

— Это случилось потому, что они первыми изобрели гиперпривод.

— И отправились к ближней звезде, о которой было известно только им, звезде, которая мчится прямо к Солнечной системе и может ее погубить.

— Нам неизвестно, что знали на Роторе об этой звезде.

— Вздор, они знали обо всем, — проворчал Танаяма, — и бежали, не предупредив нас.

— Директор, почтительно обращаю ваше внимание на то, что такое предположение нелогично. Если они собираются обосноваться возле звезды, которая может погубить Солнечную систему, то ведь пострадает и их собственная планетная система.

— Ну им-то будет легко спастись, стоит только понастроить достаточное количество поселений. А у нас целый мир — восемь миллиардов человек, которых придется эвакуировать. Задача куда более трудная.

— Сколько же времени у нас остается?

Танаяма пожал плечами.

— Несколько тысяч лет, так мне сказали.

— Немало. Возможно, поэтому им и в голову не пришло предупреждать нас. Когда звезда приблизится, ее заметят без всяких предупреждений.

— И тогда на эвакуацию останется меньше времени. Они случайно обнаружили эту звезду. Мы бы тоже не смогли ее заметить, если бы не слова вашей жены и не ваша догадка — хорошая, кстати, — что искать нужно в той части неба, снимки которой отсутствуют в материалах Ротора. Они преднамеренно так поступили, чтобы мы узнали обо всем как можно позднее.

— Но, директор, зачем им было затевать все это? Из одной только беспричинной ненависти?

— Не беспричинной. Пусть гибнет Солнечная система со всеми ее многочисленными неевро. А человечество все начнет заново, руками одних евро. Ну? Что вы об этом думаете?

— Немыслимо... невозможно, — качнул головой Фишер.

— А почему тогда нас не предупредили?

— Что если поначалу им самим не было известно о движении этой звезды?

— Немыслимо, невозможно, — с иронией возразил Танаяма. — Нет и не может быть другой причины — только желание видеть нашу погибель. Но мы разгадаем загадку гиперпривода, отправимся к этой новой звезде и тогда сведем с ними счеты.

Глава 13

КУПОЛ

22

Эугения Инсигна выслушала дочь и недоверчиво усмехнулась. Одно из двух: либо девчонка не в своем уме, либо ей послышалось.

— Что ты сказала, Марлена? Меня посылают на Эритро?

— Я попросила комиссара Питта, и он согласился все устроить.

Инсигна с недоумением взглянула на дочь.

— Но почему?

Начиная раздражаться, Марлена ответила:

— Ты ведь сама сказала, что хотела бы провести точные астрономические наблюдения, а на Роторе это невозможно. Теперь можешь сделать их на Эритро. Но я уже вижу — ты ждешь другого ответа.

— Правильно. Я хотела бы знать, почему комиссар Питт вдруг взялся за это. Я ведь неоднократно просилась туда, и всякий раз он отказывал. Ведь он никого не отпускал, кроме нескольких специалистов.

— Я просто изложила ему это дело иначе, — Марлена чуть помедлила. — Я сказала ему, что он может таким образом избавиться от тебя, — и он использовал эту возможность.

У Инсигны перехватило дыхание, и она закашлялась до слез. Наконец, переведя дух, она спросила:

— Как ты могла сказать такое?

— Потому что это правда, мама. Иначе я не стала бы этого говорить. Я слышала, что он тебе говорил, я

слышала, что ты говорила о нем. Все яснее ясного. По-моему, и ты это видишь. Ты его раздражаешь, и он не хочет ни видеть тебя, ни думать о тебе. Ты сама это знаешь.

Инсигна поджала губы.

— Знаешь что, дорогая, отныне я все свои тайны сразу буду верить тебе. Это нелегко, но все же лучше, чем позволять тебе копать во мне.

Марлена опустила глаза.

— Извини, мама.

— Но я все-таки не понимаю. Конечно, тебе не пришлось объяснять ему, что я его раздражаю. Он это и так знает. Но почему он раньше не разрешал мне отправиться на Эритро, когда я просила его об этом?

— Потому что он не желает иметь дело с Эритро и неприязнь к этому миру перевешивает нежелание видеть тебя. Но ты полетишь туда не одна. Мы полетим вместе. Ты и я.

Инсигна подалась вперед и уперлась ладонями в стол, разделявший их.

— Нет, Молли... Марлена. Эритро — место не для тебя. И я лечу туда не навсегда. Закончу измерения и вернусь, а ты будешь ждать меня здесь.

— Я не боюсь ее, мама. Неужели не ясно, что он отпускает тебя лишь потому, что заодно хочет избавиться и от меня. Поэтому-то он и согласился. Понимаешь?

Инсигна нахмурилась.

— Не понимаю, в самом деле не понимаю. Ты-то какое отношение имеешь ко всему этому?

— Когда я сказала ему, что знаю о его неприязни к нам обоим, лицо его застыло — ты знаешь, как он умеет стереть с него всякое выражение. Он знал, что я понимаю жесты и все такое прочее, и не захотел, чтобы я прочла его мысли. Но и отсутствие всякого выражения говорит мне о многом. Видишь ли, невозможно сделать лицо абсолютно непроницаемым. Человек сам не замечает, как у него бегают глаза.

— Короче говоря, ты поняла, что он хочет отделаться и от тебя?

— Хуже — я поняла, что он боится меня.

— Почему же он тебя боится?

— Потому что не хочет, чтобы я узнала то, что он хотел бы скрыть. — Марлена вздохнула и добавила: — На меня всегда сердятся за это.

Инсигна кивнула.

— И я понимаю почему. Ты заставляешь людей ощущать себя голыми — умственно, так сказать. Словно холодный ветер, пронизываешь их мозг. — Она пристально взглянула на дочь. — Иногда я тоже так себя чувствую. Теперь мне уже кажется, что ты смущала меня, когда была еще совсем маленькой. Тогда я уверяла себя, что это потому, что ты у меня просто чрезвычайно ум...

— Так и есть, — перебила ее Марлена.

— Да, конечно, но в тебе кроется нечто большее — только тогда я этого не замечала. Скажи мне, эта тема разговора тебя не смущает?

— Мы же вдвоем, мама, — осторожно произнесла Марлена.

— Хорошо, тогда объясни мне, почему, когда ты была меньше и уже знала, на что способна — что не под силу не только другим детям, но и взрослым тоже, — почему ты не пришла ко мне и не рассказала обо всем?

— Однажды я пыталась, но ты не захотела слушать. То есть ты мне ничего не сказала, но я видела, что ты занята и не желаешь тратить время на детскую болтовню.

Глаза Инсигны округлились:

— Неужели я так и сказала: «на детскую болтовню»?

— Нет, ты молчала, но смотрела и руки держала так, что все было ясно.

— Надо было настоять и все равно рассказать.

— Я была слишком мала, а ты все время нервничала — из-за комиссара Питта и из-за отца.

— Ладно, не думай больше об этом. Что еще скажешь?

— Только одно, — проговорила Марлена. — Когда комиссар Питт сказал, что согласен и мы можем отправляться на Эритро, мне почудилось, что он чего-то не договаривает.

— И что же это было, Марлена?

— Не знаю, мама. Я же не умею читать мысли. Только внешне... да и то не всегда можно понять. Однако...

— Ну-ну?

— По-моему, он думал о чем-то неприятном, пожалуй, даже ужасном.

23

Подготовка к полету на Эритро заняла много времени. На Роторе у Инсигны были дела, которые нельзя было бросить. Нужно было переговорить в департаменте астрономии, отдать распоряжения, назначить первого заместителя исполняющим обязанности главного астронома, наконец, проконсультироваться у Питта, ставшего непривычно неразговорчивым.

Во время последней беседы Инсигна сообщила:

— Знаешь, завтра я лечу на Эритро.

— Прости? — Он поднял глаза от ее отчета, который старательно листал не читая, — она была убеждена в этом.

Неужели она, сама того не ведая, поднабралась Марлениных штучек? Не надо бы девочке думать, что она может видеть то, что скрывается под поверхностью, это не так.

— Ты знаешь, завтра я улетаю на Эритро, — терпеливо повторила она.

— Завтра. Но ты же будешь к нам наведываться, так что я не прощаюсь. Береги себя. Рассматривай поездку как отпуск.

— Я намереваюсь заняться исследованиями движения Немезиды в пространстве.

— Ах это, ну... — Он пренебрежительно махнул рукой. — Как хочешь. И все-таки, даже если ты продолжаешь работать, смена обстановки всегда отпуск.

— Янус, я хочу поблагодарить тебя, что ты предоставил мне такую возможность.

— Твоя дочь просила меня. Ты знаешь об этом?

— Знаю, она мне в тот же день все и рассказала. Я ругала ее, что она тебя беспокоила. Ты отнесся к ней с таким вниманием.

— Необычная девочка, — пробормотал Питт. — Рад был ей помочь. Все равно это дело временное. Закончишь расчеты и вернешься.

Инсигна заметила: Питт дважды упомянул о возвращении. Что на моем месте сказала бы Марлена? «Ужасное», — говорила она. Но что?

— Ну, до возвращения с приятными новостями, пусть Немезида будет безопасной и через пять тысяч лет, — произнес Питт.

— Ну это уж как наблюдения покажут, — сухо отрезала она и встала.

24

Странно это, размышляла Эугения Инсигна, жить в космосе в двух световых годах от планеты, где ты родилась, и только дважды летать на космическом корабле, и то недолго: с Ротора на Землю и обратно.

Путешествия в космосе не привлекали ее. Это Марлене все было интересно. Она сама пробилась к Питту и шантажом, пусть и необычным, заставила его уступить. Именно Марлена стремилась на Эритро, подчиняясь странной власти планеты над нею. Причин такой власти Инсигна понять не могла и предпочитала усматривать в этом еще одно проявление уникальных эмоциональных и ментальных способностей дочери. И хотя ее угнетала мысль о том, что придется оставить маленький и уютный Ротор, променять его на пустынную, огромную Эритро, грозные и загадочные равнины которой лежали в шестистах пятидесяти километрах от поселения — вдвое дальше, чем некогда находилась Земля, — волнение Марлены воодушевляло ее.

Корабль, которому предстояло отвезти их на Эритро, нельзя было назвать красавцем. Это было просто рабочее судно — небольшая ракета-паром, преодолевавшая крепкую гравитационную хватку Эритро и без приключений спускавшаяся вниз, под пухлое атмосферное одеяло своенравной планеты-дикарки.

Инсигна знала, что путешествие будет не из приятных. Большую часть времени им предстояло провести в невесомости, а как она уже убедилась, двух дней в подобных условиях ей хватит с избытком.

Голос Марлены нарушил ход ее мыслей:

— Эй, мама, пошли, нас ждут. Багаж уже погружен.

Инсигна шагнула вперед и, проходя через воздушный люк, еще раз подумала: так почему же Янус Питт все-таки отпустил нас?

25

Сивер Генарр правил миром столь же обширным, как и Земля. Впрочем, если быть точнее, правил он тремя квадратными километрами суши, укрытыми Куполом. Пространство это медленно увеличивалось. Остальные же без малого пять сотен миллионов квадратных километров не знали ни человека, ни других живых существ — кроме микроорганизмов. Но поскольку считается, что миром правят населяющие его многоклеточные организмы, то несколько сотен людей, которые жили и работали под Куполом, были правителями Эритро, а он, Сивер Генарр, командовал ими.

Ростом Генарр не выдавался, но мужественные черты придавали ему впечатляющий вид. Когда он был помоложе, то казался старичком среди ровесников, теперь же — к пятидесяти — положение поправилось. Длинный нос и глаза слегка навывкате, волосы едва тронула седина. Звучный и музыкальный баритон прежде даже позволял ему подумывать о сценической карьере, но рост неминуемо обрек бы его на исполнение редких в операх характерных ролей, — и таланты администратора в конце концов возобладали.

Благодаря этим талантам — отчасти — он десять лет провел под Куполом на Эритро. На его глазах на месте сооруженьища из трех крохотных комнатушек выросла просторная горнодобывающая и исследовательская станция.

У Купола были свои недостатки. Редко кто жил в нем долго. То и дело происходили перемены: всякий, кто попадал на Эритро, полагал, что его сослали, и всеми силами стремился вернуться на Ротор. Большинству жителей красноватый свет Немезиды казался тревожным и угрюмым, хотя освещение под Куполом было точно таким же, как на Роторе.

Но были и преимущества. Генарр мог держаться подальше от бурлящего на Роторе водоворота политических страстей, с каждым годом казавшихся ему все более мелкими и вздорными. Еще важнее было то, что

здесь он мог держаться подальше от Януса Питта, с которым постоянно — и безрезультатно — спорил.

Питт с самого начала был решительно против заселения Эритро. Он не хотел даже, чтобы Ротор находился возле планеты. Однако общественное мнение возобладало, и тогда он позаботился о том, чтобы на Купол вечно не хватало средств, чтобы он рос помедленнее. Если бы Генарру не удалось сделать Купол источником воды для Ротора, что обходилось поселению дешевле, чем доставка ее из пояса астероидов, — комиссар давно сокрушил бы маленькую колонию.

Впрочем, проповедовавшийся Питтом «принцип игнорирования» с самого рождения Купола в общих чертах означал невмешательство в предпринимаемые Генарром административные меры, что устраивало того от не собиравшейся редеть шевелюры до пяток, упиравшихся во влажную почву Эритро.

Поэтому Генарр был удивлен, когда Питт лично известил его о прибытии пары новичков, вместо того чтобы воспользоваться обычными в подобном случае бумагами. Питт подробно изложил ему все дело — в своей обычной манере говорить отрывисто и властно, не допуская не только возражений, но и обсуждения. Весь разговор шел за экраном.

Еще более удивительно было то, что одной из двоих прибывших оказалась Эутения Йнсигна.

Некогда, еще до Исхода, они были друзьями, но потом, после блаженных студенческих дней — Генарр не без сожаления вспоминал о романтической юности — Эутения отправилась делать дипломную работу на Землю и возвратилась на Ротор, прихватив с Земли мужчину. С тех пор как она вышла замуж за Крайла Фишера, Генарру не приходилось встречаться с ней — разве что просто видел раза два или три, да и то издали. Когда перед самым Исходом они с Фишером расстались, Генарр был занят работой — как, впрочем, и она, — и никому из них в голову не пришло возобновить прежнее знакомство.

Генарр, пожалуй, временами об этом подумывал, но Эутения была поглощена заботами и воспитанием малолетней дочери, и он не решался подступиться к ней. А потом его послали на Эритро, тем самым со всеми

надеждами на возобновление отношений было покончено. Время от времени ему случалось проводить отпуск на Роторе, но теперь он уже не чувствовал себя там привольно. Кое-какие друзья в поселении у него еще водились, но вот отношения еле теплились.

И вдруг Эугения вместе с почти взрослой дочерью оказывается на Эритро. Генарр сначала даже не мог припомнить имя девушки, — если только и знал его когда-нибудь. Но уж видеть он ее точно не видел. Теперь ей уже пятнадцать, и он со странным внутренним трепетом думал: что если она окажется похожей на молодую Эугению?

Генарр время от времени выглядывал из окошка кабинета. Он уже настолько привык к своему эритрийскому Куполу, что не мог видеть его со стороны критическим взором. Здесь жили рабочие обоих полов — взрослые, детей не было. Подрядившиеся на несколько недель или месяцев сменные рабочие иногда возвращались, иногда нет. Кроме него самого на Эритро постоянно обитали еще четыре человека, по тем или иным причинам предпочитавшие жить под Куполом. Так что домом Купол считать было практически некому, как и гордиться своим обиталищем. Под Куполом поддерживалась неизменная чистота и порядок. Вокруг царил дух рукотворности. Слишком уж много было здесь прямых дуг, плоскостей и кругов. Под Куполом не было места беспорядку, хаосу, настоящей жизни, умеющей подогнать стол — или комнату — под зыбкую неопределенность личности.

Так было и с ним, конечно. И стол, и кабинет в равной мере выражали его собственную персону, состоящую лишь из плоскостей и углов. Быть может, именно поэтому он считал себя дома под Куполом на Эритро. Очертания собственного внутреннего облика, как полагал Генарр, отвечали примитивным геометрическим очертаниям Купола.

Но что-то подумает об этом Эугения Инсигна? (Она взяла девичью фамилию — это его, пожалуй, обрадовало.) Если Эугения осталась такой, какой он ее помнил, то она по-прежнему взбалмошна и непредсказуема — что довольно странно для астронома. Переменилась ли она? Меняются ли в людях их основные черты? Не

ожесточило ли ее дезертирство Крайла Фишера, не согнуло ли...

Генарр почесал висок — там, где седина была особенно заметна — и подумал: всякие рассуждения на подобные темы бесполезны, на них только попусту расходуеться время. Скоро он сам увидит Эугению — Генарр уже распорядился, чтобы ее сразу же с места посадки привезли сюда.

Или лучше встретить ее самому?

Нет! Он уже дюжину раз повторял себе это. Нельзя проявлять поспешность, иначе он потеряет лицо.

И тут Генарр подумал, что подобные соображения неуместны. Зачем ставить ее в неловкое положение? Она может снова увидеть в нем прежнего неловкого и простодушного обожателя, покорно отступившего перед рослым задумчивым землянином. После знакомства с Крайлом Эугения ни разу не встречалась с Генарром — и не хотела встречаться.

Генарр вновь прокрутил послание Януса Питта — тот был сух и краток, как обычно, он словно излучал властность, не допускавшую не только возражений, но и мысли о них.

Только сейчас он заметил, что о дочери Питт говорил с большим чувством, чем о матери. В особенности он подчеркивал, что дочь выказала глубокий интерес к Эритро и чтобы ей не препятствовали, если она пожелает исследовать ее поверхность.

Что все это значит?

26

И вот Эугения наконец перед ним. На четырнадцать лет старше, чем во время Исхода. И на двадцать, чем в те дни, еще до знакомства с Крайлом... Тогда они, помнится, ходили на фермы «С» — туда, где тяготение было поменьше. Как она смеялась, когда он попробовал сделать перед нею сальто, но перестарался и упал на живот! Он легко мог что-нибудь повредить себе, потому что хотя вес там становился меньше, но масса и инерция тела сохранялись. Просто повезло; большего унижения, чем это, ему тогда не пришлось испытать.

Конечно, Эугения стала старше, но все-таки не расплылась, и волосы ее короткие, прямые — незамысловатая прическа, — остались темно-каштановыми.

Эугения только сделала шаг к Генарру, а он уже почувствовал, как заторопилось в груди сердце-предатель. Она протянула вперед обе руки, и он взял их.

— Сивер, — сказала Эугения. — Я тебя предала, и мне стыдно.

— Предала, Эугения? О чем ты?

Что значат эти слова? Уж не о своем ли замужестве она говорит?

— Мне следовало бы каждый день вспоминать о тебе, — ответила она. — Я должна была бы писать тебе, сообщать новости, просто напроситься в гости.

— И вместо этого ты ни разу не вспомнила обо мне!

— Не думай обо мне плохо. Я все время о тебе вспоминала. Правда-правда, я о тебе всегда помнила, даже не думай. Просто все мои мысли так и не вызвали ни одного поступка.

Генарр кивнул. Что тут скажешь?

— Я знаю, ты все время была занята, — проговорил он. — Ну и я тоже... с глаз долой, сама знаешь, — из сердца вон.

— Не из сердца. А ты совсем не переменялся, Сивер.

— Ну вот, значит, если в двадцать лет выглядишь взрослым, это не так уж плохо. А ты, Эугения, почти не изменилась. Ни чуточки не постарела, разве что несколько морщинок появилось. Просто нет слов.

— Вижу, ты по-прежнему ругаешь себя в расчете на женское милосердие. Все как прежде.

— А где твоя дочь, Эугения? Мне сказали, что она будет с тобой.

— Придет. Не волнуйся. В ее представлении Эритро — истинный рай, только я не могу понять, почему она так решила. Она пошла в нашу квартиру, чтобы прибрать и распаковать вещи. Такая уж она у меня девушка. Серьезная, ответственная, практичная, исполнительная. Именно те качества, которые не вызывают любви, — так, кажется, говорил кто-то.

Генарр расхохотался.

— Знакомые качества. Если бы ты только знала, сколько трудов я положил, чтобы обзавестись каким-нибудь очаровательным пороком. И всегда напрасно.

— Ну, мы стареем, и я уже начинаю подозревать, что с возрастом унылые добродетели кажутся более нужными, чем обворожительные пороки. Но почему же ты, Сивер, так и застрял на Эритро? Я понимаю, нужно, чтобы в Куполе кто-то распоряжался — но ведь на Роторе не ты один мог бы справиться с такой работой.

— Мне хотелось бы, чтобы ты в этом ошиблась, — ответил Генарр. — Я люблю жить здесь и на Роторе бываю лишь во время отпусков.

— И ни разу не зашел ко мне.

— Если у меня отпуск, это не значит, что и у тебя тоже. Наверно, у тебя всегда было дел куда больше, чем у меня, особенно после открытия Немезиды. Однако я разочарован: мне хотелось увидеть твою дочь.

— Увидишь. Ее зовут Марленой. В сердце-то моем она Молли, но она слышать не хочет этого имени. Ей пятнадцать, она стала совершенно несносной и требует, чтобы ее звали Марленой. Но вы встретитесь, не волнуйся. Просто я не хотела, чтобы она присутствовала при нашей первой встрече. Разве можно было при ней вспомнить прошлое?

— А тебе хочется вспоминать, Эугения?

— Кое о чем.

Генарр помедлил.

— Жаль, что Крайл не принял участия в Исходе.

Улыбка застыла на лице Эугении.

— Кое о чем, Сивер, — не обо всем. — Она отвернулась, подошла к окну и посмотрела наружу. — Ну и замысловатое у вас сооружение. Я, правда, не все видела, но впечатляет. Яркий свет, улицы, настоящие дома. А на Роторе о Куполе ничего не говорят, даже не упоминают. Сколько людей живет и работает здесь?

— Число их меняется. У нас бывают разные времена: иногда работаем, иногда спим. Случалось принимать до девяти сотен человек. Сейчас нас пятьсот шестнадцать. Мы знаем друг друга в лицо. Это нелегко. Каждый день одни прилетают, другие возвращаются на Ротор.

— Кроме тебя.

— И еще нескольких.

— Но зачем нужен Купол, Сивер? Ведь воздухом Эритро можно дышать.

Выпятив нижнюю губу, Генарр в первый раз опустил глаза.

— Можно, да не очень приятно. И свет не тот. Купол снаружи залит красным светом, он становится оранжевым, когда Немезида поднимается выше. Да, свет достаточно ярк. Читать можно. Но людям он кажется неестественным. Вид самой Немезиды тоже. Диск ее велик, даже слишком, она кажется людям угрожающей, а красный свет делает ее гневной — и человек впадает в депрессию. Кроме того, Немезида действительно опасна, по крайней мере, в одном. Свет ее не спит, и все стремятся разглядеть ее лучше, заметить пятна на ее диске. Инфракрасные лучи могут вызвать ожог сетчатки. Поэтому все, кто выходит наружу, носят специальные шлемы — но не только поэтому.

— Значит, Купол нужен только для того, чтобы удерживать нормальный свет, а не отторгиваться от чего-то?

— Мы и воздух не выпускаем. И воздух, и вода, циркулирующие под Куполом, извлечены из местных минералов. Однако мы все-таки отгородились кое от чего, — заметил Генарр. — От прокариотов. Синезеленых водорослей.

Эутения задумчиво покачала головой. Они-то и были причиной изобилия кислорода в атмосфере планеты. На Эритро была жизнь, она была повсюду, но... она оказалась микроскопической по своей природе, эквивалентной простейшим жизненным формам Земли.

— А это действительно прокариоты? — спросила она. — Я знаю, что их так называют, но ведь так называются и земные бактерии. Это действительно бактерии?

— Если они действительно эквивалентны чему-то известному нам по Солнечной системе, так это цианобактериям — они тоже используют фотосинтез. Но это не наши цианобактерии. По структуре нуклеопротеинов они фундаментально отличаются от тех, что известны на Земле. Они содержат нечто вроде хлорофилла, только без магния, который поглощает инфракрасное

излучение, и клетки кажутся бесцветными, а не зелеными. У них другие энзимы, другие соотношения примесей минералов. Но все-таки они достаточно похожи на известные на Земле организмы, и их можно назвать прокариотами. Я знаю, что наши биологи старательно пропихивают название «эритриоты», но для нас, небологов, сойдут и прокариоты.

— Значит, весь кислород в атмосфере Эритро выделяется в результате их жизнедеятельности.

— Верно. Других объяснений наличия здесь в атмосфере свободного кислорода просто не существует. Кстати, Эугения, ты астроном, — каковы последние представления о возрасте Немезиды?

Инсигна пожала плечами:

— Красные карлики едва ли не вечны. Немезида может оказаться древней, как Вселенная, и протянуть еще сотню миллиардов лет без видимых изменений. Мы можем только ограничиться оценками по содержанию примесей в ее составе. Если это звезда первого поколения, начинавшая с гелия и водорода, ей чуть больше десяти миллиардов лет — она примерно в два раза старше Солнца.

— Значит, и Эритро десять миллиардов лет?

— Правильно. Звездная система формируется сразу, а не по кусочкам. А почему тебя это заинтересовало?

— Просто странно, что за десять миллиардов лет жизнь так и не смогла шагнуть здесь дальше прокариотов.

— Едва ли это удивительно, Сивер. На Земле через два-три миллиарда лет после возникновения жизни обитали одни прокариоты, а здесь, на Эритро, поток энергии от Немезиды куда слабее. Нужна энергия, чтобы образовались более сложные жизненные формы. На Роторе эти вопросы широко обсуждались.

— Я слышал об этом, — отозвался Генарр, — только до нас на Эритро многое не доходит. Должно быть, мы слишком закопались во всякие местные дела и проблемы — хотя ты наверняка скажешь, что и прокариотов следует считать таковыми.

— Если на то пошло, — ответила Инсигна, — и нам на Роторе немного известно о Куполе.

— Да, каждый занимается делом в собственной клетушке. Только, Эугения, о Куполе и говорить нечего.

Это же просто мастерская, и я не удивлен, что ее новости тонут в потоке более важных событий. Все внимание, конечно же, уделяется новым поселениям. Ты не собираешься перебраться на новое место?

— Нет, я роторианка и не собираюсь изменять своему дому. Я бы и здесь не оказалась — прости пожалуйста, — если бы не необходимость. Мне нужно провести измерения на более солидной базе, чем Ротор.

— Так мне и Питт сказал. Он велел оказывать тебе всяческое содействие.

— Хорошо. Я не сомневаюсь в твоей поддержке. Кстати, ты только что упомянул, что на Эритро стараются не пропускать под Купол прокариоты. Как вам это удается? Воду пить можно?

— Конечно, мы и сами ее пьем, — ответил Генарр. — Под Куполом прокариотов нет. А воду — как и все, что вносится под Купол, — облучают сине-фиолетовым светом, за какие-то секунды разрушающим здешние прокариоты. Коротковолновые фотоны для них чересчур горячи, они разрушают ключевые компоненты в этих маленьких клетках. Но даже если некоторым удастся уцелеть, они, насколько нам известно, не токсичны и безвредны — проверено на животных.

— Приятно слышать.

— Только это имеет и обратную сторону. Под лучами Немезиды земные микроорганизмы не могут конкурировать с местными. Во всяком случае, когда мы вносили в почву Эритро наши бактерии, никакого роста и размножения не наблюдалось.

— А как насчет многоклеточных растений?

— Мы пробовали их сажать, но практически без результата. Наверное, виной всему свет Немезиды — под Куполом эти же растения прекрасно растут на почве Эритро. Обо всем мы, конечно, докладывали на Ротор, только едва ли этой информации давали ход. Я уже говорил, на Роторе не интересуются Куполом. Этому жуткому Питту мы не нужны, а он-то и определяет интересы Ротора.

Генарр говорил с улыбкой — несколько напряженной. Что бы сказала Марлена? — подумала Инсигна.

— Питт вовсе не жуткий, — ответила она. — Иногда он просто утомляет, но это другое дело. Знаешь,

Сивер, когда мы были молодыми, я всегда думала, что однажды ты станешь комиссаром. Ты был таким умным.

— Был?

— Ну и остался, я в этом не сомневаюсь, только в те дни ты был поглощен политикой, у тебя были такие изумительные идеи. Я тебя слушала как замороженная. Из тебя мог бы получиться комиссар получше, чем из Януса. Ты бы прислушивался к мнению людей, ты не стал бы слепо настаивать на своем.

— Вот потому-то я и был бы очень плохим комиссаром. Видишь ли, у меня нет цели в жизни. Только стремление во всем поступать по правде и надеяться, что все закончится благополучно. А вот Питт знает, чего хочет, и добивается этого любыми методами.

— Сивер, ты не понимаешь его. У него сильная воля, и он человек разума.

— Конечно, Эугения. Такая рассудочность — великий дар. К чему бы он ни стремился, цель его всегда идеально правильна, логична и основана на весьма человеческих мотивах. Но изобрести новую причину он умеет в любой момент, причем с такой непосредственностью, что убедит заодно и себя самого. Если тебе приходилось иметь с ним дело, ты, конечно, знаешь, как он может уговорить тебя сделать то, чего ты не собираешься делать, и добивается этого не приказами, не угрозами, а весьма разумными и вескими аргументами.

— Но... — попыталась возразить Инсигна.

— Вижу, и ты успела уже в полной мере пострадать от его рассудочности, — язвительно заметил Генарр. — Вот, значит, видишь сама, какой он прекрасный комиссар. Не человек, а комиссар.

— Ну, я бы не стала утверждать, что он плохой человек — здесь ты, Сивер, пожалуй, далеко зашел. — Инсигна покачала головой.

— Что ж, не будем спорить. Я хочу видеть твою дочь. — Он поднялся. — Ты не станешь возражать, если я зайду к вам сразу после обеда?

— Это будет прекрасно, — согласилась Инсигна.

Генарр глядел ей вслед, и улыбка медленно гасла на его лице. Эугения хотела вспомнить прошлое, но он ляпнул про мужа — и все.

Он тяжело вздохнул. Удивительная способность — портить жизнь самому себе — так и не оставляла его.

27

Эутения Инсигна втолковывала дочери:

— Его зовут Сивер Генарр, к нему следует обращаться «командир», потому что он распоряжается в Куполе.

— Конечно, мама, я буду называть его так, как положено.

— И я не хочу, чтобы ты смущала его.

— Не буду.

— Марлена, это тебе удастся слишком легко. Ты сама знаешь. Отвечай ему без всяких поправок на твои знания языка жестов и выражений лица. Я прошу тебя! Мы с ним дружили в колледже и некоторое время после его окончания. Потом он десять лет провел здесь, под Куполом, и, хотя я не видела его все это время, он остался моим другом.

— Значит, это был твой парень.

— Именно это я и хотела тебе сказать, — подтвердила Инсигна, — и я не хочу, чтобы ты следила за ним и объявляла, что он имеет в виду, что думает или ощущает. Собственно, он не был моим парнем, как это принято понимать, он не был моим любовником. Мы с ним дружили, нравились друг другу — и только. Но после того как отец... — Она качнула головой и махнула рукой. — Следи за тем, что говоришь о комиссаре Питте — если о нем пойдет речь. Мне кажется, что командир Генарр не доверяет комиссару Питту.

Марлена одарила мать одной из редких улыбок.

— Уж не наблюдала ли ты за поведением командира Сивера? Значит, это тебе не кажется.

Инсигна покачала головой.

— Ты и это видишь? Разве трудно перестать хоть на минутку? Хорошо, это мне не кажется — он сам сказал, что не верит комиссару. И знаешь что, — добавила она скорее для себя, — у него могут быть на это веские причины. — И, взглянув на Марлену, она внезапно опомнилась: — Давай-ка еще раз повторю, Марлена. Можешь смотреть на командира, сколько тебе

удовно, и делать любые выводы, но не говори об этом ему. Только мне. Поняла?

— Ты думаешь, это опасно?

— Не знаю.

— Это опасно, — деловито проговорила Марлена. — Про опасность мне стало понятно, едва комиссар Питт отпустил нас на Эритро. Только я не знаю, в чем она заключается.

28

Первая встреча с Марленой явилась для Сивера Генарра тяжелым испытанием, к тому же девочка угрюмо поглядывала на него, словно давала понять, что прекрасно видит его потрясение и понимает его причины.

Дело было в том, что ей ничего не передалось от Эутении: ни красоты, ни изящества, ни обаяния. Только большие ясные глаза так и буравили его... Но они были унаследованы не от Эутении. Глаза были лучше, чем у матери, и только.

Впрочем, понемногу первое впечатление стало рассеиваться. Подали чай и десерт, Марлена вела себя идеально. Просто леди и умница. Как это говорила Эутения? Не внушающие любви добродетели? Неплохо. Ему казалось, что она просто жаждала любви, как это часто бывает среди дурнушек. Как жаждал и он сам. Внезапный поток дружеских чувств охватил его.

— Эутения, можно я переговорю с Марленой с глазу на глаз? — спросил он.

— Сивер, для этого есть какие-нибудь особые причины? — с деланной непринужденностью поинтересовалась Инсигна.

— Видишь ли, — ответил тот, — Марлена разговаривала с комиссаром Питтом и уговорила его отпустить вас обеих в Купол. Как командир Эритро, я вынужден считаться со словами и поступками комиссара Питта, и мне важно знать, что скажет об этой встрече Марлена. Но с глазу на глаз, мне кажется, она будет откровеннее.

Проводив взглядом выходящую Инсигну, Генарр обернулся к Марлене, почти утонувшей в громадном кресле, которое стояло в углу. Руки ее свободно лежали на коленях, а прекрасные темные глаза серьезно смотрели на командира.

— Твоя мама, кажется, опасалась оставлять нас вдвоем, а ты сама не боишься? — с легкой усмешкой произнес Генарр.

— Ни в коей мере, — ответила Марлена, — и мама опасалась за вас, а не за меня.

— За меня? Почему же?

— Она думает, что я могу чем-нибудь обидеть вас.

— Неужели, Марлена?

— Не нарочно, командир. Я буду стараться.

— Ну, будем надеяться, что тебе это удастся. Ты знаешь, почему я хотел поговорить с тобой наедине?

— Вы сказали маме, что желаете узнать подробности моего разговора с комиссаром Питтом. Это так, но еще вы хотите лучше познакомиться со мной.

Брови Генарра удивленно приподнялись.

— Естественно, я же должен иметь представление о тебе.

— Не так, — вырвалось у Марлены.

— Что «не так»?

Марлена отвернулась.

— Прошу прощения, командир.

— За что?

По лицу Марлены пробежала тень, она молчала.

— Ну, в чем дело, Марлена? — тихо спросил Генарр. — Скажи мне. Важно, чтобы разговор наш был откровенным. Если мама велела тебе придержать язык — не надо этого делать. Если она говорила, что я человек чувствительный и легкоранимый — забудь про это. Вот что, я приказываю тебе говорить откровенно и не беспокоиться о том, что можешь меня задеть. Я приказываю, и ты должна повиноваться командиру Купола.

Марлена вдруг рассмеялась.

— Значит, вам и в самом деле интересно побольше узнать обо мне?

— Конечно.

— Во-первых, вы недоумеваете, как могло случиться, что я вовсе не похожа на мать.

Генарр широко открыл глаза.

— Я не говорил этого.

— А мне и говорить не надо. Вы друг моей матери. Она мне рассказала об этом. Вы любили ее и до сих пор еще не забыли, и вы ждали, что я окажусь на нее

похожей, а когда увидели меня, то не сумели скрыть разочарования.

— Неужели? Это было заметно?

— Легкий жест, вы человек вежливый и пытались его скрыть, но я заметила. А потом вы все время смотрели то на маму, то на меня. И еще тон, каким вы обратились ко мне. Все было ясно. Вы думали о том, что я не похожа на маму, и это вас расстроило.

Генарр откинулся на спинку кресла.

— Восхитительно.

Марлена засияла.

— Вы действительно так думаете, командир? Вы и в самом деле не обиделись? Вы рады, не ощущаете никакой неловкости? Вы первый. Даже моей маме это не нравится.

— Нравится не нравится — другой вопрос. Совершенно неуместный, когда речь идет о необычайном. И как давно ты научилась читать по жестам, Марлена?

— Я всегда умела делать это. Только теперь научилась лучше понимать людей. По-моему, на это каждый способен — надо только внимательно посмотреть и подумать.

— Нет, Марлена. Ты ошибаешься. Люди этого не умеют. Так, значит, ты говоришь, что я люблю твою маму?

— Даже не сомневайтесь, командир. Когда она рядом, вас выдает каждый взгляд, каждое слово, каждый жест.

— А как ты полагаешь, она это замечает?

— Она догадывается, но не хочет замечать.

Генарр отвернулся.

— И никогда не хотела.

— Дело в моем отце.

— Я знаю.

Поколебавшись, Марлена проговорила:

— По-моему, она поняла бы, что ошибается, если бы умела видеть вас так, как я...

— К несчастью, она не умеет. Впрочем, мне приятно услышать это от тебя. Знаешь, а ведь ты красавица.

Марлена зарделась.

— Вы и в самом деле так думаете?

— Конечно!

— Но...

— Я ведь не могу солгать тебе и не буду пытаться. Лицо твое некрасиво, тело тоже, но ты красавица — остальное неважно. Ты же видишь, я говорю то, что думаю.

— Да, — ответила Марлена с внезапной радостью. На миг лицо ее действительно стало красивым.

Генарр улыбнулся в ответ.

— А теперь давай-ка потолкуем о комиссаре Питте. Теперь, когда я узнал, какая ты у нас проникательная юная дама, разговор этот для меня стал еще более важным. Не возражаешь?

Сложив руки на коленках, Марлена скромно улыбнулась и проговорила:

— Да, дядя Сивер. Вы не возражаете, если я так стану называть вас?

— Ни в коем случае. Я просто польщен. А теперь — расскажи мне о комиссаре Питте. Он распорядился, чтобы я всячески помогал твоей матери и предоставил ей все имеющиеся здесь астрономические приборы. Почему он это сделал?

— Мама хочет провести точные измерения траектории Немезиды среди звезд, а Ротор не может предоставить для этого надежную базу. Эритро больше подходит для таких наблюдений.

— А она недавно заинтересовалась этим?

— Нет, дядя Сивер. Она говорила мне, что давно уже собиралась заняться этим.

— Но почему же она только теперь прилетела сюда?

— Она давно просила, но комиссар Питт всякий раз отказывал.

— А почему он согласился сейчас?

— Потому что решил избавиться от нее.

— В этом я не сомневаюсь — она вечно досаждала ему своими астрономическими проблемами. Твоя мама могла давно уже надоесть ему. Но почему он решил отослать ее сюда именно сейчас?

— Потому что еще больше он хотел отделаться от меня, — тихо ответила Марлена.

Глава 14

РЫБАЛКА

29

После Исхода миновало только пять лет, но Крайлу Фишеру казалось, что все было невообразимо давно. Ротор остался в прошлом, в другой жизни, и Фишер уже стал сомневаться в собственной памяти. Действительно ли жил он на искусственной планете? В самом ли деле оставил на ней жену?

Отчетливо он помнил одну только дочь, иногда она представлялась ему уже не ребенком, а девушкой.

В последние три года его жизнь стала сумасшедшей: после того как земляне обнаружили Звезду-Соседку, ему пришлось посетить семь поселений.

Эти космические города были населены людьми с тем же цветом кожи, что у него, они говорили на родном ему языке и принадлежали к близким культурам. (Так уж богата Земля. Род людской многолик, и на планете-матери нетрудно подобрать агента, внешне похожего на жителя любого из поселений.)

Конечно же, абсолютно сойти за местного жителя он не мог. Одного внешнего сходства оказывалось мало, всегда его выдавал акцент и неуклюжесть, ведь в поселениях была разная сила тяжести. Он не умел, как поселенцы, плавно скользить там, где тяжесть была мала. Так что, где бы ни случилось бывать Фишеру, он всегда чем-нибудь выдавал себя и поселенцы его сторонились — а ведь ему всякий раз приходилось проходить и карантин, и установленную медобработку, чтобы попасть внутрь очередного поселения.

В поселениях он гостил недолго — несколько дней, самое большее — недель. Оставаться там надолго, а тем более заводить семейство, как это было на Роторе, необходимости не было. Ведь гиперпривод улетел вместе с Ротором, и других важных заданий не было, а может быть, Крайлу просто их не поручали.

Он сидел дома уже три месяца. О новом задании его не извещали, а Крайл и не стремился торопить события. Он так устал от вечных скитаний, устал чувствовать себя чужаком среди поселенцев, устал изображать туриста.

Старый друг и коллега Гаранд Уайлер тоже вернулся из очередной командировки и теперь сидел у Крайла дома и смотрел на него усталыми глазами. Свет лампы отразился в его темной кисти, когда он на миг поднес рукав к носу и опустил руку.

Фишер усмехнулся краешком рта. Жест этот успел стать привычным и для него. В каждом поселении был собственный запах: всюду выращивали свои растения, использовали свои приправы, свои духи, свои масла для машин. К запаху агент привыкал быстро, но когда возвращался на Землю, то обнаруживал, что весь пропитался запахом поселения. И можно было мыться, отдать в стирку всю одежду — запах назойливо преследовал, и от него нельзя было отделаться.

— С возвращением, — произнес Фишер. — И как твое новое поселение?

— Жуть — как всегда! Прав старик Танаяма. В любом поселении более всего страшатся разнообразия: жители космоса просто ненавидят его. Они не признают различий — ни во внешности, ни во вкусах, ни в образе жизни. Как подберется компания типов под одну масть — так и начинают презирать всех на свете.

— Ты прав, — ответил Фишер, — это неприятно.

— Неприятно? — удивился Уайлер. — Чересчур мягко сказано. Неприятно, когда тарелку уронил или вилка выскочила из розетки, а тут речь идет обо всем человечестве, о Земле и долгих попытках ее людей научиться жить вместе, невзирая на различия во внешности или культуре. Конечно, жизнь у нас не сахар, но, если сравнить с той, что была сто лет назад, — это же сущий рай. И стоило нам нос высунуть в космос, как мы

сразу обо всем забыли и вернулись в средневековье. А ты говоришь «неприятно» — это слово ни на волос не отражает глубины трагедии.

— Верно, — согласился Фишер, — но скажи, чем лично я могу поправить дело, а потом я начну выбирать слова. Ты, кажется, был на Акруме?

— Да, — ответил Уайлер.

— Они знают о Звезде-Соседке?

— Конечно. Насколько мне известно, новость эта успела дойти до каждого поселения.

— Они озабочены?

— Ничуть. С чего им тревожиться? Впереди целые тысячелетия. Поселения смогут отправиться в путь задолго до того, как звезда подойдет близко и станет опасной — кстати, это еще тоже бабушка надвое сказала. Они все успеют смыться. А Ротором они восхищаются и ждут момента, чтобы последовать его примеру. — Уайлер нахмурился, в голосе его послышалась горечь. — А потом все сбегут, а мы останемся. Потому что не сможем настроить поселений на восемь миллиардов человек и отправить их в разные стороны Галактики.

— Ты прямо как Танаяма. Ну зачем нам разыскивать их, травить, тем более пытаться уничтожить. Мы все равно останемся около Солнца и никуда не сумеем стронуться. Есть ли смысл в том, чтобы поселения, как послушные дети, торчали возле Земли и вместе с нами дожидались конца? Нам от этого будет легче?

— Крайл, ты слишком невозмутим, а вот Танаяма злится, и я его понимаю. Он так злится, что охотно разодрал бы всю Галактику пополам, чтобы только найти свой гиперпривод. Он хочет отыскать Ротор, вывернуть его наизнанку — пусть в этом нет особого смысла, — но гиперпривод нужен Земле, чтобы эвакуировать людей с планеты, когда это окажется необходимым. Так что Танаяма прав, несмотря на то что действует, возможно, неправильно.

— Положим, мы получим гиперпривод, но ресурсов и времени у нас хватит только чтобы вывезти один миллиард людей. Кого будем спасать? А что если те, кто будет заниматься отправкой, бросятся спасать свою родню?

— Зачем ты так? — буркнул Уайлер.

— Незачем, — согласился Фишер. — Давай-ка лучше порадуемся, что нас давно уже не будет на свете, когда людям придется заняться этим делом.

— Ну разве что, — сказал Уайлер. И, понизив голос, вдруг произнес: — Не исключено, что начало уже положено. Я подозреваю, что гиперпривод у нас есть или вот-вот будет.

Лицо Фишера выразило крайнее удивление.

— Почему ты так решил? Приснилось или догадался?

— Нет. Видишь ли, я знаком с женщиной, сестра которой знает с кем-то из окружения Старика. Тебя это устраивает?

— Конечно, нет. Выкладывай все, что знаешь.

— Что-то не хочется, Крайл. Видишь ли — я твой друг. Ты же помнишь, что я помог тебе восстановить репутацию в Конторе.

Крайл кивнул.

— Знаю, и благодарен тебе за это. И при каждой возможности пытаюсь вернуть тебе долг.

— И я благодарен тебе за это. Могу поделиться с тобой некоторой конфиденциальной информацией. Полагаю, что ты найдешь ее важной и полезной для себя. Готов ли ты выслушать и снять бремя с моей души?

— Всегда готов.

— Не сомневаюсь. Ты знаешь, чем мы сейчас заняты?

— Да, — односложно ответил Фишер. Риторический вопрос не заслуживал иного ответа.

Целых пять лет агенты Конторы, среди которых три года числился и Фишер, рылись во всех свалках Солнечной системе, где поселения сваливали информационный мусор. Они искали.

Поселения пытались заново разработать гиперпривод, Земля тоже. О гиперприводе все успели узнать, когда Ротор еще находился в Солнечной системе, окончательное доказательство его существования искусственный мирок представил, покинув ее.

Многие, а возможно, и все поселения знали кое-что о том, что делалось на Роторе. По соглашению об обмене научной информацией каждый обязан был выкладывать на стол все, что ему было известно. Если бы все так поступали, то из частей головоломки, возможно, и сложилось бы нечто целое — один гиперпривод на

Солнечную систему. Но в данном вопросе на откровенность рассчитывать не приходилось. Трудно было знать заранее все возможности нового двигателя, и ни одно поселение не оставило надежды опередить остальных и тем или иным способом добиться преимущества. И всяк таил, что имел — если имел, конечно, — таким образом, общее знание было неполным.

Земля, в лице своего усердного и неутомимого Все-земного бюро расследований, тщательнейшим образом приняла к поселениям. Крючок забросили на крупную рыбину, и Фишер (что означает «рыбак») был среди рыболовов.

— Мы уже сложили воедино все, что сумели добыть, — медленно произнес Уайлер. — Я слышал, что этого довольно. Земля сделает гиперпривод. Я думаю, мы отправимся к Звезде-Соседке. А не хочется ли и тебе слетать туда, если до этого дойдет дело?

— Зачем мне это, Гаранд? Вряд ли такое путешествие состоится, я все-таки сомневаюсь в этом.

— А я нет. Не могу тебе сказать, почему я так уверен, просто поверь на слово. Не сомневаюсь, что ты захочешь лететь. Подумай только — повидеешься с женой... дочерью.

Фишер беспокойно пошевелился. Ему казалось, что половину дней своих он старался не вспоминать об этих глазах. Марлене сейчас уже шесть, говорит, конечно — спокойно и рассудительно, — как Розанна. И видит людей насквозь, как Розанна.

Он ответил:

— Гаранд, это ерунда. Даже если такой полет уже намечен, зачем нужен я? Там небось потребуются разные специалисты. И уж кого-кого, а меня Старик и близко туда не подпустит. Да, он принял меня обратно в Контору, опять давал поручения. Но ты же знаешь, как он относится к неудачникам, а на Роторе я его подвел.

— Да, но в том-то и дело. Твое пребывание на Роторе и сделало тебя специалистом. Если Старик вознамерился разыскать беглое поселение — разве может он не включить в экипаж поискового корабля тебя — землянина, прожившего на Роторе целых четыре года? Кто может знать роториан лучше, кто может

лучше вести с ними дела? Попросись к нему на прием. Скажи ему все это, но заруби себе на носу — о нашем гиперприводе ты ничего не знаешь. Так только, в сослагательном наклонении, если бы да кабы. И не вздумай проболтаться обо мне. Считается, что я тоже ни о чем таком не знаю.

Фишер задумчиво нахмурил брови. Возможно ли? Он не смел надеяться.

30

На следующий день, пока Фишер все еще взвешивал, стоит ли дерзнуть, попросившись на прием к самому Танаяме, инициатива уплыла из его рук. Его вызвали...

Директор редко вызывал к себе простого агента. Для этого существовали его многочисленные заместители. Но если к себе вызывал сам Старик, хорошего ждать не приходилось. И Крайл Фишер заранее был готов к новому назначению — скажем, инспектором на фабрику удобрений.

Танаяма смотрел на него из-за стола. За три года, что прошли после того, как земляне обнаружили Звезду-Соседку, Фишеру редко приходилось видеть директора, да и то мельком. Старик давно настолько усох и покрылся морщинами, что новые физические изменения были уже невозможны. Но острый взгляд не притупился, узкие губы все так же строго сжаты. Возможно, на нем был тот же самый костюм, что и три года назад.

Резкий голос остался прежним, но тон разговора оказался неожиданным. Как ни странно, Старик вызвал его, чтобы похвалить.

На своем неправильном, но с приятным акцентом всепланетном английском Танаяма сказал:

— Фишер, вы хорошо проявили себя. Я хочу, чтобы вы слышали это от меня.

Стоя — присесть его не приглашали — Фишер с трудом подавил изумление.

Директор продолжал:

— Публичных торжеств по этому поводу не ждите, шествий с лазерами и голографических представлений — тоже. Это не принято. Просто я хочу сказать, что доволен вами.

— Этого вполне достаточно, — ответил Фишер, — благодарю вас.

Танаяма пристально посмотрел на Фишера своими узкими глазами.

— И это все, что вы хотите сказать? Вопросов у вас нет?

— Я думаю, директор, что вы сами скажете все, что мне следует знать.

— Вы агент. Вы способный человек. Что вам удалось найти для себя самого?

— Ничего, директор. Я искал только то, что мне предписывалось найти.

Танаяма слегка наклонил голову.

— Хороший ответ, но я говорю не об этом. О чем вы сумели догадаться?

— Вы довольны мной, директор, значит, я сумел отыскать информацию, оказавшуюся полезной для вас.

— Какого рода?

— Я думаю, ничто сейчас не интересует вас больше, чем гиперпривод.

Танаяма изумленно открыл рот.

— И что дальше? Допустим, он у нас есть — каким будет наш следующий шаг?

— Путешествие к Звезде-Соседке, поиски Ротора.

— Только-то? И ничего больше? Больше вы ни до чего не додумались?

Тут Фишер понял, что не рискнуть глупо. Возможно, другой возможности ему не представится.

— Хорошо. Мне хотелось бы оказаться на том земном корабле с гипердвигателем, который полетит за пределы Солнечной системы.

Выпалив все это, Фишер понял, что проиграл или по крайней мере не выиграл. Лицо Танаямы потемнело.

— Сядьте! — резко бросил он.

После слов Танаямы позади Фишера мягко зашуршало кресло: сервомотор был настроен на голос Танаямы.

Фишер опустил плечи, не проверяя, стоит ли сзади кресло: подобное недоверие могло показаться обидным, а сейчас не время сердить Танаяму.

— Почему вы хотите оказаться на этом корабле?

Стараясь говорить ровно, Фишер ответил:

— Директор, у меня на Роторе осталась жена.

— Которую вы оставили пять лет назад. Вы полагаете, она дожидается вас?

— Директор, там моя дочь.

— Ей был год, когда вы расстались. Вы уверены, что она знает о своем отце? Что вы нужны ей?

Фишер молчал. Он и сам время от времени думал об этом.

Недолго помедлив, Танаяма продолжил:

— Но полета к Звезде-Соседке не будет. Такого корабля еще не существует.

И вновь Фишер вынужден был подавить любопытство.

— Простите, директор, вы сказали: «Допустим, он у нас есть», — или я неточно понял смысл ваших слов?

— Вы поняли меня так, как должны были понять. И как понимали всегда. Да, у нас есть гиперпривод. Мы можем передвигаться в пространстве, как Ротор, — точнее, сможем, когда соорудим этот корабль и убедимся в том, что он работоспособен, — через год или два. Но что потом? Вы действительно предлагаете лететь на нем к Звезде-Соседке?

— Это оптимальный вариант, директор, — осторожно проговорил Фишер.

— Это бессмысленный вариант. Подумайте сами. До Звезды-Соседки больше двух световых лет. И как бы виртуозно мы ни владели гиперприводом, на путешествие уйдет два года. Наши теоретики уверяют меня, что гиперпривод позволяет кораблю превышать скорость света на весьма короткое время — чем больше скорость, тем меньше движется с нею корабль, так что в итоге корабль не может достичь любой точки в космосе быстрее, чем это сделает световой луч, стартовавший из той же точки одновременно с ним.

— Но если так...

— Если так, вам придется провести два года в тесном корабле с несколькими спутниками. Вы считаете себя способным на это? Вам известно, что маленькие корабли не пригодны для длительных переходов? Нам необходимо поселение, сооружение, подобное Ротору, способное обеспечить экипажу необходимые условия. Вы знаете, сколько времени потребуется, чтобы построить его?

— Не могу сказать, директор.

— Лет десять, если все сложится благополучно и не случится аварий. Имейте в виду — Земля не строила поселений почти целое столетие. Новостройками в космосе теперь занимаются старые поселения. И как только мы затеем такое строительство, то сразу привлечем к себе внимание поселений, а этого не следует делать. И потом, если построить такое поселение, оснастить гиперприводом, отослать к Звезде-Соседке, два световых года — что оно там будет делать? Если у Ротора есть военные корабли — а они не могли не позаботиться об этом, — наше поселение окажется уязвимым, его нетрудно будет уничтожить. Возможно, Ротор уже настроил боевых кораблей больше, чем мы способны прихватить с собой. В конце концов они провели в космосе целых три года, и не исключено, что они смогут спокойно заниматься своими делами еще лет двенадцать, прежде чем мы подоспеем туда. Так что наше поселение они разнесут в клочки.

— В этом случае, директор...

— Хватит догадок, агент Фишер. Нам следует понастоящему овладеть гиперприводом, так чтобы мы были в состоянии перемещаться в пространстве на любое расстояние за любое время.

— Простите меня, директор. Неужели это возможно? Даже теоретически?

— Этот вопрос не для нас с вами. Ответить на него должны ученые, а их у нас нет. Целое столетие лучшие умы покидали Землю, перебираясь в поселения. Теперь этот процесс следует повернуть вспять. В известной мере, следует некоторым образом устроить набег на поселения и каким угодно путем заманить на Землю лучших физиков и инженеров. Предлагать можно многое, но осторожно. Нельзя открывать все карты — иначе поселения сумеют обойти нас...

Танаяма умолк и внимательно посмотрел на Фишера. Тот неловко пошевелился.

— Да, директор?

— Т. А. Уэндел, вот на кого я положил глаз. Говорят, что в Солнечной системе нет лучшего физика-гиперпространственника.

— Гиперпривод изобрели физики Ротора. — Фишер не сумел сдержать сухого укора.

Танаяма не обратил внимания на выпад и продолжил:

— Иногда открытия делаются случайно, бывает, что мелкий ум семени забегает вперед, пока мудрец возводит прочное основание. В истории такое часто случилось. А Ротор показал, что, обладая гиперприводом, способен перемещаться только со скоростью света. Мне нужен сверхсветовой полет, скорость, далеко опережающая скорость света. Мне требуется Уэндел.

— Вы хотите, чтобы я доставил его на Землю?

— Ее. Это женщина. Тесса Анита Уэндел с Аделии.

— О!..

— Потому-то вы нам и понадобились. Видите ли, — Танаяма словно излучал сияние, хотя ни одна черточка его лица не выражала оживления, — говорят, что с женской точки зрения вы неотразимы.

Лицо Фишера окаменело.

— Прошу прощения, директор, но я так не считаю. Совершенно не согласен с этим.

— У меня другие сведения. Уэндел — женщина средних лет, около сорока, дважды разведена. По-моему, нетрудно будет ее уговорить.

— Честно говоря, сэр, я считаю это поручение неприличным, и если в данных обстоятельствах возможно обратиться к услугам другого агента, в большей степени пригодного для выполнения подобного...

— Но я выбрал вас. И если вы, агент Фишер, опасаетесь, что не сумеете проявить в полной мере свое обаяние, если станете подходить к Уэндел отвернувшись и при этом воротить нос, я постараюсь облегчить вашу задачу. Вы провалились на Роторе, но сумели частично загладить свою вину. Теперь вы можете реабилитироваться. Но если вы не сумеете привезти сюда эту даму, это будет куда более серьезный провал и ваша репутация погибнет безвозвратно. Правда, я не хочу, чтобы вы действовали лишь из страха перед неприятностями. Хочу кое-что предложить вам. Вы доставляете Уэндел, мы строим сверхсветовой звездолет, он летит к Звезде-Соседке, и вы на нем — если не передумали.

— Сделаю все, что в моих силах, — ответил Фишер, — и не потому, что ожидаю награды или боюсь наказания.

— Великолепный ответ. — Лицо Танаямы изобразило некое подобие улыбки. — И вне сомнения, я хорошо запомню его.

И Фишер ушел, прекрасно понимая, что его ждет новая рыбалка, куда более серьезная, чем предыдущие.

Глава 15

ЛИХОМАНКА

31

За десертом Эугения Инсигна улыбнулась Генарру.

— Похоже, вы здесь прекрасно живете.

— Прекрасно, но несколько замкнуто, — улыбнулся в ответ Генарр. — Мы живем в огромном мире, но Купол нас ограничивает. Люди здесь не приживаются. Появляется интересный человек и самое позднее через два месяца исчезает. Поэтому здесь, под Куполом, живут скучные люди, впрочем, сам я кажусь всем, наверное, еще более скучным. Так что ваше с дочерью появление представляет интерес для головидения — даже если на вашем месте был бы кто-нибудь другой...

— Лстец, — грустно промолвила Инсигна.

Генарр откашлялся.

— Марлена предупреждала меня, чтобы я... ну ты понимаешь, что ты не...

Инсигна вдруг перебила его:

— Я бы не сказала, что заметила особое внимание головизорщиков.

Генарр сдался.

— Ладно, — сказал он. — Просто у меня такая манера разговаривать. На завтрашний день назначена маленькая вечеринка, там я тебя официально представлю и познакомлю со всеми.

— Чтобы все могли обсудить мою внешность, костюм и перемыть мне все косточки.

— Трудно сомневаться, что они откажут себе в этом удовольствии. Но Марлена тоже приглашена, и я уверен, что от нее ты узнаешь о нас больше, чем мы о тебе. Источник самый надежный.

Инсигна вздохнула.

— Значит, Марлена все-таки дала представление?

— Ты хочешь сказать, усвоила ли она «язык» моего тела? Да, мэм.

— Я не велела ей делать это.

— По-моему, она просто не в состоянии удержаться.

— Ты прав. Это так. Но я просила ее не рассказывать об этом тебе. И вижу, что она послушалась меня.

— Нет. Я приказал ей. Просто приказал, как командир Купола.

— Ну тогда извини — это такая докука.

— Да нет же. Не для меня, Эугения, понимаешь, твоя дочь мне понравилась. Очень. Мне кажется, что она несчастна — все понимает и никому не нравится. Все не вызывающие любви добродетели отпущены ей в полной мере. А это несладко.

— Хочу тебя предупредить. Она надоедлива — ей всего пятнадцать.

— По-видимому, существует некий закон, согласно которому ни одна мать не в состоянии вспомнить, какой сама была в пятнадцать, — сказал Генарр. — Марлена тут говорила о мальчике — должна же ты все-таки понимать, что неразделенная любовь в пятнадцать бывает горше, чем в двадцать пять. Впрочем, ты красива, и девичьи годы были для тебя лучезарными. Не забывай, что Марлене очень нелегко. Она знает, что некрасива, и понимает, что умна. Девочка знает, что интеллект должен более чем компенсировать внешность, и в то же время видит, что на деле это не так, и в результате сердится от бессилия что-либо изменить, прекрасно понимая, что в подобной реакции нет ничего хорошего.

— Ну, Сивер, — произнесла Инсигна, стараясь говорить непринужденно. — Ты у нас настоящий психолог.

— Вовсе нет. Просто я ее понимаю. Я сам прошел через это.

— Ох... — Инсигна немного растерялась.

— Ничего-ничего, Эугения, я не пытаюсь жалеть себя и не прошу у тебя сострадания к бедной разбитой душе. Эугения, мне сорок девять, а не пятнадцать, и я давно примирился с самим собой. Если бы в пятнадцать или в двадцать один я был красив, но глуп — а мне этого так хотелось тогда, — я бы уже не был сейчас красавцем, но глупым остался. Так что в конце концов выиграл-то я — выиграет и Марлена, если ей позволят.

— Что ты хочешь этим сказать, Сивер?

— Марлена рассказала мне про разговор с нашим приятелем Питтом. Она нарочно рассердила его, чтобы тебя послали сюда, а заодно и ее.

— Этого я не одобряю, — сказала Эугения. — Не того, что она сумела справиться с Питтом — с ним едва ли можно справиться вообще. Я не одобряю того, что она решилась на это. Марлене кажется, что она может тянуть за ниточки, шевелить ручки и ножки марионеток — такое легкомыслие может повлечь за собой серьезные неприятности.

— Эугения, не хочу тебя напрасно пугать, но по моему, неприятности уже начались. По крайней мере, так полагает Питт.

— Нет, Сивер, это невозможно. Да, Питт самоуверен и властен, но он не злодей. Он не будет наказывать девушку лишь потому, что она затеяла с ним дурацкие игры.

Обед закончился, свет в элегантно обставленной квартире Сивера был неярким. Слегка нахмурившись, Инсигна посмотрела на Сивера — тот протянул руку, чтобы включить экран.

— Что за секреты, Сивер? — деланно улыбнувшись, спросила она.

— Я снова хочу изобразить перед тобой психолога. Ты не знаешь Питта, как я. Я посмел спорить с ним — и очутился здесь, потому что он решил избавиться от меня. В моем случае этого оказалось достаточно, но вот как будет с Марленой — не знаю.

Снова натянутая улыбка.

— Да ну тебя, Сивер, — о чем ты говоришь?

— Послушай — поймешь. Питт скрытен. Он не любит, когда о его намерениях узнают. Он словно крадет-

ся по тайной тропе, увлекая за собой остальных — это создает в нем ощущение собственного могущества.

— Возможно, ты прав. Он держал открытие Немезиды в секрете и меня заставил молчать о нем.

— У него много секретов, мы с тобой и малой части их не знаем. Я в этом не сомневаюсь. И вот перед ним Марлена, для которой мысли и движения ясны как день. Кому это понравится? Менее всего Питту. Вот поэтому он и отправил ее на Эритро и тебя вместе с ней, потому что одну девочку сюда не пошлешь.

— Ну хорошо. И что же из этого следует?

— А тебе не кажется, что он надеется больше ее не увидеть, никогда?

— Сивер, у тебя мания преследования. Неужели ты считаешь, что Питт решится обречь Марлену на вечную ссылку?

— Конечно, только он будет действовать изощренно. Видишь ли, Эутения, ты мало знаешь о том, как начиналась история Купола, в отличие от нас с Питтом. Скорее всего, кроме нас двоих об этом вообще никто не знает. Ты знаешь скрытность Питта, он всегда извлекает из нее пользу — в том числе и здесь. Я тебе расскажу, почему мы остаемся под Куполом и не пытаемся заселить Эритро.

— Ты ведь уже рассказал. Освещенность не поз...

— Эутения, это официальная версия. Питт выбрал в качестве причины освещенность, но к ней можно привыкнуть. Итак, мы располагаем миром, обладающим той же гравитацией, что и Земля, пригодной для дыхания атмосферой, примерно теми же сезонными циклами, что и дома. Миром, не породившим сложных форм жизни, где нет ничего сложнее прокариотов, причем не опасных. Каковы же, по-твоему, причины того, что мы не только не заселяем этот мир, но даже не пытаемся этого сделать?

— Ну и почему же?

— А вот почему: вначале люди свободно выходили из Купола. Дышали воздухом, пили воду — без всяких предосторожностей.

— Ну и?..

— Некоторые из них заболели какой-то душевной болезнью. В неизлечимой форме. Это не было буйное

помешательство — просто какое-то отстранение от реальности. Потом кое-кому стало лучше, но, насколько мне известно, никто не поправился полностью. Болезнь эта не заразна, но на Роторе на всякий случай тайно приняли меры.

Эугения нахмурилась.

— Сивер, ты сочиняешь? Я ничего не слыхала об этом.

— Не забывай про скрытность Питта. Просто тебе не полагалось этого знать. Не твоя епархия. Мне напротив — знать было положено, потому что именно меня послали сюда, чтобы ликвидировать эпидемию. И если бы я потерпел неудачу, мы бы навсегда оставили Эритро, невзирая на грозящие нам беды и недовольство роториан. — Помолчав немного, он добавил: — Я не имею права говорить тебе об этом, в известном смысле я нарушаю служебный долг. Но ради Марлены...

Лицо Эугении выразило глубочайшую озабоченность.

— Ты говоришь... ты утверждаешь, что Питт...

— Я утверждаю, что Питт наверняка рассчитывает, что Марлена подхватит «эритрийскую лихоманку», как мы ее называем. Она не умрет. Даже больной в обычном смысле слова ее нельзя будет назвать — просто ум ее расстроится, и тогда этот странный дар, возможно, покинет ее, чего и добивается Питт.

— Сивер, это ужасно! Подвергнуть ребенка...

— Эугения, возможно, все будет иначе. Пусть Питт этого хочет — но что у него получится? Обосновавшись здесь, я завел надежные меры защиты. Купол мы покидаем только в специальных костюмах и не остаемся снаружи дольше чем нужно. Фильтруем воздух и воду, я даже придумал кое-какие усовершенствования. И с тех пор было только два случая, довольно легких.

— Сивер, а что вызывает болезнь?

Генарр усмехнулся.

— Мы не знаем, в том-то и беда. А значит, не представляем, как совершенствовать свою оборону. Тщательные исследования подтверждают одно: ни в воздухе, ни в воде нет никакой заразы. В почве тоже — вот она здесь, под ногами, под Куполом от нее никуда не деться. Воздух и вода тщательно фильтруются. И вообще, многим случалось пить эритрийскую воду, дышать

чистым воздухом планеты — и ничего... никаких последствий.

— Так, значит, всему виной прокариоты?

— Этого не может быть. Хочешь не хочешь, но мы поглощаем их с водой или воздухом, с ними экспериментировали на животных. И ничего. К тому же, будь то прокариоты, болезнь оказалась бы заразной, а это не так. Мы исследовали воздействие света Немезиды — и вновь ничего не обнаружили. Более того, один раз — один только раз — лихоманку подцепил человек, никогда не выходивший из Купола. Тайна да и только.

— Даже предположений нет?

— У меня? Нет. Я могу только радоваться, что сумел остановить болезнь. Но раз мы не знаем ни природы, ни причин болезни, нельзя быть уверенным, что она не возникнет вновь. Правда, есть одно предположение...

— Какое?

— Это мне один из психологов доложил, я потом передал его докладную Питту. Так вот, он почему-то решил, что все заболевшие не принадлежали к числу средних умов, они выделялись из общей массы — более ярким воображением, например. Это были люди интеллигентные, с творческой жилкой, далеко не посредственности. Он предположил, что каким бы ни был возбудитель болезни, он в первую очередь поражает более тонкий ум.

— И ты с ним согласен?

— Не знаю. Вся беда в том, что иных отличий не видно. Оба пола в равной мере поражались лихоманкой, других тенденций — возрастных или физических — тоже не было подмечено. Конечно, жертв лихоманки не так уж и много, так что на результаты статистического анализа полагаться нельзя. Питт удовлетворился заключением этого психиатра, а потому в последние годы он присылал сюда только людей посредственных — не тупиц, а просто середняков, вроде меня. Кстати, вот тебе и пример иммунитета: я с моим ординарным умом. Так ведь?

— Не надо, Сивер, ты не...

— С другой стороны, — продолжал Сивер, не дослушав Эугению, — разум Марлены весьма отличается от ординарного...

— Да-да, — начала Эугения, — теперь я поняла, куда ты клонишь.

— Не исключено, что, как только Марлена обнаружила перед Питтом свои способности, как только он услышал, что девочка просится на Эритро, наш комиссар мгновенно сообразил, что, дав согласие, он может избавиться от ума, в котором видел несомненную для себя опасность.

— Тогда... тогда нам нужно немедленно возвратиться на Ротор.

— Да, но я не сомневаюсь, что Питт уже обдумал, как подольше задержать вас здесь. Например, он, безусловно, будет настаивать, чтобы ты закончила все измерения. Заявит, что считает их результаты жизненно важными, и все твои упоминания о лихоманке ни к чему не приведут. А если ты уедешь самовольно, то он отправит тебя на ментальное обследование. Мне кажется, будет лучше, если ты просто постарайшься побыстрей закончить работу. Ну а что касается Марлены, — постараемся принять соответствующие меры предосторожности. Эпидемия лихоманки утихла, и предположение, что ей подвержены экстраординарные умы, никто еще не подтвердил. Нет никаких оснований считать, что она обязательно заразится. И мы с тобой способны сохранить здоровье Марлены — это же все равно что садануть Питта в глаз. Вот увидишь!

Инсигна смотрела на Генарра и не видела его. Где-то под ложечкой все стянулось в тугой ком.

Глава 16

ГИПЕРПРОСТРАНСТВО

32

Аделия оказалась славным местечком, гораздо более славным, чем Ротор.

После Ротора Крайл Фишер успел побывать в шести поселениях, и все они были куда симпатичней.

Фишер мысленно перечислил их и вздохнул. Семь их было, не шесть. Ну вот, начинает сбиваться. Быть может, ему уже становится трудно работать?

Последняя в этом списке, Аделия оказалась самым симпатичным из всех поселений, которые посещал Фишер. Может быть, выражалось это не внешне. Ротор был чуть старше, там уже успели сложиться какие-то традиции. Там все было собранно, деловито, каждый человек знал свое место, был им доволен и честно исполнял свой долг.

Конечно же, на Аделии находилась и Тесса Анита Уэндел. Крайл еще не приступил к делу — быть может, потому, что сам Танаяма назвал его неотразимым для женщин и потрясение еще не прошло. И чего бы ни было больше в словах Танаямы — насмешки или сарказма, только Крайл вынужден был теперь проявлять осторожность. Второе фиаско, без сомнения, было бы сочтено решительным провалом, ведь Танаяма положился, пусть и не совсем искренне, на его умение обходиться с женщинами.

Фишеру удалось встретиться с Уэндел недели через две после того, как он прибыл в поселение. Его не переставало удивлять, как быстро можно было встре-

тить нужного человека в любом поселении. Ведь он вырос не в крошечном мирке, с немногочисленным по земным меркам населением, где каждый знал не только всех из ближайшего окружения, но и всех за его пределами.

Когда он увидел Тессу Уэндел, она сразу же произвела на него впечатление. Слова Танаямы, то легкое пренебрежение, с каким он говорил, что Тесса немолода и дважды разведена, оказали на Фишера определенное влияние — в его воображении успел сложиться образ женщины утруемой и строгой, нервной, конечно, испытывающей по отношению к мужчинам либо озлобление, либо голодный цинизм.

В первый раз он увидел ее издалека и был приятно удивлен. Ростом она оказалась чуть пониже его самого — высокая брюнетка с гладкими волосами, энергичная и улыбчивая, — уж это он смог заметить. Наряд ее вдохновлял своей простотой — словно всякие излишества в одежде не шли ей. За собой Тесса явно следила, и стройная фигурка ее казалась почти девичьей.

Тут уже Фишер призадумался над причинами ее разводов. И предположил, что мужья ей надоедали, хотя здравый смысл говорил, что едва ли человек станет повторять одну и ту же ошибку дважды.

Теперь ему нужно было войти в здешнее общество и побывать там, где бывала Тесса. Земное происхождение Фишера несколько усложняло эту задачу. Однако в каждом поселении жили люди, которым Земля платила жалованье. Один из них и должен был обеспечить Фишеру успех в здешнем обществе — вывести его на орбиту, как это называлось среди поселенцев.

Так и случилось. Фишер и Уэндел оказались в одной компании, и она, задумчиво посмотрев на него, опустила ресницы, потом вновь взглянула на Крайла и вымолвила неизбежное:

— Я слыхала, вы прибыли к нам с Земли, мистер Фишер?

— Совершенно верно, доктор Уэндел. И весьма сожалею об этом — похоже, вас это смущает.

— Напротив. Ведь вы прошли карантин.

— И чуть не умер, если говорить честно.

— Почему же вы решили подвергнуться этому кошмарному процессу?

Глядя в сторону и в то же время стараясь видеть эффект, который произведут его слова, Фишер ответил:

— На Земле поговаривают, что на Аделии женщины невероятно красивы.

— Полагаю, теперь вы решили вернуться, чтобы опровергнуть эти слухи.

— Напротив, я нашел, что они подтвердились.

— Ну вы и ходок, — произнесла она.

Что означает на местном сленге «ходок», Фишер не знал, но Уэндел улыбалась, и Крайл решил, что для первого раза все прошло удовлетворительно.

Неужели он действительно неотразим? Крайл вдруг вспомнил, что, живя с Эугенией, он даже не пробовал быть неотразимым, а был озабочен только тем, чтобы стать допущенным в чопорное роторианское общество.

На Аделии, решил Фишер, общество явно попроще — и все-таки не стоит слишком полагаться на свою неотразимость.

33

Через месяц Фишер и Уэндел были знакомы достаточно близко, чтобы вместе заниматься гимнастикой. Упражнения при пониженном тяготении могли бы, пожалуй, доставить Фишеру некоторое удовольствие, если бы не одно «но»: он так и не сумел приспособиться к подобного рода занятиям, и пониженная гравитация неизменно вызывала у него легкую дурноту. На Роторе такой физкультуре уделялось меньше внимания. К тому же Крайл мог не участвовать в них, поскольку не был природным роторианином. (Законом это не предусматривалось, однако обычай зачастую сильнее закона.)

Как-то раз, после очередной тренировки спускаясь на лифте вместе с Тессой, где ускорение силы тяжести было несколько больше, Фишер как всегда ощутил, как успокаивается его желудок. Одежды на обоих почти не было, и Крайл почувствовал, что его тело привлекает Уэндел и его самого тоже тянет к ней.

После душа — порознь — они оделись и направились перекусить.

— Для землянина вы неплохо справляетесь с пониженным тяготением, — заметила Уэндел. — Вам нравится на Аделии, Крайл?

— Тесса, вы знаете, как я себя здесь чувствую. Землянину никогда не привыкнуть к такому крошечному миру, но ваше общество способно компенсировать любые неудобства.

— Вот-вот. Слова истинного ходока. Ну а как вам показалась Аделия в сравнении с Ротором?

— С Ротором?

— Если хотите, с любым поселением из тех, на которых вы побывали. Крайл, я могу их перечислить...

Немного ошарашенный, Фишер спросил:

— Что это? Неужели вы наводили обо мне справки?

— Конечно!

— Ну и как, интересно?

— Нетрудно заинтересоваться человеком, заинтересовавшимся мною в такой дали от родного дома. Я хочу знать причины вашего внимания ко мне. Конечно, я не исключаю и сексуального интереса. Даже не сомневаюсь.

— Так почему же я вами заинтересовался?

— А может, вы сами расскажете? Что вы делали на Роторе? Вы ведь пробыли там достаточно долго, обзавелись женой и ребенком и все-таки оставили поселение перед самым отлетом. Побоялись застрять на Роторе на всю оставшуюся жизнь? Значит, вам там не нравилось?

Некоторое смущение сменилось откровенным замешательством.

— По совести говоря, — пробормотал Фишер, — Ротор не нравился мне, но и нас, землян, там не любили. К тому же вы правы. Я не хотел остаться на всю жизнь гражданином второго сорта. В этом смысле в прочих поселениях законы помягче, на Аделии в том числе.

— А ведь у Ротора был свой секрет, и они старались скрыть его от Земли, — сказала Уэндел. Ее глаза взволнованно заблестели.

— Секрет? Вы, наверное, имеете в виду гиперпривод?

— Да, я именно это и хотела сказать. По-моему, на Роторе вы пытались проникнуть именно в этот секрет.

— Я?

— Конечно. Вам удалось его раскрыть? Зачем вам понадобилось жениться на этой ученой с Ротора? —

Подперев подбородок ладонями и поставив локти на стол, она наклонилась вперед.

Покачив головой, Фишер осторожно произнес:

— Мы с ней о гиперприводе даже не разговаривали.

Вы ошибаетесь.

Не обратив внимания на его слова, Уэндел спросила:

— Что вы собрались выведать у меня? И каким образом? Вы хотите жениться на мне?

— А тогда вы откроете мне свой секрет?

— Нет.

— Тогда о женитьбе не может быть и речи!

— А жаль, — улыбнулась Уэндел.

— Вас интересует все это как специалиста по гиперпространству? — спросил Фишер.

— А как вы узнали, кто я? Вам сказали на Земле, когда посылали сюда?

— Извините, ваша фамилия значится в Аделийском реестре.

— Значит, и вы наводили обо мне справки. Забавная подобралась парочка. Только вы не обратили внимания, что там я значусь физиком-теоретиком.

— Ваша фамилия стоит под рядом статей, в заголовках которых попадает слово «гиперпространственный». Сомнений нет.

— Конечно, но тем не менее я физик-теоретик и просто изучаю теоретические аспекты, связанные с гиперпространством. Я никогда не пыталась воплотить свои знания на практике.

— А на Роторе это сумели сделать. Это вас не волнует? Странно, ведь они вас обошли.

— Ну и что? Теория куда интереснее, чем прикладные вопросы. Если вы прочли в моих статьях что-нибудь кроме заголовков, то должны помнить — я писала, что гиперпривод не стоит затраченных на него усилий.

— Роториане отправили лабораторию к звездам и...

— Вы о Дальнем Зонде? Да, они измерили параллаксы нескольких относительно удаленных звезд — но разве это оправдало затраты? И как далеко залетел Дальний Зонд? Да всего лишь на несколько световых месяцев! Это же совсем рядом. Линия, соединяющая Зонд с Землей в крайнем его удалении, стягивается в точку в масштабах Галактики.

— Но ведь они не ограничились Дальним Зондом, — напомнил Фишер. — Они увели в космос целое поселение.

— Правильно. Это было в двадцать втором, с тех пор прошло шесть лет, и мы знаем только, что они оставили Солнечную систему.

— Разве этого мало?

— Конечно. Куда они улетели? Живы ли они? Возможно ли вообще, чтобы они выжили? Людям еще не доводилось обитать в обособленном поселении. Рядом всегда была Земля, другие поселения. Способны ли выжить в космосе несколько десятков тысяч человек? Мы даже не знаем, возможно ли это просто психологически. Я полагаю, что нет.

— По-моему, они намеревались подыскать в космосе мир, пригодный для заселения. Они не останутся в поселении.

— Э, да какой там мир могут они отыскать? Они же улетели шесть лет назад. Значит, смогли добраться только до одной из двух звезд — ведь гиперпривод обеспечивает передвижение со средней скоростью, равной скорости света. Первая из них — альфа Центавра, тройная звезда, расположенная в 4,3 световых годах отсюда, одна из ее звезд — красный карлик. Другая — звезда Барнарда, одинокий красный карлик, до которого 5,9 световых лет. Значит, всего четыре звезды: две такие, как Солнце, еще две — красные карлики. Обе желтые звезды расположены неподалеку. Они образуют умеренно тесную двойную систему — едва ли возле них может обнаружиться подобная Земле планета, да еще на сколько-нибудь устойчивой орбите. Куда им лететь дальше? Некуда, Крайл! Мне не хочется расстраивать вас, я знаю, что там у вас остались жена и ребенок — но Ротор взялся за непосильное дело.

Фишер молчал. Уэндел не знала всего: он не рассказывал ей о существовании Звезды-Соседки, впрочем, и она была красным карликом.

— Значит, вы считаете, что межзвездные перелеты невозможны, — сказал он.

— С практической точки зрения, да, — если ограничиваться применением гиперпривода.

— У вас получается, Тесса, что одним гиперприводом дело может и не ограничиться?

— Конечно. Что тут такого? Совсем недавно мы и мечтать не могли о гиперприводе — почему бы теперь не пойти дальше? Почему не пометать о настоящем гиперпространственном переходе, о сверхсветовых скоростях? Если мы овладеем ими, если научимся летать с этими скоростями столько, сколько потребуется, то вся Галактика, а быть может, и вся Вселенная станут для людей такими же крохотными, как Солнечная система, и человек будет владеть всем пространством.

— Неплохая мечта, но едва ли возможная.

— После отлета Ротора все поселения трижды собирались на конференции, посвященные этому вопросу.

— Поселения поселениями, а как насчет Земли?

— Наблюдатели были, но в наши дни на Земле хорошего физика не сыщешь.

— И чем же закончились эти конференции?

— Вы же не физик, — улыбнулась Уэндел.

— Исключите технические подробности. Просто интересно.

Она лишь улыбнулась в ответ.

Фишер сжал перед собой на столе кулак.

— Для начала давайте-ка забудем эту вашу гипотезу о том, что я тайный агент Земли, вынюхивающий разные тайны. У меня дочь где-то в космосе, Тесса. Вы утверждаете, что скорей всего ее нет в живых. Ну а если вы ошибаетесь? Могла ли она...

Улыбка исчезла с лица Уэндел.

— Извините, я забыла об этом. Давайте ограничимся практическими соображениями: нечего и надеяться отыскать поселение внутри объема, образуемого сферой радиусом в шесть световых лет, а со временем ее радиус будет расти. На поиски десятой планеты ушло более ста лет, а она ведь куда больше Ротора, и объем пространства намного меньше.

— Надежда вечна, — отозвался Фишер. — Ну так возможен ли этот ваш настоящий гиперпространственный перелет? Можете сказать только «да» или «нет».

— Если хотите знать правду — большинство специалистов отрицают такую возможность. Некоторые, правда, колеблются, но эти просто бормочут.

— Ну а громко никто не высказывается?

— Есть и такие. Я, например.

— Значит, вы считаете, что это возможно? — Фишер был искренне удивлен. — И вы уже действительно можете во всеуслышание объявить об открытии или просто шептываете себе под нос?

— У меня есть публикация на эту тему. Одна из тех статей, с заглавиями которых вы ознакомились. Пока еще никто не рискнул согласиться со мной. Конечно, мне случалось ошибаться, но на сей раз я уверена.

— А почему же другие физики считают, что вы ошибаетесь?

— Это трудно объяснить. Но я постараюсь. Роторианский гиперпривод, о котором болтают во всех поселениях, основывается на том, что произведение отношения скорости корабля к скорости света на время постоянно, причем отношение скорости корабля к скорости света равно единице.

— Что это значит?

— Это значит, что когда летишь быстрее света, то чем больше скорость, тем меньше времени удастся ее поддерживать. И тем дольше приходится передвигаться с досветовой скоростью перед следующим импульсом. И в итоге средняя скорость перелета оказывается равна скорости света.

— Ну и?..

— Положение мое незыблемо, если здесь использован принцип неопределенности, а с ним, как известно, шутить не приходится. Но если допустить, что принцип неопределенности на самом деле здесь ни при чем, то гиперпространственный перелет окажется теоретически невозможным. Большинство физиков на этом и останавливается, меньшая часть колеблется. Сама я полагаю, что в данном случае мы имеем дело только с подобием принципа неопределенности, поэтому настоящий гиперпространственный перелет возможен без всяких ограничений.

— Ну а как понять, кто из вас прав?

— Не знаю. — Уэндел покачала головой. — Поселения не очень-то рвутся в просторы Галактики, даже с помощью гипердвигателя. Никто не желает следовать примеру Ротора, лететь годы и годы... на верную смерть.

Кроме того, ни одно поселение не способно вложить в это предприятие немислимые деньги, если к тому же подавляющее большинство экспертов считает его теоретически невозможным.

— И вам все равно? — Фишер подался вперед.

— Конечно, нет. Я — физик, мне интересно доказать, что верен именно мой взгляд на Вселенную. Однако приходится считаться с пределами возможного. Деньги нужны громадные, поселения ничего не дадут мне.

— Тесса, плюньте на поселения — эта работа нужна Земле, она готова платить, сколько потребуется.

— В самом деле? — удивилась Тесса и медленно протянула руку, чтобы коснуться волос Фишера. — Кажется, придется нам перебираться на Землю.

34

Взяв руку Уэндел, Фишер бережно отвел ее от своей головы.

— Если я вас правильно понял, вы действительно считаете возможным создание настоящего гиперпространственного звездолета?

— Абсолютно уверена.

— Тогда Земля ждет вас.

— Почему?

— Потому что Земле нужен гиперпространственный звездолет, а из всех крупных физиков только вы уверены, что его можно создать.

— Крайл, раз вы все знали, зачем потребовался этот вопрос?

— Я ничего не знал — вы сами обо всем сейчас мне рассказали. Перед отлетом мне лишь объяснили, что вы самый блестящий физик из ныне живущих.

— Ну как же, как же, — усмехнулась Уэндел. — Значит, вам велели похитить меня?

— Уговорить.

— Уговорить? Чтобы я улетела на Землю? Жить среди этих толп, в грязи, бедности, среди вечной непогоды. Нечего сказать, заманчивая идея.

— Послушайте меня, Тесса. На Земле все бывает по-разному. Не исключено, что она и в самом деле обладает всеми этими недостатками, но даже они —

часть прекрасного мира. Такой следует видеть Землю. Вы ведь ни разу там не были?

— Ни разу, я — аделийка по рождению и воспитанию. В других поселениях мне бывать случалось, но чтобы на Землю... благодарю вас.

— Значит, вы не знаете, что такое Земля? Не представляете себе, что такое настоящий мир. Она не похожа на вашу тесную конуру с несколькими квадратными километрами поверхности, с горсткой соседей. Это же пустяк, игрушка, здесь даже не на что посмотреть. Земля иная — только поверхность ее составляет больше шестисот миллионов квадратных километров. На ней живут восемь миллиардов людей. Она бесконечна, разнообразна. Да, на ней много плохого, но столько хорошего!

— Сплошная бедность... Науки у вас тоже нет.

— Потому что ученые вместе со своей наукой переехали в поселения. Поэтому вы и нужны нам, прилетайте на Землю.

— Но я не понимаю зачем.

— Потому что у Земли есть цели, устремления, амбиции. У поселений же осталось только самодовольство.

— Ну и что вам в этих целях, устремлениях и амбициях? Физика — дело дорогостоящее.

— Должен признать, доход среднего землянина относительно невелик. По отдельности все мы бедны, но восемь миллиардов людей, скинувшись по грошу, соберут огромную сумму. И ресурсы планеты до сих пор огромны, хоть их расходовали и расходуют на пустяки. Земля может дать вам средств и рабочих рук больше, чем все поселения вместе взятые — но лишь в том случае, когда это действительно необходимо. Уверяю вас, Земля нуждается в гиперпространственном звездолете. Тесса, летите на Землю, там вас будут считать редкостной драгоценностью — все-таки и на нашей планете не все есть.

— Но я не уверена, что Аделия согласится меня отпустить. Самодовольство самодовольством, но цену своим умам она знает.

— Они не будут против поездки на Землю... на научную конференцию.

— И тогда, вы хотите сказать, я смогу не возвращаться.

— Вам не на что будет жаловаться. Вас устроят с наилучшим комфортом. Выполнят все ваши прихоти и желания. Более того, вас поставят во главе проекта, дадут неограниченные кредиты, вы сможете проводить любые испытания, задумывать всевозможные эксперименты, делать наблюдения...

— Королевские обещания...

— Разве вам еще что-то нужно? — простодушно ляпнул Фишер.

— Хотелось бы знать, — задумчиво проговорила Уэндел, — почему послали именно вас? Такого привлекательного мужчину. Или они рассчитывали, что вы видавшая ученая дама — ну конечно, одинокая, ну конечно, разочарованная, — словно рыбка клюнет на эту наживку?

— Тесса, я не знаю, о чем думали те, кто меня отправлял, только сам я об этом не думал. Но когда увидел вас... И не наговаривайте на себя — какая вы видавшая? Разве вас можно назвать разочарованной или одинокой? Земля предлагает осуществить мечту физика, и для нее неважно, кто вы: молодая или пожилая, мужчина или женщина.

— Какая досада! Ну а если я проявлю непреклонность и откажусь лететь на Землю? Какие еще аргументы у вас? Вы обязаны подавить отвращение и вступить со мной в связь?

Сложив руки на великолепной груди, Уэндел загадочно смотрела на Фишера.

Тщательно подбирая слова, он ответил:

— Знаете, что там замыслили наверху, я не имею понятия. Обольщать вас мне не приказывали, но уверяю вас, если до этого дойдет, об отвращении не может быть и речи. Просто я решил сначала переговорить с вами как с физиком, не унижая прочими соображениями.

— Напротив, — возразила Уэндел, — как физик я вижу все достоинства вашего предложения и охотно согласилась бы побегать за этой яркой бабочкой — за гиперпространственным звездолетом — везде, где возможно, но мне кажется, вы не совсем убедили меня. Я хочу, чтобы вы выложили все аргументы.

— Но...

— Короче, если я нужна вам — платите. Убеждайте меня изо всех сил, словно я проявила самое твердокаменное упорство, иначе я останусь. Как по-вашему, зачем мы здесь и для чего служат эти кабинеты? Мы размялись, приняли душ, поели, немного выпили, поговорили, получили от всего этого известное удовольствие, теперь можно обратиться к иным радостям. Я требую. Убедите меня, что на Земле мне будет хорошо.

И, повинуясь прикосновению ее пальца к выключателю, свет внутри кабинета призывно померк.

Глава 17

В БЕЗОПАСНОСТИ?

35

Эугения была растеряна. Сивер Генарр настаивал на том, чтобы Марлену посвятили во все.

— Эугения, ты — мать, и тебе Марлена всегда будет казаться маленькой. Но в конце концов любой матери приходится понять: и она — не царица, и дочь — не ее личная собственность.

Эугения Инсигна опустила глаза под его мягким взглядом.

— Не читай мне лекций, Сивер, — сказала она. — И нечего затевать всю эту суету вокруг чужого тебе ребенка.

— Суету? Ну, извини. Давай тогда так. Мое отношение к ней эмоционально не сковано памятью о ее детстве. Девочка нравится мне, как распускающийся бутон, как юная женщина, обладающая редким умом. Эугения, она необыкновенный человек. Тебе, может быть, это покажется странным, но, по-моему, она личность куда более значительная, чем ты или я. И уже поэтому с ней следует посоветоваться.

— Ее следует поберечь, — возразила Инсигна.

— Согласен, но давай спросим у нее, как ее лучше беречь. Она молода, неопытна, но может лучше нас сообразить, что следует предпринять. Давай обговорим все втроем, как трое взрослых. И обещай мне, Эугения, не прибегать к родительской власти.

— Как я могу это обещать? — горько произнесла Инсигна. — Ну хорошо, поговорим.

Они собрались втроем в кабинете Генарра. Экран был включен. Окинув быстрым взглядом взрослых, Марлена поджала губы и грустно сказала:

— Мне это не нравится.

— Боюсь, что у меня плохие новости, — начала Инсигна. — Неладно здесь. Придется подумать о возвращении на Ротор.

Марлена казалась удивленной.

— Но, мама, а как же твоя работа? Это же важно, измерения следует закончить. Но я вижу, ты решила даже не браться за них. Не понимаю.

— Марлена. — Инсигна говорила медленно, разделяя слова. — Мы считаем, что тебе следует вернуться на Ротор. Тебе одной.

Наступило недолгое молчание. Марлена вглядывалась в лица взрослых. Потом спросила почти шепотом:

— Ты говоришь серьезно? Ушам не верю. Я не вернусь на Ротор. Никогда. Я не хочу этого. Эритро — моя планета, и здесь я намереваюсь остаться.

— Марлена... — Голос Инсигны сорвался.

Подняв руку, Генарр укоризненно качнул головой. Эугения умолкла.

— Почему ты так хочешь остаться здесь, Марлена? — спросил Генарр.

— Потому что хочу, — ровным голосом ответила девочка. — Как иногда тянет съесть что-нибудь — просто хочется, и все тут. И почему — понять невозможно. Хочется. Меня просто влечет к Эритро. Не знаю почему, но я хочу быть здесь. Не знаю, как это объяснить.

— Хорошо, пусть тогда мать расскажет тебе все, что мы знаем.

Взяв в свои руки прохладные и вялые ладони Марлены, Инсигна проговорила:

— Помнишь, Марлена, перед отлетом на Эритро ты говорила мне о своем разговоре с комиссаром Питтом.

— Да.

— Ты говорила тогда, что он скрыл что-то, о чем-то умолчал, когда разрешил нам отправиться на планету. И ты не знала, что это было, — но явно нечто плохое и зловещее.

— Да, помню.

Инсигна меддила, и пронизывающий взгляд Марлены сделался жестким.

— Отсвет на волосах, — шепнула девочка словно себе самой, не замечая, что говорит вслух. — Рука у виска. Отодвигается. — Голос ее утих, но губы продолжали шевелиться. И вдруг она громко и дерзко выкрикнула: — С чего ты решила, что у меня с головой не в порядке?

— Нет, — быстро ответила Инсигна, — совсем наоборот, дорогая. Мы прекрасно знаем, что у тебя ясная головка, и хотим, чтобы так оно и осталось. Слушай...

Рассказу об эритрийской лихоманке Марлена внимала с огромным недоверием и наконец сказала:

— Мама, я вижу, ты сама веришь тому, что говоришь, но, по-моему, тебе могли солгать.

— Обо всем этом она узнала от меня, — вмешался Генарр, — а я знаю, что говорю. А теперь скажи, не солгал ли я. Не возражаешь?

Марлена молча покачала головой.

— Почему тогда вы решили, что мне грозит опасность? Почему она грозит именно мне, а не вам или маме?

— Она же сказала, Марлена. Предполагают, что лихоманка поражает людей с развитой фантазией, воображением. Считается, что чем выше твой ум над обыденностью, тем более подвержен он лихоманке. И поскольку твой разум является самым необычным из всех, с которыми мне приходилось иметь дело, я опасюсь, что ты окажешься необычайно восприимчивой к ней. Комиссар распорядился, чтобы я не ограничивал твою свободу действий на Эритро, чтобы ты увидела и испытала все, что пожелаешь. Мы даже обязаны обеспечить твое передвижение вне Купола — если ты захочешь. Ты думаешь, что он был просто добр к тебе — но разве не может статься, что, разрешив тебе выходить из Купола, он просто надеялся, что ты подхватишь лихоманку?

Марлена слушала, не проявляя эмоций.

— Разве ты не поняла, Марлена? — спросила Инсигна. — Комиссар желает тебе не смерти. Уж в этом мы его не можем обвинить. Он просто стремится погубить твой ум, хочет, чтобы ты заразилась.

Марлена невозмутимо слушала.

— Но если комиссар Питт пытается меня погубить, — наконец заговорила она, — почему вы хотите отослать меня прямо к нему в лапы?

Генарр поднял брови.

— Мы уже объяснили. Здесь тебе опасно оставаться.

— Но разве рядом с ним я буду в безопасности? На что он может решиться в следующий раз — если он действительно хочет погубить меня? А так он будет ждать, когда я заболею, ждать, ждать — и в конце концов забудет обо мне — не так ли? Но только если я останусь здесь!

— Но здесь тебе грозит лихоманка, Марлена, лихоманка! — Инсигна протянула руки, чтобы обнять дочь. Марлена уклонилась от объятий.

— Она меня не волнует.

— Но мы же объяснили...

— Это неважно. Здесь мне ничего не грозит. Совсем ничего. Я знаю себя. Всю жизнь я училась понимать собственный разум. Теперь я знаю его. Ему здесь ничего не грозит.

— Марлена, посуди сама, — сказал Генарр. — Каким бы уравновешенным ни казался тебе собственный ум, с ним может случиться все что угодно. Ты можешь заболеть менингитом, эпилепсией, у тебя может появиться опухоль мозга, в конце концов ты постареешь когда-нибудь. И ты не сумеешь этого предотвратить, лишь убеждая себя, что с тобой такого случиться не может.

— Обо всем этом я не говорю, речь идет о лихоманке. Для меня она не заразна.

— Дорогая, разве можно знать это наперед? Нам даже неизвестно, что ее вызывает.

— Что бы ни вызывало — мне она не грозит.

— Откуда ты это знаешь, Марлена? — спросил Генарр.

— Просто знаю.

Терпение Эугении лопнуло. Она схватила Марлену за локоть.

— Марлена, ты сделаешь так, как я велю!

— Нет, мама. Ты не понимаешь. На Роторе меня все время тянуло на Эритро. Здесь это чувство только

усилилось. Я хочу здесь остаться. Я уверена — мне ничто не грозит. Я не хочу возвращаться.

Инсигна открыла было рот, но Генарр поднял руку: молчи!

— Я предлагаю компромисс, Марлена. Твоя мать должна провести здесь астрономические наблюдения. Для этого потребуется какое-то время. Обещай, что, пока она занята ими, ты не будешь покидать Купол, станешь выполнять любые мои указания, которые покажутся мне разумными, и регулярно проходить обследование. Если мы ничего у тебя не обнаружим, то можешь оставаться под Куполом, пока мать не покончит с делами. Потом мы снова все обсудим. Согласна?

Марлена задумчиво склонила голову. Наконец она сказала:

— Хорошо. Только грошу тебя, мама, не пытайся изобразить досрочное окончание работы. Я все пойму. И не торопись — все должно быть сделано хорошо. Я замечу и это.

Инсигна нахмурилась.

— Марлена, я не привыкла легкомысленно относиться к работе. Не думай, что я способна халтурить — даже ради тебя.

— Извини, мама, я понимаю, что временами раздражаю тебя.

Инсигна тяжело вздохнула.

— Не стану этого отрицать, но в любом случае ты остаешься моей дочерью. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты была в безопасности. Ну как, я не солгала?

— Нет, мама, только, пожалуйста, поверь мне — я не напрасно говорю, что здесь мне ничего не грозит. Я впервые чувствую себя счастливой. На Роторе я не знала, что это такое.

36

— У тебя усталый вид, Эугения, — заметил Генарр.

— Сивер, я устала. Так, накопилось кое-что за два месяца непрерывных расчетов. Уж и не знаю, как обходились астрономы Земли своими примитивными средствами до выхода человека в космос. Кеплер, например, сформулировал законы движения планет, ограничиваясь такими простыми вещами, как логарифмы, да

еще радовался, что ему повезло — потому что их только что придумали.

— Прости меня за невежество, но я полагал, что в наши дни астроном должен только повернуть свои приборы в нужную сторону, а потом может отправляться спать, а утром ему останется лишь забрать аккуратные распечатки и снимки.

— Хорошо бы. Но сейчас у меня другая работа. Ты знаешь, мне нужно было с максимальной точностью измерить вектор скорости Немезиды относительно Солнца, а потом правильно рассчитать взаимное положение звезд и планет в момент наибольшего сближения. Достаточно малейшей неточности — и получится, что Земля погибнет, тогда как на самом деле уцелеет, и наоборот. Представляешь? — Не дождавшись ответа, Инсигна продолжала: — Задача достаточно сложная, даже если бы кроме Солнца и Немезиды во Вселенной не было других тел — но поблизости расположены звезды, и они тоже движутся. И по крайней мере дюжина их способна своим тяготением внести возмущения в движение обеих звезд, пусть и небольшие. Отклонения крошечные, но, если ими пренебречь, ошибка вырастет на миллионы километров. И чтобы не ошибиться, приходится определять массы всех этих звезд, их положение, скорость — причем со значительной точностью. В итоге, Сивер, я имею задачу пятнадцати тел. Невероятно сложная штука. Немезида пройдет прямо через Солнечную систему и окажет заметное воздействие на целый ряд планет. Многое, конечно, зависит от расположения планет во время прохождения Немезиды, от того, насколько изменятся их орбиты под ее влиянием. Влияние Мегаса, кстати, тоже приходится учитывать.

Генарр внимательно слушал. Его лицо было серьезным.

— Ну и что вышло, Эугения?

— Пока я могу предположить, что орбита Земли сделается более эксцентрической, а большая полуось слегка уменьшится.

— А что это значит?

— Это значит, что на Земле станет слишком жарко, чтобы жить.

— И что будет с Мегасом и Эритро?

— Ничего особенного. Планетная система Немезиды мала и куда тесней, чем солнечная, поскольку сильнее удерживается своей звездой. Здесь-то почти ничего не изменится, а вот на Земле...

— Когда это случится?

— Через пять тысяч двадцать четыре года плюс-минус пятнадцать лет Немезида подойдет к точке наибольшего сближения. Процесс растянется лет на двадцать или тридцать, пока обе звезды будут располагаться поблизости.

— А столкновение или что-нибудь в этом роде может произойти?

— Вероятность значительной катастрофы почти нулевая. Крупные небесные тела сталкиваться не будут. Разумеется, принадлежащий Солнцу астероид может упасть на Эритро или немезидийский на Землю. Возможность такого события невелика, но последствия могут оказаться катастрофическими, однако пока этого рассчитать нельзя — разве что потом, когда звезды сойдутся поближе.

— Значит, в любом случае людей с Земли придется эвакуировать. Так ведь?

— Увы, да.

— Но у них есть в запасе пять тысяч лет.

— Для того чтобы вывезти восемь миллиардов людей, этого мало. Их следует предупредить.

— А сами они могут разобраться, без нашего предупреждения?

— Кто знает? Но даже если они быстро обнаружат Немезиду, придется передать им сведения о гиперприводе. Теперь он необходим всему человечеству.

— А я не сомневаюсь, что люди вновь обретут его, и, может быть, очень скоро.

— Ну а если нет?

— Я считаю, что сообщение между Землей и Ротором установится через какое-то столетие. В конце концов у нас есть гиперпривод, мы в любой момент можем им воспользоваться. Можно даже отправить к Земле одно из строящихся поселений, времени хватит.

— Ты говоришь словами Питта.

— Ну знаешь, — усмехнулся Генарр, — не может же он заблуждаться во всем.

— Но я уверена, что он не захочет извещать Землю.

— Питт не может бесконечно настаивать на своем. Он возражал уже против сооружения Купола — однако мы здесь, на Эритро. Но даже если мы не сможем его убедить — он же умрет когда-нибудь. Право, Эутения, ты слишком уж рано начала опасаться за Землю. А Марлене известно, что ты уже кончаешь работу?

— Разве от нее можно что-нибудь скрыть? Она узнает о состоянии моих работ по тому, как я отряхиваю рукав или причесываюсь.

— Она становится все более восприимчивой, не так ли?

— Да. И ты тоже заметил?

— Тоже, и это за то короткое время, что я знаю ее.

— Отчасти, по-моему, все можно объяснить тем, что она становится старше. Эта способность растет... ну как грудь. С другой стороны, прежде ей все время приходилось скрывать свой дар, она не знала, что с ним делать, и всегда имела из-за него неприятности. Теперь она перестала таиться, и все, так сказать, сразу пошло в рост.

— Или тем, что, как она утверждает, ей нравится Эритро: удовлетворение тоже может способствовать усилению восприимчивости.

— Я думала об этом, Сивер, — проговорила Инсигна. — И не хочу взваливать на тебя собственные проблемы. Я уже просто привыкла бояться: за Марлену, за Землю, за всех вокруг. А тебе не кажется, что Эритро воздействует на нее? В отрицательном смысле. Как ты полагаешь, не может оказаться, что подобная восприимчивость свидетельствует о начале болезни?

— Не знаю, что и ответить, Эутения, но если вдруг лихоманка обострила ее восприимчивость, то душевное равновесие пока не нарушено. Могу только заверить тебя, что ни у кого из переболевших ею не обнаружилось ничего похожего на дар Марлены.

Инсигна грустно вздохнула.

— Спасибо тебе, утешил. И еще: я рада, что ты так внимателен к Марлене.

Губы Генарра чуть искривились в улыбке.

— Это несложно. Она мне нравится.

— В твоих устах это звучит вполне естественно. Увы, она у меня не красotka. Уж я-то как мать понимаю это.

— На мой взгляд, ты не права. Я всегда предпочитал в женщинах ум красоте — если эти качества не сливались воедино, как в тебе, Эугения...

— Это было лет двадцать назад, — вздохнула Инсигна.

— Эугения, глаза мои старятся вместе с телом. Они не замечают в тебе изменений. И меня не волнует, что Марлена некрасива. У нее потрясающий интеллект, даже если забыть про ее восприимчивость.

— Не спорю. Это лишь и утешает меня, когда я нахожу ее особенно несносной.

— Кстати, Эугения, боюсь, что Марлена остается несносной.

— Что ты хочешь сказать? — Эугения вскинула глаза.

— Она намекнула мне, что уже сыта Куполом. Ей хочется выйти наружу, под небо планеты — сразу как только ты закончишь с работой. Она настаивает.

Инсигна с ужасом смотрела на Генарра.

Глава 18

СВЕРХСВЕТОВИК

37

Три года, проведенные на Земле, состарили Тессу Уэндел. Фигура ее слегка погрузнела; она немного набрала вес. Под глазами появились тени. Грудь обвисла — чуть-чуть, а живот округлился.

Крайл Фишер помнил, что не за горами пятидесятилетие Тессы, помнил, что она на пять лет старше его. Но она выглядела моложе своих лет. Фигура ее оставалась великолепной — это замечал не только Фишер, — но все-таки Тесса уже не казалась тридцатилетней, как тогда, на Аделии.

Тесса тоже это знала, но решилась заговорить об этом с Фишером только неделю назад.

— А все ты, Крайл, — сказала она, когда они лежали в постели: возраст чаще всего заботил ее ночами. — Ты виноват. Это ты продал меня Земле. «Великолепная планета, — говорил ты. — Огромная. Многообразная. Всегда что-то новое. Богатая планета».

— Разве не так? — спросил он, зная, чем именно она недовольна, но давая ей возможность излить свои чувства.

— А о тяготении ведь умолчал. На всем этом колоссальном шаре одна и та же сила тяжести. Над землей, под землей, здесь, там — повсюду g, одно g, только g. Умрешь со скуки.

— Тесса, мы не знаем ничего лучше.

— Знаешь. Ведь ты же жил в поселениях. Там человек всегда может выбрать подходящий уровень гравитации. Можно порезвиться в невесомости, дать мышцам возможность расслабиться... Как можно жить без всего этого?

— Спортом можно заниматься и на Земле.

— Ну а что делать с тяготением, этим вечным прессом, который постоянно давит на тебя? И все время ты тратишь только на то, чтобы не поддаться ему — где уж тут просто расслабиться! Ни попрыгать, ни полетать. Нельзя даже найти такое место, где меньше давит. Ведь давит всюду, давит так, что сгибаешься, покрываешься морщинами, стареешь. Ты только посмотри на меня!

— Я смотрю — и стараюсь делать это как можно чаще, — с грустью ответил Фишер.

— Тогда перестань смотреть. А то присмотришься и бросишь меня. Тогда знай — я вернусь на Аделию.

— Не стоит. Ну порадуешься низкому тяготению — а что потом? Твоя работа, подчиненные, лаборатория — все останется здесь.

— Начну заново, наберу новых людей...

— И найдешь на Аделии ту же поддержку, что и на Земле? О чем ты говоришь? Ведь на Земле ты ни в чем не знаешь отказа. Разве я не прав?

— И ты считаешь себя правым? Предатель! Ты не сказал мне, что у Земли уже есть гиперпривод, ты даже не сказал мне, что земляне обнаружили Звезду-Соседку! Ты сказал, что полет Дальнего Зонда не дал полезных результатов — дескать, измерили парочку параллаксов. Ты издевался надо мной, бессердечный.

— Тесса, я мог тебе обо всем рассказать, но вдруг тогда ты не полетела бы на Землю? К тому же это была не моя тайна.

— Но потом-то, здесь, на Земле?

— Как только ты начала работать — по-настоящему, — тебе все рассказали.

— Да-да, мне рассказывали, а я сидела и хлопала глазами как дура. А ведь ты мог хоть намекнуть мне, чтобы я не выглядела такой идиоткой. Ох, просто убить тебя хочется — вот только что делать потом? Я к тебе так привязалась. И ты знал, что так и будет, а потому бессовестно соблазнял меня, чтобы увезти на Землю.

Тесса сама выбрала эту роль, и Фишер прекрасно знал свое место в игре.

— Я тебя соблазнил? Ты сама этого хотела. И ни на что иное не соглашалась.

— Врешь. Ты заставил меня. Да-да, это было насилие — гадкое и изощренное. А сейчас ты опять доби- ваешься от меня того же. Я все вижу по твоим похот- ливым глазам.

Она играла в эту игру уже несколько месяцев. Фи- шер знал, что подобное желание приходило к ней в те дни, когда она ощущала профессиональное удовлетво- рение от работы.

— Как твои успехи? — спросил он.

— Успехи? Хм, можно назвать это и так. — Она еще не пришла в себя. — Завтра мы проводим демон- страционный эксперимент для вашего дряхлого Таная- мы. Он все время безжалостно меня подгонял.

— Он безжалостный человек.

— Он глупый человек. Если ты ничего не смыслишь в науке, то должен хотя бы иметь представление, что это такое. Нельзя утром выдать на исследования миллион и вечером потребовать результатов. Надо подождать хотя бы до утра, чтобы хоть ночь можно было порабо- тать. Знаешь, что он сказал мне, когда я сообщила ему, что могу кое-что показать?

— Нет, ты мне не говорила об этом. И что же?

— Наверное думаешь, он выдал что-нибудь вроде: «Просто удивительно, как всего за три года вам удалось добиться таких потрясающих результатов. Земля перед вами в неоплатном долгу». По-твоему, так он сказал?

— Что ты, от Танаямы таких слов не услышать и за миллион лет. Так что же он сказал?

— Он сказал: «Значит, у вас наконец получилось что-то. Три года я надеялся. Уж не думал, что доживу. Или вы решили, что я оплачиваю ваши расходы, корм- лю, пою и одеваю целую армию ваших сотрудников, чтобы вы добились хоть каких-то результатов после моей смерти?» Вот что он сказал. Честное слово, я с удовольствием дождалась бы его смерти. Но, увы, работа есть работа.

— Значит, тебе уже есть чем похвастаться?

— Мы создали первый сверхсветовой двигатель, настоящий — не какой-то там гиперпривод. Мы открыли человечеству дверь во Вселенную.

38

Городок, где команда Тессы Уэндел старалась потрясти Вселенную, построили еще до того, как она появилась на Земле. Он находился высоко в горах, так высоко, что никто чужой туда не мог добраться.

Теперь его посетил Танаяма. Он неподвижно сидел в инвалидном кресле с мотором, и только глаза в узких щелках глазниц были живыми.

Уэндел выглядела невозмутимой.

— Ну и что мне сейчас покажут? — прошелестел старческий голос. — Где корабль?

Естественно, корабля не было и в помине.

— Корабля нет, директор. И не будет много лет. Я могу лишь смоделировать полет. Это тоже захватывающее зрелище — вы увидите первый сверхсветовой перелет, который нельзя даже сравнивать с действием гиперпривода.

— И каким образом я его увижу?

— Я думала, директор, что вам уже все известно.

Танаяма отчаянно закашлялся. Наступила пауза. Наконец, отдышавшись, он произнес:

— Мне пытались рассказать, но я хочу обо всем услышать от вас. — Он не сводил с Тессы суровых и жестких глаз. — Вы здесь главная. Идея ваша — вам и объяснять.

— Но я не могу опустить теорию: разговор будет слишком долгим, директор. Он утомит вас.

— Не нужно теории. Просто объясните, что я увижу.

— Вы увидите два кубических стеклянных контейнера, внутри которых вакуум...

— Почему вакуум?

— Сверхсветовой полет возможен только в вакууме, директор. В противном случае объект, летящий со сверхсветовой скоростью, увлекает за собой материю, теряет управляемость и расходует на передвижение огромную энергию. Завершиться полет тоже должен в вакууме, в противном случае результаты окажутся катастрофическими, так как...

— Можете не продолжать. Если ваш сверхсветовой полет должен и начинаться и оканчиваться в вакууме, каким образом его можно осуществить?

— Сперва мы обычным образом выходим в космос, потом переходим в гиперпространство. Выход из гиперпространства осуществляется возле места назначения, но добираться до него придется тоже обычным путем. Конечно, на это необходимо время. Сверхсветовой перелет происходит не мгновенно, но до какой-нибудь звезды в сорока световых годах от Солнечной системы можно будет добраться не за сорок лет, а, скажем, за сорок дней. Так что жаловаться не на что.

— Ну хорошо. Эти ваши кубические стеклянные емкости — где они?

— Перед вами их голографические изображения. На самом деле каждая из них размещена в горах. Между ними три тысячи километров. В вакууме свет преодолевает такое расстояние за тысячную долю секунды, иначе миллисекунду. Но мы сделаем это еще быстрее. В центре левого куба в сильном магнитном поле подвешена маленькая сфера — крошечный гиператомный двигатель. Вы ее видите, директор?

— Что-то такое вижу, — ответил Танаяма. — И что же?

— Если вы будете внимательно следить за нею, вы увидите, как она исчезнет. Отсчет времени начат.

В наушниках присутствовавших раздался голос, ведущий предстартовый отсчет времени, и на слове «ноль» сфера действительно исчезла из одного куба и появилась в другом.

— Не забудьте, — напомнила Уэндел, — их разделяет три тысячи километров. Хронометры показали, что между исчезновением и появлением прошло десять микросекунд, значит, скорость перелета в сто раз больше скорости света.

Танаяма поднял глаза.

— Как знать? Что если вы просто придумали фокус, чтобы одурачить доверчивого, на ваш взгляд, старикана?

— Директор, — строго сказала Уэндел. — Здесь сотни честных ученых, многие из них земляне. Они покажут вам все материалы и дадут самые подробные объяснения. Никаких фальсификаций — все честно.

— Хорошо, пусть так — но что это значит? Маленький шарик, мячик для настольного тенниса пролетел несколько тысяч километров. Чтобы добиться этого, вы потратили три года?

— При всем моем уважении к вам, директор, должна заметить, что мы сейчас показали больше, чем вы могли ждать от нас. Да, наш двигатель размером с теннисный мячик, и пролетел он всего несколько тысяч километров — но вы были свидетелем сверхсветового перелета, а это все равно что увидеть звездолет, летящий к Арктуру со скоростью, в сто раз превышающей скорость света.

— Но я предпочел бы увидеть звездолет.

— Увы, придется немного подождать.

— Времени нет. Времени нет, — хриплым шепотом проскрипел Танаяма. И вновь зашелся в приступе кашля.

Негромко, так, чтобы услышал он один, Уэндел ответил:

— Одного вашего желания мало, чтобы одолеть приходу.

39

Прошло три дня, до отказа заполненных официальными мероприятиями, и городок, неофициально именовавшийся Гипер-Сити, мог вздохнуть с облегчением — гости наконец-то отбыли восвояси.

— Ну вот, — сказала Тесса Уэндел Крайлу Фишеру, — теперь два-три дня на отдых, и с новыми силами за работу. — Выглядела она утомленной и недовольной. — Какой гадкий старик!

Фишер без труда понял, кого она имела в виду.

— Танаяма болен и стар.

Уэндел метнула в него свирепый взгляд.

— И ты его еще защищаешь!

— Просто констатирую факт, Тесса.

Она укоризненно подняла палец.

— Сомневаюсь, что в молодые годы этот несчастный старец был умнее... Как же он мог столько лет руководить Конторой?

— Это его место. Он командует Конторой больше тридцати лет. А до этого почти столько же проработал

первым заместителем — и волок дела за трех-четыре директоров. И каким бы дряхлым и больным он тебе ни казался — директором он останется до самой смерти, и даже дня три после нее, пока люди не убедятся, что он не восстанет из гроба.

— Тебе это кажется забавным?

— Нет, но что еще делать, как не смеяться: ведь этот человек, не обладая официальной властью и даже не будучи известным широкой публике, держал в страхе и повиновении правительство за правительством в течение почти половины столетия. А все потому, что знал о каждом всю неприглядную правду и без колебаний этим пользовался.

— И его терпели?

— Конечно же. Ни в одном правительстве не нашлось желающего рискнуть своей карьерой ради сомнительной возможности свергнуть Танаяму.

— Даже сейчас, когда его хватка не могла не ослабнуть?

— Ты зря так считаешь — его кулак разожмет только смерть, но до последнего момента воля не позволит пальцам расслабиться. Сперва остановится сердце — лишь потом разожмется рука.

— Зачем ему это? — неприязненно произнесла Уэндел. — Ему давно пора на покой.

— Отдых не для Танаямы. Это невозможно. Не могу сказать, что я когда-нибудь был близок к нему, однако последние пятнадцать лет мне время от времени приходилось иметь с ним дело — мне всегда доставались от него синяки. Я помню его еще полным сил и энергии, и уже тогда мне казалось, что он просто не может остановиться. Вообще людьми руководят разные причины, но Танаямой всегда владела ненависть.

— Нетрудно догадаться, — проговорила Уэндел, — видно невооруженным глазом. Тот, кто хоть раз ненавидел, уже не в силах стать благостным. Кого же ненавидит Танаяма?

— Поселения.

— Неужели? — Уэндел вдруг вспомнила, что она уроженка Аделии. — Мне тоже не приходилось слышать от поселенцев доброго слова о Земле. И ты пре-

красно знаешь мое мнение о таких местах, где сила тяжести постоянна.

— Тесса, я говорю не о неприязни, антипатии или презрении. Я говорю о слепой ненависти. Поселенцев не любит едва ли не каждый землянин. У них там все самое новое. У них тишина, покой и удобства. Им неплохо живется: сплошной отдых, изобилие пищи, там не бывает плохой погоды, там забыли про бедность. Там все делают роботы, которых прячут от посторонних глаз. И вполне естественно, что люди, считающие себя обездоленными, начинают ненавидеть тех, у кого все есть — с их точки зрения. Но Танаяма одержим пламенной ненавистью. Он с удовольствием наблюдал бы за гибелью поселений, всех до одного. Видишь ли, я не сказал о его личном пунктике. Для него невыносима культурная однородность Вселенной. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Нет.

— Дело в том, что в каждом поселении живут люди, так сказать, одной породы и принимают туда только тех, кто похож на них. Каждое поселение обладает в известной мере своей культурой, жители даже внешне похожи. На Земле же, напротив, культуры веками перемешивались, обогащали друг друга, соперничали, опасались соседей. Как и многие земляне, Танаяма — сам я, кстати, тоже — видит в этом залог жизнестойкости. Нам кажется, что культурная однородность ослабляет поселения и в конечном счете сокращает отпущенный им срок жизни.

— Хорошо, но зачем же тогда ненавидеть, раз у поселений тоже не все ладно? Неужели Танаяма ненавидит нас за то, что нам живется хуже и лучше одновременно? Это же безумие.

— Согласен. Благоразумный человек этого себе не позволит. Быть может — только быть может, — Танаяма опасается, что поселения ожидает расцвет и культурная однородность в конце концов окажется достоинством, а не недостатком. А может быть, он боится, что поселения решат общими силами уничтожить Землю — а потому мечтает опередить их. И вся эта история с открытием Звезды-Соседки только еще больше разъярила его.

— Ты о том, что, открыв эту звезду, Ротор и не подумал известить человечество?

— Хуже то, что они не предупредили нас о том, что звезда движется к Солнечной системе.

— Они могли и не знать об этом.

— Танаяма никогда этому не поверит. Не сомневаюсь: он убежден, что они знали все и нарочно промолчали, чтобы Земля погибла.

— По-моему, никто не знает, подойдет ли Звезда-Соседка настолько близко, чтобы вызвать какой-нибудь вред. Я лично тоже не знаю. Астрономы полагают, что звезда без всяких проблем пройдет мимо Солнечной системы. Или ты слышал что-нибудь другое?

Фишер пожал плечами.

— Я — нет. Но ненависть заставляет Танаяму видеть в этой звезде источник беды. Отсюда логически следует, что Земле необходим сверхсветовой звездолет — надо же искать мир, подобный Земле, куда можно будет переселиться, если дело дойдет до худшего. Согласись — это разумно.

— Безусловно, но начинать переселяться в космос можно и не со страху. Все и так знают, что человечество уйдет в космос, даже если Земле ничего не будет грозить. Сначала люди перебрались в поселения, следующий логический шаг — дорога к звездам, а чтобы сделать его, нам нужен сверхсветовой звездолет.

— Да, но Танаяму интересуется не это. Колонизацию Галактики, не сомневаюсь, он предпочтет оставить следующим поколениям. Он стремится лишь отыскать Ротор и покарать беглецов, дезертировавших из Солнечной системы, за пренебрежение интересами рода человеческого. Именно до этого он мечтает дожить — и потому-то и подгоняет тебя, Тесса.

— Пусть подгоняет, ему ничто не поможет. Он уже на ладан дышит.

— Сомневаюсь. Современная медицина подчас творит чудеса, а уж ради Танаямы врачи постараются.

— Даже современная медицина не всесильна. Я справлялась у врачей.

— И они рассказали? Мне казалось, что состояние здоровья Танаямы — государственная тайна.

— Не для меня, Крайл. Я наведалась к медикам, обслуживавшим здесь старика, и объяснила им, что хотела бы еще при жизни Танаямы построить корабль, способный унести человека к звездам. Короче, я спросила у них, сколько ему осталось жить.

— И что тебе ответили?

— Год, не больше, и велели поторопиться.

— Неужели ты справишься за год?

— За год? Что ты, Крайл, я только рада. Просто приятно знать, что этот ядовитый тип ничего не увидит. Крайл, не кривись — неужели ты считаешь, что я жестока?

— Ты не права, Тесса. Этот, как ты сказала, ядовитый старик в сущности и добился всего. Он сделал возможным создание Гипер-Сити.

— Верно, но старался он для себя. Не для меня, не для Земли, не для человечества. Конечно, я могу ошибаться. Только я уверена, что директор Танаяма ни разу не пожалел врага своего, ни разу ни на дину не ослабил хватки на его горле. И я думаю, что он и сам не ждет ни от кого жалости или сострадания. Даже будет презирать как слабака любого, кто окажется способен на это.

Фишер по-прежнему казался печальным.

— Так сколько же времени на это уйдет, Тесса?

— Кто знает? Может, целая вечность. Но даже если все сложится наилучшим образом, едва ли меньше пяти лет.

— Но почему? Ведь сверхсветовой перелет уже состоялся.

Уэндел выпрямилась.

— Крайл, не будь наивным. Я сумела создать лабораторную установку. Я могу взять маленький шарик — мячик для настольного тенниса — девяносто процентов массы которого составляет гиператомный двигатель, и перебросить его с места на место со сверхсветовой скоростью. Корабль же, да еще с людьми на борту, — совсем другое дело. Сначала следует все рассчитать, а для этого и пяти лет мало. Скажу тебе честно: до появления современных компьютеров и математических моделей даже о пяти годах нельзя было мечтать — разве что о пятидесяти.

Крайл Фишер покачал головой и ничего не ответил.

Внимательно посмотрев на него, Тесса Уэндел подозрительно спросила:

— Что с тобой? С чего это ты тоже заторопился?

— Я понимаю, что и тебе не терпится, но лично мне сверхсветовой звездолет просто необходим, — примирительно ответил Фишер.

— Тебе больше, чем кому-либо?

— Да, для пустяка.

— А именно?

— Хочу слетать к Звезде-Соседке.

Тесса гневно поглядела на него.

— Зачем? Соскучился по жене?

Подробности своих отношений с Эугенией Фишер с Тессой не обсуждал и не намеревался этого делать.

— У меня там дочь, — ответил он. — Я думаю, Тесса, это нетрудно понять. У тебя ведь тоже есть сын.

Это была правда. Сыну Тессы было за двадцать, он учился в Аделийском университете и изредка писал матери.

Уэндел смягчилась.

— Крайл, — сказала она, — не обольщай себя напрасными надеждами. Не сомневаюсь: раз они открыли Звезду-Соседку, то к ней и отправились. С простым гиперприводом на путешествие должно уйти года два. Но кто может быть уверен, что Ротор выдержал путешествие? Но даже если так оно и есть, найти пригодную для жизни планету возле красного карлика практически невозможно. Даже если они прибыли благополучно, то наверняка отправились дальше — искать подходящую планету. Куда? Где их теперь искать?

— Я думаю, они и не рассчитывали найти подходящую для жизни планету возле Звезды-Соседки. Скорее всего, Ротор просто остался на ее орбите.

— Допустим, они перенесли полет, допустим, они кружат вокруг звезды, — но ведь это не жизнь, люди так жить не могут. Так что, Крайл, придется тебе смириться. Если мы и доберемся до Звезды-Соседки, то ничего не найдем, разве что обломки Ротора.

— Это лучше чем ничего, — возразил Фишер, — но мне бы хотелось, чтобы они уцелели.

— Ты еще надеешься отыскать своего ребенка? Дорогой Крайл, твои надежды призрачны. Ты оставил

их в двадцать втором году, ей был только год. Даже если Ротор цел и твоя дочка жива, сейчас ей уже десять, а когда мы сможем отправиться к Звезде-Соседке, будет уже не меньше пятнадцати. Она тебя не узнает. Кстати, и ты ее тоже.

— Тесса, я узнаю ее и в десять лет, и в пятнадцать, и в пятьдесят, — ответил Фишер. — Я узнаю. Только бы ее увидеть...

Глава 19

ОСТАЕМСЯ

40

Марлена робко улыбнулась Сиверу Генарру. Она уже привыкла попросту входить в его кабинет.

— Я не помешала, дядя Сивер?

— Нет, дорогая, особых дел у меня нет. Питт затеял все это, чтобы избавиться от меня, а я не возражал — потому что хотел бы избавиться от него. В этом я признаюсь не каждому, но тебе вынужден говорить правду, чтобы ты не уличила меня во лжи.

— А вы не боитесь, дядя Сивер? Вот комиссар Питт испугался. И Ауригел испугался бы тоже — если бы я показала ему, на что способна.

— Нет, не боюсь, Марлена, потому что я смирился. При тебе я становлюсь прозрачным как стекло. Это даже приятно — успокаивает. Лгать — дело нелегкое, приходится все время делать усилия над собой. Вот потому-то ленивый человек никогда не лжет.

Марлена вновь улыбнулась.

— Поэтому я нравлюсь вам? Потому что позволяю быть ленивым?

— А сама ты как думаешь?

— Не знаю. Просто вижу, что нравлюсь, но почему — не понимаю. Вы ведете себя так, что симпатию я ощущаю, а причины ее уловить не могу. Правда, порой я как-будто догадываюсь, но это ускользает. — Она помолчала. — А иногда хотелось бы знать.

— Радуйся, что не можешь. Чужой ум — грязное, вонючее и неудобное местечко.

— Почему вы так говорите, дядя Сивер?

— Знаю, вот и говорю. Твоих способностей у меня нет, однако мне пришлось повидать людей куда больше, чем тебе. Ну а тебе, Марлена, нравится изнанка собственных мыслей?

— Не знаю. — Марлена казалась удивленной. — А что в них может быть плохого?

— Неужели тебе нравится все, что приходит в голову? Каждая мысль? Всякое побуждение? Только говори честно. Я этого не смогу заметить, но не криви душой.

— Ну конечно, иногда в голову лезут всякие глупости и пустяки. Вот когда я сержусь, в голову приходит такое, чего никогда не сделаю. Но это случается не так уж часто.

— Не так уж часто? Не забывай, что ты свылась со своими мыслями и не ощущаешь их — ну как платье. Ты ведь не замечаешь одежды, потому что привыкла к ней. Твои волосы падают на шею, их ты тоже не замечаешь. А вот если чужой волосок коснется твоей шеи, кожа сразу же чешется. Мысли другого человека могут быть не хуже твоих собственных, но это чужие мысли, и они тебе не понравятся. Ну например, может не понравиться даже то, что я чувствую к тебе симпатию, могут не понравиться причины этого чувства. Так что куда лучше просто принимать мою привязанность как нечто данное, а не рыться в моих мыслях, пытаюсь докопаться до истинных причин.

— Почему же? — спросила Марлена. — И что это за причины?

— Хорошо: ты мне нравишься потому, что когда-то я был тобой.

— Как это понимать?

— Я не хочу сказать, что был девушкой, одаренной утонченной проницательностью. Просто когда-то я тоже был молодым, считал себя скучным и полагал, что меня не любят за это. Я уже понимал тогда, что далеко не глуп, только не мог еще догадаться, что именно за это меня и не любят. Мне казалось, что нельзя ценить недостаток и пренебрегать достоинством. Марлена, я сердился и расстраивался, а потом решил, что никогда не позволю себе относиться к людям так, как они

относились ко мне, — только реализовать это благое намерение в жизни мне практически не удалось. И вот я встретил тебя. Ты не скучная, каким был я, ты умнее меня, и я думаю, что тебе повезет больше, чем мне. — Он широко улыбнулся. — У меня такое чувство, словно мне представился новый шанс, еще более выгодный. Впрочем, ты пришла ко мне не за тем, чтобы выслушивать мои разглагольствования. Уж это я способен понять, хоть и не наделен твоим даром.

— Я хотела поговорить о маме.

— О? — Генарр нахмурился. — А что с ней?

— Вы знаете, она уже заканчивает работу. А если она вернется на Ротор, то захочет взять меня с собой. Нужно ли мне возвращаться?

— Думаю, что да. А ты не хочешь?

— Не хочу, дядя Сивер. Я чувствую, что должна остаться. Мне бы хотелось, чтобы вы сказали комиссару Питту, что мы задержимся. Ведь вы можете придумать какой-нибудь предлог. А комиссар — не сомневаюсь — охотно согласится, особенно когда вы доложите ему итоги маминой работы: Немезида действительно погубит Землю.

— Марлена, она так и сказала?

— Нет, но мне и не надо говорить. Можете напомнить комиссару, что теперь мама наверняка не даст ему покоя, она будет требовать, чтобы предупредили Солнечную систему.

— А тебе не приходит в голову, что Питт вовсе не склонен оказывать мне любезности? Если он подумает, что мне просто хочется задержать Эугению и тебя на Эритро, то может приказать вам возвращаться, только чтобы досадить мне.

— Я абсолютно уверена, — невозмутимо возразила Марлена, — что комиссару Питту доставит большое удовольствие оставить нас здесь, чтобы насолить вам. Кстати, вы и сами хотите, чтобы мама осталась — она вам нравится.

— И даже очень. И нравилась всю жизнь. Да только я-то твоей маме не нравлюсь. Недавно ты говорила, что она еще не забыла твоего отца.

— Дядя Сивер, вы нравитесь ей все больше и больше. Правда.

— Марлена, симпатия — не любовь. Не сомневаюсь, что ты уже понимаешь это.

Марлена покраснела.

— Я же говорю о старых людях.

— Да-да, о таких, как я. — Откинув голову назад, Генарр расхохотался. Потом сказал: — Извини, Марлена. Нам, старикам, вечно кажется, что молодежь не умеет любить, а молодежь вечно считает, что старики уже обо всем позабыли. Почему же ты решила остаться под Куполом? Не ради же нашей с тобой дружбы?

— Вы мне нравитесь, дядя Сивер, — серьезно ответила Марлена. — Очень нравитесь. Но я хочу остаться здесь потому, что мне нравится Эритро.

— Я же говорил тебе, что этот мир опасен.

— Не для меня.

— Ты все еще убеждена, что лихоманка к тебе не пристанет?

— Конечно.

— Но откуда ты знаешь?

— Просто знаю. И раньше знала — когда еще не прилетела на Эритро. И нечего сомневаться.

— Это было тогда. Но теперь ты знаешь о лихоманке.

— Мое решение бесповоротно. Здесь я ощущаю себя в полной безопасности. Большей, чем на Роторе.

Генарр медленно покачал головой.

— Вынужден признать, что не понимаю тебя. — Он внимательно посмотрел в ее лицо, темные глаза, полуприкрытые великолепными ресницами. — Что же, Марлена, позволь теперь мне прочесть твои мысли. Ты решила добиться своего и во что бы то ни стало остаться на Эритро.

— Да, — спокойно сказала Марлена. — И я надеюсь на вашу помощь.

41

Эугения Инсигна просто пылала от гнева. Однако говорила спокойно.

— Он не посмеет этого сделать, Сивер.

— Посмеет, Эугения, — ответил Генарр ровным тоном. — Он же у нас комиссар.

— Но не царь. И, как все роториане, я обладаю правами, — в том числе и на свободу передвижения.

— Если комиссар считает необходимым установить чрезвычайное положение в отношении одного гражданина, последний лишается прав. Так это примерно звучит в Акте о полномочиях двадцать четвертого года.

— Но это же просто смешно: вопреки всем законам и традициям вспоминать кодекс времен основания Ротора.

— Не спорю.

— Но я подниму шум; Питту придется...

— Эугения, пожалуйста, послушай меня. Пускай себе тешится. А пока — почему бы вам с Марленой не погостить здесь? Я вам очень рад...

— Ну что ты говоришь! Мы здесь словно в тюрьме — без обвинения, суда и приговора. И должны торчать на Эритро, повинувшись указу зарвавшегося...

— Пожалуйста, не спорь, а подпишись. Так будет лучше.

— Лучше? Почему? — спросила Инсигна, едва сдерживая негодование.

— Потому что твоя дочь Марлена уже кое-что предприняла.

Инсигна недоуменно поглядела на Генарра.

— Марлена?

— На прошлой неделе она приходила ко мне с целым ворохом предложений, как убедить комиссара оставить вас на Эритро.

Инсигна в негодовании вскочила.

— И ты это сделал?

Генарр энергично качнул головой.

— Нет. А теперь послушай меня. Я всего лишь сообщил Питту, что твоя работа окончена. Я не знаю, чего он хочет теперь: чтобы вы вернулись на Ротор или остались здесь. Эугения, я составил абсолютно нейтральное послание. Перед отправкой я показал его Марлене, она одобрила и сказала следующее — я цитирую: «Если предоставить ему выбор, он оставит нас здесь». И видишь — он так и решил.

Эугения осела в кресле.

— Сивер, неужели ты действительно послушался совета пятнадцатилетней девочки?

— Я не могу считать Марлену обычной пятнадцатилетней девочкой. А теперь объясни мне, что гонит тебя на Ротор?

— Работа...

— Ее нет и не будет, пока ты вновь не понадобишься Питту. Даже если он позволит тебе вернуться, ты окажешься не у дел. А здесь у тебя есть оборудование, которое тебе необходимо. Ведь ты и прибыла сюда, чтобы сделать то, чего не могла сделать на Роторе.

— При чем тут работа? — с явной непоследовательностью воскликнула Инсигна. — Разве ты не понимаешь, что я стремлюсь вернуться именно из-за того, из-за чего он держит нас здесь? Он хочет погубить Марлену! И если бы я только знала об эритрийской лихоманке, мы бы ни за что не приехали. Я не могу рисковать рассудком Марлены.

— Ее рассудок — последнее, чем я решился бы рискнуть, — заметил Генарр. — Скорее я рискнул бы собственной жизнью.

— Но мы уже рискуем собственной жизнью.

— Марлена считает иначе.

— Марлена! Марлена! Прямо божок какой-то. Ну что она знает?

— Послушай-ка, Эугения. Давай порассуждаем спокойно. Если бы ей здесь что-то угрожало, я бы сумел найти способ переправить вас на Ротор. Только послушай сперва. Как по-твоему, у Марлены заметны какие-нибудь признаки мании величия?

Инсигна вздрогнула. Волнение еще не отпустило ее.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать?

— Не случилось ли ей бывать нелепо претенциозной?

— Конечно, нет. Она очень разумная девочка... А почему ты спрашиваешь? Сам же знаешь, что она никогда ничего не попросит без...

— Веских на то оснований? Знаю. Она никогда не хвастала своим даром. По сути дела, только обстоятельства заставили ее выдать себя.

— Да, но к чему ты клонишь?

Генарр невозмутимо продолжал:

— Случалось ли ей настаивать на исключительности своей правоты? Случалось ли ей утверждать, что нечто непременно случится — или не случится — лишь потому, что она уверена в этом?

— Нет, конечно, нет. Она очень благоразумна.

— А вот в одном — только в одном — она проявляет настойчивость. Марлена убеждена, что лихоманка ее не коснется. Она заявляет, что была уверена в этом еще на Роторе и убеждение это только усилилось, когда она оказалась под Куполом. И она без колебаний решила остаться.

Инсигна широко раскрыла глаза и прикрыла рукой рот. Выдавив какой-то неразборчивый звук, она проговорила:

— В таком случае... — и умолкла.

— Что? — спросил Генарр с внезапной тревогой.

— Ты не понял? Разве это не начало болезни? Личность ее начала изменяться, уже страдает рассудок.

На миг Генарр застыл, погружившись в раздумье, потом ответил:

— Нет, это невозможно. Во всех известных случаях ничего подобного не наблюдалось. Лихоманка здесь ни при чем.

— Но у нее же особый ум. Он и реагировать будет по-своему.

— Нет, — решительно отрезал Генарр. — Не верю этому и не хочу верить. По-моему, Марлена убеждена, что не заболит, значит, так и будет. Возможно, она-то и поможет нам решить загадку лихоманки.

Инсигна побледнела.

— Так вот почему ты хочешь, чтобы она осталась на Эритро! Так, Сивер? Чтобы она подарила тебе оружие против этого врага?

— Нет. Я не хочу, чтобы она оставалась ради этого. Но раз уж она решила остаться, пусть поможет нам.

— Значит, она решила остаться на Эритро, и у тебя нет никаких возражений? Хочет остаться — и все тут... По какой-то дурацкой прихоти, причин которой даже объяснить не может. А мы оба не способны найти основания подобного сумасбродства. Неужели ты всерьез думаешь, что ей следует разрешить остаться здесь просто потому, что она этого хочет? Как ты смеешь говорить это мне?

— Видишь ли, я испытываю известное желание поступить именно так, — с усилием произнес Генарр.

— Тебе легко говорить. Она не твоя дочь. Это мой ребенок. Единственный...

— Знаю, — сказал Генарр, — единственная память о... Крайле. Не смотри на меня такими глазами. Я прекрасно знаю, что ты так и не смогла забыть его. Я понимаю твои чувства, — мягко закончил он, ощущая желание погладить склоненную голову Инсигны. — Знаешь, Эугения, если Марлена и в самом деле хочет заняться исследованием Эритро, то, по-моему, ничто ее не остановит. И раз она абсолютно убеждена, что не заболеет, — такая убежденность может сыграть здесь решающую роль. Активная уверенность в собственном душевном здоровье может способствовать образованию иммунитета.

Инсигна вскинула голову, глаза ее сверкали.

— Ты несешь чушь! Нечего поддаваться романтическим настроениям ребенка! Она тебе чужая. Ты не любишь ее.

— Она мне не чужая, я полюбил ее. Более того, она восхищает меня. Мы можем рискнуть. Одна только любовь не дала бы мне подобной уверенности, а вот восхищение... Подумай об этом.

И они молча посмотрели друг на друга.

Глава 20

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

42

Каттиморо Танаяма с привычным упорством дотянул отпущенный ему врачами год и даже одолел значительную часть следующего, когда долгая битва его жизни завершилась. Время пришло, и он покинул поле брани, не издав ни звука, ни вздоха — приборы засвидетельствовали его смерть раньше, чем кто-либо из окружающих успел это заметить.

Кончина его вызвала на Земле некоторую растерянность. Поселения же сохраняли полное спокойствие: Старик делал свое дело втайне от людей и это было, пожалуй, к лучшему. Все, кто имел дело с Танаямой, знали его силу, поэтому наибольшее облегчение испытали именно те, чья судьба непосредственно зависела от его могущества и политических устремлений.

Новость быстро дошла до Тессы Уэндел — по специальному каналу, соединявшему ее штаб-квартиру с Уорлд-Сити. И хотя это грустное событие ожидалось уже давно, весть о нем оказалась все-таки неожиданной.

Что теперь будет? Кто сменит Танаяму, и какие последуют перемены? Тесса давно уже думала об этом, но только сейчас эти вопросы обрели истинный смысл. Несмотря на официальное сообщение, Уэндел — как, быть может, и все, кто знал Танаяму, — так и не могла поверить в смерть Старика.

За утешением она обратилась к Крайлу Фишеру. Уэндел достаточно трезво относилась к себе и прекрасно понимала: Фишера привлекало не ее стареющее тело (Боже, через какие-то два месяца ей стукнет пятьдесят!). Ему было сорок пять. И хоть его молодость тоже прошла, для мужчины возраст совсем не то, что для женщины. Крайл не собирался бросать ее, и она верила, что еще способна соблазнять, особенно когда ей случалось делать это в буквальном смысле слова.

— Что же теперь будет? — спросила она у Фишера.

— Ничего удивительного, Тесса, — ответил он. — Все могло случиться и раньше.

— Конечно, но случилось именно сейчас. А ведь благодаря ему наши работы шли. И что теперь с нами будет?

— Пока он был жив, ты ждала его смерти, а теперь встревожилась, — заметил Фишер. — Думаю, тебе незачем беспокоиться. Работы будут продолжены. Дела такого рода живут собственной жизнью. Их нельзя остановить.

— Крайл, а ты никогда не пробовал прикинуть, во что все это обошлось Земле? Всеземное бюро расследований теперь получит нового директора, и Всемирный конгресс, естественно, постарается выбрать такого, с кем можно будет поладить. Новый Танаяма, перед которым бы все дрожали, в ближайшее время, надо думать, не объявится. И тогда они проверят бюджет, который старец Танаяма прикрывал собой, и обнаружат перерасход средств и, естественно, захотят урезать ассигнования.

— Это невозможно. Ведь столько уже потрачено. Кто рискнет взять и прекратить все, не получив ощутимого результата? Это будет полное фиаско.

— Во всем обвинят Танаяму. Скажут, что он свихнулся на старости лет. И все, кто не замешан в этом деле, поспешат образумить Землю и забросят всю эту затею, раз она планете не по карману.

— Тесса, любовь моя, — улыбнулся Фишер, — глубины политического мышления столь же прозрачны для тебя, как и тайны гиперпространства. Директор Конторы — в теории и в представлении людей — является назначаемым чиновником, не обладающим значитель-

ным влиянием, к тому же находящимся под строгим контролем Генерального Президента и Всемирного конгресса. Следовательно, некие выборные и, по всеобщему мнению, могущественные государственные мужи не смогут признаться в том, что всем правил Танаяма, а они тем временем тряслись по углам и осмеливались вздохнуть лишь с его разрешения. В противном случае все увидят, что они — трусы, бездари и слабаки — а это может стоить им места после очередных выборов. Так что работы придется продолжать. Стрижка будет косметической.

— А почему ты в этом уверен? — пробормотала Уэндел.

— Потому что изучил всю их кухню, Тесса. Кроме того, если финансирование сократится, то поселения обгонят нас и первыми уйдут в глубокий космос, оставив нас с носом, как это сделал Ротор.

— И ты думаешь, что они способны на это?

— А как же, ведь им известно о существовании гиперпривода, и едва ли они откажутся продолжить исследования.

Уэндел насмешливо посмотрела на Крайла.

— Родной мой, твои познания в области физики гиперпространства сравнимы лишь со способностью выведывать тайны. Неужели ты думаешь, что моя работа столь проста? По-твоему, сверхсветовой полет — логический итог теории гиперпривода? Разве ты еще не понял, что гиперпривод является естественным следствием релятивистского мышления? Гиперпривод не позволяет передвигаться быстрее скорости света. Переход к сверхсветовым скоростям станет истинным переворотом как в мышлении, так и в технике. И это не придет само собой. Я уже пыталась объяснить это кое-кому из правительства. Но они только сетовали на мои затраты, на медленный, на их взгляд, ход работы, и мне постоянно приходилось оправдываться. Они это и припомнят сейчас, когда бояться уже некого. То, что нас могут обогнать поселения, для них несущественно.

Фишер покачал головой.

— А ты им объясни. И они тебе поверят, потому что это истинная правда. Нас действительно могут опередить.

— Ты разве не слышал, что я тебе сказала?

— Слышал, но ты кое-что забыла. Предоставь мне право на чуточку здравого смысла, раз уж ты считаешь, что я умею выведывать секреты.

— О чем ты, Крайл?

— Переход от гиперпривода к сверхсветовому полету долг, если начинаешь с самого начала — как ты. Но поселения-то начнут не с нуля. Неужели ты думаешь, что о нашем проекте им ничего не известно? Что никто слыхом не слыхивал о Гипер-Сити? Или ты решила, что, кроме меня и моих земных коллег, в Солнечной системе никого больше не интересуют чужие секреты? У поселенцев свои ищейки, они тоже усердно рыщут повсюду — не менее усердно, чем мы. Ведь как только ты прибыла на Землю, они сразу же об этом узнали.

— Ну и что из того?

— А ничего. Ты думаешь, что у них нет компьютеров, которые могут рассказать обо всех твоих публикациях? Ты думаешь, что они не сумели их раздобыть? Ты думаешь, они не прочли все с первой до последней страницы и не обнаружили твои высказывания о возможности сверхсветовых скоростей?

Уэндел закусил губу.

— Ну...

— Да, подумай об этом. Когда ты писала о сверхсветовых скоростях, ты просто строила догадки. Ты была единственной, кто считал, что такое возможно. Никто не принимал твои писания всерьез. Но вот ты прибываешь на Землю и остаешься. Потом внезапно исчезаешь и на Аделию не возвращаешься. Конечно, подробно они не знают, чем именно ты здесь занимаешься, потому что Танаяма навязал нам совершенно параноидальный режим секретности. Но факт твоего исчезновения, да еще статейки твои, даже сомнения не оставляют, над чем ты работаешь сейчас. Ну а городок, подобный Гипер-Сити, вообще нельзя утаить. В него вложены огромные деньги, такие суммы нельзя потратить тайно. Не сомневаюсь, что каждое поселение ищет концы и начала в этом клубке, пытается выудить какую-то информацию, и каждый новый бит позволит им идти вперед быстрее, чем удавалось тебе. Тесса, не забудь сказать об этом, когда речь пойдет о прекращении работ. Если мы останемся, нас не просто могут обогнать — нас обяза-

тельно обойдут. И эта перспектива должна воодушевить новых людей, как Танаяму, поскольку она весьма реальна.

Уэндел долго молчала, а Фишер внимательно смотрел на нее.

— Ты прав, дорогой мой охотник за чужими секретами, — наконец проговорила она. — Я ошибалась, считая тебя в первую очередь любовником, а не советчиком.

— Одно другому не мешает, — сказал Фишер.

— Впрочем, — добавила Уэндел, — я прекрасно знаю, что и у тебя в этом деле есть собственный интерес.

— Ну и что? — отозвался Фишер. — Все равно мы с тобой бежим в одну сторону.

43

Наконец прибыла делегация конгрессменов во главе с Игорем Коропатским, новым директором Всеземного бюро расследований. Он уже давно служил в Конторе — правда, не на руководящих должностях, — и потому Тесса Уэндел знала его.

Это был человек спокойный, с гладкими редеющими седыми волосами, носом картошкой и мягким двойным подбородком, намекавшим на доброту и сытость натуры. В проницательности ему отказать было трудно, однако в нем не было болезненной сосредоточенности Танаямы — это замечали все.

С ним прибыли конгрессмены — конечно, чтобы показать, что новый директор — их собственность и находится под полным контролем. Безусловно, они надеялись, что так и останется впредь. Танаяма дал всем хороший и горький урок.

Прекратить работы никто не предлагал. Напротив, все выражали озабоченность и торопили — но не очень настойчиво. Осторожные намеки Уэндел на то, что поселения могут догнать Землю и уже наступают на пятки, не только не встретили возражений, но даже были сочтены почти очевидными.

Коропатский, которому позволили председательствовать и руководить собранием, заявил:

— Доктор Уэндел, я не прошу вас основательно и официально знакомить нас с Гипер-Сити. Мне уже приходилось бывать здесь, к тому же сейчас у меня много важных дел в части реорганизации Конторы. Я вовсе не хочу выразить неуважение к памяти своего выдающегося предшественника, однако переход столь внушительной административной системы из одних рук в другие требует крупной реорганизации, особенно если учесть, что мой предшественник пребывал на посту достаточно долго. Однако я по природе не формалист. Давайте говорить свободно и неофициально. Я хочу задать вам несколько вопросов, на которые рассчитываю получить ответы, понятные лицу, обладающему моими скромными научными познаниями. Итак, когда вы рассчитываете ввести в строй свой сверхсветовой звездолет?

— Директор, вы должны понимать, что на такой вопрос я не могу дать точного ответа. Слишком многое зависит от всяких сложностей и непредвиденных неприятностей.

— Ну а если дело ограничится одними сложностями и особых неприятностей не возникнет?

— Поскольку мы уже закончили научные разработки и остались только инженерные задачи — если все будет хорошо, — нам потребуется года три.

— Иными словами, вы завершите работы к 2236 году.

— Во всяком случае не раньше.

— И сколько человек будет вмещать ваш звездолет?

— Пять или семь.

— А как далеко он сможет летать?

— Куда угодно, директор. В этом-то и преимущество сверхсветовых скоростей. Звездолет перемещается в гиперпространстве, где не действуют обычные законы физики, в том числе закон сохранения энергии. Переместиться на тысячу световых лет там не трудней, чем на световой год.

Директор неодобрительно покачал головой.

— Я не физик, но с отсутствием ограничений не могу примириться. Неужели для вас все возможно?

— Ограничения существуют. Войти в гиперпространство и выйти из него можно только в вакууме при невысокой интенсивности гравитационного поля — ни-

же предельной величины. Конечно, по ходу дела обнаружатся новые препятствия, особенно когда начнутся полеты. Они могут послужить причиной новых задержек.

— Хорошо, предположим, что корабль готов — куда вы предлагаете совершить первый полет?

— Для первого полета было бы логично ограничиться полетом к Плутону, однако в этом нетрудно усмотреть непроизводительную потерю времени. Если новая техника позволит нам посещать дальние звезды — как можно устоять перед искушением отправиться к одной из них?

— Например, к Звезде-Соседке?

— Есть основания отдать предпочтение ей. Прежний директор Танаяма намеревался отправиться туда, но я должна заметить, что неподалеку от Солнца есть и более интересные звезды. Сириус всего в четыре раза дальше, но возле него ученые смогли бы исследовать белый карлик.

— Доктор Уэндел, лично я тоже считаю, что целью первого полета должна стать Звезда-Соседка, но руководствуюсь иными причинами, чем Танаяма. Представим себе, что вы совершили путешествие к далекой звезде... и вернулись. Каким образом вы сможете доказать, что побывали возле нее?

Уэндел казалась озадаченной.

— Доказать? Я вас не понимаю.

— Я хочу спросить, как вы сможете опровергнуть обвинения в фальсификации полета, как вы докажете, что совершили его?

— В фальсификации? — Уэндел в негодовании вскочила. — Это оскорбление.

Голос Коропатского вдруг стал властным.

— Сядьте, доктор Уэндел! Вас ни в чем не обвиняют. Я просто моделирую ситуацию и стараюсь заранее предпринять необходимые меры. Человечество вышло в космос три века назад. История еще не забыла обстоятельств этого события, на родной мне части земного шара его помнят особенно хорошо. В те туманные дни, когда первые искусственные аппараты покидали тесные земные пределы, находились люди, которые утверждали, что все результаты, полученные спутниками, подложны. Фотографии обратной стороны Луны тоже объ-

являли поддельными. Даже подлинность первых снимков Земли из космоса оспаривалась теми немногими, кто еще считал Землю плоской. Так и теперь: если Земля объявит, что овладела сверхсветовым полетом, ситуация может повториться.

— Почему же, директор? Почему нас непременно заподозрят во лжи?

— Доктор Уэндел, дорогая моя, вы просто наивны. Целых три столетия Альберт Эйнштейн считался полубогом, сотворившим космологию. Сколько поколений заучивало эти слова: скорость света нельзя превысить. И его почитатели легко не сдадутся. Вы нарушаете принцип причинности — а что может быть фундаментальнее? — ведь у вас причина опережает следствие. Это с одной стороны. Ну а с другой, доктор Уэндел, политические соображения могут заставить поселения убедить свой народ, а заодно и землян, в том, что мы лжем. Это может помешать нам — придется ввязаться в полемику, потерять время — тем самым они получают шанс догнать нас. Повторяю, я хочу знать, возможно ли каким-нибудь образом доказать, что подобный перелет действительно совершен?

— Директор, после возвращения мы представим корабль на обследование ученых, — ледяным тоном ответила Уэндел. — Дадим некоторые пояснения относительно основных принципов...

— Нет-нет-нет. Пожалуйста, не продолжайте. Результаты осмотра могут быть убедительными лишь для ученых, обладающих вашей квалификацией.

— Хорошо, мы доставим обратно фотографию неба, на котором ближайшие звезды расположены чуть иначе. По изменению относительных положений можно будет определить, где именно в окрестностях Солнца мы побывали.

— Этот аргумент может убедить только ученого — но с точки зрения обычного человека...

— Тогда сделаем точные снимки той звезды, возле которой побываем. Она совсем не похожа на Солнце.

— Подобные штучки давно научились делать в голофантастике. Можно позаимствовать прямо из сериала. Скажем, из «Галактического капитана».

— Ну что ж, — процедила Уэндел сквозь зубы, — другого способа я не знаю. Кто не верит — пусть не верит себе на здоровье. Вообще — это ваше дело. Наука здесь ни при чем.

— Ну-ну, доктор, не сердитесь, пожалуйста. Вспомните: когда семь с половиной веков назад Колумб возвратился из своего странствия за океан, его никто не заподозрил в мошенничестве. А почему? А потому что он привез с собой туземцев, жителей островов, на которых побывали мореплаватели.

— Прекрасно, но с первого же раза отыскать обитаемый мир, да еще привезти с собой образцы... На это почти нет надежды.

— Ну не совсем так. Как вы знаете, мы предполагаем, что с помощью Дальнего Зонда Ротор обнаружил Звезду-Соседку и только после этого оставил Солнечную систему. Ротор не вернулся, и не исключено, что они остались возле этой звезды. Там их и будем искать.

— Так считал и директор Танаяма. Однако путешествие с гиперприводом длилось не менее двух лет. Несчастный случай, технические сложности, психологические проблемы — что угодно могло помешать им. Может быть, они не вернулись именно поэтому.

— Тем не менее, — настойчиво продолжал Коропатский, — я не исключаю, что они там.

— Даже если они там, Ротор должен находиться на орбите звезды, поскольку пригодных для обитания планет там и быть не может. Если психологические неурядицы не остановили их еще по дороге, они не замедлят появиться теперь. Кто знает, может быть вокруг нашей ближайшей соседки кружит лишь мертвое поселение.

— Вот видите, значит, нужно лететь к ней, разыскать Ротор, живой или мертвый. В любом случае с Ротора можно привезти нечто такое, что заставит всех поверить, что вы побывали возле звезды, и вернулись. — Он широко улыбнулся. — Тогда даже я поверю. Вот такую я ставлю перед вами цель, ради достижения которой Земля отыщет для вас и средства, и ресурсы, и людей.

А после обеда, на котором к техническим вопросам более не обращались, Коропатский по-дружески, но как будто с легкой ехидцей опять обратился к Уэндел:

— Кстати, не забудьте, мы даем вам всего три года на эту работу. Не более.

44

— Итак, мой хитроумный замысел оказался ненужным, — не без сожаления заметил Крайл Фишер.

— Увы. Они готовы продолжать без всяких угроз с моей стороны. Только их почему-то обеспокоило — Танаяме это и в голову не приходило, — как отвести возможные обвинения в мошенничестве. По-моему, Танаяма намеревался уничтожить Ротор. И пусть потом во всю глотку орали бы: «Неправда!»

— Вряд ли. Он приказал бы экипажу доставить ему доказательства того, что Ротор погиб. Такое свидетельство убедило бы и весь мир. А каков этот новый директор?

— Полная противоположность Танаяме. Мягкий такой, предупредительный, но мне кажется, что Всемирному конгрессу будет с ним не легче, чем с Танаямой. Вот только освоится на новом месте.

— Значит, в отличие от Танаямы он собирается действовать более разумно.

— Да, но этот его намек... Я до сих пор киплю! Это же надо додуматься — сфальсифицировать результаты космического перелета. Возможно, такое могло прийти в голову потому, что земляне не ощущают пространства. Совсем. Вы слишком привыкли к своей громаде и редко ее покидаете, да и то ненадолго.

Фишер улыбнулся.

— Но я-то ее покидал. И нередко. А ты — вообще из поселения. Так что мы двое к этой планете не так уж и прикованы.

— Верно. — Уэндел искоса взглянула на него. — А мне иногда кажется: ты и вовсе забыл, что я не землянка.

— Я не забывал. Не буду же я все время твердить себе под нос: «Тесса — поселенка! Тесса — поселенка!» И тем не менее я все время помню об этом.

— Ну а еще хоть кто-нибудь помнит? — Она неопределенно помахала рукой, очертив в воздухе непонятную фигуру. — Гипер-Сити находится под невымыслимым покровом секретности. А почему? Чтобы поселения не пронюхали? Ведь надо овладеть сверхсветовым полетом, прежде чем поселения займутся этой же работой. А кто здесь распоряжается? Поселенка!

— За пять лет, что ты здесь провела, тебе это впервые пришло в голову?

— Нет, приходит время от времени. Понять не могу, почему они не опасаются доверять мне?

Фишер расхохотался.

— С тобой дело обстоит гораздо проще. Ты ведь ученая.

— Ну и что?

— Ученые, как наемники, не имеют прочной привязанности к какому бы то ни было обществу. Стоит поставить перед ученым интересную проблему, снабдить его всем необходимым, деньгами и оборудованием, и он даже не подумает, откуда берутся средства. Признайся — тебе дела нет ни до Земли, ни до Аделии, ни до поселений вообще — даже до человечества в целом. Ты просто хочешь создать сверхсветовой звездолет, и более тебя ничего не волнует.

— Ну знаешь ли, в этот стереотип укладывается не каждый ученый, — пылко ответила Уэндел. — Я, например.

— Тесса, не сомневаюсь, что и они все понимают, ведь ты скорее всего находишься под постоянным надзором. Наверняка кое-кто из твоих ближайших помощников следит за твоей деятельностью и доносит о ней правительству.

— Остается только надеяться, что это не ты.

— Только не говори, что ты никогда не думала, что, находясь рядом с тобой, я исполняю свои обязанности — охотника за секретами.

— Честно говоря, эта мысль время от времени приходит мне в голову.

— Понимаешь, я не гожусь для такого поручения. Во-первых, мы с тобой слишком близки, чтобы они мне доверяли. Не сомневаюсь, что за мной тоже следят и тщательно анализируют. Но пока я привязан к тебе...

— Крайл, какой ты бесчувственный! Неужели можно шутить такими вещами?

— Я не шучу, просто пытаюсь смотреть на вещи реально. Если я наскучу тебе, то выпаду из обоймы. Приунывшая Тесса будет уже не такой усердной, и тогда меня сразу уберут и на освободившееся место пристроят другого. В конце концов им нужно, чтобы ты была довольна — мои чувства им безразличны. Другой причины я не вижу. Такая вот схема — логично, правда?

Уэгдел вдруг потянулась к щеке Крайла.

— Не волнуйся. Я успела слишком привыкнуть к тебе, чтобы ты мне вдруг надоел. В молодости, когда кровь была горячей, мне, конечно, приходилось бросать мужчин, но теперь...

— Неохота?

— Думай как хочешь. По-твоему, я не могу любить?

— Отчего же. Хладнокровная любовь — своего рода отдых. Но по-моему, сейчас не время говорить об этом. Давай-ка лучше побеседуем о Коропатском и его отношении к твоей работе.

— Это я уж как-нибудь переживу. Я хочу поговорить о другом. Только что я тебе сказала, что земляне не ощущают пространства.

— Да, помню.

— Вот и твой Коропатский совсем-совсем не ощущает его. Он сказал, что нам придется лететь к Звезде-Соседке на поиски Ротора. А как? Часто, обнаружив астероид, мы тут же теряем его, не успев даже вычислить орбиту. А знаешь, сколько времени нужно, чтобы найти пропажу — и это при нашей-то современной технике и приборах? Не один год. Пространство вокруг звезды огромно, а Ротор — такой маленький.

— Ты права, но астероид приходится искать среди сотни тысяч подобных ему — Ротор же должен быть единственным объектом возле Звезды-Соседки.

— Кто тебе сказал? Даже если она не обладает планетной системой в привычном смысле этого слова, крайне маловероятно, что вокруг нее не окажется каких-нибудь других объектов.

— Да, но это просто космический мусор — наподобие наших астероидов. Ну а Ротор — живое поселение, он будет испускать свет, который легко заметить.

— Если только они живы. А если нет? Тогда Ротор не отличишь от астероида, и обнаружить его будет невероятно сложно. Мы можем не справиться с этой задачей, сколько бы времени нам ни дали.

Фишер помрачнел.

Обняв его за плечи, Уэндел прижалась к нему и шепнула:

— Ну, дорогой, ты же все понимаешь. Нельзя обманывать себя.

— Я знаю, — глухо ответил Фишер. — Но они все-таки могли уцелеть. Ведь могли?

— Да, — ответила Уэндел несколько неестественным тоном, — и дай бог, чтобы так и было. Конечно, их можно обнаружить. По излучению. Но это не все.

— А что еще?

— Коропатский требует, чтобы мы привезли ему какое-нибудь доказательство того, что побывали именно на Роторе, — а как иначе доказать, что, проведя несколько месяцев в космосе, мы вернулись, побывав за несколько световых лет от Земли? И что же такое можно привезти, чтобы ни у кого не возникло сомнений? Предположим, мы обнаружим в пространстве бетонные или металлические обломки. Так ведь подойдет не любой из них. Просто металлический обломок не годится — ведь мы можем прихватить его с Земли. Предположим даже, что нам удастся отыскать что-нибудь особенное — ну, такое, что может быть только в поселениях — так ведь и это смогут посчитать подлогом. А вот если Ротор жив, если он еще существует, не исключено, что мы сумеем уговорить кого-нибудь из роториан вернуться с нами. Человека можно идентифицировать по отпечаткам пальцев, сетчатке, ДНК. Лучше выбрать такого, которого на Земле или других поселениях еще хоть кто-нибудь помнит. Коропатский настаивает на этом. Дескать, так поступил Колумб, привезя из Америки туземцев... Конечно, — Уэндел глубоко вздохнула, — мы не много сможем привезти назад, будь то люди или материальные свидетельства. Когда-нибудь у нас появятся корабли величиной с поселение. Первый звездолет будет небольшим и наверняка примитивным, с точки зрения потомков. И привезти назад мы сможем

только одного роторианина — больше в корабль не поместится, — а значит, нельзя ошибиться в выборе.

— Мою дочь, Марлену, — сказал Фишер.

— А если она не захочет? Мы возьмем только добровольца. А им может оказаться один из тысячи, и не исключено, что такового вообще не окажется.

— Она захочет. Я поговорю с Марленой и наверняка смогу убедить.

— А если ее мать будет не согласна?

— Я и с ней поговорю, — упрямо буркнул Фишер. — Уговорю как-нибудь.

Уэндел снова вздохнула.

— Крайл, прошу тебя, не фантазируй. Неужели ты не понимаешь, что твою дочь мы взять не сможем — даже если она захочет?

— Почему? Почему же?

— В момент отлета ей был только год, и она не помнит Солнечной системы. Ее никто не сможет узнать здесь. Едва ли в Солнечной системе сохранились хоть какие-то сведения о ней. Нет, нам придется выбрать человека средних лет из тех, кто хоть раз бывал в другом поселении, а лучше всего — на Земле. — Помолчав, она твердым тоном продолжила: — Вот жена твоя могла бы подойти. Ты же говорил, что она училась на Земле! Об этом наверняка сохранились сведения, и ее будет легко идентифицировать. Но честно говоря, я бы предпочла не ее.

Фишер молчал.

— Крайл, извини, я не хотела тебя задеть, — робко сказала Уэндел.

— Только бы моя Марлена была жива, — медленно произнес Фишер. — Тогда посмотрим, что делать дальше.

Глава 21

СКАНИРОВАНИЕ МОЗГА

45

-Прошу прощения, — произнес Сивер Генарр, обращаясь к матери и дочери. Его длинноносое лицо выглядело виноватым. — Не успел я сказать Марлене, что у меня здесь не бывает особенных дел, как тут же начались неприятности с энергоустановкой и мне пришлось отложить нашу беседу. Думаю, теперь нашей невольной размолвке пришел конец, и мы не будем уделять ей большого внимания. Надеюсь, что все можно уже позабыть? Ну как, я прощен?

— Конечно, Сивер, — ответила Эугения Инсигна. Она была заметно встревожена. — Не скажу, что эти три дня были легкими для меня. Мне кажется, что с каждым днем опасность для здоровья Марлены увеличивается.

— А я совсем не боюсь Эритро, дядя Сивер, — возразила девочка.

Инсигна продолжала:

— Я не думаю, что Питт может предпринять какие-то действия против нас на Роторе. И он сам это знает, иначе зачем ему было посылать нас на Эритро?

— Попробую быть честным посредником и удовлетворить обе стороны, — проговорил Генарр. — Помимо того, что Питт может сделать открыто, он прекрасно умеет действовать чужими руками. Эугения, жди беды, если страх перед Эритро заставит тебя забыть об изобретательности и решительности Питта. Начнем с того, что, если ты возвратишься на Ротор вопреки его закону

о чрезвычайном положении, он может либо засадить тебя в тюрьму, либо сослать на новый Ротор, либо просто вернуть назад. Ну а если вы останетесь на Эритро, я, конечно, не стану преуменьшать опасность — лихоманка вещь неприятная, даже если ее вирулентная форма уже исчезла. Эугения, я так же, как ты, не желаю подвергать Марлену риску.

— Да нет же никакого риска! — возбужденно прошептала Марлена.

— Сивер, наверное, нет необходимости разговаривать о Марлене в ее присутствии.

— Ты ошибаешься. Я хочу поговорить именно при ней. Мне кажется, она лучше нас с тобой знает, что надо делать. Ее рассудок принадлежит ей, она привыкла к себе самой, нам с тобой остается просто не вмешиваться.

Инсигна издала нечленораздельный звук, но Генарр непреклонно продолжал:

— Я хочу, чтобы она присутствовала, потому что хочу знать ее мнение.

— Но ты ведь уже знаешь ее мнение, — возразила Инсигна. — Она хочет выйти из-под Купола, а ты заявляешь, что мы должны с этим смириться, будто она волшебница какая.

— Ни о волшебстве, ни о том, чтобы выйти, речи не было. Мне бы хотелось предложить вам один эксперимент — естественно, со всеми необходимыми предосторожностями.

— Какой же?

— Начнем с того, что я хотел бы провести сканирование мозга. — Он обернулся к Марлене. — Ты понимаешь, что это необходимо? У тебя есть возражения?

Марлена слегка нахмурилась.

— Я уже проходила сканирование. Все проходят. Без этого в школу не принимают. И при каждом медицинском обследовании...

— Знаю, — мягко перебил ее Генарр. — Эти три дня я не бездельничал. Вот. — Рука его легла на стопку листов компьютерной бумаги в левом углу стола. — Вот результаты всех сканирований твоего мозга.

— Дядя Сивер, ты не все сказал, — спокойно проговорила Марлена.

— Ага, — с удовлетворением проговорила Инсигна. — Что же он от нас скрывает, Марлена?

— Он беспокоится обо мне. Он не может полностью поверить, что мне ничего не грозит. Он испытывает неуверенность.

— Почему ты так решила, Марлена? — удивился Сивер. — По-моему, я вполне убежден в твоей безопасности.

Словно вдруг о чем-то догадавшись, Марлена продолжила:

— Мне кажется, что вы протянули три дня именно поэтому. Вы пытались проникнуться уверенностью — чтобы я не заметила вашего беспокойства. Но у вас ничего не вышло. Я это вижу.

— Ну если это и заметно, Марлена, — ответил Сивер, — то лишь потому, что я дорожу тобой настолько, что не могу допустить даже малейшего риска.

— Если уж ты не можешь допустить малейшего риска, то каково мне — матери? — раздраженным тоном заметила Инсигна. — К тому же ты настолько не уверен, что запрашиваешь результаты сканирования, нарушая медицинскую тайну.

— Пришлось. Что ж поделаешь? Но этих результатов недостаточно.

— В каком смысле?

— Когда Купол еще строился, а лихоманка свирепствовала повсюду, мы пытались разработать более совершенный сканер и точную программу интерпретации данных. На Роторе об этом так и не узнали. Питт отчаянно стремился скрыть лихоманку и поэтому противился проведению подобных работ на Роторе. Они могли бы возбудить ненужные вопросы, послужить причиной для возникновения слухов. На мой взгляд, это просто смешно, но у Питта ко всему свой подход. Вот почему тебе еще не приходилось проходить настоящее сканирование, Марлена, и я хочу, чтобы ты прошла его здесь.

Марлена отодвинулась.

— Нет.

Лучик надежды озарил лицо Инсигны.

— Почему, Марлена?

— Потому что, когда дядя Сивер сказал это, он вдруг почувствовал еще большую неуверенность.

— Нет, это же не... — произнес Генарр и умолк. Потом беспомощно всплеснул руками. — Ты хочешь знать, чем я обеспокоен? Марлена, дорогая, нам нужны результаты подробного сканирования твоего мозга в качестве образца здорового рассудка. И если, после того как ты выйдешь на поверхность Эритро, возникнут какие-то отклонения, повторное сканирование моментально выявит отличия, когда еще никто не сможет этого заметить — ни по твоему внешнему виду, ни по разговору. Когда я заговорил о сканировании, мне представилось, что оно покажет отклонения, которые нельзя обнаружить другим способом, — и эта мысль вызвала тревогу. И ты ее заметила. Ну, Марлена, как теперь моя неуверенность? Сильнее? Ты можешь это заметить?

— Стала меньше, но еще осталась, — ответила Марлена. — Вся беда в том, что я замечаю лишь вашу нерешительность, а не причины ее. А сканирование не опасно?

— С чего ты взяла? Мы же постоянно пользуемся... Марлена, тебе известно, что Эритро не причинит тебе вреда. А почему ты считаешь, что сканирование мозга окажется небезопасным?

— Я это чувствую.

— А чем оно может повредить тебе?

Марлена помолчала и нерешительно ответила:

— Не знаю.

— Как же это получается: в Эритро ты уверена, а тут не знаешь?

— Не знаю. Я знаю, что Эритро не причинит мне вреда, но в результатах воздействия сканера не уверена: может быть, да, а может — нет.

На лице Генарра появилась улыбка. Он испытывал облегчение. На сей раз, чтобы заметить это, не нужно было обладать особой проницательностью.

— Почему вы так обрадовались, дядя Сивер? — спросила Марлена.

— Потому что, если бы ты придумывала себе интуицию — из желания казаться значительной, для романтичности или просто по непониманию, — ты бы прибегала к ней постоянно. Но ты поступаешь иначе. Выбира-

ешь и отклоняешь. Что-то знаешь, а о чем-то представления не имеешь. Это лишь укрепляет мою уверенность в том, что, как ты уверяешь, Эритро тебе не страшна, и я теперь не опасаясь, что сканирование обнаружит что-нибудь неладное.

Марлена повернулась к матери.

— Он прав, мама. Он успокоился, и я тоже. Все ясно. Разве ты этого не видишь?

— Неважно, что я вижу, — ответила Инсигна. — Только пока мне не стало спокойней.

— Ах, мама... — пробормотала Марлена. И громко сказала Генарру: — Я согласна на сканирование.

46

— Неудивительно, — бормотал Сивер Генарр.

Он рассматривал компьютерные графики. Они появлялись на экране один за другим и были похожи на цветы. Эугения тоже вглядывалась в экран, однако ничего не понимала.

— Что неудивительно, Сивер?

— Не могу тебе объяснить, поскольку не совсем владею терминологией. Вот будь здесь Рене Д'Обиссон, здешняя гуру, она бы живо все растолковала — но ни ты, ни я ничего не поняли бы. Она показала мне вот это.

— Похоже на улитку.

— Да, разноцветная такая. Она характеризует скорее сложность мозга, не его физические параметры, так утверждает Рене. Весьма необычная область. У обыкновенного человека ее нет.

Губы Инсигны дрогнули.

— Ты хочешь сказать, что она уже больна?

— Да нет же. Я сказал — необычная, а не ненормальная. Впрочем, я не должен объяснять это наблюдателю-непрофессионалу. Согласись, что Марлена — существо, не похожее на всех нас. Пожалуй, я даже рад, что здесь обнаружилась эта «улитка». Если бы ее мозг ничем не отличался от нашего, оставалось бы только гадать, почему она такая, откуда берется подобная восприимчивость. Можно было бы даже заподозрить, что она дурачит нас.

— Но откуда ты знаешь, что это не признак... не признак...

— Болезни? Этого не может быть. У нас есть результаты всех сканирований ее мозга, начиная с детства. И эта особенность везде.

— А мне об этом не говорили. Никто даже не заикнулся.

— Конечно. Ваши примитивные сканеры и не могли ничего показать — да так, чтобы в глаза бросалось. Но теперь, имея последние снимки, на которых эта деталь представлена во всей красе, мы можем обратиться к предшествующим и все выяснить. Рене уже все сделала. Наш метод сканирования мог бы стать для Ротора привычным, если бы не Питт. Но он просчитался. Конечно, такое психосканирование обходится дороже.

— Я заплачу, — пробормотала Инсигна.

— Не глупи. Я отнесу расходы на счет Купола. В конце концов, быть может, Марлена поможет разгадать загадку лихоманки. Во всяком случае я на это сошлюсь, если возникнут вопросы. Ну вот. Теперь мы получили более полную информацию о мозге Марлены. И если есть какие-либо аномалии, они немедленно обнаружатся на экране.

— Ты не представляешь себе, как я боюсь, — проговорила Инсигна.

— Не могу тебя в этом упрекнуть. Но Марлена настолько уверена в себе, что я просто не могу не подчиниться ей. Не сомневаюсь, что подобная убежденность в собственной безопасности имеет под собой основу.

— Какую?

Генарр указал на «улитку».

— У тебя ее нет, у меня тоже, — и никто из нас не знает, откуда она берет уверенность в своей безопасности. Но раз она уверена — пусть выходит.

— Зачем нам рисковать? Можешь ты наконец объяснить, зачем нам этот риск?

— Причины две. Во-первых, ее настойчивость — я считаю, что рано или поздно она все равно добьется своего. И тогда нам останется только сделать веселые лица и выпустить ее — все равно ты ее не удержишь. Во-вторых, не исключено, что таким образом мы сумеем узнать что-нибудь о лихоманке. Что именно — не

представляю, но и любые знания о ней могут оказаться бесценными.

— Не дороже рассудка моей дочери.

— До этого не дойдет. Но все же, хоть я и полагаюсь на Марлену и не вижу особого риска, все-таки постараюсь ради тебя свести его к минимуму. Для начала мы не сразу выпустим ее на поверхность планеты. Я могу показать ей Эритро с воздуха. Пусть увидит озера, равнины, холмы, ущелья. Можно даже слетать подальше — к морю. Потрясающее зрелище — я сам видел однажды, — но никаких следов жизни. Ни единого живого существа — одни прокариоты в своей воде, но их глазом не увидишь. Не исключено, что эта безжизненная планета покажется ей непривлекательной и до выхода на поверхность дело не дойдет. Ну а если она будет настаивать, если захочет ощутить под ногами почву Эритро, пусть выходит в э-комбинезоне.

— Что это за штука?

— Это эритрийский костюм. Несложная вещь — нечто вроде космического скафандра, только атмосферного, не для вакуума. Представляет собой непроницаемую оболочку из ткани и пластика — очень легкую, не мешающую движениям. Шлем с инфракрасными фильтрами будет потяжелее: в нем запас воздуха и система вентиляции. Все сделано для того, чтобы в э-комбинезоне человек не подвергался воздействию атмосферы Эритро. Ну а кроме того, она будет не одна.

— Кто же пойдет с ней? Кроме меня некому. Я ее ни с кем не отпущу.

Генапп улыбнулся.

— Не могу представить себе менее подходящего спутника для Марлены. Мало того, что ты ничего не знаешь об Эритро, так еще и боишься ее. Вот тебя-то мне выпускать страшно. Видишь ли, единственная персона, которой мы можем довериться, это я.

— Ты? — Инсигна открыла рот и уставилась на Сивера.

— А почему бы и нет? Никто не знает Эритро лучше меня. И если мы считаем, что у Марлены может быть иммунитет к лихоманке, — то почему бы ему не оказаться и у меня? Еще я умею водить самолет — значит, пилот нам не потребуется. К тому же я буду рядом с

Марленой и смогу пригладеть за нею. И как только она сделает что-нибудь не так — что-нибудь несуразное, — немедленно летим назад, к сканеру.

— Знаешь, можно и опоздать.

— Нет, не обязательно. Не думай, что лихоманка одинакова: все или ничего. Были и легкие случаи, даже очень легкие: такие люди продолжают вести нормальную жизнь. Ничего не случится. Я уверен.

Инсигна, молча сидевшая в кресле, вдруг стала маленькой и беззащитной.

Повинуясь порыву, Генарр обнял ее.

— Эутения, на недельку обо всем можно забыть. Обещаю тебе, что раньше чем через неделю она не запросится на поверхность — а пока покажу ей планету с воздуха. Летать в самолете — все равно что сидеть здесь. Ну а пока я хочу тебе кое-что показать... Ты ведь астроном, не так ли?

Она посмотрела на него отсутствующим взглядом и проговорила:

— Ты это знаешь.

— Значит, ты никогда не смотришь на звезды. Астрономы никогда этого не делают. Они работают только с приборами. Сейчас над Куполом ночь, можно выйти на обзорную палубу и посмотреть. Небо сегодня абсолютно ясное. Ничто так не успокаивает, как вид звездного неба. Пошли.

47

Генарр был прав. Астрономы не видели звезд своими глазами. Не было необходимости. Они давали инструкции компьютерам, а те командовали телескопами, камерами, спектроскопами.

Приборы делали всю работу, анализировали, изображали. Астроном задавал вопросы, а потом изучал ответы. Для этого не обязательно видеть звезды.

Но зачем празднично разглядывать звездное небо? Вид его мог только вывести астронома из равновесия, напоминая о работе, которую еще предстоит сделать, о вопросах, которые необходимо решить, о тайнах, которые предстоит раскрыть. Значит, потом придется бежать в обсерваторию, включать приборы, а после, что-

бы скоротать время, листать какую-нибудь книгу или посмотреть голоспектакль.

Все это она выкладывала Генарру, пока тот, прежде чем уйти, наводил порядок в кабинете. Педант, аккуратист — в юности это раздражало Инсигну, а наверное следовало бы восхищаться. У Сивера было так много достоинств, что Крайл...

Ухватив за шиворот череду собственных мыслей, она направила их в другую сторону.

— Видишь ли, я и сам не часто бываю на обзорной палубе, — сказал Генарр. — Все дела, дела. Ну а когда наконец выбираюсь, всегда оказываюсь там в одиночестве. Хорошо, когда кто-то может составить тебе компанию. Пошли!

Он подвел ее к небольшому лифту. Инсигна еще не видела лифтов в Куполе и на миг почувствовала себя как дома, на Роторе. Правда, здесь тяготение было постоянным.

— Вот мы и пришли, — сказал Генарр.

Инсигна с любопытством шагнула в пустынный зал и тут же отпрянула.

— Мы под открытым небом? — спросила она.

— Под открытым небом? — удивился Генарр. — А ты боишься оказаться в атмосфере Эритро? Нет-нет. Не бойся. Над нами полусфера из алмазного стекла. Поверхность его даже не поцарапать. Конечно, солидный метеорит мог бы разбить его, но в небе Эритро таких практически нет. Такие стекла используются и на Роторе, ты знаешь, но там, — в его голосе послышалась гордость, — и качество ниже, и размеры не те.

— Ну вы тут и роскошествуете! — восхитилась Инсигна, прикасаясь к стеклу, чтобы убедиться в его существовании.

— Приходится — иначе людей сюда не заманишь. — Он вновь обернулся к прозрачному пузырю. — Конечно, временами идут дожди. А когда небо проясняется, стекло быстро просыхает. Пыль смывается днем специальным детергентом. Присядь, Эугения.

Спинка мягкого и уютного кресла немедленно откинулась назад, едва Эугения села. Рядом тихо вздохнуло под тяжестью Генарра второе кресло. Сразу погасли крохотные светильники на других креслах и столиках.

И на распахнувшемся сверху черном бархате сверкнули искры.

Эугения охнула. В принципе она знала, что представляет собой звездное небо — по картам и схемам, моделям и фотографиям, — и знала во всех подробностях, но ни разу не видела своими глазами. Она обнаружила, что не ищет в нем интересные объекты, головоломные загадки, тайны, над которыми было бы интересно поработать. Она не пыталась разглядеть звезды, а любовалась узорами, в которые они складывались.

Давным-давно, думала она, когда люди вот так же рассматривали созвездия, и появилась астрономия.

Генарр был прав. Покой легкой невесомой паутиной окутал ее душу.

— Спасибо тебе, Генарр, — каким-то сонным голосом произнесла Эугения.

— За что?

— За то, что ты вызвался сопровождать Марлену. За то, что рискуешь собой ради моей дочери.

— Я ничем не рискую. С нами ничего не случится. К тому же я испытываю к ней отцовские чувства. В конце концов, Эугения, мы с тобой давно знаем друг друга, и я к тебе очень хорошо отношусь.

— Знаю, — почему-то чувствуя себя виноватой, ответила Инсигна.

Она знала про чувства Сивера — тот никогда не умел их скрывать. Поначалу Эугения хотела покориться, но вскоре она встретила с Крайлом и любовь Сивера стала ее раздражать.

— Прости меня, Сивер, если я когда-то чем-нибудь задела твои чувства, — сказала она.

— Ничего, — тихо ответил Генарр, и вновь воцарилась тишина.

Инсигне захотелось, чтобы никто не вошел и не нарушил это странное ощущение ясности.

Наконец Генарр заговорил:

— Я знаю, почему люди не ходят на обзорную палубу ни здесь, ни на Роторе. Ты замечала, что там никогда никого не бывает?

— Марлена любит ходить туда, — ответила Инсигна. — Она говорила, что палуба почти всегда безлюдна.

Целый год она разглядывала оттуда Эритро. Надо было мне повнимательнее отнестись к ней...

— Марлена не такая, как все. По-моему, люди не ходят сюда вот из-за чего.

— Из-за чего же?

— Смотри сюда. — Генарр показал куда-то в небо, но в темноте Инситна не увидела его руки. — Видишь яркую звезду? Самую яркую на всем небе?

— Ты имеешь в виду Солнце, наше Солнце, центр Солнечной системы?

— Вот именно. Если бы не эта звезда, небо Немезиды было бы таким же, как земное. Ну правда, альфа Центавра не совсем на месте, и Сириус чуть сдвинулся, но это мелочи. В целом точно такое же небо видели шумеры пять тысяч лет назад. Только Солнце выглядело иначе.

— И ты думаешь, что люди не ходят на палубу из-за Солнца?

— Да. Наверное, вид его вселяет в сердце тоску. Отсюда Солнце кажется далеким, недостижимым — словно находится в какой-то далекой вселенной. Вот оно, яркое, зовущее, напоминающее беглецам об их вине перед ним.

— А почему же тогда сюда не ходят подростки и дети? Ведь они мало знают о Солнце и Солнечной системе.

— Наверное, следуют примеру старших. Вот когда все мы покинем этот мир, когда на Роторе не останется тех, для кого Солнечная система не просто два слова — небо, думаю, вернется на Ротор, и здесь тоже будет полно народу. Если, конечно, к тому времени Купол не перестроят.

— Ты думаешь, могут перестроить?

— Как знать, Эугения, как знать?

— Но пока мы процветаем.

— Да. Верно. Но эта яркая звезда, эта знакомая незнакомка тревожит меня.

— Старое доброе Солнце... Что оно может сделать? Сюда ему не дотянуться.

— Дотянется. — Генарр не отводил глаз от яркой звезды на западе. — Люди, оставшиеся в поселениях и на Земле, непременно найдут Немезиду. Возможно,

уже нашли. И не исключено, что заново изобрели гиперпривод. Может быть, вскоре после того, как мы улетели. Это событие не могло не подхлестнуть их.

— Это было четырнадцать лет назад. Почему их еще нет здесь?

— Быть может, они побоялись двухлетнего полета. Им известно, что Ротор рискнул, но неясно, преуспели ли он в своем намерении. Может, они думают, что наши останки рассеялись между Солнцем и Немезидой.

— Да, в отсутствии смелости нас не упрекнуть.

— Конечно. Как ты думаешь, предпринял бы Ротор эту попытку, если б не Питт? Ведь он и увлек всех за собой. Сомневаюсь, что в других поселениях найдется хоть один такой Питт... и на Земле тоже. Ты знаешь — я не люблю Питта. Я не одобряю его методы, его мораль — точнее, ее отсутствие, — неискренность, хладнокровие, с которым он послал Марлену на верную, как он полагал, гибель. Но, если судить по одним результатам его деятельности, он может войти в историю как великий человек.

— Как великий вождь, — проговорила Инсигна, — а великий человек — это ты, Сивер. Разница очевидна. Сивер надолго замолчал.

— Я жду тех, кто последует за нами. Всякий раз, когда я смотрю на эту яркую звезду, я опасаюсь все сильнее. Четырнадцать лет назад мы оставили Солнечную систему. Что-то они делали все это время? Ты об этом не размышляла, Эутения?

— Некогда было, — сквозь дремоту отозвалась Инсигна. — Меня беспокоят более прозаические дела.

Глава 22

АСТЕРОИД

48

22 августа 2235 года! Эту дату Крайл Фишер помнил хорошо. День рождения Тессы Уэндел. Точнее — пятьдесят третий день рождения. Она помалкивала об этом: отчасти потому, что еще на Аделии привыкла гордиться тем, что молодо выглядит, отчасти потому, что не забывала: Фишер на пять лет моложе ее.

Но разница в возрасте не беспокоила Фишера.

Даже если бы интеллект и сексуальная энергия Тессы не привлекали его, ключ к Ротору был в ее руках, и он помнил об этом.

Несмотря на то что вокруг глаз у нее появились морщинки и кожа рук немного увяла, сегодняшний день стал для нее днем триумфа. Влетев в апартаменты, которые с каждым годом становились все шикарнее, она плюхнулась в низкое мягкое кресло и удовлетворенно улыбнулась.

— Все прошло как по маслу. Великолепно!

— Жаль, что меня там не было, — отозвался Крайл.

— Мне тоже, но мы решили не допускать посторонних, к тому же ты и так знаешь больше, чем положено.

Целью была Гипермнестра, ничем не примечательный астероид, который в необходимый момент оказался вдалеке от других астероидов и, что еще важнее, вдалеке от Юпитера. Кроме того, на этот астероид не претендовало ни одно из поселений, ничей корабль ни разу не посетил его. И наконец — каким бы тривиальным это ни показалось — два первых слога его назва-

ния словно символизировали цель первого сверхсветового полета.

— Значит, ты привела корабль точно туда.

— В пределах десяти тысяч километров. Мы могли бы подвести его поближе, но решили не рисковать — все-таки там уже ощущается гравитационное поле, хотя это всего лишь астероид. А потом мы вернули корабль в заранее намеченную точку. И за ним тотчас увязались какие-то два корабля.

— Думаешь, что поселения навострили уши?

— Несомненно. Но одно дело заметить мгновенное исчезновение корабля, а другое — определить, куда он направился. Да с какой скоростью летел — около-световой или во много раз большей, — а уж тем более понять, как это было достигнуто.

— Вблизи Гипермнестры у них, кажется, нет кораблей?

— Они не могли узнать пункт назначения — разве что кто-нибудь из наших проболтался, но такое едва ли возможно. Но даже если бы они узнали, куда летел сверхсветовик, или догадались об этом — что из того? В общем, Крайл, все прошло превосходно.

— Конечно, это гигантское достижение.

— А сколько еще предстоит сделать! Ведь это только первый корабль, способный нести человека со сверхсветовой скоростью, но пока, как ты знаешь, его экипаж — если это слово уместно — состоял только из одного робота.

— Он не сломался?

— Нет. Но это не важно. Ведь мы доказали, что можем перемещать в пространстве со сверхсветовой скоростью значительную массу — макроскопический объект, не нарушив его целостности при этом. Теперь несколько недель уйдет на разного рода проверки, чтобы убедиться в отсутствии серьезных повреждений. И конечно же, перед нами остается прежняя задача — сооружение большого корабля. Необходимо наладить работу систем жизнеобеспечения, предусмотреть различные меры безопасности. Робот способен выдерживать такие нагрузки, которые человек не перенесет.

— Работа идет в соответствии с графиком?

— Пока. Еще годик-полтора, и — если не случится ничего непредвиденного — мы сможем своим появлением изумить роториан, если они еще живы.

Фишер вздрогнул, и Уэндел виновато сказала:

— Извини, я все время запрещаю себе говорить подобные вещи, но иногда забываюсь.

— Ничего, — ответил Фишер. — А уже решено, что я полечу на Ротор первым же рейсом?

— Если что-то и решено, до осуществления полета все равно пройдет год или более. Заранее ничего предусмотреть не удастся.

— А пока?

— Танаяма оставил записку, где говорится, что тебе это было обещано. Я даже и подумать не могла, что он так великодушен. Коропатский проявил любезность и сегодня рассказал мне об этой записке после успешного завершения полета, а я сочла необходимым сообщить тебе.

— Хорошо! Танаяма обещал мне на словах. Я рад, что он и записал свое обещание.

— А ты не хочешь рассказать мне, почему он это сделал? Танаяма всегда казался мне человеком, не склонным обещать что-то просто так.

— Ты права. Он пообещал мне это путешествие, если я привезу тебя на Землю для работы над сверхсветовым звездолетом. И если я скажу, что прекрасно справился с заданием, по-моему, ты не станешь возражать.

Уэндел фыркнула.

— Сомневаюсь, что ваше руководство можно было растрогать эмоциями. Коропатский сказал мне, что не считал бы себя обязанным выполнять обещание Танаямы, но ты несколько лет прожил на Роторе и приобрел там определенные знания, которые могут оказаться полезными. Я могла бы возразить, что твои знания за тринадцать лет порядком забылись, но промолчала, потому что после испытаний была в прекрасном расположении духа и решила, что люблю тебя.

Фишер улыбнулся.

— Тесса, ты меня успокаиваешь. Надеюсь, и ты полетишь со мной. Ты уже уладила этот вопрос?

Откинув назад голову, словно хотела лучше видеть Фишера, Уэндел проговорила:

— С этим, мой мальчик, будет труднее. Тебя-то они охотно подвергнут опасности, а вот меня им поначалу было жалко. Мне сказали: «Кто будет руководить работами, если с вами что-нибудь случится?» Я ответила: «Любой из двадцати моих подчиненных, знающих физику сверхсветового полета не хуже, чем я, но обладающих более молодым и гибким умом». Соврала, конечно — ведь мне нет равных, — но мое заявление произвело впечатление.

— А знаешь, в их словах что-то есть. Нужен ли тебе этот риск?

— Да, — ответила Уэндел. — Во-первых, я имею почетное право занять должность капитана первого сверхсветового корабля. Во-вторых, мне хочется повидать другую звезду, повозмущаться, что роториане сумели первыми к ней добраться, если... — Она запнулась. — И наконец — и это самое важное, — я просто хочу убраться с Земли. — Последние слова она произнесла смущенно.

Потом, уже лежа с Фишером в постели, Уэндел сказала:

— Когда наконец все кончится и мы улетим, как чудесно это будет.

Фишер не ответил. Он думал о девочке со странными огромными глазами и своей сестре... Они слились в единый образ, и дремота охватила его.

Глава 23

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

49

Долгие полеты в атмосфере планеты не пользовались популярностью среди поселенцев. Космические городки были маленькими: лифтов, своих двоих и — изредка — электрокара хватало вполне. А из поселения в поселение летали на ракетах.

Многим поселенцам — по крайней мере дома, в Солнечной системе — в космосе приходилось бывать так часто, что летать для них сделалось так же привычно, как ходить. Но мало кто из поселенцев бывал на Земле, единственном месте, где летали на самолетах.

Поселенцы, чувствовавшие себя в космической пустоте как дома, ощущали дикий ужас, заслышав свист воздуха за стенкой летательного аппарата, лишенного наземной опоры.

Оказалось, что и на Эритро без воздушного транспорта обойтись невозможно. Огромная, как Земля, планета обладала такой же плотной, пригодной для дыхания атмосферой. На Роторе держали книги по воздухоплаванию и жили земляне-эмигранты, знавшие толк в авиации.

В результате у Купола появились два самолета, несколько неуклюжие и примитивные, не способные к высоким скоростям и не обладавшие большой маневренностью, однако вполне пригодные для использования.

Невежество роториан в технике воздушного полета сослужило им хорошую службу. Самолеты Купола оказались лучше компьютеризованными, чем их земные

собратья. Сиверу Генарру они представлялись скорее сложными роботами в виде самолетов. Погода на Эритро была куда мягче, чем на Земле, возможно, потому, что тусклая Немезида не способна была возбудить в атмосфере мощные бури, и самолет-робот в полете почти не сталкивался с неожиданностями.

Таким образом, на скверных и несовершенных самолетах Купола летать мог практически всякий. Нужно было только сообщить самолету, что от него требуется, и все исполнялось. Если сообщение оказывалось неконкретным или управлявший самолетом электронный мозг усматривал какие-либо опасности, робот запрашивал дополнительные пояснения.

За тем, как Марлена карабкалась в кабину самолета, Генарр следил с беспокойством, но без страха, как Эугения, которая, закусив губу, стояла вдалеке. («И не смей подходить близко, — строгим тоном велел он Инсигне, — особенно, если собираешься глядеть на нее так, словно провожаешь на смерть. Девочка испугается».)

Но Инсигне казалось, что у нее есть основания для паники. Марлена не помнила тот мир, где полеты на самолетах были делом обыденным. Перелет в ракете до Эритро она перенесла спокойно, а вот как отнесется к еще не изведанному ощущению полета по воздуху...

Но Марлена уже поднялась в кабину и уселась с безмятежным выражением на лице.

Или она не поняла еще, что ее ждет?

— Марлена, золотко, ты понимаешь, что сейчас будет? — спросил Генарр.

— Да, дядя Сивер, вы покажете мне Эритро.

— С воздуха, ты не забыла? Мы сейчас полетим по воздуху.

— Да, вы мне это уже сказали.

— И тебе не страшно?

— Мне-то нет, дядя Сивер, а вот вам...

— Я боюсь только за тебя, моя хорошая.

— Со мной все будет в порядке. — Она обернулась к поднимаемому в кабину Генарру. Когда тот занял свое место, Марлена проговорила: — Я понимаю, что мама волнуется, но вы беспокоитесь больше. Правда, вы ухитряетесь меньше обнаруживать это, но если бы вы

только увидели, как облизываете губы, то смутились бы. Я вижу, вы полагаете, что, если что-то случится плохое, вина ляжет на вас. Эта мысль не дает вам покоя. Повторяю — ничего не случится.

— Ты уверена, Марлена?

— Абсолютно. На Эритро мне ничего не может причинить вред.

— Ты говорила это о лихоманке, но сейчас речь о другом.

— Неважно, о чем мы говорили. На Эритро мне ничто не может повредить.

Генарр недоверчиво качнул головой и тут же пожалел об этом, понимая, что все его чувства видны, как на экране компьютера, выведенные крупными буквами. Но ничего не поделаешь — ведь он не из бронзы, и как ни старайся, она все равно догадается.

— Сейчас перейдем в воздушный шлюз и побудем там, чтобы проверить реакции электронного мозга. Потом войдем опять, и самолет взлетит. Ты почувствуешь, как увеличивается скорость, тебя прижмет к спинке сиденья. Потом мы окажемся в воздухе. Надеюсь, ты понимаешь это?

— Я не боюсь, — спокойно ответила Марлена.

50

Самолет ровным курсом летел над холмистой поверхностью пустыни. Генарр знал, что геологическая жизнь планеты продолжается: проведенные исследования обнаружили, что в истории ее были периоды горообразования. Горы до сих пор высились в цисмеганском — обращенном к Мегасу — полушарии, над которым неподвижно висел диск Мегаса.

Но здесь, на трансмеганской стороне, два больших континента были покрыты равнинами и холмами.

Марлена никогда не видела гор, и даже эти холмы произвели на нее впечатление.

С высоты, на которой они летели, реки Эритро ничем не отличались от роторианских ручейков.

Генарр подумал: вот Марлена удивится, когда увидит их поближе.

Марлена с любопытством поглядывала на Немезиду, которая как раз миновала полуденный меридиан и уже начинала клониться к западу.

— Она не двигается, дядюшка Сивер? — спросила девочка.

— Двигается, — ответил Генарр. — То есть это Эритро вращается вокруг Немезиды, но она совершает в день только один оборот, тогда как Ротору на это требуется две минуты. Если смотреть с Эритро, Немезида движется в семьсот раз медленнее, чем нам кажется на Роторе. Она как будто стоит на месте — но на самом деле это не так. — Бросив взгляд на Немезиду, он произнес: — Тебе не приходилось видеть земное Солнце, светило Солнечной системы. Ну а если и видела, то забыла — тогда ты была еще совсем крохой. С орбиты Ротора в Солнечной системе Солнце казалось гораздо меньшим.

— Меньшим? — удивилась Марлена. — Ведь компьютер говорит, что Немезида намного меньше Солнца.

— Это так, но к Немезиде Ротор подошел гораздо ближе, чем в свое время к Солнцу. Поэтому Немезида нам и кажется больше.

— От нас до Немезиды четыре миллиона километров, да?

— А до Солнца — целых сто пятьдесят миллионов. Если бы Ротор находился на таком же расстоянии от Немезиды, мы бы получали всего процент того света и тепла, что получаем здесь. Но если бы мы приблизились к Солнцу так же, как к Немезиде, то превратились бы в пар. Солнце больше, ярче и горячее, чем Немезида.

Марлена не взглянула на Генарра — должно быть, ограничилась интонациями его голоса.

— Судя по вашим словам, дядя Сивер, вам бы хотелось оказаться опять возле Солнца?

— Я там родился и порой тоскую по дому.

— Но если Солнце такое яркое и горячее, то оно, наверное, опасно?

— Мы не смотрели на него. Между прочим, и на Немезиду не следует смотреть долго. Отвернись-ка лучше, дорогуша.

Однако сам Генарр украдкой взглянул в сторону Немезиды. Красный громадный диск ее висел на запа-

де... четыре угловых градуса, в восемь раз больше, чем Солнце, если смотреть с прежней орбиты Ротора. Этакий тусклый круг света — но Генарр знал, что изредка он вспыхивал и тогда на ровной поверхности появлялось раскаленное пятно, на которое больно было смотреть. Менее яркие пятна появлялись чаще, но их было труднее заметить.

Он что-то приказал самолету, и тот немедленно повернул так, чтобы Немезида была сбоку и люди не могли смотреть на нее в упор.

Марлена задумчиво посмотрела на Немезиду, потом вновь стала рассматривать просторы Эритро, проплывавшие внизу.

— А знаете, постепенно привыкаешь к этому цвету, и он уже не кажется таким кроваво-красным, — сказала она.

Генарр и сам это заметил. Глаза его начали улавливать оттенки и тени, мир внизу становился не таким одноцветным. Реки и небольшие озера были темнее суши. Небо казалось черным: атмосфера Эритро почти не рассеивала свет Немезиды.

Самой унылой особенностью ландшафта Эритро была его нагота и пустынность. На крохотном Роторе зеленели и желтели поля, пестрели фруктовые сады, гадали птицы — все было полно цветов и звуков.

Здесь же царило безжизненное молчание.

Марлена нахмурилась.

— А на Эритро есть жизнь, дядя Сивер?

Генарр не понял, утверждает ли Марлена, задает вопрос или читает его мысли.

— Конечно, — отозвался он. — Жизнь здесь повсюду. И не только в воде. Некоторые прокариоты обитают в водяной пленке, которая покрывает частицы почвы.

Вскоре на горизонте показался край моря — сначала черная линия, потом полоска, — воздушный корабль приближался к нему.

Генарр искоса наблюдал за Марленой. Конечно, она читала об океанах Земли и видела их по головизору, но к этому зрелищу все равно невозможно подготовиться. Генарр однажды (однажды!) посетил Землю как турист

и видел океан. Но ему не приходилось бывать в открытом море, и теперь он не был уверен в себе.

И вот берег откатился назад, суша превратилась в тонкую линию и наконец исчезла. Генарр смотрел вниз, ощущая в желудке комок. Ему вспомнились слова из древней эпической поэмы: «Море цвета темного вина». Внизу катились валы, цветом напоминавшие красное вино, то тут, то там розовели пенные гребни.

В бескрайнем водном просторе внизу не было ничего, на чем мог бы остановиться взгляд. Суша исчезла. Кануло неизвестно куда и ощущение направления. Конечно, Генарр знал, что стоит лишь приказать, и самолет немедленно повернет обратно. Бортовой компьютер следил за скоростью и направлением, определял положение самолета и прекрасно знал, где находится суша и далекий уже Купол.

Они вошли в плотное облако, и океан внизу почернел. Повинуясь приказу, самолет поднялся выше. Путешественники вновь увидели Немезиду, но океана больше не было. Внизу клубились розовые облака, клочья тумана пролетали мимо иллюминатора.

А потом облака поредели, и в разрывах вновь показалось «море цвета темного вина».

Марлена смотрела во все глаза, приоткрыв рот и едва дыша.

— Неужели все это вода, дядя Сивер? — прошептала она.

— На тысячи километров во все стороны и на десять километров в глубину — кое-где.

— Значит, если туда упадешь — утонешь?

— Не думай об этом. Этот самолет не может упасть в океан.

— Я знаю, — деловито сказала Марлена.

Покажу-ка я ей еще кое-что, подумал Генарр.

Марлена нарушила ход его мыслей.

— А вы опять стали нервничать, дядя Сивер.

Генарр удивился, как быстро он успел привыкнуть к таким замечаниям.

— Ты еще не видела Мегас, — сказал он, — и я думаю, не показать ли тебе его. Ты знаешь, что Эритро обращена к Мегасу одной стороной, а Купол построили на противоположной, где Мегас никогда не виден. Если

мы полетим в эту сторону, то скоро начнется цисмеганское полушарие и мы увидим, как он встает над горизонтом.

— Мне бы хотелось посмотреть.

— Хорошо, посмотрим, только знай — Мегас огромен, в два раза больше Немезиды, и кажется, что он рушится на тебя. Некоторые не в силах вынести этого зрелища. Но он не упадет, конечно. Не сможет. Постарайся это запомнить.

И они полетели дальше, но уже на большей высоте и намного быстрее. Внизу дыбились те же океанские волны, кое-где по ним бежали тени облаков.

Наконец Генарр произнес:

— Посмотри вперед, чуть вправо — видишь? — вон Мегас выглядывает из-за горизонта. Сейчас подлетим поближе.

Сперва было видно просто яркое пятнышко, постепенно оно превратилось в огромный пылающий полукруг, встававший из-за моря. Мегас оказался гораздо ярче Немезиды, оставшейся позади и уже заметно опустившейся к горизонту.

Когда Мегас поднялся повыше, стало заметно, что ярко освещено чуть больше половины его диска.

— Вот это и называется «фазой», дядя Сивер? — поинтересовалась Марлена.

— Совершенно верно. Эту часть Мегаса освещает Немезида. По мере движения Эритро вокруг Мегаса Немезида приближается к нему, и мы видим освещенной все меньшую и меньшую часть планеты. Потом, когда Немезида проходит над или под Мегасом, мы уже видим тонкую полоску света на краю Мегаса — освещенного полушария нам просто не видно. Иногда Немезида проходит за Мегасом. В этом случае она вообще исчезает из поля зрения и на небе становятся видны сразу все звезды, и не только самые яркие, которые заметны и при Немезиде. Во время затмения виден огромный темный диск, вокруг которого нет ни одной звезды, — это Мегас. Когда Немезида появляется с другой стороны, мы снова можем видеть узкую полоску света.

— Удивительно, — проговорила Марлена. — Просто целое представление в небе. Взгляните на Мегас — какие полосы. Они движутся!

Полосы пересекали освещенную поверхность диска — бурые, красновато-коричневые, местами оранжевые — и медленно шевелились.

— Это бури, — объяснил Генарр. — Там жуткие ветры. Если приглядеться внимательнее, можно заметить, как появляются пятна, как они растут, ползут по диску, тускнеют и исчезают.

— Как в головизоре, — подхватила Марлена. — Неужели никто не наблюдает это постоянно?

— Астрономы наблюдают. С помощью компьютеров, расположенных в этом полушарии. Я тоже наблюдал — из нашей обсерватории. Знаешь, в Солнечной системе есть похожая планета. Ее зовут Юпитер. Она даже больше Мегаса.

Наконец гигантская планета заметно поднялась над горизонтом. Она была похожа на воздушный шар, спущенный с одного бока.

— Как красиво! — воскликнула Марлена. — Вот построили бы Купол в этом полушарии, тогда каждый мог бы любоваться этим зрелищем.

— Ты ошибаешься, Марлена. Это не так. Люди не любят Мегас. Я уже говорил тебе: некоторым начинает казаться, что Мегас рушится на них, они боятся его.

— Такие дурацкие мысли могут прийти в голову немногим, — раздраженно сказала Марлена.

— Верно, немногим, но дурацкие мысли заразительны: страхи распространяются, и тот, кто не испугался бы, впадает в панику, потому что испугался сосед. Ты никогда не замечала такого?

— Замечала, — печально отозвалась она, — если одному мальчику какая-то дуреха кажется хорошенькой, то и другим это начинает казаться. И они начинают соперничать... — Она смущенно умолкла.

— Вот чтобы избежать такой цепной реакции, мы и выстроили Купол в другом полушарии. Ну а другая причина — ведь Мегас всегда на небе, и проводить астрономические наблюдения в этом полушарии затруднительно. Но я думаю, пора домой. Ты знаешь свою маму. Она, наверное, уже в панике.

— Надо связаться с ней и сказать, что все в порядке.

— Нет необходимости. Самолет постоянно посылает сигналы. Так что она в курсе, что с нами все в

порядке... физически. А беспокоит ее вот что... — Он многозначительно постучал себя по виску.

Марлена осела в кресле, и лицо ее выразило крайнее неудовольствие.

— Какая мука! Знаю, каждый скажет: «Ведь она любит тебя», но это такая докука. Почему она не может поверить мне, что все будет в порядке?

— Ведь она любит тебя, — ответил Генарр, как только закончил инструктировать самолет относительно обратного пути. — Не меньше, чем ты любишь Эритро.

Лицо Марлены просветлело.

— Действительно, люблю.

— Да-да, это видно по тому, как ты относишься к этому миру.

А вот как отнесется к этому Эугения Инсигна? — подумал Генарр.

51

Она отнеслась к этому плохо. Она пришла в ярость.

— Что это вообще такое: «она любит Эритро»? Как можно любить безжизненный мир? Это ты забил ей голову таким вздором! Зачем тебе нужно, чтобы она любила Эритро?

— Эугения, будь умницей. Неужели ты считаешь, что Марлене чем-то можно забить голову? Разве ты сама не пыталась отговаривать ее?

— Ну так что же случилось?

— Видишь ли, в полете я все время старался показать ей такое, что должно было отпугнуть ее, заставить почувствовать неприязнь к Эритро. По собственному опыту я знаю, что выросшие в своем тесном мирке роториане ненавидят бесконечные просторы Эритро. Им не нравится этот свет, им не нравится кроваво-красная вода океана. Им не нравятся мрачные облака, но более всего они страшатся Мегаса. И все прочее только угнетает и волнует их. Все это я показал Марлене. Мы летели над океаном... далеко — так далеко, что увидели, как Мегас встает над горизонтом.

— Ну и?..

— Ее ничто не испугало. Она сказала, что привыкла к красному свету и он перестал казаться ей ужасным.

Океан не внушил ей страха, а Мегас даже заинтересовал.

— Не могу поверить.

— Придется. Я не лгу.

Инсигна погрузилась в раздумье, потом нерешительно проговорила:

— Что если она уже заразилась?..

— Лихоманкой? Сразу по возвращении я отправил ее на повторное сканирование. Окончательный результат еще не готов, но предварительные данные свидетельствуют, что изменений нет. При лихоманке, даже легкой, рассудок немедленно испытывает заметные и весьма конкретные изменения. Так что Марлена здорова. Однако мне только что пришла в голову интересная мысль. Мы знаем, насколько впечатлительна Марлена, как умеет она замечать всякие подробности. Чувства людей словно перетекают к ней. А обратного ты не замечала? Чтобы ощущения переходили от нее к людям?

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Она видит, когда я чувствую неуверенность или беспокойство, как бы ни пытался я скрыть это. Знает, когда я спокоен и ничего не опасаясь. А может быть, она сама вызывает во мне неуверенность и легкую тревогу — или же наоборот — приводит в безмятежное настроение? Ее собственные чувства другим не передаются?

Инсигна не отводила от него глаз.

— Это просто безумная мысль, — недоверчиво ответила она.

— Возможно. Но ты не замечала такого у Марлены? Подумай.

— И думать нечего — никогда я не замечала ничего подобного.

— Значит — нет, — пробормотал Генарр. — Скорее всего, так. Впрочем... Она очень хочет, чтобы ты поменьше о ней беспокоилась, но не может этого сделать. Кстати, тебе не кажется, что на Эритро восприимчивость Марлены усилилась? А?

— Да, пожалуй.

— И не только. Здесь твоя дочь научилась предвидеть. Она знает, что обладает иммунитетом к лихоманке. Она уверена, что на Эритро ничто не причинит ей

вреда. Она смотрела на океан и знала, что самолет не упадет и не утонет. А на Роторе ты ничего не замечала? Разве не была она там неуверенной и робкой, как обычный подросток?

— Да. Конечно.

— А здесь она стала другой. Полностью уверенной в себе. Почему?

— Я не знаю.

— Не влияет ли на нее Эритро? Нет-нет, я имею в виду не лихоманку. Нет ли здесь какого-либо иного эффекта? Совершенно иного? Я скажу тебе, почему спрашиваю об этом. Я сам ощутил его.

— Ощутил... что?

— Какое-то доброе чувство к Эритро. Собственно, эта пустыня никогда меня не пугала. Не хочу сказать, что прежде планета меня отталкивала, что на Эритро мне было неудобно, но любить я ее никогда не любил. А во время нашего путешествия вдруг почувствовал симпатию к планете, чего ни разу не чувствовал за все десять лет пребывания здесь. И я подумал: а что если восхищение Марлены так заразительно, что если она каким-то образом передает мне свое состояние? Или в ее присутствии я так же, как она, ощущаю воздействие Эритро?

— Знаешь что, Сивер, — язвительно сказала Инсигна, — по-моему, тебе тоже следует пройти сканирование.

Тот удивленно поднял брови.

— А ты думаешь, что я не прохожу его? Мы здесь проверяемся периодически. Изменений нет, кроме тех, что вызваны старением.

— А ты проверялся после вашего воздушного путешествия?

— Еще бы. Сразу же. Я не дурак. Окончательные результаты еще не готовы, но, на первый взгляд, изменений нет.

— И что ты собираешься делать дальше?

— Следующий логический шаг: мы с Марленой выйдем из Купола на поверхность Эритро.

— Нет.

— Со всеми предосторожностями. Я там бывал.

— Иди, если хочешь, — упрямо сказала Инсигна, — но без Марлены. Я ее не пущу.

Генарр вздохнул. Он повернулся вместе с креслом к окну и стал вглядываться в красную даль; затем снова посмотрел на Инсигну.

— Там, за стеной, огромный девственный мир, — заговорил он, — ничей мир — у него нет хозяев, кроме нас. Мы можем заселить его и освоить, помня уроки, полученные от собственного неумелого хозяйничанья на родной планете. Мы сделаем его добрым, чистым, достойным. А к здешнему красному свету привыкнем. Мы заполним его земными растениями и животными. Пусть процветают здесь суша и море, пусть начнется новый виток эволюции.

— А лихоманка? Как же она?

— Справимся с ней, и Эритро станет родной для нас.

— Что же, если не принимать во внимание тяготение, жару и некоторые химические составляющие в атмосфере, то и Мегас можно сделать своим домом...

— Эугения, согласишься, что с болезнью справиться проще, чем с жарой, гравитацией и химическим составом атмосферы.

— Но ведь лихоманка по-своему смертельна.

— Эугения, я уже говорил тебе, что мы дорожим Марленой, как никем.

— И я ею дорожу.

— Потому что она тебе дочь. А нам она дорога потому, что может сделать то, на что способна только она.

— И что же она будет для вас делать? Читать ваши телодвижения? Фокусы показывать?

— Она убеждена, что обладает иммунитетом к лихоманке. Если это так, то она может научить нас...

— А если не так? Это же просто детская фантазия, ты сам знаешь. Почему ты пытаешься ухватиться за соломинку?

— Вот он вокруг, этот мир, и он мне нужен.

— Ну знаешь, ты прямо как Питт. И ради этого мира ты готов рисковать моей дочерью?

— В истории человечества, случалось, шли на куда больший риск ради менее важной цели.

— Тем хуже для истории. В любом случае решать мне: она моя дочь!

Глубоко опечаленный Генарр негромко сказал:

— Эугения, я люблю тебя, и один раз уже потерял тебя. И вдруг вновь этот сон, мечта — еще одна возможность добиться тебя. Но я боюсь, что опять потеряю тебя — уже навсегда. Видишь ли, я обязан сказать: решать не тебе. И не мне. Все решит сама Марлена. А что она решит, то и сделает. И потому, что, быть может, она способна подарить человечеству целый мир, я намереваюсь помогать ей во всем — как бы ты ни возражала. Прошу тебя, примиришь с этим, Эугения.

Глава 24

ДЕТЕКТОР

52

Крайл Фишер пораженно разглядывал «Сверх-световой», который видел впервые. Рядом стояла Тесса Уэндел и улыбалась. Ее лицо выражало законную родительскую гордость.

Корабль был спрятан в огромной пещере за тройным ограждением. Кое-где работали люди, но в основном здесь трудились механизмы — компьютеризованные негуманоидные роботы.

В свое время Фишеру довелось повидать множество космических кораблей — самые разнообразные модели широкого назначения, — но столь нелепого сооружения ему видеть не доводилось.

О том, что это космический корабль, не зная заранее, догадаться было невозможно. Что же сказать? С одной стороны, не стоит сердить попусту Тессу: стоя рядом, она ждала его заключения — естественно, похвалы, — но с другой...

И он негромко произнес:

— А в нем есть какое-то странное изящество... что-то от осы.

При словах «странное изящество» Тесса улыбнулась, и Фишер понял, что угадал слово. Но она вдруг спросила:

— Крайл, а что такое «оса»?

— Это насекомое, — пояснил Крайл. — Ах да, ведь у вас на Аделии нет насекомых...

— Есть, — возразила Уэндел, — только не в таком изобилии...

— Значит, у вас нет ос. Это такие кусачие насекомые, похожие на него... — Он показал на «Сверхсветовой». — У них тоже большая передняя часть, такая же задняя и между ними тонкая перемычка.

— В самом деле? — Уэндел с новым интересом поглядела на «Сверхсветовой». — Найди-ка мне изображение осы. Насекомое может навести меня на какие-то идеи в отношении корабля — или корабль поможет разобраться в природе ос.

— Откуда же ты взяла эту форму, — спросил Фишер, — если никогда не видела осы?

— Пришлось подобрать геометрию, наилучшим образом обеспечивающую движение корабля как единого целого. Цилиндрическое гиперполе от корабля устремляется в бесконечность, и этого нельзя избежать. Но с другой стороны, мы не можем исходить исключительно из этого факта. А потому эти выпуклые части изолируют его. Поле находится в корпусе, его создает и удерживает сильное переменное электромагнитное поле... Тебе не интересно?

— Не очень, — грустно улыбнулся Фишер. — Я уже достаточно обо всем наслышан. Но раз мне позволили, наконец, увидеть корабль...

— Не обижайся, — попросила Уэндел, обнимая его за плечи. — Приходилось ограничиваться теми, кто не мог не знать. Иногда, по-моему, я сама им мешала. А они небось судачили о подозрительной поселенке, которая любит повсюду совать длинный нос... Да если бы не я изобрела корабль, они бы выставили меня отсюда. Теперь требования секретности ослабли, и мне удалось тебя сюда привести. В конце концов тебе придется лететь, и я хотела, чтобы ты мог восхититься кораблем... — Она запнулась и нерешительно добавила: — И мной.

Фишер искоса посмотрел на нее.

— Знаешь, Тесса, чтобы восхищаться тобой, мне не нужно было приходить. — И он положил ей руку на плечо.

— Крайл, я старею, — пожаловалась Тесса, — и ничего тут не поделаешь. Как ни странно, ты устраиваешь меня. Мы пробыли вместе семь лет, пошел уже восьмой, а мне и в голову не приходит, как прежде, интересоваться другими мужчинами.

— Это не повод для печали, — сказал Фишер. — Должно быть, ты просто слишком занята и устала. Но теперь корабль готов, и ты можешь снова взяться за охоту.

— Увы, нет желания. Нет, и все тут. Ну а как твои дела? Я все-таки иногда пренебрегаю тобой.

— Все в порядке. Я знаю: ты забываешь обо мне ради корабля, но это меня не беспокоит. Мне так же, как тебе, хочется полететь на нем, и я опасаясь лишь, что, когда ты достроишь его, мы с тобой окажемся слишком стары, чтобы нам разрешили лететь. — Он вновь улыбнулся, на сей раз веселее. — Ты говоришь, что стареешь. Тесса, не забывай, и я уже не юноша. Еще два года, и мне тоже стукнет пятьдесят. Кстати, у меня к тебе вопрос; боюсь, он тебя разочарует, однако я вынужден задать его.

— Давай.

— Ты привела меня в эту святая святых, чтобы я мог взглянуть на корабль. Не думаю, что Коропатский согласился бы на это, если бы работы не были близки к завершению. Как верный последователь Танаямы, он тоже помешан на секретности.

— Основные работы полностью закончены.

— И корабль уже летал?

— Нет еще. Надо кое-что доделать, но это уже мелочи.

— Значит, теперь испытательные полеты?

— С экипажем на борту. Иначе мы не сможем убедиться в работоспособности систем жизнеобеспечения. Животные для этого не годятся.

— И кто же полетит первым?

— Добровольцы из числа наших сотрудников.

— А ты?

— Я доброволец, Крайл, — я должна лететь. Кому еще я могу доверить принятие решений в критических ситуациях?

— Значит, и я полечу? — спросил Крайл.

— Нет.

Лицо Фишера потемнело от гнева.

— Мы же договорились.

— Но не об испытательных полетах.

— А когда они закончатся?

— Трудно сказать. Все будет зависеть от результатов испытаний. Если все сложится гладко, то хватит двух или трех полетов, на них уйдут какие-то месяцы.

— И когда же состоится первое испытание?

— Этого, Крайл, я не знаю. Работы над кораблем еще не окончены.

— Но ты же только что говорила другое.

— Я говорила о гиперполе. Но сейчас мы устанавливаем нейродетекторы.

— Это еще что такое? Ты об этом ничего не говорила.

Уэндел не ответила. Спокойно и внимательно оглядевшись, она проговорила:

— Знаешь, Крайл, похоже, мы привлекаем внимание. Я думаю, твое присутствие здесь настораживает людей. Пойдем-ка домой.

Фишер не пошевелился.

— Выходит, ты не желаешь говорить со мной, хотя знаешь, как это для меня важно.

— Мы обо всем еще переговорим. Дома.

53

Крайл Фишер был взбешен и не мог успокоиться. Он не захотел сесты и теперь стоял перед Тессой Уэндел, съездившейся на белой кушетке. Она взглянула на него и нахмурилась.

— Ну что ты сердишься, Крайл?

Губы Фишера дрожали. Он плотно сжал их и постарался успокоиться.

Наконец он сказал:

— Если звездолет хоть раз уйдет без меня, создастся прецедент. Потом меня уже не примут в экипаж. Неужели не ясно: я должен быть на корабле с самого начала и до тех пор, пока мы не доберемся до Звезды-

Соседки и не найдем Ротор. Я не хочу, чтобы меня оставили на Земле.

— Почему ты так решил? — удивилась Уэндел. — Когда придет время, о тебе не забудут. А пока корабль еще не совсем готов.

— Но ты же сказала, что он готов! — воскликнул Фишер. — И что это еще за нейронные детекторы? Новый прием, чтобы заморочить мне голову? А корабль тем временем уйдет без меня? Придумываешь бог знает что — даже возразить нечего!

— Крайл, ты сошел с ума. Да, нейронный детектор — моя идея. — Уэндел не мигая воззрилась на него, дожидаясь реакции.

— Твоя идея? — взорвался он. — Но...

Она успокаивающим жестом протянула руку.

— Над этой штукой мы работаем с тех пор, как начали строить корабль. Я плохо в этом разбираюсь, и мне пришлось безжалостно гонять нейрофизиков, чтобы успеть вовремя. А знаешь почему? Только потому, что я хочу видеть тебя рядом с собой на корабле, когда он полетит к Звезде-Соседке. Ты понял?

Крайл покачал головой.

— А ты подумай. Давно бы уже догадался, если бы не бесился попусту. Все очень просто. Этот прибор называется «нейронный детектор» и обнаруживает нервную деятельность на расстоянии. Высшую нервную деятельность. Короче говоря, присутствие разума.

Фишер уставился на Уэндел.

— Ты имеешь в виду штурмовины, которые врачи применяют в больницах?

— Конечно. В медицине и психологии подобные приборы используются для ранней диагностики душевных расстройств. Но они действуют на расстоянии не более метра. А у нас астрономические расстояния. Так что принципиально новым этот прибор не назовешь, просто мы колоссально увеличили его дальность действия. Крайл, если твоя Марлена жива, она наверняка на Роторе, который, скорее всего, кружит вокруг Звезды-Соседки. Я уже говорила тебе, что найти поселение в космосе не так-то просто. Мы можем случайно разминуться с Ротором, как с кораблем в океане или с астероидом в космосе. Как долго придется искать —

месяц или год, — чтобы убедиться в том, что Ротора там действительно нет?

— Значит, нейронный детектор...

— Нужен, чтобы обнаружить Ротор.

— А не возникнут ли при этом такие же сложно...

— Нет. Во Вселенной полным-полно излучений, радиоволн и тому подобного. Нам надо отыскать один источник среди тысячи, миллиона других. На это потребуется немало времени. Однако электромагнитное излучение, возникающее в мозгу во время функционирования нейронов, — вещь особенная. Нам придется иметь дело лишь с одним источником — если Ротор не успел соорудить дочернее поселение. Вот и все. Я хочу отыскать твою дочь не меньше, чем ты сам. А зачем мне эти хлопоты, если я не возьму тебя с собой? Ты обязательно полетишь.

Фишер казался побежденным.

— И ты заставила разработчиков заниматься этим?

— Да, Крайл, кое-какая власть у меня есть. Но не такая большая, как хотелось бы. Знаешь, мне кое о чем не хотелось говорить с тобой у корабля.

— Да? И о чем же?

— Крайл, я думаю о тебе гораздо больше, — ласково ответила Уэндел. — Ты просто не представляешь, как я опасаюсь, что твои надежды окажутся обманутыми. А если у Звезды-Соседки мы ничего не найдем? Вообще ничего живого, тем более разумных существ. Просто вернемся домой и доложим, что не обнаружили следов Ротора? Нет, Крайл, не падай духом. Я не хочу сказать, что, если возле Звезды-Соседки не обнаружатся признаков разумной жизни, значит, Ротор погиб со всем населением.

— А что же?

— Что если звезда надоела им и они решили отправиться дальше? Они могли побыть возле нее какое-то время, добыть из астероидов необходимые материалы, пополнить запасы топлива для микроатомных двигателей. А потом уйти.

— И как узнать, куда они делись?

— Они улетели с Земли много лет назад. С помощью гиперпривода они не могут передвигаться быстрее скорости света. Значит, до другой звезды не больше четырнадцать

дцати световых лет. Таких звезд совсем немного. И со сверхсветовой скоростью нетрудно облететь все. А нейродетекторы помогут нам быстро отыскать Ротор.

— А если они еще в пути — тогда как их обнаружить?

— В этом случае мы бессильны. Но наши шансы все равно высоки: ведь мы не будем болтаться возле одной звезды и пялиться в телескоп. За шесть месяцев с помощью нейродетектора мы обследуем дюжину звезд. Даже если мы их не найдем — а такой вариант не исключен, — мы вернемся со сведениями о дюжине звезд, о солнцеподобном светиле, о тесной двойной системе и так далее. Больше одного путешествия к звездам нам с тобой совершить не удастся — так почему бы не потешить себя, не хлопнуть хорошенько дверью, открывающей нам путь в историю?

Крайл задумался.

— Наверное, ты права, Тесса. Плохо, конечно, если, обшарив дюжину звезд, мы никого не найдем. Но хуже, если мы проторчим у одной звезды и вернемся, зная, что Ротор мог быть рядом, а нам не хватило времени его отыскать.

— Совершенно верно.

— Попытаюсь не забывать об этом, — грустно проговорил Крайл.

— Да, вот еще что, — сказала Уэндел. — Нейронный детектор способен обнаружить и признаки существования интеллекта внеземного происхождения. Такую возможность нельзя не учитывать.

— Вряд ли такое случится, — засомневался Фишер.

— Мало вероятно, но если нам повезет, то этот шанс нельзя будет упустить. Тем более, если разумная жизнь обнаружится меньше чем в четырнадцать световых годах от Земли. Во Вселенной не может быть ничего интереснее встречи с внеземным разумом — и ничего опаснее. Но так или иначе, нам придется заняться исследованиями.

— А как велики шансы обнаружить его? — спросил Фишер. — Ведь нейродетекторы разработаны на основе человеческого разума. Я думаю, что, если нам попадется нечто странное, мы не только разума, но и самой жизни не распознаем.

— Да, признаков жизни можно и не заметить, — ответила Уэндел, — но разум мы едва ли пропустим. В конце концов, мы ищем именно интеллект, а не просто жизнь. А любой, даже самый странный разум обязательно связан с какой-то сложной структурой, по крайней мере, не менее простой, чем человеческий мозг. Более того, его элементы должны взаимодействовать с помощью электромагнитных волн. Гравитация слишком слаба, сильное и слабое ядерное взаимодействие осуществляется на чересчур маленьком расстоянии. А открытое нами гиперполе в природе не существует; мы создали его для сверхсветового полета, оно существует лишь там, где его создает разум. Нейронный детектор позволит нам обнаружить исключительно сложное электромагнитное поле, создаваемое любым разумом, какие бы химические воздействия ни обеспечивали его существование. Нам придется быть готовыми как общаться, так и удирать. Что же касается низших форм жизни, то едва ли они могут оказаться опасными для технологической цивилизации. Однако всякий образец чужой жизни, даже вирус, безусловно, будет интересен.

— А почему это нужно держать в секрете?

— Видишь ли, я подозреваю — пожалуй, даже уверена, — что Всемирный конгресс будет настаивать на нашем скорейшем возвращении, чтобы — если полет пройдет благополучно — немедленно приступить к постройке более совершенных кораблей. А мне хочется повидать Вселенную. А они подождут — ничего с ними не случится. Не то чтобы я уже решила, просто пока считаю вопрос открытым. Но если они догадаются, что я задумала, то, скорее всего, тут же заменят экипаж на более послушный.

Фишер вяло улыбнулся.

— А что? Представь себе, Крайл, что мы не обнаружим ни Ротор, ни роториан. Возвращаться на Землю с пустыми руками? Вселенная рядом, только протяни руку, а мы...

— Нет. Я только подумал, сколько времени еще уйдет на установку детекторов и прочее воплощение твоей мечты. Еще два года — и мне пятьдесят. А в этом возрасте агенты Конторы обычно освобождают от внеш-

ней работы. Они получают места на Земле и уже не допускаются до полетов.

— Ну и что?

— Через два года я уже не смогу летать. Мне скажут, что я не подхожу по возрасту — и тогда Вселенной мне не видать как своих ушей.

— Ерунда! Ведь меня отпускают, а мне уже за пятьдесят.

— Ты другое дело. Это твой корабль.

— Ты — тоже другое дело, раз я настаиваю на твоём участии. К тому же не так-то просто подобрать для «Сверхсветового» квалифицированный экипаж. Придется искать желающих. Кстати, весь экипаж должен состоять из волонтеров — разве можно доверить дело тем, кто вынужден лететь против своего желания?

— А почему нет желающих?

— Крайл, дорогой мой, да они же все родом с Земли. В обычного землянина пространство вселяет ужас. А уж гиперпространство тем более. Так что надеяться не на кого. Полетим мы с тобой, потребуется еще трое желающих, и, уверяю тебя, найти их будет не просто. Я уже прощупала кое-кого — пока у меня две надежные кандидатуры: Сяо Ли Ву и Генри Ярлоу. Они почти согласны, а третьего пока нет. Но даже если наберется целая дюжина желающих, тебя здесь не оставят. Я потребую, чтобы тебя взяли в качестве посла к роторианам, — если до этого дойдет. Ну а кроме этих гарантий даю слово, что полет состоится до твоего пятидесятилетия.

Тут Фишер улыбнулся с искренним облегчением и проговорил:

— Тесса, я люблю тебя. Ты знаешь, что это действительно так.

— Сомневаюсь, — ответила Уэндел, — особенно когда слышу недоверие в твоём голосе. Странно, Крайл. Мы уже восемь лет знакомы, восемь лет занимаемся любовью, а ты еще ни разу не говорил мне этих слов.

— Разве?

— А я ждала их, поверь мне. И знаешь, что странно? Я тоже еще не говорила тебе о своей любви, но я люблю тебя. А сначала было иначе. Что с нами произошло?

— Значит, влюбились понемножку, так, что и сами не заметили, — негромко ответил Фишер. — Выходит, и такое возможно, а?

И они застенчиво улыбнулись друг другу, словно не знали, что теперь делать.

Глава 25

ПОВЕРХНОСТЬ

54

Эутения Инсигна была озадачена. Даже более того.

— Говорю тебе, Сивер, после вашего полета я и ночи не спала спокойно. — Эти слова в устах женщины менее волевой прозвучали бы как жалоба. — Разве ей не довольно этого полета: до океана и обратно, по воздуху, прилетели после заката — разве ей этого мало? Почему ты не остановишь ее?

— Почему я не останавливаю ее? — медленно и отчетливо повторил Сивер Генарр. — Почему я не останавливаю ее? Эутения, мы теперь не в силах остановить Марлену.

— Просто смешно, Сивер! Неужели ты трусишь? Прячешься за спину девочки, воображаешь, что она все может.

— А разве не так? Ты ее мать. Прикажи Марлене оставаться в Куполе.

Инсигна поджала губы.

— Знаешь ли, ей пятнадцать, и я не хочу давить на нее родительским авторитетом.

— Наоборот. Только это ты и делаешь. Но всякий раз она смотрит вот так на тебя своими чистыми невероятными глазами и говорит что-нибудь вроде: «Мама, ты чувствуешь себя виноватой в том, что у меня нет отца, а потому решила, что Вселенная хочет покарать тебя за это и отнять меня. Все это — глупое суеверие».

Инсигна нахмурилась.

— Сивер, мне еще не приходилось слышать подобной ерунды. Я ничего такого не чувствую и не почувствую.

— Конечно же, нет. Я просто предполагаю. А вот Марлена ничего не предполагает. Она всегда знает, что тебя беспокоит — по движению большого пальца, или правой лопатки, или чего угодно, — и откровенно все тебе выложит. Да так, что ты не будешь знать, куда деваться от стыда, и в порядке самообороны согласишься на все, лишь бы она не разбирала тебя по кусочкам.

— Только не рассказывай мне, что она уже проделывала подобное с тобой.

— Только потому, что я ей нравлюсь и стараюсь держаться дипломатично. Я просто боюсь рассердить ее, ведь страшно подумать, на что она способна в гневе. Ты хоть понимаешь, что я удерживал ее? Уж оцени хотя бы это. Она собиралась выйти на Эритро на следующий день после полета, а я продержал ее здесь целый месяц.

— И как же тебе это удалось?

— Чистой софистикой. Сейчас декабрь. Я сказал ей, что через три недели Новый год — по земному стандартному времени — и открыть новую эру в истории Эритро лучше всего с начала года. А знаешь, ведь она так и воспринимает свой приезд на планету — как начало нового века. Что делает все только хуже.

— Почему?

— Потому что для нее это не личный каприз, а дело жизненно важное, и не только для Ротора — для всего человечества. Что еще можно сравнить с тем ощущением, когда и сам получаешь удовольствие, и можешь назвать этот процесс жизненно важным вкладом в процветание рода людского. Тут все себе простишь. Я сам так поступал, и ты тоже, да и любой человек. Насколько мне известно, даже Питт обнаруживает естественную склонность к этому занятию. Наверняка уже успел убедить себя в том, что и дышит лишь ради того, чтобы растениям Ротора хватало углекислоты.

— Значит, сыграв на честолубии, ты уговорил ее подождать?

— Да, и у нас останется неделя на поиски средства, чтобы остановить ее. Должен признаться, что я не смог одурачить ее. Подождать она согласилась, но сказала:

«Вам, дядя Сивер, кажется, что, задерживая меня, вы можете добиться капельки симпатии у моей мамы, так ведь? Весь ваш облик говорит, что наступление Нового года на самом деле не имеет никакого значения».

— Сивер, какая невероятная бестактность!

— Просто невероятная точность, Эутения. Наверное, это одно и то же.

Инсигна отвернулась.

— Моей симпатии? Ну что мне сказать...

— Зачем говорить? — немедленно перебил ее Генарр. — Я объяснил, что в молодости любил тебя и, постарев — или старея, — нахожу, что чувства мои не изменились. Но это мои сложности. Ты всегда была честна со мной и никогда не давала оснований для надежды. И если по собственной глупости я предпочитаю не считать «нет» окончательным ответом, это опять-таки тебя не должно волновать.

— Меня волнует, когда ты расстраиваешься...

— Ну вот, уже хорошо. — Генарр вымученно улыбнулся. — Гораздо лучше, чем вовсе ничего.

Инсигна с видимым облегчением возвратилась к прежней теме.

— Но, Сивер, если Марлена все поняла, почему же она согласилась подождать?

— Возможно, тебе это не понравится, но лучше все-таки знать правду. Марлена сказала мне: «Дядя Сивер, я подожду до Нового года, потому что и маме будет приятно, и вам я хочу помочь».

— Так и сказала?

— Пожалуйста, не сердись на нее. Наверное, мой ум и обаяние сделали свое дело, и она старается ради тебя.

— Прямо сваха, — проговорила Инсигна, не то довольная, не то удивленная.

— А вот мне подумалось, что, если ты сумеешь заставить себя обнаружить ко мне какой-нибудь интерес, нам, возможно, удастся подтолкнуть ее к поступкам, которые способны, на ее взгляд, этот интерес укрепить... Правда, твоя заинтересованность должна выглядеть достаточно правдоподобной, иначе она все поймет. Ну а если интерес будет реальным, ей не

придется идти на жертвы ради его укрепления. Ты поняла меня?

— Понимаю, — ответила Инсигна, — мало мне прощительности Марлены — так тут еще ты со своими приемами истинного макиавеллиста.

— Прямо в сердце, Эутения.

— Ну а почему не сделать попросту? Почему не отправить ее, наконец, обратно на Ротор?

— Связав по рукам и ногам? От безрассудства можно пойти и на это. Однако мне удалось понять, о чем она мечтает. И следом за Марленой я начинаю подумывать об освоении Эритро... Подумай, целый огромный мир...

— Дышать этими бактериями, пить их и есть? — Инсигна скривилась.

— Ну и что? Мы и так каждый день поглощаем их в неимоверном количестве. Нельзя же совершенно очистить от них Купол. Кстати, и на Роторе тоже есть бактерии. Их тоже пьют, едят и вдыхают.

— Но там знакомые бактерии, а здесь они инопланетного происхождения.

— Тем проще. Раз мы к ним не приспособлены, значит, и они к нам тоже. А посему они не могут сделаться паразитами, можешь считать их частью здешней пыли.

— А лихоманка?

— Безусловно, она и создает все сложности, когда речь заходит о таком простом деле, как выход Марлены из Купола. Но мы примем все меры предосторожности.

— Какие же?

— Во-первых, на Марлене будет защитный комбинезон, во-вторых, я сам пойду с ней. Буду при ней за канарейку.

— Как это — за канарейку?

— Так делали на Земле несколько столетий назад. Шахтеры брали с собой под землю канареек — знаешь, такие желтенькие птички. Если в воздухе появлялся газ, канарейка умирала первой, а люди, заметив опасность, успевали оставить шахту. Иными словами, если я странно себя поведу, мы оба немедленно окажемся здесь.

— А что если сперва это произойдет с ней?

— Сомневаюсь. Марлена считает себя иммунной. Она повторяла это уже столько раз, что я начал ей верить.

55

Никогда прежде не случилось Эутении Инсигне с таким страхом следить за календарем, ожидая наступления Нового года. Ведь календарь был пережитком прошлого, к тому же дважды измененным.

На Земле он отмечал времена года и даты, связанные с ними, — осеннего и весеннего равноденствия, зимнего и летнего солнцестояния — впрочем, повсюду они назывались по-разному.

Инсигна не забыла, как Крайл объяснял ей все хитросплетения календаря, мрачно и торжественно, как бывало всегда, когда речь заходила о чем-то напоминавшем ему Землю. Она усердно, но с опаской вслушивалась: усердно — потому, что всегда стремилась разделить его интересы, ведь это могло еще больше сблизить их; с опаской — потому, что память о Земле могла разлучить их, что в конце концов и произошло.

Странно, но Инсигну до сих пор мучили утрызения совести — правда, уже не так сильно. Ей казалось, что она уже плохо представляет себе Крайла, что помнит лишь воспоминания. Неужели только память о памяти разделяет теперь ее и Сивера Генарра?

Именно такая память о памяти заставляла Ротор по-прежнему придерживаться календаря. Времен года на Роторе не было, годы исчислялись по-земному, как и во всех поселениях в системе Земли и Луны, вращавшихся вокруг Солнца. Исключение составляли немногочисленные поселения около Марса и в поясе астероидов. Само понятие времени года становится бессмысленным, когда этого времени нет. И тем не менее люди считали годы, а также месяцы и недели.

Дни на Роторе были частью искусственных двадцатичетырехчасовых суток. Половину суток поселение обеспечивали солнечным светом, другая половина считалась ночью. Можно было использовать любой временной интервал, но сутки постановили считать равными земным и делили на двадцать четыре часа по шестьдесят минут в каждом, которые в свою очередь по-прежнему

состояли из шестидесяти секунд. Итак, день и ночь примерно составляли по двенадцать часов.

Обжившись в космосе, начали предлагать просто нумеровать дни, исчислять их десятками, сотнями и так далее: декадни, гектодни, килодни — а если в обратном направлении — децидни, сантидни, миллидни. Однако предложения были признаны абсолютно негодными.

Ни одно поселение не могло установить собственной системы исчисления времени, иначе торговля и сообщение погибли бы в наступившем хаосе. Единую основу по-прежнему могла предложить лишь Земля, на которой все еще обитало девяносто девять процентов всего человечества и к которой неразрывные узы традиций все еще приковывали оставшийся процент. Память заставляла Ротор, как и все поселения, придерживаться календаря, в общем-то бессмысленного для них.

Но теперь Ротор оставил Солнечную систему и превратился в обособленный мир. Дни, месяцы и годы в земном смысле слова перестали для него существовать. Но хотя солнечный свет уже не отделял день от ночи, дневное искусственное освещение по-прежнему сменялось тьмой — и наоборот — каждые двенадцать часов. Резкий переход не смягчали искусственными сумерками. Не было необходимости. Каждый поселенец был волен включать свет в своем доме по прихоти и по необходимости. Но дни отсчитывались по времени поселения, то есть земному.

Даже здесь, под Куполом на Эритро, где естественный день сменялся естественной ночью, — хоть их продолжительность не вполне соответствовала таковой в поселении, — счет времени вели по-земному (снова память о памяти).

Правда, некоторые уже ратовали за отход от патриархальных тенденций. Инсигна знала, что Питт был сторонником перехода к десятичной системе, однако опасался объявлять об этом открыто, чтобы не вызвать яростного сопротивления.

Однако ничто не вечно. Традиционная вереница месяцев и недель постепенно теряла значение, привычные некогда праздники забывались все чаще. Инсигна в своей работе пользовалась сутками лишь в качестве единиц измерения. Настанет время, и старый календарь

умрет; появятся новые, лучшие способы измерения времени — галактический календарь, например.

Но сейчас она с трепетом ждала приближения этой совершенно ничего не значившей даты — Нового года. На Земле Новый год отмечали во время солнцестояния: в северном полушарии — зимнего, в южном — летнего. Такое положение дел было как-то связано с вращением Земли вокруг Солнца, но лишь астрономы Ротора помнили теперь, как именно.

Для Инсигны Новый год означал выход Марлены на поверхность Эритро. Дату назначил Сивер Генарр, стараясь потянуть время. Инсигна согласилась с ним лишь потому, что надеялась, что девочка передумает.

Инсигна вынырнула из глубин памяти и обнаружила прямо перед собой Марлену, серьезно смотревшую на мать. Когда она вошла в комнату? Неужели Инсигна так задумалась, что не услышала ее шагов?

— Привет, Марлена, — тихо, почти шепотом сказала Инсигна.

— Мама, ты грустишь.

— Марлена, чтобы это заметить, не нужно обладать сверхъестественной проницательностью. Ты еще не передумала выходить на поверхность Эритро?

— Нет.

— Ну почему, Марлена, ну почему? Ты можешь объяснить мне это так, чтобы я наконец понял?

— Не могу, потому что ты не хочешь понять. Она зовет меня.

— Кто зовет?

— Эритро. Она ждет меня. — Обычно серьезное лицо Марлены озарила легкая улыбка.

Инсигна фыркнула.

— Когда я слышу от тебя такие слова, мне кажется, что ты уже схватила эту самую...

— Лихоманку? Нет, мама. Дядя Сивер только что сделал мне очередное сканирование. Я хотела отказаться, но он сказал, что это нужно для сравнения. Я совершенно нормальна.

— Сканирование тут не поможет, — нахмурилась Инсигна.

— Материнские опасения тоже, — ответила Марлена и, смягчившись, добавила: — Мама, я знаю, что ты

тянешь время, но я не хочу ждать. Дядя Сивер мне обещал. Хоть в дождь, хоть в бурю — я выйду. Впрочем, в это время года здесь не бывает сильных ветров и температурных перепадов. Здесь вообще редко бывает плохая погода. Это просто чудесный мир.

— Но он же мертв, безжизнен. Какие-то бактерии не в счет, — недобро заметила Инсигна.

— Дай время, и мы заживем здесь привычной жизнью, — Марлена мечтательно посмотрела вдаль. — Я уверена.

56

— Э-комбинезон вещь простая, — пояснил Сивер Генарр. — В нем не почувствуешь перепада давления. Это не водолазный или космический скафандр. У него есть шлем, запас сжатого воздуха с регенератором и небольшой теплообменник, чтобы поддерживать необходимую температуру. Конечно же, он герметичен.

— А он подойдет мне? — поинтересовалась Марлена, без особого энтузиазма глядя на толстую псевдоткань.

— Не слишком модный, — продолжал Генарр, поблескивая глазами, — но делали его для удобства, а не для красоты.

— Дядя Сивер, — строго сказала Марлена, — мне все равно, как я буду в нем выглядеть. Но мне бы не хотелось, чтобы он оказался мне велик. Мне будет неудобно в нем ходить.

Тут в разговор вмешалась Эугения Инсигна. Побледнев и сжав губы, она стояла в стороне и наблюдала за ходом событий.

— Марлена, костюм нужен для безопасности. Тут уж не до жиру — быть бы живу.

— Но он не должен быть неудобным, мама. Пусть его подгонят по мне.

— Этот должен быть впору, — проговорил Генарр. — Лучшего мы не сумели найти. Все-таки у нас в основном большие размеры. — Он повернулся к Инсигне. — Последние годы мы редко пользуемся ими. Когда лихоманка поутихла, мы провели кое-какие исследования и теперь знаем окрестности достаточно

хорошо. А в тех редких случаях, когда нужно выйти наружу, используем крытые э-кары.

— Надо было и нам так сделать.

— Нет, — недовольно возразила Марлена, — я уже летала, а теперь хочу прогуляться пешком.

— Ты просто с ума сошла! — воскликнула Инсигна. Марлена вспыхнула:

— Если ты не перестанешь...

— Где же твоя проницательность? Ведь я не пролихоманку, а про то, что ты и в самом деле сошла с ума — самым обычным образом. Ах, Марлена, ты меня с ума сведешь. — Инсигна повернулась к Генарру. — Сивер, если ваши э-комбинезоны старые, можно быть уверенным, что они не прохудились?

— Эугения, мы все проверили. Уверяю тебя, они в полном порядке. И не забывай, что я тоже пойду — в таком же комбинезоне, как и Марлена.

Инсигна лихорадочно искала повод, чтобы задержать их.

— Ну хорошо, а если вдруг понадобится... — И она многозначительно махнула рукой.

— По нужде? Ты про это? Можно, только не слишком удобно. Но об этом не должно быть и речи. Мы должны выдержать несколько часов. К тому же далеко мы не пойдем — чтобы при необходимости можно было немедленно вернуться. Ну, нам пора. Погода хорошая — следует воспользоваться случаем. Эй, Марлена, дай-ка я помогу тебе застегнуть.

— Похоже, у тебя прекрасное настроение, — раздраженно бросила Инсигна.

— А почему бы и нет? Сказать по правде, я с удовольствием пройду. Под Куполом иногда кажется, что сидишь в тюрьме. Быть может, если бы мы время от времени предпринимали такие вылазки, люди выдерживали бы здесь гораздо дольше. Ага, Марлена, осталось только надеть шлем.

Марлена заколебалась.

— Минутку, дядя Сивер. — Она направилась к матери, протянув руку, такую толстую в комбинезоне.

Инсигна с отчаянием смотрела на дочь.

— Мама, — сказала Марлена. — Еще раз прошу, успокойся, пожалуйста. Я люблю тебя и не стала бы

затевать этого ради собственного удовольствия. Я делаю так потому, что уверена — все будет в порядке. Держу пари, тебе хочется влезть в э-комбинезон и самой приглядывать за мной. Только не нужно этого делать.

— Почему, Марлена? Если с тобой что-нибудь случится, а я не смогу помочь — ведь я никогда себе этого не прощу.

— Со мной ничего не случится, но даже если бы и случилось — что ты сможешь сделать? К тому же ты так страшишься Эритро, что, боюсь, лихоманка прицепится скорее к тебе. Что тогда будем делать?

— Эугения, она права, — вмешался Генарр. — Я буду рядом с ней. А тебе лучше остаться и постараться успокоиться. Все э-комбинезоны радиофицированы. Мы с Марленой сможем переговариваться между собой и с Куполом. Обещаю тебе: если она поведет себя не так, как надо, — я сразу же приведу ее назад.

Качая головой, Инсигна обреченно следила, как шлем закрыл сначала голову Марлены, а потом и Генарра. Они подошли к главному воздушному шлюзу Купола, и Инсигна проводила их взглядом. Процедуру эту она знала наизусть — как и положено поселенке.

Хитроумно организованное управление перепадом давления обеспечивало воздухообмен только в одном направлении — из Купола в атмосферу Эритро. За ходом процесса следил компьютер: возможность проникновения воздуха в обратном направлении таким образом была исключена.

Когда открылась внутренняя дверь, Генарр шагнул в шлюз и поманил за собой Марлену. Она вошла, и дверь закрылась за нею. В груди Инсигны что-то оборвалось. Она впилась взглядом в приборы — по их показаниям она знала, когда отвалилась наружная дверь, когда она медленно вернулась на место. Ожил голоэкрэн — и перед Инсигной появились две фигуры в костюмах, стоявшие на бесплодной почве Эритро.

Один из инженеров передал Инсигне маленький наушник, она вставила его в правое ухо. Под подбородком был такой же крохотный микрофон. В ухе ее раздался голос:

— Включаю радиоконтакт...

И тут же Инсигна услышала знакомый голос Марлены:

— Мама, ты меня слышишь?

— Да, дорогая, — ответила Эугения — и сама не узнала своего голоса.

— Мы вышли, здесь просто великолепно! Прекраснее и быть не может.

— Да, дорогая, — упавшим голосом сказала Инсигна, не зная, увидит ли родную дочь в здравом уме и памяти.

57

Сивер Генарр с облегчением ступил на поверхность Эритро. За спиной его уходила вверх стена Купола, но Генарр даже не оглянулся, чтобы сразу насладиться ароматом этого мира.

Ароматом... Это слово не имело никакого смысла здесь, на поверхности Эритро. За надежной стенкой шлема Генарр дышал воздухом, очищенным и обработанным внутри Купола. И запаха планеты чувствовать не мог.

Его охватило ощущение странного счастья. Под ногами похрустывали камешки: поверхность Эритро была покрыта гравием. Между частицами гравия было то, что Генарр назвал про себя почвой. Конечно же, вода и воздух давно разрушили первородные скалы на поверхности планеты, да и вездесущие прокариоты во всем своем несчетном множестве миллиарды лет усердно трудились над ними.

Почва пружинила под ногами. Вчера весь день шел дождь — мелкий, морозящий, такой, каким он мог быть только здесь, на Эритро.

Почва до сих пор была влажной, и Генарр представлял себе частички почвы — крошечные песчинки, частички суглинка и глины, покрытые водяной пленкой. В этой пленке блаженствовали прокариоты, не жились в лучах Немезиды, строили сложные протеины из простых. Тем временем другие прокариоты, нечувствительные к свету своего солнца, поглощали энергию, заключенную в многочисленных останках маленьких клеток, триллионами и триллионами погибавших ежесекундно повсюду.

Марлена стояла рядом и смотрела.

— Не смотри на Немезиду, Марлена, — негромко сказал Генарр.

Голос Марлены раздался прямо в его ухе. В нем не чувствовалось ни страха, ни неуверенности. Наоборот ее голос был полон тихой радости.

— Я смотрю на облака, дядя Сивер.

Генарр шурясь взглянул в темное небо и увидел зеленовато-желтые облака, которые закрывали Немезиду и рассеивали оранжевое сияние.

Вокруг царил покой: ни звука, ни шороха. Ничто не чирикало, не визжало, не ревело, не стрекотало, не ворчало и не скрипело. Не было листьев — чтобы шелестеть, насекомых — чтобы жужжать. Во время редкой здесь грозы можно было услышать раскаты грома, да ветер, случалось, вздыхал среди валунов. Но в спокойный и ясный день вокруг царило безмолвие.

Генарр заговорил, чтобы убедиться, что он не оглох, что кругом действительно так тихо. Впрочем, сомневаться вряд ли стоило — ведь он слышал в скафандре собственное дыхание.

— С тобой все в порядке, Марлена?

— Просто великолепно. Ой, а вон ручей! — И она косолапо побежала в своем неуклюжем э-комбинезоне.

— Осторожнее, Марлена, не поскользись, — сказал Генарр.

— Я буду внимательной.

Ее голос отчетливо звучал в наушниках Сивера, а сама она была уже далеко.

Внезапно в ухе Генарра взорвался голос Эутении Инсигны:

— Сивер, почему Марлена бежит? — Она немедленно добавила: — Марлена, почему ты бежишь?

Ответа не последовало. Пришлось отозваться Сиверу:

— Эутения, она хочет взглянуть на какой-то ручеек.

— С ней все в порядке?

— Конечно. Здесь просто невероятно красиво. Когда привыкаешь, начинаешь даже забывать, что вокруг ни былинки... Как на абстрактной картине.

— Сивер, мне не до искусства. Не отпускай ее от себя.

— Не беспокойся. Мы с ней поддерживаем постоянную связь. Вот сейчас она слышит, что мы с тобой

говорим, но не отвечает — не хочет, чтобы ей мешали. Эугения, расслабься. Марлена просто наслаждается. Не порти ей удовольствие.

Генарр действительно был убежден, что Марлене приятно. Почему-то он и сам был доволен.

Марлена бежала вдоль ручья, вверх по течению. Генарр неторопливо следовал за ней. Пусть себе радуется, думал он.

Купол стоял на небольшом возвышении, и повсюду вокруг него змеились неторопливые ручейки, километрах в тридцати отсюда сливавшиеся в довольно большую реку, которая, в свою очередь, впадала в море.

Ручьи были, конечно, здешней достопримечательностью. Они обеспечивали Купол водой. Прежде чем использовать, в ней уничтожали прокариоты. Когда Купол строили, некоторые биологи возражали против уничтожения прокариотов... Экая нелепость! Эти маленькие искорки жизни изобилуют повсюду, ничто не мешает им размножаться, чтобы скомпенсировать любые утраты, а значит, и обеззараживание воды не могло повредить здешней жизни как таковой. Но потом началась лихоманка, у поселенцев появилась враждебность к Эритро, и о судьбе прокариотов в Куполе беспокоиться перестали.

Конечно, теперь, когда лихоманка уже не казалась такой опасной, гуманные — или биогуманные — чувства могли пробудиться снова. В принципе, Генарр тоже не стал бы возражать — но где тогда брать воду для Купола?

Он задумался и уже не глядел за Марленой. Внезапно оглушительный вопль в ухе вернул его к реальности. — Марлена! Марлена! Сивер, что она делает?

Он хотел привычно успокоить Инсигну, но тут увидел Марлену.

Какое-то время он даже не мог понять, чем она занята. Он стал вглядываться в фигурку девушки, освещенную розовым светом Эритро.

И наконец он понял: она отстегнула шлем, потом сняла его... потом взялась за э-комбинезон.

Нужно немедленно остановить ее!

Генарр хотел окликнуть Марлену, но от ужаса и неожиданности словно онемел. Он попробовал бежать,

но ноги вдруг стали свинцовыми и не реагировали на приказы мозга.

Он словно очутился в страшном сне: вокруг творился кошмар, а он никак не мог изменить ход событий. Или от неожиданности он лишился разума?

Неужели лихоманка все-таки поразила меня? — промелькнуло в голове Генарра. — А если так — что будет с Марленой, беззащитной перед светом Немезиды и воздухом Эритро?

Глава 26

ПЛАНЕТА

58

За те три года, что, сменив Танаяму, Игорь Коропатский был руководителем — хоть и номинальным — работ по проекту, Крайл Фишер видел его всего два раза.

Впрочем, когда фотовход показал на экране лицо Коропатского, Фишер сразу же узнал его. Тот не изменился: все такой же дородный и добродушный — внешне, — хорошо одет, с большим новомодным галстуком.

Что касается Фишера, то он был с утра не в форме — однако Коропатского ждать не заставишь, даже если он нагрязнел без предупреждения.

Будучи человеком вежливым, Фишер подал на входной экран изображение хозяина (в некоторых особо важных случаях использовалось изображение хозяйки), приподнявшего руку в традиционном жесте, призывающем повременить, что позволит избежать необходимости самому приносить объяснения, которые могли бы оказаться неудачными. Фишер быстро причесался и привел в порядок одежду. Надо было бы побриться, но такую задержку Коропатский, скорее всего, счел бы уже оскорбительной.

Дверь поползла в сторону, Коропатский вошел. Приятно улыбнувшись, он проговорил:

— Доброе утро, Фишер. Я понимаю, что помешал.

— Что вы, директор, — ответил Фишер, стараясь, чтобы голос его звучал искренне. — Но если вам нужна доктор Уэндел, боюсь, что она сейчас уже на корабле.

— Так я и думал, — проворчал Коропатский. — Значит, мне придется переговорить с вами. Разрешите присесть?

— Конечно же, конечно же, директор, — пробормотал Фишер, устыдившись собственной нерасторопности; ему следовало самому предложить Коропатскому сесть. — Не желаете ли чем-нибудь освежиться?

— Нет, — Коропатский похлопал себя по животу. — Я взвешиваюсь каждое утро, и этой процедуры достаточно, чтобы отбить всякий аппетит — почти всегда. Фишер, мне еще не представлялось возможности поговорить с вами с глазу на глаз, как мужчине с мужчиной. А я всегда хотел этого.

— С удовольствием, директор, — пробормотал Фишер, начиная беспокоиться. Что-то сейчас будет?

— Наша планета в долгу перед вами.

— Ну что вы, директор, — ответил Фишер.

— Вы жили на Роторе до того, как он улетел.

— Это было четырнадцать лет назад, директор.

— Я знаю. Вы были женаты, и у вас там остался ребенок.

— Да, директор, — негромко ответил Фишер.

— Но вы вернулись на Землю перед самым отлетом Ротора из Солнечной системы.

— Да, директор.

— Благодаря услышанным вами и здесь повторенным словам и вашей удачной догадке Земля обнаружила Звезду-Соседку.

— Да, директор.

— Потом вы сумели привезти Тессу Уэндел на Землю.

— Да, директор.

— И уже восемь лет обеспечиваете ее пребывание здесь, составляя ее счастье, хе-хе...

Он усмехнулся, и Фишер подумал, что, стой они рядом, Коропатский ткнул бы его локтем в бок — как это принято у мужиков.

— Мы в хороших отношениях, директор, — осторожно ответил он.

— Но вы так и не женились.

— Официально я еще женат, директор.

— Но вы же расстались четырнадцать лет назад. Развод было бы несложно оформить.

— У меня еще есть дочь.

— Она останется вашей дочерью, женитесь вы вторично или нет.

— Развод в известной степени пустая формальность.

— Может быть. — Коропатский кивнул. — Наверное, так лучше. Вы знаете, что сверхсветовой звездолет готов к полету. Мы предполагаем, что старт состоится в начале 2237-го года.

— Это же мне говорила и доктор Уэндел, директор.

— Нейронные детекторы установлены и прекрасно работают.

— Мне говорили и это, директор.

Сложив руки на груди, Коропатский многозначительно кивнул. Потом быстро взглянул на Фишера и спросил:

— А вы знаете, как эта штука работает?

Фишер покачал головой.

— Нет, сэр, об этом я ничего не знаю.

Коропатский вновь кивнул.

— Я тоже. Придется положиться на доктора Уэндел и наших инженеров. Впрочем, кое-чего не хватает.

— Что? — Фишера словно холодом обдало. Новая задержка! — Чего же не хватает, директор?

— Связи. Мне лично кажется, что, если можно заставить корабль нестись быстрее света, можно и придумать устройство, которое будет посылать волны — или что-нибудь еще — тоже быстрее света. Мне кажется, это куда проще, чем создать сверхсветовой звездолет.

— Не могу сказать, директор.

— А доктор Уэндел уверяет меня в обратном, что эффективного способа сверхсветовой связи не существует. Когда-нибудь, мол... Но когда? Ожидать, по ее мнению, нет смысла — поскольку на это может уйти много времени.

— Я тоже не хочу больше ждать, директор.

— Да-да, это и меня беспокоит. Мы и так ждем уже много лет, мне тоже не терпится увидеть, как стартует корабль. Но как только это свершится, мы потеряем с ним связь.

Он задумчиво кивнул. Фишер постарался сохранить на лице внимательное выражение. (В чем дело? Что обеспокоило этого старого медведя?)

Коропатский взглянул на Фишера.

— Значит, вы знаете, что Звезда-Соседка приближается к нам?

— Да, директор, я слышал об этом, однако все полагают, что звезды разойдутся на значительном расстоянии без всяких последствий.

— Да, мы хотим, чтобы люди так думали. Но дело в том, Фишер, что Звезда-Соседка пройдет так близко, что вызовет возмущение орбитального движения Земли.

Фишер потрясенно замер.

— Неужели она погубит нашу планету?

— Не физически. Просто резко переменится климат, и Земля сделается необитаемой.

— Это точно? — Фишер не мог поверить своим ушам.

— Не знаю, что у этих ученых бывает точно. Однако они убеждены, что нам пора начинать подготовку. Впереди еще пять тысяч лет, а мы уже имеем сверхсветовой звездолет — если он полетит, конечно.

— Доктор Уэндел убеждена в этом, директор, и я тоже не сомневаюсь...

— Надеюсь, что ваша уверенность имеет под собой достаточные основания. Тем не менее, хоть у нас впереди еще пять тысяч лет и Земля получила сверхсветовой звездолет, наше положение все равно скверное. Чтобы вывезти население в подходящие для обитания миры, нам потребуется сто тридцать тысяч подобных Ротору поселений — необходимо вывезти восемь миллиардов человек, к тому же надо прихватить достаточно растений и животных, чтобы начать новую жизнь. То есть нам придется отправлять к звездам двадцать шесть Ноевых ковчегов в год, начиная прямо с сегодняшнего дня. И то, если население за это время не увеличится.

— Ну уж двадцать шесть-то в год мы одолеем, — осторожно заметил Фишер. — За столетия накопим опыт, да и контроль за численностью населения уже действует не первое десятилетие.

— Отлично. Тогда скажите мне вот что. Мы поднимаем в космос все население Земли в ста тридцати

тысячах поселений, используем на это все ресурсы Земли, Луны, Марса и астероидов, оставим Солнечную систему на милость гравитационного поля Звезды-Соседки — и куда же мы отправимся?

— Не знаю, директор, — ответил Фишер.

— Нам придется отыскать планету, достаточно похожую на Землю, — чтобы обойтись без лишних расходов по ее преобразованию. Об этом следует подумать, и сейчас, а не через пять тысяч лет.

— Но если пригодных планет вблизи не окажется, можно оставить поселения на орбитах возле какой-нибудь звезды. — Фишер описал пальцем кружок.

— Дорогой вы мой, это невозможно.

— При всем уважении к вам, директор, здесь, в Солнечной системе, это возможно.

— Увы! Сколько бы ни строилось поселений, девяносто девять процентов человечества живут на одной планете. Так что человечество — это мы, а поселения — так, легкий пушок на нашей шкуре. Может шерсть существовать сама по себе? Пока ничто не свидетельствует об этом, и я тоже не допускаю подобной возможности.

— Возможно, вы правы, — проговорил Фишер.

— Возможно? Что вы, здесь не может быть и тени сомнения! — с жаром возразил Коропатский. — Поселенцам уютно нас презирать, но им никуда не деться от нас. Мы их история. Мы модель их бытия. Мы живительный источник, к которому они вновь и вновь будут припадать, чтобы почерпнуть новые силы. Без нас они погибнут.

— Возможно, вы правы, директор, но никто еще не проверял этого. Не было случая, чтобы поселение пыталось прожить без планеты.

— Такие попытки были. В начале земной истории люди заселяли острова, изолированные от материка. Ирландцы заселили Исландию, норвежцы Гренландию, мятежники — остров Питкэрн, полинезийцы — остров Пасхи. Колонии иногда хирели, иногда исчезали полностью. Вдалеке от континента не образовалась ни одна цивилизация, в лучшем случае это происходило на прибрежных островах. Человечеству нужно пространство, просторы, разнообразие, горизонт... и граница. Вы меня поняли?

— Да, директор, — ответил Фишер. — Если и не совсем, все равно спорить не о чем.

— Итак, — Коропатский постучал указательным пальцем правой руки по левой ладони, — нам необходимо отыскать планету, по крайней мере такую, с которой можно начать. А это заставляет нас вновь обратиться к Ротору.

Фишер удивленно поднял брови.

— К Ротору, директор?

— Да, четырнадцать лет миновало с тех пор, как они улетели. Интересно, что с ними случилось?

— Доктор Уэндел полагает, что они, скорее всего, погибли.

Фишер говорил, преодолевая себя. Мысль эта всегда доставляла ему боль.

— Знаю, я говорил с нею и не стал оспаривать ее мнение. Но мне хотелось бы узнать, что обо всем этом думаете вы.

— Ничего, директор. Просто надеюсь, что они выжили. У меня ведь дочь на Роторе.

— Быть может, она жива и до сих пор. Подумайте. Что могло бы погубить их? Поломка, неисправность? Ротор не корабль, и он проработал исправно в течение пятидесяти лет. Он просто перебрался отсюда к Звезде-Соседке через пустое пространство — а что может быть безопаснее пустоты?

— Но карликовая черная дыра, случайный астероид...

— Сомнительные перспективы... Почти невероятные — так уверяют меня астрономы. Или, может быть, гиперпространство обладает какими-то характерными особенностями, способными погубить Ротор? Но мы уже не первый год экспериментируем с ним и пока ничего страшного не обнаружили. Остается только предположить, что Ротор благополучно добрался до ближайшей к Солнцу звезды — если только он действительно летел к ней, а все дружно сходятся на том, что лететь в другое место не имело никакого смысла.

— Мне было бы приятно узнать, что их перелет окончился благополучно.

— Но тогда возникает следующий вопрос: если Ротор застрял у этой звезды, что они там делают?

— Живут... — Фишер не то спросил, не то сказал утвердительно.

— Но как? Они на орбите этой звезды? И одинокое поселение совершает свой бесконечный путь вокруг красного карлика? Не верю. Деградация неминуема, и признаки ее сразу же станут очевидными. Не сомневаюсь, их ждет быстрый упадок.

— Они умрут? Вы так считаете, директор?

— Нет. Сдадутся и вернутся домой. Признают свое поражение и возвратятся домой в безопасность. Однако до сих пор они не сделали этого. А знаете почему? Я полагаю, что они отыскиали возле Звезды-Соседки пригодную для обитания планету.

— Но, директор, около красного карлика не может быть планет, пригодных для жизни. Или там не хватает энергии, или огромный приливный эффект... — Помолчав, он сокрушенно добавил: — Доктор Уэндел объясняла мне...

— Да, астрономы объясняли это и мне, но, — Коропатский покачал головой, — мой собственный опыт свидетельствует, что какую бы самоуверенность ни проявляли ученые, природа всегда найдет, чем их удивить. Кстати, вы не задумывались, почему мы отпускаем вас в это путешествие?

— Да, директор... потому, наверное, что ваш предшественник обещал мне такое вознаграждение.

— У меня для этого есть куда более веские основания. Мой предшественник был великим человеком, достойным восхищения, но, в конце концов, он был просто больным стариком. Врачи считали его параноиком. Он решил, что Ротор знал о том, что грозит Земле, и бежал, не предупредив нас, в надежде на то, что Земля погибнет; и что Ротор следует покарать за это. Однако он умер, а распоряжаюсь теперь я: человек я не старый, не больной, не параноик. И если Ротор цел и находится возле Звезды-Соседки, я не намереваюсь причинять ему вред.

— Я рад это слышать, директор, но не следовало ли обсудить все это и с доктором Уэндел, ведь она капитан корабля?

— Фишер, доктор Уэндел — поселенка, а вы лояльный землянин.

— Доктор Уэндел верой и правдой многие годы служила Земле, строя звездолет.

— В том, что она верна своей работе, сомневаться не приходится. Но верна ли она Земле? Можем ли мы рассчитывать, что в отношениях с Ротором она будет придерживаться намерений Земли?

— А можно поинтересоваться, директор, каковы эти намерения? Я понимаю, что теперь никто уже не стремится наказать поселение за сокрытие сведений от Земли.

— Вы правы. Нам необходимо добиться сотрудничества, напомнить о кровном братстве, пробудить самые теплые чувства. Установите дружеские отношения и немедленно возвращайтесь — с информацией о Роторе и этой планете.

— Если все это рассказать доктору Уэндел, если объяснить ей — она, конечно, согласится с вами.

Коропатский усмехнулся.

— Естественно, но вы ведь понимаете, как обстоит дело. Она отличная женщина, я не вижу в ней ни одного недостатка — но ей уже за пятьдесят.

— Ну и что? — Фишер как будто обиделся.

— Она должна понимать, что, вернувшись с жизненно важной информацией об успешном сверхсветовом полете, она немедленно приобретет в наших глазах еще большую ценность, мы будем требовать от нее новых, более совершенных сверхсветовых судов, попросим, чтобы она подготовила молодых пилотов таких звездолетов. Конечно же, она уверена, что ее никто не отпустит в гиперпространство второй раз — ведь такими ценными специалистами не рискуют. Поэтому, прежде чем вернуться домой, у нее может возникнуть желание попутешествовать. Трудно противиться искушению — новые звезды, новые горизонты. Но мы-то согласны рискнуть только раз — она должна долететь до Ротора, собрать нужную информацию и вернуться. Мы не можем позволить себе тратить время впустую. Вы меня поняли? — Голос Коропатского сделался жестким.

Фишер сглотнул.

— Но у вас же не может быть причины...

— У меня есть все причины. Положение доктора Уэндел здесь всегда в известной мере было неопределенным. Она же поселенка. Вы меня понимаете, я надеюсь. Ни от кого из жителей Земли мы так не

зависим, как от нее, поселенки. Мы детально изучали ее психологию — она об этом и знать не знала — и теперь убеждены: если представится возможность, она отправится дальше. А ведь связи с Землей не будет. Мы не будем знать, где она, что делает, жива ли она, наконец.

— Почему вы говорите все это мне, директор?

— Потому что знаем, какое влияние на нее вы имеете. И она подчинится вам — если вы проявите твердость.

— Мне кажется, директор, что вы переоцениваете мои возможности.

— Уверен, что это не так. Вас мы тоже изучили и прекрасно знаем, насколько наш милый доктор привязана к вам. Возможно, вы даже сами не догадываетесь — насколько. Кроме того, мы знаем, что вы верный сын Земли. Вы могли улететь вместе с Ротором, но вернулись, оставив жену и дочь. Более того, вы сделали это, прекрасно понимая, что мой предшественник, директор Танаяма, обвинит вас в провале — ведь вы вернулись без информации о гиперприводе — и ваша карьера окажется под большим вопросом. Я удовлетворен этим и считаю, что могу на вас положиться, что доктор Уэндел окажется под строгим присмотром, что вы немедленно доставите ее обратно и на этот раз — на этот раз — вернетесь со всей необходимой информацией.

— Попытаюсь, директор, — проговорил Фишер.

— Я слышу сомнение в вашем голосе, — сказал Коропатский. — Поймите, как важно то, о чем я вас прошу. Мы должны знать, что они делают, что успели сделать и на что похожа планета. Обладая такими сведениями, мы сообразим, что и как нам делать дальше. Фишер, нам нужна планета, и нужна немедленно. Поэтому нам ничего другого не остается, как отобрать ее у Ротора.

— Если она существует, — хриплым голосом ото- звался Фишер.

— Лучше бы ей существовать, — сказал Коропат- ский. — От этого зависит судьба человечества.

Глава 27

ЖИЗНЬ

59

Сивер Генарр медленно открыл глаза и заморгал от яркого света. Все казалось расплывчатым, и он не мог понять, где находится.

Постепенно все вокруг приобрело четкие очертания, и Генарр узнал Рене Д'Обиссон, главного невролога Купола.

— Что с Марленой? — слабым голосом спросил Генарр.

— С ней все в порядке, — угрюмо ответила Д'Обиссон. — Сейчас меня беспокоите вы.

Где-то внутри шевельнулась тревога, и Генарр попытался утопить ее в черном юморе:

— Если бы ангел лихоманки уже распростер надо мною крылья, мне было бы, наверное, гораздо хуже.

Д'Обиссон не ответила, и Генарр резко спросил:

— Я здоров?

Врач словно ожила. Высокая и угловатая, она склонилась над Генарром, в уголках пронизательных голубых глаз собрались тонкие морщинки.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она, опять не отвечая на вопрос.

— Устал. Очень устал. Но ведь все в порядке? Да?

— Вы проспали пять часов, — упорно не отвечая на его вопросы, сообщила она.

Генарр застонал.

— Но я чувствую себя усталым. И вообще — мне нужно в ванную... — И он попытался сесть.

Повинуясь знаку Д'Обиссон, к нему приблизился молодой человек и почтительно поддержал за локоть. Генарр с негодованием отмахнулся.

— Пожалуйста, не сопротивляйтесь, пусть он поможет, — проговорила Д'Обиссон. — Диагноз еще не поставлен.

Через десять минут Генарр снова оказался в постели.

— Значит, нет диагноза. А сканирование проводили? — с тревогой спросил он.

— Естественно, сразу же.

— Ну и как?

Д'Обиссон пожала плечами.

— Ничего существенного — но вы же спали. Придется повторить. И вообще — надо понаблюдать за вами.

— Зачем? Разве результатов сканирования мало?

Она подняла брови.

— А вы как полагаете?

— Не морочьте мне голову. Куда вы клоните? Говорите прямо. Я не младенец.

Д'Обиссон вздохнула.

— В известных нам случаях лихоманки сканирование мозга выявило интересные подробности, но мы не смогли сравнить их с тем, что было до заболевания, поскольку никого из больных не обследовали непосредственно перед началом болезни. После того как мы разработали подробную программу универсального сканирования всего персонала Купола, явных случаев лихоманки не обнаружено. Разве вы этого не знаете?

— Не пытайтесь подловить меня, — возмутился Генарр. — Конечно, знаю — или вы думаете, что я все забыл? Могу заключить — могу, понимаете? — что, сравнив прежние результаты с сегодняшними, вы не обнаружили никаких различий. Разве не так?

— Конечно, ничего плохого у вас нет, но ваш случай может иметь клиническое значение.

— А если вы ничего не найдете?

— Небольшие изменения легко прозевать, если не искать их специально. В конце концов, командир, вы упали в обморок. Раньше такой склонности за вами не замечалось.

— Тогда давайте еще раз проведем сканирование, раз я проснулся, и, если опять пропустим что-нибудь несущественное, я, пожалуй, переживу. Но что с Марленой? С ней все в порядке?

— Внешне — да. Ее поведение, в отличие от вашего, оставалось нормальным. Она не падала в обморок.

— Значит, она в безопасности, под Куполом?

— Да, ведь она привела вас, прежде чем вы потеряли сознание. Разве вы не помните?

Генарр вспыхнул и что-то неразборчиво пробурчал.

Д'Обиссон одарила его саркастическим взглядом.

— Будем надеяться, командир, что вы расскажете нам все, что помните. Постарайтесь. Это может оказаться важным.

Генарр попытался вспомнить, но это оказалось нелегко. Все, что случилось, было затянуто какой-то дымкой, как во сне.

— Марлена сняла э-комбинезон... — вяло выговорил он. — Так?

— Так. В Купол она вошла без костюма, и нам пришлось за ним посылать.

— Хорошо. Заметив, что она делает, я попытался остановить ее. Помню крик доктора Инсигны — она-то и переполошила меня. Марлена стояла вдалеке — у ручья. Я пытался окликнуть ее, но почему-то не мог произнести даже звука. Я хотел... хотел...

— Бежать, — помогла ему Д'Обиссон.

— Да, но... но...

— Вы обнаружили, что не в состоянии бежать, словно вас парализовало. Я не ошибаюсь?

Генарр кивнул.

— Да. Именно так. Я хотел бежать, и ощущение было таким, как в кошмарном сне, когда за тобой кто-то гонится, а ты хочешь убежать — и не можешь...

— Да. Такое снится обычно тогда, когда рука или нога запуталась в простыне.

— Все было как во сне. Наконец голос вернулся ко мне, и я закричал, но без э-комбинезона она наверняка не могла меня услышать.

— А вы чувствовали, что теряете сознание?

— Нет. Я ощущал такую слабость, что мог бы, пожалуй, даже не стараться бежать. А потом Марлена меня

увидела и побежала навстречу. И больше — если честно, Рене, — я ничего не помню.

— Вы вместе пришли в Купол, — спокойно сказала Д'Обиссон. — Она помогала вам, поддерживала. Оказавшись внутри, вы потеряли сознание, и вот вы здесь.

— Вы полагаете, что я схватил лихоманку?

— С вами произошло что-то непонятное, но сканирование мозга ничего не показывает. Я озадачена. Вот так.

— Наверно, я был потрясен, увидев, что Марлене грозит опасность. Почему она решила снять э-комбинезон, если... — Генарр умолк.

— Если у нее не началась лихоманка. Так?

— Именно об этом я и подумал.

— Но она выглядит просто прекрасно. Может быть, вы поспите еще?

— Нет. Я окончательно проснулся. Приступим лучше к сканированию — хочу убедиться, что все в порядке. Словно гора с плеч свалилась. И я немедленно займусь делами, невзирая на ваше сопротивление, крокопийца.

— Командир, даже если сканирование ничего не покажет, по крайней мере двадцать четыре часа вы проведете в постели. Для надежности — вы же понимаете.

Генарр театрально застонал.

— Не посмеете. Значит, мне придется все двадцать четыре часа разглядывать здесь потолок?

— Зачем? Мы поставим для вас экран, можете книжку почитать, посмотреть головизор. Даже гостей принять — одного или двух.

— Предполагаю, что гости будут наблюдать за мной?

— Конечно, их мнение о вашем состоянии может заинтересовать нас. А теперь приступим к сканированию. — Она одарила Генарра лучезарной улыбкой. — Не исключено, что вы здоровы. Ваши поступки, командир, кажутся мне адекватными. Но мы должны убедиться в этом, не правда ли?

Генарр что-то буркнул в ответ и, когда Д'Обиссон повернулась к нему спиной, скорчил рожу. Что было,

на его взгляд, совершенно адекватным поступком в подобной ситуации.

60

Вновь открыв глаза, Генарр увидел перед собою грустное лицо Эугении Инсигны.

Удивленный, он попытался сесть.

— Эугения!

Она печально улыбнулась в ответ.

— Мне сказали, что к тебе можно зайти, Сивер. Говорят, что с тобой все в порядке.

Генарр почувствовал облегчение. Он-то знал это. Но все-таки приятно лишний раз убедиться, что не ошибаешься.

И, немного рисуясь, он сказал:

— Конечно. Сканирование во сне — норма. Сканирование после сна — норма. Вообще — норма. А как Марлена?

— И у нее сканирование ничего не показало.

Похоже, даже это не могло развеять уныния Инсигны.

— Вот видишь, — проговорил Генарр. — Я и сработал за канарейку, как обещал. На меня подействовало, а на нее нет. — Он вдруг умолк, сообразив, что пошутил не вовремя. — Эугения, не знаю, как теперь просить у тебя прощения. Начну с того, что сперва я вовсе не следил за ней, а потом ужас словно парализовал меня. Я подвел тебя, — несмотря на то что с такой уверенностью пообещал, что пригляжу за ней. Нет мне прощения.

Инсигна покачала головой.

— Нет, Сивер, ты не виноват. Я рада, что она привела тебя в Купол.

— Не виноват? — Генарр остолбенел. А кто виноват, если не он?

— Нет. Произошло что-то очень плохое. И это не выходка Марлены и не то, что случилось с тобой. Произошло что-то гораздо худшее. Я в этом уверена.

Генарр ощутил, как его охватывает холод. Что может быть хуже? — подумал он.

— Что ты хочешь этим сказать?

Он сел на кровати. Из-под чересчур короткого халата торчали его голые ноги. Он поспешно прикрыл их легким одеялом.

— Пожалуйста, сядь и расскажи, — попросил он. — Марлена действительно здорова или ты что-то скрываешь?

Инсигна скорбно взглянула на Генарра.

— Мне сообщили, что все в порядке. Результаты сканирования это подтвердили. Знающие люди говорят, что у нее нет никаких симптомов болезни.

— Так что же ты сидишь, словно пришел конец мира?

— Я думаю — ты прав, Сивер. Этого мира.

— Что это значит?

— Не могу объяснить. Не могу понять. Тебе нужно поговорить с Марленой. Сивер, она делает то, что считает нужным. И ее не беспокоит то, что она натворила. Она уверена, что не сумеет по-настоящему исследовать Эритро — испытать планету, как она выражается, — если на ней будет э-комбинезон. И она не намерена его надевать.

— В таком случае ее нельзя больше выпускать.

— А она категорически заявляет, что будет выходить. И когда захочет... Одна... Она просто простить себе не может, что взяла с собой тебя. Видишь, она не осталась безразличной к тому, что случилось с тобой. Это ее расстраивает. Марлена рада, что вовремя вернулась к тебе. Она со слезами на глазах говорила мне, что неизвестно, чем бы закончилась для тебя эта вылазка, если бы она не успела вовремя тебе помочь.

— Ну а уверенности в себе она не потеряла?

— Нет. И это самое странное. Она уверена, что не ей, а тебе грозила опасность, как, впрочем, и любому на твоём месте. Только не ей. В этом она уверена, так уверена, Сивер, что я... — Инсигна покачала головой. — И не знаю, что теперь делать.

— Она же такая послушная девушка, Эугения. И ты это знаешь лучше, чем я.

— Уже не такая: она уверена, что мы не сможем остановить ее.

— А мы попробуем. Я поговорю с ней, и если она станет настаивать, то я просто отошлю ее на Ротор.

Прежде я был на ее стороне, но, после того что случилось, буду строг.

— Тебе не удастся.

— Как это? Или Питт помешает?

— Нет, просто не сможешь.

Генарр невесело усмехнулся.

— Ну-ну, не настолько уж я поддался ее влиянию. С виду-то я могу казаться добрым дядюшкой, Эугения, но, если речь идет о том, что Марлене грозит опасность, — я забуду про доброту. Всему есть предел; вот увидишь — я умею и заставить. — Помолчав, он грустно добавил: — Кажется, мы поменялись ролями. Вчера ты требовала, чтобы я остановил ее, а я уверял, что это невозможно. Теперь наоборот.

— Это потому, что тебя испугало то, что случилось с вами там, а меня — то, что произошло здесь, внутри Купола.

— А что здесь случилось, Эугения?

— Я попыталась поставить ее на место. Я сказала ей: «А теперь, юная леди, не смей даже заикаться о том, что хочешь выйти из Купола, иначе даже из комнаты своей не выйдешь. Запрет, свяжем, если понадобится, и отправим на Ротор с первой же ракетой». Видишь, я вышла из себя настолько, что стала ей угрожать.

— Ну и что же она сделала? Готов прозаложить всю зарплату, что не ударились в слезы, а стиснула зубы и сделала вид, что ничего не слышала — так?

— Нет. Я еще и половины не сказала, как мои зубы застучали, да так, что я не смогла продолжать. А потом накатила дурнота.

Генарр нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что Марлена обладает еще и странной гипнотической силой и способна справиться с любым противодействием? Но это же невозможно. А раньше ты ничего такого не замечала?

— Нет, конечно же, нет. И сейчас тоже. Она здесь ни при чем. Должно быть, я выглядела очень скверно в тот самый момент, когда принялась угрожать ей, может быть, даже испугала ее. Марлена очень расстроилась. Если бы дело было в ней, она так не отреагировала бы на последствия собственного поступка. Когда вы были с ней снаружи и она принялась снимать э-комбинезон,

она же на тебя не смотрела. Она стояла к тебе спиной. Я это помню. И, увидев, что тебе плохо, она сразу бросилась на помощь. Не могла же она насрать на тебя эту порчу и тут же кинуться помогать.

— Но тогда...

— Подожди, я не окончила. Значит, так. Я пыталась ей угрожать, но все кончилось тем, что я и рта не смогла открыть. Однако я стала за ней следить, глаз с нее не спускала, но так, чтобы она не заметила. И увидела, как она говорила с кем-то из твоих часовых, что стоят здесь повсюду.

— Так положено, — пробормотал Генарр. — Вообще-то Купол — военный объект. Но часовые просто поддерживают порядок, помогают сделать то, се.

— Знаешь что, — с укоризной бросила Инсигна, — по-моему, таким образом Янус Питт обеспечивает контроль за всеми твоими действиями — но дело не в этом. Марлена долго разговаривала с часовым, они даже поспорили. Потом, когда Марлена ушла, я спросила его, о чем они беседовали. Он не хотел говорить, но я заставила. Так вот, она интересовалась, нельзя ли получить пропуск, чтобы беспрепятственно уходить из Купола и таким же образом возвращаться. Я спросила его: «И что вы ей ответили?» А он сказал: «Что все можно уладить у командира, и я сам возьмусь поспособствовать». Я возмущилась: что это еще за содействие, разве можно оказывать такую помощь? Он отвечал: «А что еще мне оставалось, мэм? Всякий раз, когда я пытался объяснить ей, что это невозможно, мне тут же становилось плохо».

Генарр, окаменев, слушал.

— То есть ты утверждаешь, что Марлена бессознательно делает это? Всякий, кто пытается ей противоречить, немедленно ощущает дурноту, а она даже не подозревает об этом?

— Нет, конечно, нет. Я просто не понимаю, что происходит. Если бы такая способность проявлялась у нее бессознательно, об этом было бы известно еще на Роторе, но там я ничего такого не замечала. Однако такой эффект проявляется не всякий раз. Вчера за обедом она попросила добавку десерта, и я, забывшись, в резкой форме отказала ей. Она надулась, но подчини-

лась, и я не почувствовала ничего плохого, уверяю тебя. Мне кажется, что ей нельзя противоречить лишь в том, что связано с Эритро.

— Но почему ты так решила? По-моему, ты о чем-то умалчиваешь, у тебя должны быть основания для такого вывода. Будь я Марленой, то прочитал бы обо всем на твоём лице, но поскольку я это я — выкладывай.

— Я думаю, что это делает не Марлена. Это... это — сама планета.

— Планета?!

— Да, планета. Эритро. Она управляет Марленой. Иначе откуда у девочки уверенность в том, что ей не страшна лихоманка, что планета не причинит ей вреда? Эритро управляет и всеми нами. Ты попробовал помещать Марлене, и тебе стало плохо. И мне. И часовому. Когда вы начали заселять Купол, людям было плохо, потому что планета ощутила вторжение и напустила на вас эту лихоманку. Но когда колонисты решили оставаться в Куполе, болезнь прекратилась. Видишь, все сходится.

— Значит, планета хочет, чтобы Марлена выходила на ее поверхность?

— Совершенно верно.

— Но почему?

— Не знаю и знать не хочу. Я просто пытаюсь объяснить тебе суть происходящего.

Голос Генарра вдруг стал ласковым.

— Эугения, ты же прекрасно понимаешь, что планета не может делать ничего подобного. Это шар... из металлов и камня. Ты впала в какую-то мистику.

— Сивер, не делай из меня дурачку. Я — профессиональный ученый и не верю в чудеса. Говоря о планете, я имею в виду не скалы и камни. Я хочу сказать, что на ней обитает что-то очень могущественное.

— И невидимое. Но это же мертвый мир, без малейших признаков жизни — прокариоты не в счет, — не говоря уже о разуме.

— А что ты знаешь об этом мертвом, по-твоему, мире? Разве его исследовали? Обыскали каждый уголок?

Генарр медленно покачал головой и сказал умоляющим тоном:

— Эугения, не надо, это истерика.

— Нет, Сивер. Подумай обо всем сам. Если сумеешь что-то придумать, скажи. Я тебе говорю: эта планета — чем бы она ни была — не признает нас. Мы обречены. Ну а зачем ей нужна Марлена, — голос Инсигны дрогнул, — не могу даже представить.

Глава 28

СТАРТ

61

Официально у нее было очень сложное наименование, но те немногие из землян, кто знал о ее существовании, называли ее просто Четвертой станцией. Из названия следовало, что прежде существовало три подобных объекта, по очереди сменявших друг друга. Существовала и пятая станция, однако ее забросили, не достроив.

Теперь земляне мало интересовались Четвертой станцией, медленно кружившей вокруг Земли за орбитой Луны.

Прежние станции использовались в качестве баз для создания первых поселений, ну а когда поселенцы сами принялись строить космические города, Четвертую станцию решили сделать перевалочным пунктом на пути с Земли на Марс.

Впрочем, дальше первого полета дело не пошло: оказалось, что поселенцы куда более психологически пригодны для долгих перелетов, ведь они жили, по сути дела, в огромных космических кораблях, — и Земля со вздохом облегчения оставила это занятие.

Теперь Четвертую станцию почти не использовали, а держали в качестве космического плацдарма Земли, желая этим показать, что безграничный простор за пределами земной атмосферы принадлежит не одним поселенцам.

Но теперь нашлось дело и для Четвертой станции.

К ней причалил огромный грузовой корабль. Слух о том, что впервые в двадцать третьем столетии Земля решила высадить экспедицию на Марс, быстро распространился среди поселений. Некоторые говорили, что это изыскатели; другие утверждали, что на поверхности Марса будет создана земная колония, что ущемит интересы немногочисленных поселений, находящихся возле него; третьи предполагали, что Земля попытается занять плацдарм на каком-нибудь крупном астероиде, еще не облюбованном поселенцами.

На самом же деле в трюме транспорта покоился «Сверхсветовой». С ним прибыл и экипаж, который должен был повести корабль к звездам.

Тесса Уэндел, родившаяся в космосе, несмотря на проведенные на Земле восемь лет, чувствовала себя уверенно, как и подобает поселенке. Но Крайл Фишер, который тоже не был новичком в космосе, ощущал некоторое беспокойство.

Напряженность на борту транспортного корабля создавал не только окружающий космос.

— Тесса, я уже не могу больше ждать, — как-то раз сказал Фишер. — Столько лет прошло, «Сверхсветовой» наконец готов, а мы все еще здесь.

Уэндел задумчиво смотрела на него. Нет, не этого она ждала. Ей хотелось покоя, отдыха для мозга, переутомленного сложной работой, — чтобы вернуться к работе с новыми силами. Она надеялась, что Фишер поймет ее, — но, как оказалось, напрасно.

Она поняла, что привязалась к нему и его проблемы стали и ее проблемами. Крайл ждал годы, но это ожидание, несомненно, окажется напрасным. Потому-то она и пыталась время от времени окатывать его ледяной водой, пыталась охладить его желание встретиться с дочерью, но ничего не добилась. Мало того, за последний год Фишер еще более утвердился в своем оптимизме, но о причинах такого воодушевления не мог сказать ей ничего убедительного.

Приходилось утешаться тем, что Крайл тосковал не о жене, а о дочери. По правде сказать, Тесса не могла понять тоски о ребенке, которого в последний раз Фишер видел младенцем. — но он ничего не хотел ей объяснять, а она не стремилась испытывать его терпе-

ние. Зачем? Тесса была уверена, что ни дочери Крайла, ни Ротора давно нет на свете и если возле Звезды-Соседки им по чистой случайности удастся обнаружить беглое поселение, то оно окажется гигантской гробницей, космическим летучим голландцем.

Уэндел захотелось успокоить Крайла.

— Знаешь, — ласково сказала она, — осталось подождать еще месяца два — не больше. Мы ждали годы — уж два-то месяца как-нибудь переживем.

— Я столько ждал, что эти месяцы просто не выдержу, — буркнул Фишер.

— Крайл, нужно держать себя в руках, — проговорила Уэндел. — Придется смириться. Всемирный конгресс просто не позволит нам отправиться раньше. Поселения следят за каждым нашим шагом. Они уверены, что мы летим именно на Марс. Было бы странно, если бы они думали по-другому. Ведь им известно, что Земля не преуспела в области космических исследований. Если за два месяца они не заметят ничего особенного, то с удовольствием сделают вывод, что у нас какие-то сложности, — и перестанут одаривать нас своим вниманием.

Фишер сердито покачал головой.

— Кого волнует, что они знают о нас? Мы улетим и вернемся, а им на разработку сверхсветового звездолета потребуются годы... Да к тому времени у нас будет целый флот таких кораблей, вся Галактика будет открыта для нас.

— Не обязательно. Копировать легче, чем создавать заново. А правительству Земли, потерявшей инициативу в космосе после создания поселений, необходим безоговорочный приоритет — по психологическим соображениям. — Она пожала плечами. — К тому же нам нужно время, чтобы провести кое-какие испытания «Сверхсветового» в условиях невесомости.

— Неужели когда-нибудь настанет конец этим испытаниям?

— Не будь таким нетерпеливым. Техника новая, неопробованная, настолько не похожая на все, чем прежде располагало человечество, что от новых проверок не следует отказываться, тем более что мы точно не знаем, как именно будет влиять интенсивность гра-

витационного поля на вход в гиперпространство и выход из него. Серьезно, Крайл, не стоит обвинять нас в излишней осторожности. В конце концов только десятилетие назад сверхсветовой полет считался теоретически невозможным.

— Даже осторожность может оказаться чрезмерной.

— Возможно. Кстати, мне решать, когда можно заканчивать подготовку, и уверяю тебя, Крайл, тянуть время мы не будем. Я не сторонница промедления.

— Надеюсь.

Уэндел с сомнением поглядела на него. Придется все же спросить.

— Крайл, в последнее время ты сам не свой, уже два месяца тебя словно сжигает нетерпение. Мне казалось, что ты уже успокоился, а ты снова места себе не находишь. Что-нибудь случилось? Такое, о чем я не знаю.

Фишер разом притих.

— Ничего не случилось. Что вообще могло случиться?

Уэндел показалось, что он успокоился слишком быстро. Его невозмутимость выглядела неискренней.

— Я спрашиваю тебя как раз о том, что могло случиться, — сказала Уэндел. — Крайл, я предупреждала тебя, что мы или найдем мертвый Ротор, или не найдем его вовсе. Мы не найдем тво... не найдем там никаких обитателей. — Он не ответил. — Или я не предупреждала тебя об этом?

— Часто предупреждала, — отозвался Фишер.

— Но теперь при одном лишь взгляде на тебя сразу чувствуется — ты предвкушаешь счастливую встречу с семьей. Крайл, подобные надежды опасны, особенно когда они необоснованны. Почему вдруг ты пришел в такое настроение? Если ты с кем-то говорил об этом, то знай: в тебя вселили напрасный оптимизм.

Фишер вспыхнул.

— С чего бы это мне у кого-то набираться ума? Разве не могу я иметь свое мнение — и по любому вопросу. То, что я не понимаю всей этой твоей теоретической физики, еще не значит, что у меня не хватает мозгов и знаний.

— Крайл, — сказала Уэндел, — такое мне даже в голову не приходило. Я вовсе не это хотела сказать. Как по-твоему, в каком состоянии мы обнаружим Ротор?

— С ним ничего страшного не произошло. Я считаю, что в космической пустоте ничто не могло ему повредить. Ты пытаешься убедить меня, что от Ротора остался один остов, что они едва ли вообще добрались до Звезды-Соседки. Объясни мне, что именно могло погубить их? Ну скажи. Столкновение с астероидами, нападение инопланетян? Что?

— Не знаю, Крайл, — честно призналась Уэндел, — никаких вещих снов я не видела. Все дело в самом гиперприводе. Поверь мне. С ним летишь не в пространстве, не в гиперпространстве, а просто дергаешься по линии раздела: из пространства в гиперпространство, потом обратно и снова туда — и так несколько раз в минуту. По пути отсюда к Звезде-Соседке роторианам пришлось совершить такой переход не менее миллиона раз.

— Ну и что?

— А то, что такой переход более опасен, чем полет в пространстве или гиперпространстве. Я не знаю, каковы представления роториан о теории гиперпространства, однако скорее всего они только начали свои работы — иначе соорудили бы настоящий сверхсветовой корабль. Мы же, разрабатывая все подробности теории гиперпространства, изучали, как воздействует переход на материальные объекты. Если объект является точечным, то во время перехода он не испытывает напряжений. Но если речь идет не о точке, если мы имеем дело с протяженным объектом, таким, как корабль, всегда будет существовать такой отрезок времени, когда одна его часть будет находиться в пространстве, а другая — уже в гиперпространстве. При этом в конструкции возникают напряжения — величина их зависит от размера объекта, его конфигурации, скорости перехода и прочего. Для объекта размером с Ротор лишь ограниченное количество переходов — допустим, дюжина — не представляет значительной опасности. При перелете на «Сверхсветовом» мы можем сделать дюжину переходов, а можем ограничиться двумя. Полет не сулит нам опасности. А вот на гиперприводе приходится делать миллион переходов. Видишь, как растет угроза опасного разрушения?

Фишер явно приуныл.

— А как быстро могут создаваться опасные напряжения?

— Трудно сказать. Корабль может выдержать миллион переходов, даже миллиард — и ничего не случится. А может разлететься на первом же. И вероятность такого исхода растет вместе с числом переходов. Таким образом, Ротор отправился в путь, не подозревая, чем грозят ему переходы. Знай они это, полет, возможно, и не состоялся бы. Может быть, напряжения не оказались чрезмерными, и Ротор сумел «дохромать» до места, а может быть, он по дороге разлетелся на куски. Вот и получается: или пустой остов, или вообще ничего.

— Или поселение, которое живет и процветает, — сердито добавил Фишер.

— Я-то не против, — ответила Уэндел. — Только лучше настраиваться на худшее — больше обрадуешься, если все окажется в порядке. Прошу тебя, не надейся на удачу, будь готов к любому исходу. Помни, что всякий, кто суется в гиперпространство, не зная его, едва ли может прийти к здравым выводам.

Вконец расстроенный, Фишер молчал. Уэндел смотрела на него, и на сердце у нее было тяжело.

62

Тесса Уэндел находила Четвертую станцию странной. Некто, взявшись строить небольшое поселение, ограничился лабораторией, обсерваторией и пусковым причалом. Ни ферм, ни домов, ничего, что подобает приличному поселению. Даже псевдогравитационное поле не создали толком.

Это был пораженный манией величия корабль, где даже один человек не мог бы пробыть долго без постоянного пополнения извне запасов пищи, воздуха и воды. Последняя бродила по замкнутому циклу, однако система была не особенно эффективной.

Крайл Фишер заметил, что Четвертая станция похожа на допотопную внеземную станцию первых дней освоения космоса, чудом сохранившуюся до двадцать третьего столетия.

Впрочем, в одном она действительно была уникальной. Со станции открывался превосходный вид на двойную систему Земля—Луна. С окружавших Землю посе-

лений редко можно было видеть оба небесных тела в их истинном соотношении. По отношению к Четвертой станции Земля и Луна редко расходились больше чем на пятнадцать градусов, и, поскольку Четвертая станция обращалась вокруг того же центра, что и обе планеты, с нее бесконечно можно было любоваться замечательным зрелищем двух миров.

Солнечный свет автоматически отсекался устройством «Изат» (Уэндел поинтересовалась, что означает такое название, оказалось — «искусственное затмение»), и только когда Солнце близко подходило к Луне или Земле, разглядеть планеты было невозможно.

Уэндел с удовольствием любовалась танцем Земли и Луны и радовалась, что ей наконец удалось вырваться с Земли.

Как-то раз она сказала об этом Крайлу. Тот усмехнулся, заметив, как та быстро оглянулась по сторонам.

— Вижу, тебя не смущает, что я землянин. И мне могут не понравиться такие слова. Ничего, не бойся — я промолчу.

— Крайл, я же тебе доверяю. — Уэндел счастливо улыбнулась.

Фишер изменился к лучшему после того серьезного разговора, когда они прибыли на станцию. Помрачнел, правда, но это лучше, чем лихорадочное ожидание того, что никогда не произойдет.

— Неужели ты думаешь, что их до сих пор смущает твое происхождение? — спросил он.

— Конечно. Они никогда не забудут, что я поселенка. У них те же предрассудки, что и у меня, и я тоже никогда не прощу им, что они земляне.

— Кажется, ты забываешь, что и я землянин.

— Нет, ты просто Крайл, а я — просто Тесса. И все.

— А тебе никогда не было жаль, Тесса, что ты построила свой звездолет для Земли, а не для родной Аделии?

— Крайл, я делала это не для Земли, а сложись все иначе, делала бы и не для Аделии. В обоих случаях я делала бы это для себя. Передо мной поставили задачу — я ее решила. Буду числиться в истории как изобретатель сверхсветового звездолета — но я создавала его для себя. А уж потом — пусть это покажется претенциоз-

ным — для всего человечества. Видишь ли, абсолютно неважно, в каком из миров состоялось открытие. Кто-то на Роторе — он, она или целая группа — изобрел гиперпривод — значит, он есть и у нас, и у поселений. В конце концов все получают сверхсветовые звездолеты. Где бы ни был сделан решающий шаг — это значит, что все человечество шагнуло вперед.

— Но Земле твой звездолет нужен больше, чем поселениям.

— Потому что приближается Звезда-Соседка и поселения запросто могут разлететься во все стороны, а Земля не может? На мой взгляд — это проблема правительства Земли. Я дала им инструмент, пусть уж они сами решают, как его лучше использовать.

— Похоже, мы уже вплотную подошли к проблеме завтрашнего дня, — заметил Крайл.

— Да, наконец. Уже есть голографическая запись. Впрочем, трудно сказать, когда они покажут ее землянам и поселениям.

— Скорее всего, после нашего возвращения, — сказал Крайл. — Нет смысла рассказывать всем о нашей работе, если мы не вернемся. Ожидание будет мучительным — ведь с нами никак не свяжешься. Когда астронавты впервые высадились на Луну, Земля весь день была на связи.

— Правильно, — подтвердила Уэндел, — а вот когда Колумб отправился под парусами через Атлантику, испанские монархи ничего не слышали о нем несколько месяцев, пока он не вернулся.

— Земле есть что терять — семь с половиной столетий назад испанцы рисковали меньшим, — возразил Фишер. — Действительно жаль, что сверхсветовой звездолет не оснащен сверхсветовой связью.

— Не спорю. Коропатский без конца твердил мне о связи, но я сказала, что не чародейка и не могу немедленно сотворить все, что ему угодно пожелать. Одно дело — перебросить через гиперпространство массу, но излучение — совсем другое. Даже в обычном пространстве оно подчиняется другим законам. Свои уравнения электромагнетизма Максвелл вывел через два столетия после того, как Ньютон открыл закон тяготения. А о распространении излучения в гиперпростран-

стве нам еще ничего не известно. Когда-нибудь мы сумеем создать устройство для сверхсветовой связи, но пока...

— Плохо, — задумчиво сказал Фишер. — Возможно, что без сверхсветовой связи сверхсветовые полеты окажутся невозможными.

— Почему?

— Я же говорю — отсутствие связи. Смогут ли поселения жить вдали от Земли, от человечества — и выжить?

Уэндел нахмурилась.

— Что это еще за новое направление в твоих мыслях?

— Да так, просто подумалось. Ты поселенка, ты привыкла, и тебе даже в голову не может прийти, насколько противоестественный образ жизни ведете вы в поселениях.

— Неужели? Я не вижу в нем ничего противоестественного.

— Это потому, что, по сути дела, тебе не приходилось жить абсолютно обособленно. Ваша Аделя — одно из многих поселений, находящихся возле планеты, на которой живут миллиарды людей. Разве не могло случиться, что, оказавшись возле Звезды-Соседки, роториане поняли, что не выживут одни? Но тогда они уже вернулись бы на Землю, но этого не случилось. Значит, они обнаружили там пригодную для жизни планету.

— Пригодную для жизни планету у красного карлика? Едва ли.

— Природа умеет обманывать человека. Предположим, что там оказалась обитаемая планета. Не следует ли ее как следует изучить?

— Теперь я понимаю, к чему ты клонишь, — сказала Уэндел. — Ты думаешь, что возле Звезды-Соседки есть такая планета. И ты хочешь, чтобы мы полетели туда и попытались отыскать твою дочь. Но если наш нейродетектор может засвидетельствовать отсутствие разума во всей планетной системе, зачем же нам обыскивать каждую планету?

Фишер задумался.

— Да. Но если признаки жизни все же обнаружатся, думаю, это не стоит оставлять без внимания.

Все-таки планету надо исследовать. Ведь нам предстоит начать эвакуацию населения с Земли — надо же знать, куда можно переселить людей. Впрочем, тебя это, конечно, не волнует: ведь поселения могут просто разлететься...

— Крайл! Зачем ты хочешь видеть во мне врага? Почему ты вдруг вспомнил, что я поселенка? Для тебя я просто Тесса. Но если твоя планета найдется, мы постараемся узнать о ней все, что возможно, — я обещаю тебе. Кстати, а что мы будем делать, если она существует и роториане уже начали заселять ее? Крайл, ты прожил на Роторе несколько лет и знаешь Януса Питта.

— Да, я слышал о нем кое-что. Правда, никогда с ним не встречался, однако моя жена... моя бывшая жена с ним работала. По ее словам, это человек способный, умный и сильный.

— Очень сильный. В поселениях его знали. И не любили. И если уж он решил спрятать Ротор от человечества, то лучшего места, чем Звезда-Соседка, ему не найти. И близко, и люди не знают. Но, облюбовав эту систему, он точас же начнет опасаться, что за Ротором последуют другие, способные покуситься на его добычу. И тогда он будет весьма недоволен нашим появлением.

— К чему ты клонишь? — тревожно спросил Фишер, но, судя по выражению его лица, он прекрасно знал — к чему.

— Завтра мы вылетаем и довольно скоро окажемся возле Звезды-Соседки. И если мы, как ты предполагаешь, обнаружим там планету и если окажется, что роториане уже поселились на ней, то одним «ой, здравствуйте» дело не ограничится. Боюсь, что, едва увидев нас, Питт в качестве приветствия без предупреждения отправит нас на тот свет.

Глава 29

ВРАГ

63

Как и все обитатели Купола, Рене Д'Обиссон время от времени наведывалась на Ротор. Это было необходимо — возвратиться домой, прикоснуться к корням, набраться новых сил.

Но на сей раз Д'Обиссон отправилась «наверх» — как говорили о путешествии с Эритро на Ротор — чуть раньше, чем было предусмотрено графиком. Дело в том, что ее вызвал комиссар Питт.

И теперь она сидела в его кабинете, опытным взглядом подмечая, как комиссар постарел за последние несколько лет. Конечно, ведь по работе ей незачем было часто видеться с ним.

Однако голос комиссара был по-прежнему сильным, взгляд — острым, движения — энергичными.

— Я получил ваш отчет о том, что произошло вне Купола, — начал Питт, — и одобряю осторожность, проявленную вами при анализе ситуации. Но теперь — не для протокола, между нами — скажите, что там случилось с Генарром? Комната заэкранирована, можете говорить без опаски.

— Боюсь, что мой отчет при всей его осторожности все-таки правдив и точен, — сухо ответила Д'Обиссон. — Мы не знаем, что произошло с командиром Генарром. Сканирование мозга выявило некоторые изменения — незначительные и ранее не замеченные

нами. К счастью, они оказались обратимыми — все быстро пришло в норму.

— Но ведь что-то с ним все же случилось?

— Именно — что-то. В этом вся беда: мы так и не поняли, что это было.

— А не лихоманка ли это в какой-то новой форме?

— Ни одного из наблюдавшихся прежде симптомов нами не обнаружено.

— Но, когда лихоманка только начиналась, сканирование осуществлялось весьма примитивным способом. Раньше вы могли просто не заметить такие симптомы. К тому же это может быть новая форма лихоманки.

— Не исключено, однако ничто не свидетельствует об этом, да и Генарр, совершенно очевидно, находится в здравом уме.

— Точнее, вам кажется, что это так, но нельзя гарантировать, что приступ не повторится.

— У нас нет причины допускать возможность повторения.

Легкое нетерпение пробежало по лицу комиссара.

— Не спорьте со мной, Д'Обиссон. Вам прекрасно известно, что Генарр занимает весьма важный пост. Ситуация в Куполе постоянно внушает опасения: мы не знаем, когда может произойти рецидив лихоманки. Мы считали, что Генарр невосприимчив к ней — теперь в этом нет уверенности. Раз такое случилось, следует подготовиться к тому, что ему придется уйти.

— Решать вам, комиссар. Лично я считаю, что такой необходимости нет.

— Но, я надеюсь, вы внимательно следите за ним и учитываете подобную перспективу?

— Это входит в мои врачебные обязанности.

— Хорошо. Имейте в виду: если отставка Генарра состоится, то на его место я пока наметил вас.

— Меня? — Легкая радость промелькнула на ее лице и исчезла.

— А почему бы и нет? Все знают, я никогда не одобрял заселения Эритро. Я всегда считал, что люди должны быть мобильными и нельзя привязывать себя к большой планете. С другой стороны, она нужна нам как богатый источник ресурсов — как Луна в нашей Сол-

нечной системе. Но что делать, если угроза лихоманки постоянно висит над нашей головой?

— Проблема, комиссар.

— Значит, необходимо решить эту проблему. А мы ведь так и не справились с болезнью. Лихоманка утихла сама собой, и мы примирились с этим — хотя последний случай явно свидетельствует, что опасность не миновала. Схватил Генарр лихоманку или не схватил, что-то с ним все-таки произошло, и я хочу, чтобы этот вопрос был прояснен в первую очередь. Кому как не вам возглавить работы?

— Охотно возьму на себя всю ответственность. Мне ведь придется в этом случае делать лишь то, что я и так стараюсь делать, — но уже обладая большей властью. Но я не уверена, что мне следует принимать на себя обязанности командира Купола.

— Как вы уже сказали, решать мне. Полагаю, что вы не откажетесь от назначения, если вам предложат?

— Нет, комиссар, это большая честь.

— Не сомневаюсь, — сухо сказал Питт. — А что там случилось с девушкой?

Внезапное изменение темы разговора застигло Д'Обиссон врасплох. Дрогнувшим голосом она переспросила:

— С какой девушкой?

— Той, что выходила из Купола с Генарром и сняла защитный комбинезон.

— Марленой Фишер?

— Да, так ее зовут. Что с ней случилось?

Д'Обиссон помедлила.

— Ничего особенного, комиссар.

— Так написано в отчете. Но я вновь спрашиваю: действительно ничего?

— Ничего такого, что можно было бы обнаружить сканированием мозга или любым другим способом.

— Вы хотите сказать, что Генарр в комбинезоне упал как подкошенный, а девица, эта Марлена Фишер, и ухом не повела?

Д'Обиссон пожала плечами.

— Насколько мне известно, с ней действительно ничего не произошло.

— Вам это не кажется странным?

— Она странная девушка, ее сканирование...

— Я знаю, что показывает сканирование. Мне известно и то, что она одарена необычными способностями. Вы этого не замечали?

— Случалось, конечно.

— И как она вам показалась? Вам не кажется, что она умеет читать мысли?

— Нет, комиссар. Такого не бывает. Вся эта телепатия — пустые выдумки. Уж лучше бы она читала мысли. Это не так опасно — за мыслями можно следить.

— А что же вам кажется в ней опасным?

— Она явно читает по движениям тела, а за ними не углядишь. Каждый жест что-нибудь да выдает, — огорченно закончила она, что не скрылось от пронизательного Питта.

— Вы успели столкнуться с этими проявлениями ее способностей? — поинтересовался он.

— Куда денешься, — мрачно буркнула Д'Обиссон. — С ней даже рядом нельзя стоять, чтобы она чего-нибудь не высмотрела.

— И что же с вами случилось?

— Ничего особенного, просто досадно. — Д'Обиссон покраснела и поджала губы, так что Питту показалось, что больше она ничего не скажет. Но она прошептала: — После того как я обследовала командира Купола, Марлена поинтересовалась, как у него дела. Я сказала, что ничего серьезного не обнаружила и считаю, что Генарр полностью оправится. А она спросила: «Почему это вас расстраивает?» Я с недоумением переспросила: «Расстраивает? Я рада!» Но она сказала: «Вы разочарованы, это очевидно. Вам не терпится». Так я впервые столкнулась с ее штучками, хотя уже слыхала о них. Мне оставалось только возмутиться: «Почему мне не терпится? О чем ты?» Она скорбно взглянула на меня своими огромными, темными, вечно бегающими глазами и ответила: «Дело в дяде Сивере...»

Питт перебил Рене:

— Дядя Сивер? Разве они родственники?

— Нет, я думаю, что это просто знак симпатии. Она сказала тогда: «Все дело в дяде Сивере, и, по-моему, вы метите на его место». — Тут я повернулась и ушла.

— А что вы почувствовали, услышав такое? — спросил Питт.

— Как что? Рассердилась, конечно!

— Потому что она сказала неправду? Или же наоборот — оказалась права?

— Ну, если хотите...

— Нет-нет, не надо влиять, доктор. Она ошиблась или была права? Вы действительно обнаружили разочарование, поняв, что Генарр здоров, так что девчонка смогла это заметить, или она все просто придумала?

Д'Обиссон ответила с явной неохотой:

— Она действительно подметила кое-что. — Врач с негодованием взглянула на Питта. — Я всего лишь человек и, как все, подвластна чувствам. Вы сами сейчас сказали, что я могу надеяться на этот пост, следовательно, я подхожу для него.

— Значит, она не ошиблась... — без малейших признаков усмешки произнес Питт. — А теперь давайте подумаем: эта девушка — особенная, странная девушка, о чем свидетельствует и ее поведение, и сканирование мозга... Даже лихоманка ее не берет. А что если ее устойчивость к лихоманке определяется строением мозга? Разве она не может послужить нам средством для изучения лихоманки?

— Не знаю. Впрочем — сомневаюсь.

— Может, попробовать?

— Быть может — но как?

— Пусть она как можно чаще бывает на поверхности Эритро, — невозмутимо ответил Питт.

Д'Обиссон задумалась.

— Дело в том, что она сама к этому стремится и командир Генарр ее поддерживает.

— Вот и отлично. А вы обеспечьте им медицинскую поддержку.

— Понимаю. А если девушка схватит лихоманку?

— Не следует забывать, что решение всей проблемы гораздо важнее, чем здоровье индивида. Нам завоевывать этот мир, и необходимо быть готовыми к вынужденным потерям.

— Ну а если Марлена погибнет, но так и не поможет нам понять или победить лихоманку?

— И все-таки следует рискнуть, — ответил Питт. — В конце концов, с ней может ничего не случиться, и тогда, тщательно выяснив все причины, мы сумеем справиться с болезнью. Пусть будет так. Нельзя выигрывать без потерь.

Только потом, когда Д'Обиссон отправилась в свою квартиру на Роторе, железная решимость Питта ослабла, и он понял, что стал кровным врагом Марлены Фишер. Но победа будет истинной, только если Марлена погибнет, а причины лихоманки останутся неизвестными. Тогда он избавится и от странной девицы, и от никчемной планеты, на которой со временем может появиться население — неповоротливое и бестолковое, — как на Земле.

64

Они сидели под Куполом втроем. Сивер Генарр наблюдал, Эугения Инсигна тревожилась, а Марлене Фишер не терпелось.

— Помни, Марлена, — внушала Инсигна, — нельзя смотреть на Немезиду. Я знаю, тебе говорили про инфракрасный свет, но кроме того время от времени на ее поверхности происходят взрывы, и она вспыхивает белым огнем. Вспышка длится минуту-другую, но этого вполне хватит, чтобы обжечь сетчатку, а заранее не угадаешь, когда это может случиться.

— Значит, астрономы не умеют предсказывать вспышки? — поинтересовался Генарр.

— Пока нет. В природе многое подчиняется случаю. Мы еще не знаем законов турбулентности в звездах, некоторые из нас полагают, что люди вообще не сумеют разобраться в них — слишком они сложны.

— Интересно, — произнес Генарр.

— Но мы должны быть благодарны Немезиде за эти вспышки. Как-никак, а все же целых три процента энергии, которую Эритро получает от Немезиды.

— Не слишком-то много...

— Уж сколько есть. Но без этого Эритро оледенела бы и здесь было бы труднее жить. Но Ротору вспышки мешают — приходится быстро реагировать на изменения освещенности, немедленно включать защитные поля.

Марлена слушала и то и дело переводила взгляд с одного на другого и наконец не выдержала:

— Ну сколько вы еще будете вот так разговаривать? Вам нужно, чтобы я здесь сидела? Я же вижу.

— А куда ты там пойдешь? — поспешно спросила Инсигна.

— Погуляю. Схожу к речке, то есть к ручью.

— Зачем?

— Интересно. Течет вода, течет под открытым небом. Непонятно, где начинается, неизвестно, где кончается, и нигде не видно насосов, которые перекачивали бы ее обратно.

— На самом деле, — начала объяснять Инсигна, — это происходит в результате воздействия тепла Немезиды...

— Я не об этом. Я хочу сказать, что ручей не сделан людьми. Просто хочется постоять у воды, посмотреть на нее.

— Только не пей, — приказала Инсигна.

— И не собираюсь. Неужели я час без питья не обойдусь? Если захочется есть-пить — или еще чего-нибудь — сразу вернусь. И не надо как всегда устраивать столько шума из ничего.

— Тебе, наверное, уже хотелось бы нарушить установленный порядок в Куполе? — улыбнулся Генарр.

— Конечно. Любому бы хотелось.

Улыбка Генарра стала еще шире.

— Знаешь что, Эугения, я успел убедиться, что жизнь на поселениях переделывает людей. Теперь мы уже не представляем себе, как можно жить вне замкнутых циклов. А на Земле, ты знаешь, люди привыкли все выбрасывать: доскать, любые отбросы переработаются естественным путем, но, увы, иногда этого не случается.

— Генарр, ты мечтатель. Необходимость заставляет людей научиться хорошим манерам, но исчезнет необходимость, — и все вернется на круги своя. С горки ехать легче, чем в горку. Так гласит второй закон термодинамики, и, если людям суждено жить на Эритро, не сомневаюсь, человечество моментально загадит ее от полюса до полюса.

— Этого не произойдет, — возразила Марлена.

— Почему же, дорогая? — вежливо осведомился Генарр.

— Не произойдет, потому что не произойдет, — нетерпеливо ответила Марлена. — Ну теперь я могу, наконец, идти?

Генарр взглянул на Инсигну.

— Что ж, Эугения, пусть идет. Ее же не удержишь. Кстати, рад тебе сообщить, что недавно с Ротора вернулась Рене Д'Обиссон и проверила результаты ее сканирования, начиная с первого. Она утверждает, что параметры мозга Марлены устойчивы настолько, что на Эритро ей ничто не сможет причинить вред.

Эти слова услышала Марлена, уже было собравшаяся уходить.

— Да, дядя Сивер, чуть не забыла. Будь поосторожнее с доктором Д'Обиссон.

— Почему? Она — великолепный нейропсихолог.

— Я не об этом. Когда после нашей прогулки вам было плохо, она обрадовалась, а когда вы пришли в себя — огорчилась.

— Откуда ты знаешь? — привычно спросила Инсигна.

— Знаю.

— Не понимаю. Сивер, ты ведь прекрасно ладил с Д'Обиссон.

— Конечно. И до сих пор лажу. И мы ни разу не ссорились. Но если Марлена говорит...

— А не может ли твоя Марлена ошибаться?

— Я не ошиблась, — проговорила Марлена.

— Не сомневаюсь в этом. — Сивер обратился к Инсигне: — Доктор Д'Обиссон — женщина честолубивая. И случись что со мной, именно она станет моим преемником. Д'Обиссон много времени провела на Эритро, только ей по плечу справиться с лихоманкой, если та вновь появится. И что самое главное — она старше меня, и времени у нее еще меньше. Так что не могу винить Д'Обиссон, если при виде меня больного сердце у нее вдруг екнуло. Не исключено, что она сама не подозревала об этом.

— Нет, она знает, — многозначительно сказала Марлена. — Все знает. Последите за ней, дядя Сивер.

— Хорошо. Ты готова?

— Конечно.

— Тогда пошли в шлюз. Эугения, иди сюда и постарайся не мучиться так откровенно.

Так впервые Марлена выходила на поверхность Эритро одна, без защитной одежды. Было это по земному стандартному времени в 9.20 пополудни 15 января 2237 года. А по-эритрийски — ближе к полудню.

Глава 30

ПЕРЕХОД

65

Крайл Фишер старался выглядеть таким же невозмутимым, как и остальные члены экипажа.

Он не знал, куда подевалась Тесса. Впрочем, заблудиться она не могла — «Сверхсветовой» был невелик.

Крайл украдкой поглядывал на своих спутников. Он уже успел поговорить с ними — и не раз. Все были сравнительно молоды. Старшему, Сяо Ли Ву, специалисту по гиперпространству, было тридцать восемь. Генри Ярлоу — тридцать пять. Самой младшей была Мерри Бланковиц двадцати семи лет. Чернила еще не успели просохнуть на ее докторском дипломе.

Рядом с ними Уэндел в свои пятьдесят пять выглядела старухой — однако именно она изобрела, спроектировала — словом, сотворила этот звездолет.

Не на месте оказался только Фишер. В следующий день рождения ему исполнится пятьдесят, и ждать оставалось уже недолго. Специальной подготовки у него не было, и ни возраст, ни знания не давали ему права находиться на корабле.

Но на Роторе бывал он один. И это ему помогло. Не лишним, конечно, оказалось ходатайство Уэндел. Но главное — этого хотели Танаяма и Коропатский.

Корабль двигался в пространстве. Фишер чувствовал это движение, хотя внешне оно никак не проявлялось. Но он чувствовал — всеми своими кишками. И подумал: я провел в космосе больше, чем эти трое вместе взятые, и летал чаще. А уж сколько кораблей повидал...

Потому-то я чувствую, как он трудно идет, — нутром чувствую. А они не могут.

«Сверхсветовой» действительно шел с трудом. Количество энергоустановок, обеспечивавших движение обычных кораблей в обычном пространстве, на нем было сведено до минимума. Иначе и не могло быть — основную часть корабля занимали гиперпространственные двигатели.

И теперь «Сверхсветовой» был похож на неуклюжую чайку, которая топчется у кромки воды, ожидая дуновения ветра, чтобы взмыть.

Откуда-то появилась Уэндел, слегка растрепанная и вспотевшая.

— Тесса, все в порядке? — спросил Фишер.

— Конечно, все превосходно. — Она уселась в одно из углублений в стене — очень полезных, поскольку искусственная гравитация на корабле была незначительной. — Нет проблем.

— И когда мы перейдем в гиперпространство?

— Через несколько часов. Надо добраться до точки с выбранными координатами, чтобы все гравитационные источники искривляли пространство расчетным образом.

— Значит, мы можем все точно учесть?

— Совершенно верно. — И, улынувшись Фишеру, Уэндел добавила: — А ты никогда об этом не спрашивал. С чего вдруг решил спросить?

— Мне же еще не приходилось летать в гиперпространстве. По-моему, вполне уместное любопытство.

— Этими вопросами я занималась много лет. Так что присоединяйся.

— Но ответь мне.

— Охотно. Во-первых, мы измерили полную интенсивность гравитационного поля в разных точках пространства, вне зависимости от того, знаем ли мы их окрестности или нет. Результат получается менее точным, чем при тщательном измерении всех компонентов и точном сложении воздействия всех источников тяготения, но этого достаточно — ведь нужно торопиться. Когда время дорого, нажимаешь, так сказать, на гиперпространственную кнопку в расчете на то, что гравитационное поле здесь не слишком сильно, и, конечно,

ошибаешься, пусть и немного, — тогда переход будет сопровождаться чем-то вроде толчка — словно о порог споткнулся. Удастся этого избежать — отлично; нет — скорее всего ничего страшного не случится. Но все же первый переход спокойствия ради хочется выполнить как можно более гладко.

— А если ты второпях подумаешь, что тяготение незначительно, а на самом деле это не так?

— Будем надеяться, что такого не случится.

— Ты говорила, что при переходе возникают напряжения, — значит, и первый вход в гиперпространство может оказаться роковым, даже если учтено тяготение?

— Это возможно, однако шансы на подобный исход минимальны, сколько бы ни было переходов.

— Ну а если до плохого не дойдет, могут ли все-таки возникнуть какие-то неприятные ощущения?

— Трудно сказать, здесь все субъективно. Видишь ли, ускорения не будет. Это с гиперприводом приходится разгоняться до скорости света и ненадолго превышать ее в слабом гиперпространственном поле. КПД низок, скорость высока, риск велик — не хочу даже гадать, какие здесь могут быть варианты. Но у нас — в сильном гиперпространственном поле — переход совершается на умеренной скорости. Только что мы делали тысячу километров в секунду, а через мгновение — уже тысячу миллионов, но без ускорения. А раз ускорения нет, мы ничего не почувствуем.

— Как это нет ускорения, если ты за какое-то мгновение в миллион раз увеличила скорость?

— В нашем случае переход является математическим эквивалентом ускорения. А твое тело способно прореагировать только на ускорение, а не на гиперпереход.

— Откуда ты знаешь?

— Мы проводили опыты с животными. В самом гиперпространстве они находились какую-то долю микросекунды, но для нас главное — переход, а даже при самом краткосрочном полете через гиперпространство его приходится совершать дважды.

— Значит, животные...

— А как же? Конечно, они нам ничего не могли рассказать, однако все вернулись целыми и невредимы-

ми. И даже совершенно спокойными. Мы повторяли опыт на дюжине различных видов. Посылали даже мартышек. Все остались целыми. Кроме одной.

— А! Что же с ней случилось?

— Погибла. Морда животного была странным образом искажена, но причиной — мы выяснили — оказалась ошибка программирования. Подобное может случиться и с нами. Шанс невелик, но он есть. Ну как если, переходя через порог, ты спотыкаешься, падаешь и ломаешь себе шею. Случается ведь и такое — но люди все-таки ходят через пороги. Понял?

— Полагаю, выбора у меня нет, — сурово ответил Фишер. — Понял.

Через двадцать семь минут после этого разговора «Сверхсветовой» благополучно перешел в гиперпространство, да так, что никто из находившихся на борту этого не заметил. Начался первый сверхсветовой полет...

В момент перехода на часах значилось: 9.20 пополудни 15 января 2237 года по земному стандартному времени.

Глава 31

ИМЯ

66

Тишина!

Марлена погрузилась в безмолвие, понимая, что может нарушить его в любой момент. Наклонилась, подобрала голыш, запустила в скалу. С легким стуком он упал на землю.

Здесь, за пределами Купола, в своей обычной роторианской одежде Марлена ощущала полную свободу.

Она направилась прямо к ручью, даже не глядя по сторонам.

Вспомнились напутственные слова матери. Она умоляла: «Пожалуйста, Марлена, не забудь, что ты обещала держаться возле Купола».

Девушка усмехнулась. Ну и что? Захочет — останется рядом, не захочет — отойдет. Она вовсе не собиралась выполнять обещания, которые давала матери, только чтобы та оставила ее в покое. В конце концов, у нее с собой излучатель. По сигналу прибора ее найдут где угодно — стоит только направить приемный конец на установленный в Куполе излучатель.

Если с ней что-либо случится — упадет или поранится — ее, безусловно, найдут.

Вот если ее поразит метеорит — дело другое. Тогда уж она погибнет наверняка, где бы это ни случилось — рядом с Куполом или нет. Впрочем, не стоит думать о метеоритах — ведь на Эритро так тихо и спокойно. А вот на Роторе всегда шумно. Куда ни сунься — везде

шум и гам терзают уставший слух. Должно быть, на Земле еще хуже, с ее восемью миллиардами жителей, и триллионами животных, и грозами, и свирепыми потоками воды — и с неба, и на море. Однажды она попробовала послушать запись «Земной шум», но не выдержала до конца.

Но здесь, на Эритро, — восхитительная тишина.

Марлена подошла к ручью. Вода бежала по узкому руслу с тихим журчанием. Взяла камешек, бросила в воду, послышался всплеск. Тишина Эритро не была гробовой, просто здесь звуков было так мало, что они не нарушали торжественный покой.

Марлена топнула по мягкой глине у воды. Раздался глухой стук, а в глине остался отпечаток подошвы. Марлена нагнулась, зачерпнула пригоршню воды, плеснула на берег. На почве выступили пятна — пурпурные на розовом фоне. Она еще побрызгала, потом поставила ногу на влажное пятно и надавила. Подняв ногу, обнаружила глубокий след.

Кое-где из воды выступали большие камни, и Марлена перешла по ним на другой берег.

Она энергично зашагала вперед, размахивая руками и дыша полной грудью. Она знала, что в атмосфере планеты кислорода меньше, чем на Роторе. И если побежать, то быстро устанешь — но бежать не хотелось. Стоит сорваться с места — и мир начнет разворачиваться перед глазами более торопливо.

А хотелось все разглядеть.

Она обернулась — Купол был еще виден, и особенно ясно — пузырь с астрономическими приборами на самом верху. Она рассердилась. Ей хотелось оказаться далеко-далеко отсюда, чтобы признаки существования рода людского остались за тонкой, чуть неровной линией горизонта.

Может быть, вызвать Купол? Предупредить мать, что какое-то время она будет вне видимости? Нет, не стоит — они начнут ругаться. Но ведь они принимают сигнал ее излучателя, значит, знают, что с ней все в порядке. И Марлена решила, что, если ее будут вызывать, она не станет обращать внимания. Ну в самом деле? Почему они не оставят ее в покое?

Глаза ее приспособлялись к розоватому свету Немезиды и розовой почве вокруг. Поверхность была розовой не везде, местами она становилась темнее, местами светлела — пурпурная, оранжевая, кое-где желтоватая. Цвета создавали новую палитру, не менее богатую, чем на Роторе, только более однородную.

Что же будет, если однажды люди поселятся на Эритро, обживутся, настроят городов? Они погубят и эту планету? Или печальный опыт Земли заставит их поступить иначе с нетронутым миром, сотворить из него нечто более милое сердцу человека?

Сердцу какого человека? Любого?

В том-то и дело. Сколько людей — столько и идеалов. Каждый стремится к своей цели. Они снова начнут ссориться и тянуть в разные стороны. Не лучше ли оставить Эритро такой, какая она сейчас?

Да и нужно ли людям здесь появляться? Марлена отлично знала, что не собирается покидать эту планету. Ей было хорошо здесь, это был ее мир. Она еще не поняла почему, но планета — не Ротор — стала ее домом.

Может быть, в ней жила смутная память о Земле? Может быть, рядом с воспоминаниями о крохотном рукотворном космическом городке гнездились воспоминания о громадном беспредельном мире? Неужели такое возможно? Ведь Земля совершенно не похожа на Эритро, разве что размерами. И если даже в ней живет генетическая память о Земле — то что же сказать о землянах?

Нет, здесь, должно быть, что-то другое. Марлена потрясла головой — и крутанулась на месте, потом еще и еще — как в бесконечном пространстве. Странно, но Эритро не кажется пустынной. Там, на Роторе, просто глаза разбегаются: сады, поля, зелень, желтизна, прямолинейная иррегулярность рукотворных сооружений. Здесь же, на Эритро, повсюду только почва и глыбы камней, словно брошенных чьей-то гигантской рукой; странные силуэты, молчаливые и задумчивые; тут и там ручейки извиваясь пробираются между камнями. И ничего, кроме мириад крохотных клеток, наполняющих атмосферу кислородом под красными лучами Немезиды.

Как и подобает красному карлику, Немезида будет скупое светить еще две сотни миллиардов лет, даря энергию Эритро, чтобы крохам-прокариотам жилось тепло и уютно. Умрет земное Солнце, умрут и другие яркие планеты, родившиеся позднее его, а Немезида даже не изменится, и так же будет кружить Эритро вокруг Мегаса, и будут прокариоты жить, умирать, не ведая, что происходит вокруг.

Нет у человека права приходить в этот вечный мир и пытаться его изменить. Но, если она останется на Эритро, ей нужны будут пища — и общение с себе подобными.

Конечно, время от времени она будет возвращаться в Купол, чтобы пополнить припасы, повидаться с близкими, но все остальное время она будет проводить с Эритро. А если кто-нибудь за ней увяжется? Как от них отделаться?

Ведь если сюда придут другие — неважно, сколько их будет — этот рай погибнет. Он погибнет, даже если только она одна будет обитать в нем. Только она одна...

— Нет! — крикнула она. Крикнула громко: ей вдруг захотелось разорвать неподвижный воздух незнакомой планеты своим криком.

Крик прозвучал, и сразу стало тихо: на плоской равнине неоткуда было взяться эху.

Она снова крутанулась на месте. На горизонте виднелись очертания Купола. Но Марлене не хотелось его замечать. Лучше бы его совсем не было. Она хотела видеть только Эритро.

Тихо вздохнул ветер. Но Марлена не ощутила ни дуновения, ни холода. Только этот тихий вздох: «А-а-а...»

И она весело повторила:

— А-а-а...

Марлена с любопытством посмотрела на небо. Синоптики обещали ясный день. Неужели на Эритро бывают внезапные бури? Значит, задует ветер, станет холодно, по небу помчатся облака и начнется дождь, прежде чем она успеет вернуться в Купол?

Мысль показалась ей глупой, такой же глупой, как мысль о метеоритах. Конечно, на Эритро бывают дожди, но сейчас по небу медленно плыли редкие облака. Ленивые, неторопливые розовые облачка на темном

куполе неба. И ничто не свидетельствовало о приближении бури.

— А-а-а... — снова прошептал ветер. — А-а-а-е-е...

Это был уже двойной звук, и Марлена нахмурилась. Откуда он взялся? Конечно, ветер сам не может родить такой звук. Может быть, у него на пути встретилось какое-то препятствие? Но ничего похожего поблизости не оказалось.

— А-а-а... е-е-е... а-а-а...

Теперь звук стал тройным с ударением на «е».

Марлена удивленно оглянулась. Она не могла понять, откуда взялся этот звук. Его должно было что-то произвести — но она ничего не ощущала.

Эритро казалась пустой и безмолвной. Она не могла породить этот звук.

— А-а-а... е-е-е... а-а-а...

Вот опять, уже яснее. Звук словно раздался в мозгу — сердце екнуло, и по спине побежали мурашки. Марлена почувствовала, как руки покрылись гусиной кожей.

Но с головой ничего не могло случиться. Ничего!

Она ждала, что звук повторится, и он повторился. Еще громче и еще яснее. Вдруг в нем послышалась какая-то сила, словно кто-то после долгих попыток чего-то достиг.

Долгих попыток? В чем?

Неожиданно ей в голову пришла мысль: «Словно кто-то, не знающий согласных, пытается произнести мое имя».

И тут, словно в подтверждение своей странной мысли, она услышала:

— Ма-а-а-ле-е-е-на-а-а...

Машинально она зажала уши руками. «Марлена», — подумала она.

И голос словно передразнил:

— Ма-ар-ле-е-на-а.

И вдруг непринужденно, почти естественно:

— Марлена.

Она вздрогнула и узнала голос. Это Ауриел, Ауриел с Ротора, которого она не видела с того самого дня, когда рассказала ему, что Земля погибнет. С тех пор она редко о нем вспоминала, но всякий раз с грустью.

Почему же она слышит его голос там, где его не может быть, там, где не может быть других голосов?

— Марлена.

И она сдалась. Значит, эритрийская лихоманка, несмотря ни на что, все-таки одолела ее.

Она бросилась к Куполу — не разбирая дороги, ничего не видя перед собой.

Марлена даже не знала, что кричит.

67

Ее ждали. Заметив, что она возвращается бегом, двое часовых в э-комбинезонах немедленно вышли наружу и тут услышали ее крики.

Но прежде чем они успели приблизиться, Марлена замолчала. И пошла шагом.

Спокойно взглянув на встречавших, Марлена ошеломила их вопросом:

— Что случилось?

Оба молчали. Один попытался взять ее за локоть, но она увернулась.

— Не трогайте меня, — заявила Марлена. — Если вам угодно — я пойду в Купол, но пойду сама.

И невозмутимо зашагала рядом с ними. Она была совершенно спокойна.

68

Эутения Инсигна, бледная, с дрожащими губами, тщето пыталась взять себя в руки.

— Что случилось, Марлена?

Марлена посмотрела на мать своими темными бездонными глазами и ответила:

— Ничего, совершенно ничего.

— Не говори так. Ты бежала и кричала.

— Так получилось. Видишь ли, там было тихо, так тихо, что мне вдруг показалось, что я оглохла. Знаешь, такое безмолвие. И я затопала ногами и побежала — просто чтобы слышать шум — и закричала...

— Чтобы слышать какой-то звук и голос? — хмурясь переспросила Инсигна.

— Да, мама.

— Марлена, и ты думаешь, что я тебе поверю? Не надейся. Мы слышали твой голос: чтобы на шуметь, так не кричат. Ты кричала от ужаса. Кто тебя испугал?

— Я же сказала. Тишина. Внезапная глухота. — Марлена обернулась к Д'Обиссон. — Как по-вашему, доктор, может случиться, что если ты какое-то время совсем ничего не слышишь, но уши твои привыкли к шуму, то вдруг померещится, что до слуха донеслось нечто осмысленное?

Д'Обиссон слабо улыбнулась.

— Витиевато сказано, однако сенсорный голод действительно может вызвать галлюцинации.

— Да, именно так и случилось. Сначала я испугалась. Но как только услышала собственный голос и звук шагов, то сразу успокоилась. Спросите у часовых, которые вышли навстречу. Они видели, что я спокойна. Спросите их, дядя Сивер.

Генарр кивнул.

— Они мне об этом уже сообщили. Кстати, нам приходилось сталкиваться с подобным явлением. Хорошо. Пусть будет так.

— Нет, вовсе не хорошо, — возразила Инсигна, все еще бледная от страха, или от гнева, или от того и другого сразу. — Больше она никуда не пойдет. Все эксперименты окончены.

— Знаешь, мама! — в ярости выкрикнула Марлена.

Чтобы предотвратить начинающуюся ссору, Д'Обиссон громко сказала:

— Доктор Инсигна, эксперимент не закончен. Сейчас неважно, пойдет она или нет. Сначала надо выяснить, что случилось.

— Что вы имеете в виду? — забеспокоилась Инсигна.

— Я хочу сказать, что в тишине, конечно, могут слышаться любые голоса. Однако не исключено, что у Марлены начались некоторые нарушения умственной деятельности.

Инсигна вздрогнула, словно ее ударили.

— Это вы про эритрийскую лихоманку? — спросила Марлена.

— Не совсем, — ответила Д'Обиссон. — На нее ничего не указывает — просто я допускаю такую воз-

можность. Значит, необходимо сканирование. Для твоего же блага.

— Нет, — сказала Марлена.

— Что значит нет? — спросила Д'Обиссон. — Ты должна подчиниться. Мы не можем иначе. Сканирование в таких случаях обязательно.

Марлена задумчиво посмотрела на Д'Обиссон.

— Вам хочется, чтобы я заболела лихоманкой. Вы надеетесь на это.

Д'Обиссон на мгновение застыла, потом сказала дрогнувшим голосом:

— Ну знаете ли, это просто смешно. Как вы смеете утверждать подобное?

Генарр тоже посмотрел на Д'Обиссон.

— Рене, вспомните, что мы говорили вам о Марлене: если она утверждает, что вы хотите видеть в ней больную, значит, так оно и есть — вы чем-то себя выдали. Конечно, если Марлена говорит серьезно, а не от испуга или обиды.

— Серьезно, — подтвердила Марлена. — Она живет этой надеждой.

— Итак, Рене, — холодно произнес Генарр, — что скажете?

— Мне лично понятно, что имеет в виду эта девица. Уже много лет мне не приходилось наблюдать лихоманки. В прежнее время, когда Купол только строился, у меня практически не было подходящих средств для ее изучения. Да, как профессионал я приветствовала бы такую возможность. Изучив заболевшего лихоманкой с помощью новых методов, я, возможно, сумела бы обнаружить причину болезни, найти подходящие лекарства, предложить профилактические меры. Вот вам и причины моих надежд. Чисто профессиональная заинтересованность. Но этой девице, не умеющей читать мысли и не знающей людей, она кажется просто злорадством. Милая моя, уверяю вас, это не так.

— Просто или не просто, — упрямилась Марлена, — но мне вы желаете зла. В этом я не ошибаюсь.

— Ошибаетесь, милочка. Сканирование в таких случаях обязательно, и оно будет проведено.

— Этому не бывать! — Марлена сорвалась на крик. — Вам придется вести меня силой или накачи-

вать снотворными, а тогда результаты окажутся недо-
стоверными.

Дрожащим голосом Инсигна встала:

— Я не позволю этого, если она против.

— В данном случае не важно, хочет она или нет... —
начала Д'Обиссон и пошатнулась, схватившись за живот.

— В чем дело? — без интереса спросил Генарр. И,
не дожидаясь, пока Инсигна доведет Д'Обиссон до
ближайшей кушетки и уложит ее, обратился к Марле-
не: — Почему ты не хочешь согласиться на обследо-
вание?

— Не хочу. Она скажет, что я заболела.

— Не скажет. Я обещаю. Разве что ты на самом деле
больна.

— Я не больна.

— Я уверен в этом, и сканирование подтвердит.
Поверь мне, Марлена. Пожалуйста.

Марлена взглянула на Д'Обиссон, потом на Генарра.

— И я смогу снова выйти на Эритро?

— Конечно. Сколько захочешь. Если с тобой все в
порядке — а ведь ты в этом не сомневаешься, так
ведь?

— Не сомневаюсь.

— Значит, сканирование все покажет.

— Да, но вдруг она скажет, что я не могу выходить?

— Твоя мама?

— И доктор.

— Нет, они не посмеют тебя остановить. А теперь —
скажи, что согласна на сканирование.

— Хорошо. Пусть будет так, как она хочет.

Рене Д'Обиссон медленно поднялась с кровати.

Д'Обиссон внимательно разглядывала распечатки с
результатами сканирования. Сивер Генарр следил за
ней.

— Интересная картинка, — пробормотала Д'Обис-
сон.

— Это было известно еще давным-давно, — сказал Генарр. — Она — странная девушка. Главное — нет ли перемен?

— Никаких, — ответила Д'Обиссон.

— Вы как будто разочарованы.

— Командир, не будем повторяться. Да, как профессионал я ощущаю известное разочарование. Я предпочла бы новый случай, чтобы изучить его.

— А как вы себя чувствуете?

— Я уже вам сказала...

— Физически, я имею в виду. Такой странный обморок...

— Это был не обморок. Просто нервы. Мне еще не приходилось слышать обвинений в желании видеть кого-то больным. Да еще таких безапелляционных.

— А что же с вами случилось? Живот заболел?

— Возможно. Во всяком случае я ощутила боли в области желудка. И голова тоже кружилась.

— С вами часто такое случается, Рене?

— Нет, — резко ответила она, — и в нарушении профессиональной этики меня обвиняли не чаще.

— Какая вы, однако, возбудимая. Почему вы приняли эти слова так близко к сердцу?

— Давайте сменим тему разговора. Сканирование не показало никаких перемен. Если прежде она считалась нормальной, значит, нормальна и сейчас.

— Значит, как врач вы считаете, что она может продолжать изучение Эритро?

— Раз с ней ничего не случилось, у меня нет никаких оснований запрещать.

— Итак, вы намереваетесь все забыть и вновь отправить ее туда?

В голосе Д'Обиссон послышалась враждебность.

— Вы знаете, что я недавно встречалась с комиссаром Питтом. — Это был не вопрос.

— Да, знаю, — невозмутимо подтвердил Генарр.

— Он попросил, чтобы я взяла на себя руководство новыми работами по исследованию эритрийской лихоманки, и обещал хорошее финансирование.

— Прекрасная идея. Едва ли он мог найти лучшего руководителя.

— Благодарю вас. Однако командиром вместо вас он меня не назначил. Поэтому вам решать, выходить Марлене Фишер наружу или нет. Свое участие в этом деле я ограничиваю сканированием ее мозга — когда оно потребуется.

— Я намереваюсь разрешить Марлене исследовать Эритро и не чинить ей никаких препятствий. У вас возражений не будет?

— Как врач я уверена, что лихоманки у нее нет, и не стану вас останавливать, но право приказывать принадлежит вам и останется только вашим. И все бумаги вы будете подписывать без меня.

— Но вы не станете оказывать мне противодействие?

— На это у меня нет причин.

70

Обед закончился, тихо играла музыка. Сивер Генарр, тщательно выбиравший выражения в разговоре с встревоженной Эугенией Инсигной, наконец проговорил:

— Так сказала мне Рене Д'Обиссон, однако во всем этом чувствуется влияние Януса Питта.

Эугения выглядела очень встревоженной.

— Ты действительно так думаешь?

— И ты, наверное, тоже. Януса ты, должно быть, знаешь лучше меня. Плохо. Рене — компетентный врач, умница и человек неплохой, но она честолюбива — как и все мы, впрочем, — и потому ее легко совратить. Она действительно мечтает войти в историю как победительница эритрийской лихоманки.

— И ради этого она хочет рискнуть Марленой?

— Не то чтобы хочет, но она все-таки стремится... Хорошо, в общем, ты права.

— Должен быть другой выход. Посылать Марлену в такое опасное место, экспериментировать с нею как с прибором — это же ужасно.

— Но она так не считает, а уж Питт — тем более. Пусть погибнет один чей-то разум, но человечество приобретет планету, где смогут жить миллионы. Жесткий подход, однако не исключено, что грядущие поко-

ления увидят в Рене суровую героиню и поблагодарят ее за одну жертву, даже за тысячу, если одной не хватит.

— Почему бы и нет, если речь идет не об их разуме.

— Конечно. Люди охотно принимают жертвы от ближних. Уж Питта подобное не смутит. Или ты не согласна со мной?

— Ты о Питте? Полностью согласна, — сказала Инсигна. — Надо же, я столько лет с ним проработала.

— Тогда ты должна знать, что он из всего извлечет мораль. «Наибольшая выгода для наибольшего числа людей», — так он сказал бы. Рене говорила, что виделась с ним на Роторе. Не сомневаюсь: ей он говорил то же самое, что и я тебе, разве что иными словами.

— Ну а что он будет говорить, — с горечью сказала Инсигна, — когда окажется, что Марлена заболела и не удалось ничего выяснить насчет лихоманки? Что он скажет, угробив мою дочь? И что будет говорить эта Рене Д'Обиссон?

— Она-то расстроится, я уверен.

— Потому что ей не удастся добиться славы?

— Конечно, но перед Марленой она, я думаю, будет чувствовать вину. Она не чудовище. А вот Питт...

— Уж он-то истинное чудовище.

— Я бы сказал иначе — просто у него «туннельное зрение». Он видит перед собой лишь то, что, по его мнению, должно происходить с Ротором. Для нас с тобой болезнь Марлены будет несчастьем, а он просто скажет себе, что Марлена помешала бы ему править Ротором, ведь приходится учитывать столько факторов, заставляя их служить на благо поселению. Ее болезнь не отяготит его совесть.

Инсигна легонько качнула головой.

— Хотелось бы ошибиться, лучше бы Питт и Д'Обиссон были вне подозрений.

— Я тоже так думаю, но предпочитаю верить Марлене. Она говорила, что заметила в Рене радость. Может быть, это чувство и вправду относилось к открывшейся научной возможности, но все-таки я доверяю Марлене.

— Да, Д'Обиссон уверяла, что такой случай мог бы обрадовать ее как профессионала, — сказала Инсигна. — Могу поверить, в конце концов, я и сама ученая.

— Конечно же, — ответил Генарр. Его добродушное лицо озарилось улыбкой. — Ты решилась оставить Солнечную систему, чтобы лететь неведомо куда за световые годы, к новым астрономическим знаниям, прекрасно понимая, что этим, возможно, обрекаешь на смерть обитателей Ротора...

— Мне казалось, что шансы на неудачный исход невелики.

— Настолько невелики, чтобы рискнуть годовалой девчонкой? Ты ведь могла оставить ее с домоседом мужем, в безопасности — но тогда с ней пришлось бы расстаться навсегда. И ты рискнула ее жизнью, даже не ради блага Ротора, просто для собственного спокойствия.

— Прекрати, Сивер! — приказала Инсигна. — Это жестоко.

— Я просто хочу доказать тебе, что на все можно смотреть с разных точек зрения — стоит лишь слегка задуматься. Да, Д'Обиссон находит профессиональное удовольствие в изучении заболеваний, но вот Марлена решила, что врач не хочет ей добра, и я доверяю ее словам.

— Тогда можно не сомневаться, — сказала Инсигна, презрительно скривив губы, — что она постарается снова выставить Марлену на поверхность Эритро.

— Предполагаю, что так и будет, однако она осторожна и настаивает, чтобы я отдал приказ, и лучше в письменном виде. Хочет подстраховаться на случай неудачи. Мысль, достойная Питта. Вот кто истинная зараза — наш общий друг.

— В таком случае, Сивер, тебе нельзя больше выпускать Марлену. Зачем нам помогать Питту?

— Напротив, Эугения. Все не так просто. Мы должны будем посылать ее.

— Что?

— У нас нет выбора, Эугения. А ей ничего не грозит. Видишь ли, теперь я считаю, что ты была права и на планете действительно скрывается какая-то жизненная форма, способная воздействовать на нас. Ты же сама

знаешь, что и со мной произошел странный приступ, и с тобой, и с часовым тоже было такое — именно тогда, когда мы возражали Марлене. Я сам видел, как это случилось с Рене. Едва она попробовала настоять на своем, ей сразу же стало плохо. Но стоило мне успокоить Марлену, как Рене тут же полегчало.

— Ну вот, Сивер, все стало ясно. Если это нечто на планете хочет нам зла...

— Погоди-ка, Эугения. Я не говорил этого. Даже если причины лихоманки кроются в воздействии этой местной жизни, теперь болезнь прекратилась. Ты скажешь: это потому, что мы решили держаться под Куполом и, если бы нам действительно желали зла, мы погибли бы. Однако налицо цивилизованный компромисс: нам позволили поселиться здесь.

— Сомневаюсь, что действия совершенно чуждой нам жизни можно рассматривать с позиций ее намерений и эмоций. На самом деле истинная суть ее мыслей может выходить за пределы нашего понимания.

— Согласен, Эугения, но она же не причиняет Марлене вреда. Напротив, словно защищает, делает так, чтобы мы не мешали.

— Но если так, — проговорила Инсигна, — почему же она испугалась, почему с криком бросилась к Куполу? Я не верю ни единому ее слову; ни тому, что она занервничала от тишины, ни тому, что шумом пыталась нарушить ее...

— Да, в это поверить сложно. Она запаниковала, потом успокоилась. Спасатели застали ее в полном спокойствии. Могу предположить, что эта загадочная жизненная форма чем-то испугала Марлену — наверное, в наших эмоциях она разбирается не больше, чем мы в ее собственных, — но потом заметила, что натворила, и постаралась успокоить девочку. По-моему, это удовлетворительное объяснение — в него укладываются все факты, заодно оно подтверждает гуманную природу местной жизни.

Инсигна нахмурилась.

— Трудно с тобой, Сивер, ты вечно во всем видишь только хорошее. Не могу я верить этому объяснению.

— Верь не верь, все равно нам с тобой нечего возразить Марлене. Пусть она делает что хочет, иначе

все ее противники будут валяться без сознания или корчиться от боли.

— Но какие существа могут обитать здесь?

— Не знаю, Эугения.

— Больше всего меня пугает другое — что нужно им от Марлены?

— Не знаю, Эугения. — Генарр качнул головой.

И они беспомощно посмотрели друг на друга.

Глава 32

ПОТЕРЯЛИСЬ

71

Крайл Фишер задумчиво смотрел на яркую звезду.

Но она была слишком яркой, чтобы на нее можно было смотреть, как обычно смотрят на что-то. Он бросал на нее быстрый взгляд, а потом разглядывал запечатлевшееся на сетчатке изображение. Тесса Уэндел все время напоминала ему, что он может получить ожог сетчатки. Но убедившись, что слова бесполезны, приказала затемнить иллюминатор. Звезда потускнела, а остальные звезды почти исчезли, превратившись в еле заметные мерцающие точки.

Этой яркой звездой, конечно же, было Солнце.

Оно было невероятно далеко, человеческий глаз еще не видел его на таком расстоянии — если не считать роториан. Солнце находилось теперь в два раза дальше от корабля, чем от самой крайней точки орбиты Плутона, и его диск уже не был виден. Но, став звездой, Солнце все-таки светило в сто раз ярче, чем полная Луна в небе Земли, только теперь его яркость сконцентрировалась в точку. Поэтому нетрудно было сообразить, зачем нужны светофильтры.

Все изменилось. Обычно человеку и в голову не приходит удивиться Солнцу. Оно такое яркое, что его просто не с чем сравнивать. Той малой доли его света, что рассеивается в атмосфере, хватает, чтобы затмить на небе все звезды. И даже те звезды, которые не

меркнут рядом с Солнцем, все равно не могут с ним сравниться.

Но здесь, в глубоком космосе, свет Солнца казался ослабевшим настолько, что подобное сравнение вот-вот станет возможным. Уэндел говорила, что в этой точке яркость Солнца в сто шестьдесят раз больше, чем у Сириуса, самого яркого после Солнца объекта на небе Земли. И миллионов в двадцать раз ярче тех звезд, которые еще можно было видеть невооруженным глазом. Поэтому здесь Солнце выглядело совсем не таким, как в земном небе.

Кроме разглядывания звездного неба, Фишеру оказалось нечем заняться. «Сверхсветовой» дрейфовал в пространстве с обычной для ракеты скоростью.

На такой скорости до Звезды-Соседки им лететь тридцать пять тысяч лет — если только корабль летит в нужную сторону. Но оказалось, что это не так.

Вот почему уже два дня Уэндел не находила себе места от отчаяния. До сих пор причин для беспокойства не было. Перед входом в гиперпространство Фишер напрягся, ожидая боли, неприятных ощущений. Но ничего не было. Корабль мгновенно вошел в него и тут же вышел обратно. Только картина звездного неба вдруг разом изменилась.

Крайл ощутил какое-то двойное чувство. С одной стороны, он был жив, а с другой — если что-то произойдет, то смерть придет так быстро, что он не успеет этого осознать. Умрет, ничего не ощутив.

Это чувство так поглотило его, что он даже не обратил внимания на тревожный возглас, с которым Тесса Уэндел бросилась в машинный зал.

Вернулась она какая-то растрепанная — нет, ее прическа была в порядке, однако при взгляде на нее возникала такая мысль. Она взглянула на Фишера круглыми глазами, словно не узнавая, и сказала:

— А созвездия не должны были измениться.

— Неужели?

— Мы ведь еще недалеко отлетели. Не должны были отлететь далеко. Один миллисветогод с третью. Этого мало, чтобы очертания созвездий изменились для невооруженного глаза. Правда, — она судорожно

вдохнула, — все не так уж и плохо. Я боялась, что мы промахнулись на несколько тысяч световых лет.

— Тесса, разве это возможно?

— Конечно, возможно. Вот и приходится контролировать движение в гиперпространстве, потому что для него тысяча световых лет что один год.

— Значит, мы спокойно можем...

Уэндел знала, что скажет Фишер.

— Нет, вернуться не так просто. Если нас подвело управление, каждый новый этап путешествия будет заканчиваться неизвестно где, в какой-то случайной точке, и мы никогда не вернемся назад.

Фишер нахмурился. Эйфория, охватившая его оттого, что он побывал в гиперпространстве и благополучно вернулся, исчезла.

— Но во время экспериментов вы же благополучно возвращали объекты?

— Они были не такими массивными, и мы перебрасывали их не так далеко. Впрочем, пока все не так уж плохо. Мы прошли столько, сколько планировали. Расположение звезд такое, каким должно быть.

— Как это? Ведь оно изменилось. Я сам видел.

— Изменилась ориентация корабля. Его нос отклонился почти на двадцать восемь градусов. То есть мы летели по кривой, а не по прямой.

Звезды в иллюминаторе медленно двигались.

— Сейчас мы разворачиваемся носом к Звезде-Соседке, — сказала Уэндел, — из психологических соображений: чтобы понимать, куда летим. Прежде чем лететь дальше, придется выяснить, почему траектория корабля изменилась.

В иллюминаторе ослепительным маяком вспыхнула яркая звезда, медленно проплыла и исчезла. Фишер моргнул.

— Солнце, — пояснила Уэндел, отвечая на удивленный взгляд Фишера.

— Есть ли разумное объяснение того, почему наш курс изменился? — спросил Фишер. — Если Ротор тоже сбился с курса, то кто знает, чем все это кончилось?

— И чем кончится у нас. Пока у меня нет объяснений. — Уэндел встревоженно посмотрела на него. — Будь наши предположения точны, изменилось бы лишь

положение корабля, а не его ориентация. То есть мы переместились бы по евклидовой прямой, невзирая на неевклидово пространственно-временное искривление. Двигались-то мы не в нем. Скорее всего, мы ошиблись при программировании или напутали в исходных параметрах. Лучше бы это было программирование — такую ошибку проще исправить.

Прошло пять часов. Уэндел вошла, потирая глаза. Фишер вопросительно взглянул на нее. Он пытался посмотреть фильм, но не мог сосредоточиться. Тогда он стал рассматривать созвездия, надеясь, что вид в иллюминаторе успокоит его.

— Ну, Тесса? — спросил он.

— С программированием, Крайл, все в порядке.

— Значит, врут исходные данные?

— Да — но как это определить? Мы же использовали едва ли не бесконечное множество допущений. Как найти среди них ошибочное? Нельзя же перебирать по одному — и до конца не доберемся, и потеряемся окончательно.

Воцарилась тишина. Наконец Уэндел сказала:

— Если бы ошибка была в программировании, мы исправили бы ее шутя и все было бы в порядке. Но теперь придется обратиться к основам. Тут уж мы наверняка обнаружим что-то серьезное и если не справимся, то, возможно, пути домой уже не найдем. — Она прикоснулась к руке Фишера. — Ты понял меня, Крайл? Если мы не сможем найти ошибку, только случай поможет нам вернуться домой. С каждой новой попыткой мы будем попадать все дальше и дальше от нужного места. А когда надоест прыгать, когда иссякнет энергия или глубокое отчаяние лишит нас желания жить — нас ждет смерть. И всем этим ты будешь обязан мне. Но главное не это — погибнет мечта. Если мы не вернемся, на Земле ничего не узнают о нашей судьбе. Скорее всего, решат, что мы погибли при переходе, и откажутся от новых сверхсветовых полетов.

— Но необходимо пробовать — ведь нужно спасти человечество...

— Не обязательно. Они могут опустить руки и так дожидаться Звезды-Соседки, а потом просто погибнуть

по одному. — Уэндел подняла глаза и поморгала. Лицо ее казалось ужасно усталым.

Крайл хотел что-то сказать, но промолчал.

— Крайл, мы уже столько лет вместе, — нерешительно начала Уэндел. — Если твоей мечты о дочери больше нет — хватит ли тебе только меня?

— Я тоже могу спросить: удовольствуешься ли ты мной одним, когда у тебя уже не будет твоего сверхсветового полета?

Оба задумались над ответом. Наконец Уэндел проговорила:

— Крайл, ты у меня на втором месте, но с внушительным отрывом от всего прочего. Спасибо тебе.

Фишер поежился.

— Тесса, то же самое я хотел сказать тебе. Но перед стартом я бы ни за что в это не поверил. Кроме дочери у меня есть только ты. И мне подчас хочется...

— Не надо. Второе место тоже почетно.

И они взялись за руки. Крепко. И стали смотреть на звезды.

В дверь просунулась головка Мерри Бланковиц.

— Капитан Уэндел, у Ву есть идея. Он говорит, что уже давно думает об этом, но не решается сказать.

— Почему? — Уэндел вскочила.

— Он сказал, что однажды попробовал, а вы велели ему не быть дураком.

— Неужели? А почему он решил, что я никогда не ошибаюсь? Конечно, я его выслушаю и, если окажется, что идея недурна, сломаю шею за то, что не сказал раньше...

И она торопливо вышла.

72

Весь день и половину следующего Фишер ждал. Больше ему ничего не оставалось. Ели все вместе, как обычно, но молча. Фишер не знал, удалось ли ученым поспать. Сам он дремал иногда, просыпаясь, чтоб в очередной раз прийти в отчаяние.

Сколько лет мы можем здесь выдержать? — подумал он на второй день, глядя на прекрасную и недостижимую точку в небе, которая недавно согревала его и освещала дни его жизни.

Рано или поздно все они умрут. Да, современная космическая техника может существенно продлить их жизнь. Установки замкнутого цикла достаточно эффективны. Даже пищи хватит надолго, если они будут довольствоваться пресными и безвкусными пирожками из водорослей. Микроатомные двигатели в состоянии надолго обеспечить их энергией. Но едва ли кому-нибудь захочется дожить до тех пор, когда система жизнеобеспечения придет в негодность.

Когда у тебя нет никакого выхода — не разумнее ли прибегнуть к регулируемым демегаболизаторам?

Этот способ самоубийства был принят на Земле. Можно было отмерить себе дозу на целый день и, зная, что этот день будет последним, прожить его по возможности счастливо. К вечеру человека охватывала дремота. Зевая, он погружался в спокойные и мирные сновидения, которые становились все глубже, потом сны исчезали — и человек не просыпался. Более гуманной смерти еще не придумали.

Однако в пять часов вечера, на следующий день после неудачного перехода, совершившегося по кривой, а не по прямой, запыхавшаяся Тесса ворвалась в каюту и круглыми глазами взглянула на Крайла. Ее темные волосы, в которых за последний год прибавилось седины, были взлохмачены.

Фишер испуганно вскочил.

— Плохо?

— Нет, хорошо! — ответила она и рухнула в кресло.

Фишер не поверил своим ушам. К тому же он не был уверен, что Тесса не пошутила. А потому он молча наблюдал, как она приходила в себя.

— Все хорошо, — наконец повторила она. — Отлично! Великолепно! Крайл, ты видишь перед собой дуру. И мне уже не оправдаться.

— Но что же случилось?

— Сяо Ли Ву знал, в чем дело, знал с самого начала. И я даже помню, как он говорил мне об этом. Несколько месяцев, может, год назад. Я тогда не обратила внимания, отмахнулась... — Она умолкла, чтобы перевести дыхание. Возбуждение мешало ей говорить. — Вся беда в том, что я думала, что одна разбираюсь в физике сверхсветового полета и никто не может зайти

дальше меня. И если кто-то высказывал идею, которая казалась мне странной, значит, эта идея — просто глупость. Ты понял, что я хочу сказать?

— Случалось мне встречаться с такими людьми... — мрачно ответил Фишер.

— На это всякий способен, — сказала Уэндел, — при определенных обстоятельствах. Наверное, особенно легко этому поддаются стареющие ученые. Потому что бывшие смелые революционеры в науке через несколько десятилетий превращаются в живых ископаемых. Как только воображение покрывается корочкой самообожания — конец. И мне тоже... Но хватит об этом. За один день мы все кончили, подправили уравнения, перепрограммировали компьютер, провели модельные расчеты. Прошли по всем темным дорожкам и ухватили себя за уши. В обычных условиях на это ушло бы не менее недели, но мы работали как одержимые.

Уэндел опять умолкла, чтобы перевести дух. Фишер кивнул и нетерпеливо прикоснулся к ее руке.

— Все это сложно, — продолжала она, — но попробую объяснить. Смотри: мы переходим в гиперпространство из одной его точки в другую за нулевое время. Но переход совершается по определенной траектории, каждый раз по новой, обладающей определенной начальной и конечной точками. Мы не ощущаем ее, не контролируем, вообще не движемся по ней, как это бывает в пространстве-времени. Она существует весьма малопонятным образом. Такую траекторию мы называем виртуальной. Я сама придумала этот термин.

— Но если мы не ощущаем ее и не движемся по ней — откуда известно, что она действительно существует?

— Виртуальная траектория определяется уравнениями, описывающими наше движение в гиперпространстве.

— А ты уверена, что уравнения действительно описывают реальный объект? Не может ли случиться, что твоя траектория представляет собой всего лишь математическую абстракцию?

— Возможно. Я и сама так считала. А Ву еще год назад заподозрил, что траектория реально существует. А я словно абсолютная идиотка походя отвергла такую

возможность. Я сказала ему тогда, что виртуальная траектория существует лишь виртуально. Раз ее нельзя измерить, она находится за пределами науки. Какая близорукость! Стыдно даже вспоминать об этом.

— Ну хорошо. Пусть виртуальная траектория каким-то образом существует. Что из того?

— В таком случае, если она пролегает возле массивного тела, на корабль действует гравитация. Вот и первое ошеломляющее и полезное открытие: оказывается, тяготение способно влиять на виртуальную траекторию! — Уэндел сердито погрозила себе кулаком. — Я сама думала об этом, но решила, что если корабль будет двигаться во много раз быстрее скорости света, то гравитация не успеет оказать существенного воздействия и что перемещаться мы должны по эвклидовой прямой.

— Но случилось иначе?

— Конечно. И Ву все объяснил. Представь себе, что скорость света — просто точка отсчета. Все скорости, которые меньше ее, имеют отрицательную величину, а больше — положительную. В той обычной Вселенной, где мы живем, все скорости будут отрицательными — обязаны быть по этому допущению. Но Вселенная равновесна. Если один фундаментальный параметр, как скорость движения, остается отрицательным, значит, другой параметр, не менее фундаментальный, обязан всегда быть положительным... Так вот, Ву предположил, что это тяготение. В обычной Вселенной оно означает притяжение. Каждый обладающий массой объект притягивает к себе все прочие, также наделенные массой. Однако если нечто движется со сверхсветовой скоростью, то есть быстрее света, то эта скорость становится положительной и тогда тот другой параметр, прежде бывший положительным, должен сделаться отрицательным. Иными словами, при сверхсветовых скоростях гравитационное воздействие делается отрицательным. Каждый наделенный массой объект отталкивает все другие. Ву давно уже говорил мне об этом, а я не слушала. Его слова отскакивали от меня как от стенки горюх.

— Но в чем же дело, Тесса? Ведь мы двигаемся с колоссальной сверхсветовой скоростью, а значит, гра-

витационное притяжение, как и отталкивание, не способно повлиять на наш путь.

— Ах, Крайл, это совсем не так. В том-то и дело. Здесь тоже существует обратимость. В обычной Вселенной отрицательных скоростей чем быстрее движешься мимо притягивающего тела, тем меньше гравитационное притяжение способно повлиять на направление движения. Во Вселенной положительных скоростей, в гиперпространстве, чем быстрее движемся мы относительно отталкивающего тела, тем сильнее воздействует оно на направление движения. Для нас это безумие, мы привыкли к правилам нашей Вселенной. Но, как только поменяли минус на плюс и наоборот, все встает на свои места.

— Математически. Но насколько можно верить уравнениям?

— Наши расчеты мы сравниваем с фактами. Гравитационное притяжение, как и отталкивание, является самой слабой из всех сил на всей виртуальной траектории. И внутри корабля, и внутри нас самих, пока мы остаемся в гиперпространстве, все частицы отталкиваются друг от друга, но подобное отталкивание не в состоянии преодолеть совместного действия прочих сил, не поменявших своего знака. Однако на пути от Четвертой станции сюда мы пролетали неподалеку от Юпитера. И воздействие его массы на виртуальной траектории оказалось не слабей, чем притяжение на обычной орбите. Мы рассчитали, насколько гравитационное отталкивание Юпитера способно было повлиять на наш путь в гиперпространстве, и получили именно то, что наблюдаем. Другими словами, Ву не только упростил мои уравнения — он заставил их работать.

— Выходит, ты сломала его шею, как и обещала? — спросил Фишер.

Уэндел вспомнила свое обещание и рассмеялась:

— Что ты! Признаюсь, я его даже поцеловала.

— Прощаю тебя.

— Конечно. Теперь, Крайл, мы обязаны вернуться, просто обязаны. Новые сведения о гиперпространстве должны быть зафиксированы. Ву должен получить свою награду. Конечно, он воспользовался моими трудами, но

сумел сделать такое, что мне и в голову не приходило: он учел следствия.

— Понимаю, — отозвался Фишер.

— Нет, не понимаешь, — сказала Уэндел. — А теперь слушай меня. У Ротора не было проблем с гравитацией. Они держались скорости света — чуть больше, чуть меньше, — так что гравитационные эффекты, положительные и отрицательные, отталкивание и притяжение, для них не имели значения. Только наш полет на истинных сверхсветовых скоростях требует учета воздействия гравитации. Мои уравнения здесь бесполезны. Они описывают переход в гиперпространство, а не передвижение в нем. И это не все. Мне всегда казалось, что вторая часть перехода — выход из гиперпространства — чревата неизбежной опасностью. Ведь можно врезаться в уже существующий объект — произойдет фантастический взрыв, и корабль, и все в нем вдребезги разлетится за триллионную долю триллионной части секунды. Конечно, в звезду не врежешься — нам известно, где расположены звезды, их легко обойти. Со временем мы будем знать местоположение и планет каждой звезды, учтем и их воздействие. Но в окрестностях каждой звезды десятки тысяч астероидов и десятки миллионов комет. И столкнуться с ними не менее опасно. До сегодняшнего дня единственное спасение я видела в законах случайности. Пространство огромно, и вероятность столкнуться в нем с объектом больше атома, хотя бы с песчинку, чрезвычайно мала. Но в таком случае каждый новый скачок через гиперпространство только приближал бы катастрофу.

Теперь можно надеяться, что столкновения невозможны. Наш корабль и любое массивное тело в пространстве будут отталкиваться друг от друга. Так что мы даже на булыжник не налетим. Все препятствия будут сами собой устраняться с нашей дороги.

Фишер почесал лоб.

— А мы-то сами не уклонимся от нее? Препятствия могут полностью изменить наш путь.

— Нет, маленькие объекты не смогут существенно повлиять на траекторию; маленькие отклонения — небольшая плата за безопасность. — Уэндел глубоко вздохнула и блаженно потянулась. — У меня велико-

лепное настроение. На Земле это открытие произведет сенсацию.

Фишер усмехнулся.

— А знаешь, Тесса, перед тем как ты влетела сюда, мне уже представлялись всякие жуткие сцены: и как мы навек здесь застряли, и как наш корабль скитается в пространстве с пятью мертвецами на борту, как когда-нибудь его обнаружат разумные существа и оплачат гибель космических скитальцев...

— Не думай об этом, дорогой мой, ничего такого не случится, — улыбаясь, ответила Тесса. И они обнялись.

Глава 33

РАЗУМ

73

Эугения Инсигна выглядела мрачной.

— Марлена, неужели ты опять собралась выходить?

— Мама, — устало, но терпеливо сказала Марлена, — ты говоришь так, словно я решилась на это минут пять назад. А я давно уже тебе говорю, что там — на Эритро — и собираюсь остаться. Я не передумала и не буду менять свое решение.

— Да, ты уверена в своей безопасности, конечно, пока ничего с тобой не случилось, но...

— На Эритро я в безопасности. Меня тянет к ней. Дядя Сивер это понимает.

Эугения посмотрела на дочь, хотела возразить, но лишь покачала головой. Если Марлена решила, ее не остановить.

74

На Эритро потеплело, подумала Марлена, немножко потеплело, и ветерок стал таким приятным. Серые облака шествовали по небу, пожалуй, немного быстрее и, похоже, стали гуще.

Дождь предсказывали только на завтра, и Марлена подумала, что неплохо будет выйти под дождь и посмотреть, как покроется рябью ручей, как станут мокрыми камни, как раскиснет земля под ногами.

Она остановилась у плоской скалы возле ручья. Погладила камень рукой и осторожно села, глядя, как

между валунами, выступающими со дна, бурлит вода. Наверное, дождь похож на душ, решила Марлена.

Такой здоровенный душ со всего неба, от которого нигде не спрятаться. Интересно, а не захлебнешься ли?

Нет, едва ли. На Земле дожди шли часто, и она что-то не слышала, чтобы люди тонули. Нет, это должно быть похоже на душ. А под душем можно дышать.

Правда, дождь будет прохладным, а она предпочитала горячий душ. Марлена лениво задумалась. Здесь, снаружи, было так спокойно, мирно, никто не смотрел на нее, не нужно было толковать жесты, гримасы и телодвижения. Как хорошо, что можно этого не делать.

Интересно, какой будет вода? То есть дождь. Наверное, такой же теплой, как сама Немезида. Конечно, она промокнет, а когда выходишь из душа, то сразу делается холодно. Кстати, дождь промочит и ее одежду.

Но это же глупо: одетой стоять под дождем. Ведь в душ входишь без всякой одежды. Значит, когда пойдет дождь, можно будет раздеться. Пожалуй, это разумно.

Только куда девать одежду? Когда идешь в душ, то оставляешь одежду под присмотром уборщицы. На Эритро ее можно спрятать под валун или сложить из камней маленький домик, чтобы в дождь оставлять в нем одежду. В конце концов, зачем вообще одеваться, если идет дождь?

А когда солнечно?

Конечно, в холод одеваться придется — а когда тепло?

А почему люди носят одежду на Роторе, где всегда тепло и сухо? Правда, в бассейнах все ходят раздетыми. Марлена вспомнила, как молодые ребята охотно скидывают с себя почти все и не спешат одеваться.

А такие, как она, не любили раздеваться на глазах у всех. Быть может, поэтому люди и носят одежду? Чтобы скрывать тело?

Почему у разума нет формы, которую можно выставить напоказ? Только поступки, которые не нравятся людям. Им приятно смотреть на красивые тела, а от красивой души все воротят носы. Почему?

Но здесь на Эритро, где никого нет, она может раздеться, освободиться — и никто не станет тыкать в нее пальцем и посмеиваться.

Она может сделать что угодно — ведь перед ней целый мир, пустынный, спокойный, он словно мягким одеялом накрывал ее своим безмолвием.

Она чувствовала, что расслабляется. Какая тишина. Тишина.

Она выпрямилась. Тишина?

Она готова была снова услышать голос. Больше она не будет кричать, не будет пугаться. Так где же этот голос?

И словно в ответ на ее безмолвный зов:

— Марлена!

Сердце ее подпрыгнуло.

Но она сразу взяла себя в руки. Нельзя обнаруживать испуга. И, оглядевшись вокруг, Марлена очень спокойно спросила:

— Где ты, скажи?

— Не нужно... нужно... тря-трясти воздух... говорить...

Голос принадлежал Ауринелу, но он не говорил, как Ауринел. Казалось, что невидимому собеседнику слова даются с трудом, но вот-вот дело пойдет на лад.

— Пойдет на лад, — подтвердил голос.

Марлена ничего не сказала. Просто подумала:

— Можно не говорить. Я должна только думать.

— Тебе нужно лишь приспособиться. У тебя получается.

— Но я слышу твои слова.

— Я тебе помогаю — и тебе кажется, что ты меня слышишь.

Марлена осторожно лизнула губы. Нельзя бояться, нужно оставаться спокойной.

— Бояться нечего... некого, — произнес голос, но он уже не был совершенно похожим на голос Ауринела.

— Ты ведь все слышишь, не так ли? — мысленно спросила Марлена.

— Это смущает тебя?

— Да, смущает.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы ты все знал. Я бы хотела кое-что оставить для себя.

Она попыталась не думать, что такую же реакцию сама вызывала у окружающих. Но она знала, что мысль

нельзя спрятать, и попыталась просто ни о чем не думать.

— Но ты устроена не так, как другие.

— Не так?

— Твой разум. Другие... перепутанные... кривые. А твой... великолепен.

Снова облизнув губы, Марлена улыбнулась. Если здесь видят ее разум, значит, он и вправду великолепен. Она немножко загордилась и с сожалением подумала о девицах, в которых нет ничего красивого, кроме внешности.

Голос внутри нее произнес:

— Эту мысль следует отнести к личным?

У Марлены едва не вырвалось:

— Да-да, конечно.

— Я могу уловить разницу и на личные мысли не стану реагировать.

Марлена жаждала похвалы.

— А много умов ты встречал?

— После вашего появления здесь, лю-ди, я ощутил многие умы.

Голос не уверен, то ли слово произнес, подумала Марлена. Голос не реагировал — Марлена удивилась. Удивление — чувство личное, но она его сейчас не считала таковым. Значит, личное остается личным независимо от того, что она об этом думает. Разум сказал ей, что чувствует разницу. Она сказывалась в облике мыслей.

Голос не отреагировал и на это. Придется спросить, показать, что это не личная мысль.

— Пожалуйста, а на облике мыслей это сказывается?

Пояснять не пришлось. Голос знал, о чем она спрашивает.

— Видно по облику, все видно по облику — так хорошо устроен твой разум.

Марлена замурлыкала про себя. Свою похвалу она получила. Значит, следует вернуть комплимент.

— Выходит, твой разум тоже превосходно устроен?

— Он отличен от твоего. Он протяженный. Он простой в каждой точке, но, если точки собрать вместе, он становится сложным. Твой разум — сложный от начала. В нем нет простоты, но ты отличаешься от подобных

тебе. Другие умы такие искривленные, с ними нельзя войти в перекрестное соприкосновение, нельзя общаться. А если попробовать их изменить, они гибнут — такой уж хрупкий ваш разум. Я об этом не знал. Я не хрупок.

— А мой разум хрупкий?

— Нет, он приспосабливается.

— Ты пытался вступить в общение с другими?

— Да.

— Эритрийская лихоманка. — Ответа не было — личная мысль.

Она закрыла глаза, пытаясь дотянуться до этого разума, извне общавшегося с ней. Она не понимала, как делает это, и, быть может, поступала неправильно — может, вообще ничего не могла сделать. Разум будет смеяться над ее неловкостью — если способен смеяться.

Ответа не было.

— Подумай что-нибудь, — попросила Марлена.

Он сразу вернулся.

— О чем мне думать?

Он пришел ниоткуда. Ни с той стороны, ни с этой — он звучал внутри ее головы.

Марлена подумала, досадуя на собственную нескладность:

— А где ты ощутил мой разум?

— В новом контейнере с человеческими существами.

— На Роторе?

— На Роторе.

Тут ее осенило.

— Я нужна тебе, ты звал меня?

— Да.

Конечно же, зачем ей еще понадобилась Эритро? Почему она с такой тоской разглядывала планету в тот день, когда посланный ее матерью Ауринел явился разыскивать ее.

Она стиснула зубы. Надо спрашивать дальше.

— Где ты?

— Повсюду.

— Ты и есть планета?

— Нет.

— Покажись мне.

— Я здесь, — и голос вдруг обрел направление.

Она взглянула на ручей и вдруг поняла, что, пока общалась с голосом внутри себя, видела перед собой только ручей. Все другое словно исчезло. Разум ее словно замкнулся в себе, вбирая то, что в него вливалось.

А теперь словно вуаль поднялась. Вода бежала между камнями, бурлила, образовывала воронки. Пузырьки лопались, появлялись новые — в сущности те же самые и в то же время другие. И тут один за другим пузырьки бесшумно полопались, и поверхность ручья стала гладкой, словно течение исчезло.

В воде отражался свет Немезиды. Да, течение исчезло, и Марлена видела это. Блики на поверхности ручья вдруг стали складываться в изображение поначалу карикатурное: две темные дыры на месте глазниц, щель вместо рта.

Она смотрела и удивлялась, а черты лица становились все отчетливее.

И вдруг лицо сделалось знакомым и взглянуло на нее пустыми глазницами.

Это было лицо Ауринела Пампаса.

75

— И тогда ты убежала, — медленно и задумчиво проговорил Сивер Генарр, стараясь выглядеть невозможным.

Марлена кивнула.

— В первый раз я убежала, когда услышала его голос, а теперь — когда увидела лицо Ауринела.

— Я тебя не осуждаю...

— Не смейтесь надо мной, дядя Сивер.

— А что мне делать? Шлепнуть тебя? Давай лучше посмеемся вместе. Значит, разум, как ты его называешь, сумел воссоздать лицо и голос Ауринела по твоим собственным воспоминаниям. А насколько ты была близка с Ауринелом?

Она подозрительно посмотрела на Генарра.

— Что значит «насколько близка»?

— Я не имею в виду ничего предосудительного. Вы дружили?

— Конечно.

— Итак, ты в него втюрилась?

Марлена помолчала, поджав губы. Потом проговорила:

— Наверное, так и было.

— Ты говоришь в прошедшем времени — это прошло?

— Безнадежно. Ведь я для него — маленькая девочка. Сестричка.

— Вполне естественное чувство в подобной ситуации, но ты еще вспоминаешь о нем, поэтому планета смогла вызвать из памяти его голос, а потом и лицо.

— Что значит «вызвать из памяти»? Это были настоящие голос и лицо.

— Ты уверена?

— Конечно.

— Ты сказала об этом матери?

— Нет. Ни единого слова.

— Почему?

— Ох, дядя Сивер! Вы же знаете ее. Я терпеть не могу ее вечных страданий. Я знаю, вы сейчас скажете, что она меня любит, но мне от этого не легче.

— Марлена, но ты же все рассказала мне, а я тоже люблю тебя.

— Я знаю, дядя Сивер, но вы не такой нервный. Вы смотрите на вещи логически.

— Должен ли я считать это комплиментом?

— Да, я хотела сказать вам приятное.

— В таком случае давай самым логическим образом проанализируем все, что ты обнаружила.

— Хорошо, дядя Сивер.

— Прекрасно. Итак, получается, что на этой планете обитает нечто живое.

— Да.

— Но это не сама планета?

— Нет, определенно нет. Он отрицал это.

— Но он один.

— Да, мне кажется, что он один. Беда в том, дядя Сивер, что мы с ним общаемся с помощью телепатии, какой ее представляют люди. Я не читаю ни мыслей, ни снов. Просто сразу приходят какие-то впечатления — ну словно глядишь на картинку, которая состоит из крошечных кусочков света и тени.

— Значит, тебе кажется, что он живой.

— Да.

— И разумный.

— Очень.

— И не знает техники. Мы не обнаружили, на планете ничего рукотворного. Это живое невидимо, таится, мыслит, ничего другого не делает, только рассуждает. Так?

Марлена помолчала.

— Я еще не вполне уверена, но, похоже, вы правы.

— И тут появляемся мы. Как ты считаешь, когда он обнаружил наше появление?

Марлена качнула головой.

— Не знаю.

— Наверное, золотко, он обнаружил тебя еще на Роторе. Значит, вторжение чуждого разума он мог заметить, уже когда мы приближались к системе Немезиды. Как по-твоему?

— Нет, дядя Сивер. Мне кажется, он не догадывался о нас, пока мы не высадились на Эритро. Это привлекло его внимание — вот он и обнаружил Ротор.

— Возможно, ты права. Значит, потом он принялся экспериментировать с чужими умами — на Эритро такого еще не водилось. Впервые он встретил другой разум кроме своего. Сколько же ему лет, Марлена, как по-твоему?

— Не знаю, но мне кажется, что он живет уже очень долго... Быть может, столько, сколько сама планета.

— Возможно. И значит, сколько бы лет ему ни было, он впервые обнаружил рядом с собой столько интеллектов, не похожих на себя самого. Так, Марлена?

— Да.

— Значит, он принялся экспериментировать с чужими умами, а поскольку ничего не знал об их строении — повредил их. Вот и причина эритрийской лихоманки.

— Да, — с внезапной живостью откликнулась Марлена. — Правда, о лихоманке он ничего не сказал, но мне показалось, что причинами ее и были его первоначальные эксперименты.

— А когда он заметил, к чему привела его деятельность, то прекратил ее.

— Да, поэтому сейчас эритрийская лихоманка уже не наблюдается.

— Отсюда следует, что разум этот благожелательно настроен к людям, обладает этическими критериями, похожими на наши, и не желает вредить другим разумам.

— Да! — восторженно воскликнула Марлена. — В этом уж я уверена.

— Но что он представляет из себя? Это дух? Нечто нематериальное? Находящееся за пределами чувств?

— Не могу сказать, дядя Сивер, — вздохнула Марлена.

— Хорошо, — продолжал Генарр, — давай повторим, что он тебе говорил. Останови меня, если я ошибусь. Значит, он сообщил, что интеллект его обладает протяженностью, что разум его прост в каждой точке и сложен лишь в общем и что он не хрупок. Так?

— Так.

— Но единственными живыми созданиями, обнаруженными людьми на Эритро, являются прокариоты, крошечные клетки, подобные бактериям. Возможно ли, чтобы отдельные крохотные клетки сложились в единый организм величиной с целый мир? Такой интеллект поистине можно назвать протяженным, простым в каждой точке и сложным в их единении. И он не будет хрупким, ведь если уничтожить даже большие его части, весь общемировой организм не претерпит никаких изменений.

Марлена взглянула на Генарра.

— Значит, я разговаривала с микробами?

— Я еще не уверен, Марлена. Пока это только гипотеза, но она прекрасно со всем согласуется, все объясняет — лучшей я не могу придумать. Кстати, Марлена, если выбрать любую из сотни миллиардов клеток твоего мозга — она окажется такой же маленькой. Дело в том, что ты — целый организм, а твой мозг — отдельная колония клеток. Так велика ли разница между тобой и другим организмом, клетки мозга которого рассеяны... с помощью каких-нибудь радиоволн?

— Ну, не знаю, — задумчиво пробормотала Марлена.

— Давай обдумаем еще один важный вопрос. Что ему от тебя нужно?

Марлена удивилась.

— Дядя Сивер, он же может разговаривать со мной, передавать мне свои мысли.

— Ты хочешь сказать, что ему нужен собеседник? И значит, как только мы, люди, здесь оказались, он почувствовал свое одиночество?

— Не знаю.

— И ничего не можешь предположить?

— Нет.

— Он же мог погубить всех нас, — вслух размышлял Генарр. — Он же способен сделать это, если мы наскучим ему или чем-нибудь раздосадуем.

— Нет, дядя Сивер!

— Но меня-то он приголубил — едва я попытался помешать тебе общаться с мозгом планеты. И не одного: так было и с Д'Обиссон, твоей матерью и часовым.

— Да, но ведь от этого не осталось никаких последствий — он просто не позволил вам помешать мне.

— И все это затем, чтобы ты выходила на поверхность планеты, чтобы было с кем поговорить... Не слишком основательные причины.

— Быть может, истинных причин мы просто не в силах понять, — сказала Марлена. — Быть может, его разум настолько отличается от нашего, что мы просто не поймем объяснений.

— Но если он может с тобой говорить, значит, не слишком отличается. Он ведь воспринимает твои мысли и передает тебе собственные. Так вы общаетесь?

— Да.

— И он понимает тебя настолько, что говорит голосом Ауринела и принимает его облик — чтобы доставить тебе удовольствие.

Нагнув голову, Марлена изучала пол перед собою. Генарр мягко сказал:

— Значит, если он понимает тебя, то и мы способны понять его, ну а раз так — следует выяснить, чего он от тебя хочет? Это очень важно — кто может знать, что он там замыслил? И кроме тебя, этого никто не сумеет сделать.

Марлена поежилась.

— Я не знаю, как этого добиться, дядя Сивер.

— Делай все, как и прежде. Разум этот дружески настроен к тебе, возможно, он сам и даст необходимые объяснения.

Подняв голову, Марлена внимательно посмотрела на Генарра и проговорила:

— Дядя Сивер, вы испуганы.

— Конечно. Ведь мы имеем дело с разумом, возможности которого намного превосходят наши собственные. Он же способен — если мы не устроим его, — непринужденно разделаться со всеми нами.

— Я не об этом, дядя Сивер. Вы боитесь за меня.

Генарр помедлил.

— Ты до сих пор полагаешь, Марлена, что на поверхности Эритро тебе ничего не грозит? И что с этим разумом не опасно общаться?

Марлена вскочила и возмущенно заговорила:

— Конечно. Риска нет никакого. Он не станет вредить мне.

В ее голосе слышалась уверенность, но у Генарра оборвалось сердце. Неважно, что она говорит — ведь ум ее уже изменен воздействием интеллекта планеты. Можно ли теперь доверять ей? — раздумывал Генарр.

Неужели у этого разума, состоящего из триллионов триллионов прокариотов, нет каких-то собственных целей? Ну скажем, как у Питта. Что если ради этих целей он способен проявить не меньшее, чем Питт, двуличие?

И наконец, что если этот разум обманул Марлену? Имеет ли он, Генарр, право снова выпускать ее наружу?

Однако прав он или не прав — другого выхода нет.

Глава 34

БЛИЗКО

76

-Идеально, — сказала Тесса Уэндел. — Идеально, идеально, идеально. — И взмахнула рукой, словно вбивала гвоздь в стену. — Идеально.

Крайл Фишер знал, о чем она говорит. Дважды они проходили через гиперпространство в обе стороны. Дважды на глазах Крайла чуть-чуть сдвигались звезды. Дважды отыскивал он взглядом Солнце. В первый раз оно показалось тусклым, во второй — немного ярче. Он уже начинал чувствовать себя старым космическим и гиперпространственным волком.

— Значит, Солнце нам не мешает, — заметил он.

— Мешает, только его влияние мы сможем точно учесть при расчете.

— Солнце далеко, и его воздействие здесь должно быть почти нулевым.

— Безусловно, — согласилась Уэндел. — Только почти — это еще не ноль. Влияние Солнца здесь еще поддается измерению. Мы дважды проходили через гиперпространство. Сперва по виртуальной касательной чуть приблизились к Солнцу, потом удалились, немного повернув в другую сторону. Ву заранее проделал все вычисления, и наша траектория совпала с расчетной во всех десятичных знаках, которые есть смысл учитывать. Этот человек просто гений. Он так легко манипулирует с программами, что ты не поверишь.

— Не сомневаюсь, — проворчал Фишер.

— Все, Крайл, вопросов больше нет. Уже завтра мы можем оказаться возле Звезды-Соседки. А хочешь — сегодня, если ты очень торопишься. Конечно, на всякий случай выйдем подальше от нее. И нам придется приближаться к ней какое-то время. Масса этой звезды еще точно не известна нам, и мы не можем рисковать, выйдя из гиперпространства поближе. Иначе нас может отбросить неведомо куда, и тогда снова придется начинать сначала. — Она с восхищением покачала головой. — Ах, этот Ву! Я так им восхищена, что не в силах и описать.

— А ты уверена, что не чувствуешь досады? — осторожно спросил Фишер.

— Досады? Какой досады? — Тесса удивленно взглянула на Фишера. — Ты считаешь, что я должна ревновать?

— Не знаю. А вдруг потомки решат, что именно Сяо Ли Ву является отцом сверхсветового полета, а тебя забудут или запомнят только как предтечу?

— Нет-нет, Крайл. Очень мило, что ты заботишься обо мне, но все в порядке. Мои работы останутся моими. Основные уравнения сверхсветового полета выведены мной. Я участвовала и в инженерных работах, хотя аплодисменты здесь сорвали другие люди. Заслуга Ву состоит только в введении поправки в основные закономерности. Конечно, очень важной поправки — без нее мы беспомощны в космосе, — но это же как глазурь на пироге. Который пекла я!

— Ну и отлично. Рад, что ты в этом уверена.

— Видишь ли, Крайл, я надеюсь, что Ву теперь возглавит дальнейшие исследования в области сверхсветового полета. Лучшие годы мои позади — в науке, конечно. Только в науке, Крайл.

— Знаю-знаю, — ухмыльнулся Фишер.

— В науке я уже качусь под гору. Основы я заложила едва ли не аспиранткой. А потом двадцать пять лет разрабатывала следствия и уже сделала все, что могла. Теперь нужны новые идеи, свежий взгляд, прорыв на необследованную территорию. А я уже не способна на это.

— Тесса, по-моему, ты скромничаешь.

— Увы, Крайл, в скромности меня никогда нельзя было обвинить. Новые мысли приходят в молодости. У молодежи не просто молодые мозги — у нее новые мозги. Вот Ву — его тип еще незнаком человечеству, его опыт — это его собственный опыт — и ничей больше. У него могут быть новые идеи. Конечно же, он основывается на том, что я сделала до него, и многим обязан мне как учительнице. Крайл, он мой ученик, мой последователь. И в его достижениях есть и моя заслуга. Как же я могу ревновать? Да я горжусь им! В чем дело, Крайл? Ты не выглядишь радостным?

— Тесса, ты рада, значит, счастлив и я — не важно, как я выгляжу. Мне кажется, что ты потчуеть меня теорией научного прогресса. Но разве не было случаев в истории науки — да и не только в ней, — когда учителя ненавидели превзошедших их учеников?

— Бывало, конечно. Я сама могу привести с полдюжины довольно гадких примеров, но это исключения, к тому же я ничего подобного не ощущаю. Конечно, я не могу поручиться, что однажды Ву или Вселенная не выведут меня из терпения, но пока... Пока я намерена... Ой, что это такое?

Она нажала на кнопку «прием», и на экране появилось изображение юной мордашки Мерри Бланковиц.

— Капитан, — с обычной нерешительностью заговорила она, — у нас тут вышел спор, и я бы хотела узнать ваше мнение.

— Что-нибудь с кораблем?

— Нет, капитан, мы обсуждали стратегию.

— Хорошо, только лучше не здесь. Сейчас я спущусь в машинный зал. — Уэндел выключила приемник.

— Чтобы у Бланковиц было такое серьезное выражение лица... — пробормотал Фишер. — Что-то не так.

— Не будем гадать. Пойдем и посмотрим. — И она махнула рукой, приглашая Фишера следовать за ней.

77

Трое остальных членов экипажа уже сидели в машинном зале — на полу. Впрочем, поскольку корабль пребывал в невесомости, сидеть можно было и на стенах, и на потолке — но это не соответствовало бы

серьезности ситуации и, безусловно, было бы расценено, как проявление неуважения к капитану. Ведь для невесомости был разработан достаточно сложный этикет.

Уэндел не любила невесомости и, если бы хотела пользоваться привилегиями капитана, в первую очередь приказала бы раскрутить корабль, чтобы создать ощущение гравитационного поля. Но она прекрасно знала, что рассчитывать траекторию легче, если корабль покоится относительно Вселенной, не совершая в ней ни поступательного, ни вращательного движений — впрочем, вращение с постоянной скоростью не вызывало особых проблем.

Однако настаивать на этом значило бы проявить неуважение к сидящему за компьютером. Опять этикет.

Уэндел не сразу уселась прямиком в кресло, и Крайл Фишер ехидно усмехнулся — про себя. Несмотря на то что Тесса почти всю жизнь провела в космосе, она не могла полностью освоиться в невесомости, а он, природный землянин, передвигался по кораблю так лихо, словно всю жизнь провел при нулевом тяготении.

Сяо Ли Ву глубоко вздохнул. Он был широколиц и сидя казался невысоким — однако на самом деле его рост был выше среднего. У него были темные прямые волосы и узкие глаза.

— Капитан, — тихо сказал он.

— Что случилось, Сяо Ли? — спросила Уэндел. — Если опять что-нибудь с программированием, я вас задушу!

— Нет проблем, капитан. Нет проблем. И полное их отсутствие настолько удивляет меня, что, похоже, пора поворачивать к Земле. Я хочу вам это предложить.

— К Земле? — Уэндел изобразила на лице удивление. — Почему? Мы еще не выполнили задания.

— По-моему, наоборот, — ответил Ву с абсолютно бесстрастным лицом. — Начнем с того, что мы даже не знали, в чем именно оно будет состоять. По ходу дела нам пришлось разработать новый способ сверхсветовой навигации — мы улétали с Земли, не располагая им.

— Я это знаю — ну и что?

— У нас нет связи с Землей. Если мы сейчас отправимся к Звезде-Соседке и там с нами что-нибудь слу-

чится, Земля останется без системы сверхсветовой навигации и неизвестно когда сумеет снова ею овладеть. Существенный фактор — к тому же Звезда-Соседка приближается к нам. По-моему, нам следует вернуться, чтобы сообщить Земле все то, что мы сумели узнать.

Уэндел серьезно слушала.

— Понимаю. А что вы, Ярлоу, думаете об этом?

Светловолосый Генри Ярлоу был высок и уныл. Меланхолическое выражение его лица абсолютно не соответствовало характеру. Его длинные пальцы — на вид совершенно изящные — просто волшебным образом манипулировали всеми блоками компьютеров и едва ли не любым прибором на борту.

— По-моему, Ву говорит дело, — отозвался он. — Имей мы связь, можно было бы передать все на Землю и катить дальше. Что с нами будет потом, волнует лишь нас самих. Мы не имеем права спокойно усесться на гравитационные поправки.

— А вы, Бланковиц? — спокойно спросила Уэндел.

Мерри Бланковиц поежилась — невысокая, длинные темные волосы, начинающиеся почти над бровями, расчесаны надвое. Изящным сложением и нервными быстрыми движениями она напоминала миниатюрную Клеопатру.

— Не знаю, — ответила она, — у меня определенное мнение еще не сложилось, однако они почти уговорили меня. Разве не следует нам в первую очередь известить обо всем Землю? Мы обнаружили важный эффект, и в компьютеры новых кораблей необходимо ввести гравитационные поправки. Теперь мы в состоянии за один переход одолеть расстояние от Солнечной системы до Звезды-Соседки, причем в более сильных гравитационных полях, поэтому можно будет и стартовать ближе к ней, а не плестись несколько недель, подбираясь к ее планетам. Мне кажется, сначала следует известить Землю.

— Ясно, — сказала Уэндел. — Как я понимаю, вы предлагаете немедленно вернуться на Землю с информацией о гравитационной коррекции. Ву, по-моему, это не так важно, как вам кажется. Мысль о том, что нужна коррекция, посетила вас не на борту —

по-моему, мы обсуждали ее несколько месяцев... — Она подумала. — Да нет же — почти год назад.

— Но тогда мы ни к чему не пришли, капитан. Вы потеряли, как я помню, терпение и не стали даже слушать меня.

— Да, признаю свою ошибку. Но вы же все написали. Я велела вам написать отчет, чтобы почитать его на досуге. — Она шевельнула пальцами. — Надо сказать, времени у меня не нашлось. Правда, я не помню, чтобы вы приносили мне отчет. Но вы же наверняка все сделали как надо — подробно, со всеми аргументами и уравнениями. Так ведь, Ву? Ваш отчет можно будет отыскать в нашем архиве?

У Ву на скулах заходили желваки, но голос был спокойным.

— Да, я подготовил отчет, но это только мои наблюдения, которым на Земле едва ли уделят внимание... Впрочем, как и вы, капитан.

— Почему? Не все же так невнимательны, как я.

— Хорошо, внимание обратят, но сочтут пустыми домыслами. А если мы вернемся и привезем доказательства...

— Если есть идея, доказательства может представить кто угодно. Вы же знаете, как это бывает в науке.

— Кто угодно, — негромко, но многозначительно повторил Ву.

— Ву, вы заботитесь о себе. Вас в первую очередь беспокоит не Земля с ее проблемами, а то, что слава достанется не вам. Так ведь?

— Капитан, в этом нет ничего плохого. Проблемы приоритета заботят любого ученого.

Уэндел начала закипать.

— Вы, кажется, забываете, что капитан здесь я и решать мне.

— Я помню об этом, — ответил Ву, — но это не парусник восемнадцатого столетия. Все мы — ученые, и решения следует принимать демократическим путем. И если большинство экипажа настаивает на возвращении...

— Ну-ка, — резко вмешался Фишер, — прежде чем продолжать, позвольте-ка мне вставить слово. Пока только я еще не высказался, а раз мы решили быть

демократичными, сейчас мой черед. Разрешите, капитан?

— Прошу, — сказала Уэндел, сжимая и разжимая пальцы правой руки, словно стискивала чье-то горло.

— Примерно семь с половиной столетий назад, — начал Фишер, — из Испании на запад отправился Христофор Колумб, который случайно открыл Америку. По пути он обнаружил, что отклонение показаний магнитного компаса от истинного севера — магнитная девиация — меняется с долготой. Важное открытие, если угодно, первый научный факт, обнаруженный в морском путешествии. Но многим ли известно теперь, что именно Колумб обнаружил изменение девиации компаса? Практически никому. А кто знает, что Колумб открыл Америку? Практически все. Предположим, что, открыв отклонение магнитной стрелки, Колумб вернулся бы домой с половины пути, дабы сохранить за собой приоритет, и сообщил о своем открытии королю Фердинанду и королеве Изабелле? Наверняка монархи с интересом выслушали бы его и послали за океан новую экспедицию, во главе, скажем, с Америго Веспуччи. И кто бы тогда знал о Колумбе с его компасом? Никто. А кто помнил бы про Веспуччи — открывателя Америки? Все! Итак, вы собираетесь возвращаться? Уверю вас, гравитационную поправку будут вспоминать как малый побочный эффект, существенный при передвижении на сверхсветовых скоростях. А экипаж следующей экспедиции, которая доберется до Звезды-Соседки, прославится как первый совершивший сверхсветовое межзвездное путешествие. Ну а вас троих, и вас, Ву, в том числе, даже в примечаниях не упомянут. Быть может, вы полагаете, что в награду за сделанное Ву великое открытие вас пошлют и в следующую экспедицию? Сомневаюсь. Видите ли, Игорь Коропатский, директор Всеземного бюро расследования, ждет нас на Земле с информацией о Звезде-Соседке и ее планетной системе. И если он узнает, что вы побывали с ней рядом и вернулись, то взорвется, как Кракатау. Конечно же, капитану Уэндел придется признать, что на борту произошел бунт — а это весьма серьезно, хоть мы и не на паруснике восемнадцатого столетия. И вы не только следующей экспедиции — собственной лаборатории бо-

лее не увидите. Уверяю вас. Невзирая на все ваши научные заслуги, вас посадят. Не следует дразнить Коропатского. Так что думайте. Куда правит тройка — к Звезде-Соседке или домой?

Наступило молчание, длившееся довольно долго.

— Вот так, — резко проговорила наконец Уэндел. — По-моему, Фишер все объяснил очень понятно. Будут еще вопросы?

— Но ведь я так и не высказала своего мнения, — негромко сказала Бланковиц. — По-моему, надо лететь дальше.

— Согласен, — буркнул Ярлоу.

— Ну а вы, Сяо Ли Ву? — спросила Уэндел.

Ву пожал плечами.

— Я не могу пойти против всех.

— Рада слышать. Итак, ничего не случилось — по крайней мере, так должны думать на Земле. Однако постарайтесь не предпринимать впредь никаких действий, которые можно было бы истолковать как враждебные.

78

Вернувшись с Тессой в свою комнату, Фишер проговорил:

— Надеюсь, ты не сердишься, что я вмешался. Мне показалось, что ты вот-вот взорвешься...

— Ну что ты. История с Колумбом мне и в голову не пришла бы. Спасибо, Крайл. — Она благодарно пожала ему руку.

Он улыбнулся.

— Должен же я как-то оправдывать свое пребывание на корабле.

— Ты более чем оправдал его. И надо же было Ву устроить такое именно в тот момент, когда я радовалась его успехам. И это за мое благородство, готовность поделиться, уважение к научной этике, желание, чтобы каждому досталось по вкладу его...

— Все мы люди, Тесса.

— Понимаю. Однако если у кого-то этические воззрения разъезжаются, как двери, это не может отменить ни остроты ума, ни научной проницательности.

— Если честно, я боюсь, что руководствовался личными интересами, а не стремлением к общественному благу... Я-то лечу по личному делу.

— Понимаю, но все-таки спасибо тебе.

В глазах Тессы проступили слезы. Она их быстро смахнула, и Фишер смутился.

А потом поцеловал ее.

79

Это была просто звезда, пока еще тусклая и ничем не выделявшаяся. Фишер потерял бы ее, если бы не сетка, расчерченная радиусами и концентрическими окружностями.

— Ничего особенного, звезда как звезда, — проговорил Фишер, и лицо его приняло привычное уже озабоченное выражение.

Мерри Бланковиц, составлявшая ему компанию возле обзорного иллюминатора, отозвалась:

— Крайл, так ведь это и есть просто звезда.

— Я хотел сказать, что теперь она так близко, но не изменилась.

— Близко — это только так говорится. На самом деле до нее еще одна десятая светового года, а это немало. Капитан осторожничает. Я бы подвела «Сверх-световой» поближе. Хотелось бы долететь побыстрее. Мне уже не терпится.

— А ведь вы, Мерри, кажется, собирались домой?

— Да нет. Меня просто уговорили. А после вашей речи я показалась себе законченной дурой. Я действительно думала, что нас обязательно отправят в следующую экспедицию. Но вы, спасибо, просветили меня. И мне очень хочется опробовать НД.

Что означают эти буквы, Фишер знал — нейронный детектор. Ему тоже было интересно. Если прибор что-то обнаружит, то этим «что-то» будут не металлы, не скалы, не лед, не какие-нибудь газовые облака...

— А отсюда нельзя попробовать? — нерешительно спросил он.

Она качнула головой.

— Нет, надо подойти поближе. До звезды нам еще шлепать и шлепать. Около года. Но как только капитан удовлетворится сведениями о Звезде-Соседке, которые

можно собрать здесь, мы сделаем еще один переход. Так что я надеюсь, что самое большее через пару дней мы окажемся примерно в двух астрономических единицах от Звезды-Соседки. Там я наконец-то смогу приступить к работе. Надоело чувствовать себя балластом.

— Да, понимаю, — сухо отозвался Фишер.

По лицу Мерри пробежало смятение.

— Извините, Крайл. Я имела в виду только себя.

— Ничего. От меня все равно толку не будет, на каком бы расстоянии от нее мы ни находились.

— Ваша работа начнется, когда мы обнаружим разум. Вы наверняка сумеете договориться с роторианами — все-таки вы немного и поселенец.

— Я был роторианином всего несколько лет, — грустно улыбнулся Фишер.

— Но этого достаточно — так ведь?

— Посмотрим... — Он изменил тему разговора. — А вы уверены, что нейродетектор сработает?

— Безусловно. Любое поселение можно будет обнаружить по испускаемым им плексонам.

— Мерри, что такое плексоны?

— Я так назвала комплексы, излучаемые мозгом млекопитающих. С небольшого расстояния мы можем обнаружить даже лошадей, а уж скопление человеческих существ будет заметно даже на астрономических расстояниях.

— Значит, плексоны...

— От слова «комплексы». Когда-нибудь — вот увидите — исследованием плексонов займутся, чтобы не только обнаруживать жизнь, но и изучать глубинное строение мозга. У меня уже и термин придуман — «плексофизиология», а может быть, «плексонейроника».

— Какая разница?

— Действительно. Однако термин позволяет говорить кратко и обходиться без фраз типа «наука, которая исследует связь между тем-то и тем-то». А сказал: «плексонейроника» — пожалуй, так лучше, короче — и все понятно. И сэкономлено время для более важных вопросов. Ну и... — Она смолкла.

— Что «ну и»?..

Мерри быстро заговорила:

— Если я придумаю название и оно окажется удачным, то одного этого мне хватит, чтобы попасть в историю науки. Все будут знать, что слово «плексон» было изобретено Меррили Огиной Бланковиц в 2237 году во время первого сверхсветового полета звездолета «Сверхсветовой». Иначе в историю мне не попасть.

— Мерри, а что если вы обнаружите свои плексоны, а людей там не окажется и в помине? — осведомился Фишер.

— Вы имеете в виду чужаков? О, это будет еще интереснее. Только шансов немного. До сих пор нас преследовали неудачи. Люди надеялись найти примитивные формы жизни уже на Луне, потом на Марсе, на Каллисто, на Титане. И всякий раз безрезультатно. Мы начали даже выдумывать уже просто невозможные варианты: живые галактики, пылевые облака, жизнь на поверхности нейтронной звезды... И все такое прочее. Но нигде жизни не обнаружено. Нет, если мы что-нибудь найдем возле этой звезды, так только людей — я в этом нисколько не сомневаюсь.

— Но ведь плексоны излучаем и мы — все пять членов экипажа? Разве наше собственное излучение не перебьет сигнал, который может обнаружиться в нескольких миллионах километров от звезды?

— Конечно. И это усложняет дело. Поэтому нам приходится тщательно настраивать НД, экранировать его от нашего собственного излучения. Даже крохотная помеха не позволит нам ничего обнаружить. А знаете, Крайл, автоматические НД когда-нибудь станут посылать во все стороны через гиперпространство. Людей в таких автоматических аппаратах, конечно, не будет — одно это позволит производить измерения с точностью на два порядка выше, чем сейчас. Мы обнаружим внеземной разум издалека — не приближаясь к нему.

Появился Сяо Ли Ву. Он неприязненно покосился на Фишера и безразлично спросил:

— Как там Звезда-Соседка?

— Ничего еще не видно — слишком далеко, — ответила Бланковиц.

— Что же, скорей всего, завтра или послезавтра совершим последний переход — тогда и посмотрим.

— Интересно, правда? — спросила Бланковиц.

— Будет интересно... если найдем роториан. — Ву посмотрел на Фишера. — Только найдем ли?

Вопрос был явно обращен к Фишеру, но он не стал отвечать. А только невозмутимо взглянул на Ву.

Действительно... найдем ли? — терзался Фишер.

Долгое ожидание подходило к концу.

Глава 35

СБЛИЖЕНИЕ

80

Как уже говорилось, Янус Питт не часто позволял себе роскошь от души пожалеть самого себя. В любом другом человеке подобную черту он бы назвал несомненным признаком слабости и эгоцентризма. Время от времени его охватывало чувство возмущения от того, с какой готовностью роториане предоставляли ему право принимать неприятные решения.

Да, конечно, существовал еще и Совет, его регулярно избирали, члены его занимались законотворчеством, обсуждали какие-то несущественные вопросы.

Но право решать всякий раз предоставляли ему.

Вряд ли это делалось сознательно. Просто они с завидным постоянством пропускали именно важные вопросы, по всеобщему молчаливому соглашению считая их не заслуживающими внимания.

Здесь, в этой пустынной планетной системе, они неспешно строили новые поселения, полагая, что перед ними вечность. Потом было решено, что следует заселить пояс астероидов — а поскольку занятия этого хватит многим поколениям, гиперпривод тем временем усовершенствуется настолько, что легко можно будет найти и заселить новую планету.

Времени было много. Вечность.

И только Питт понимал, что его мало, что все может кончиться в любой момент.

Как скоро оставшиеся возле Солнца обнаружат Немезиду? Когда хотя бы еще одно поселение решит последовать примеру Ротора?

Однажды это непременно случится. Ведь Немезида неумолимо приближается к Солнцу и рано или поздно подойдет так близко, что только слепой этого не увидит.

С помощью программиста, предполагавшего, что интерес комиссара к данной проблеме чисто академический, Питт выяснил у компьютера, что открытие Немезиды Землей состоится через тысячу лет — тогда-то поселения и начнут рассеиваться по Вселенной.

Питт задал следующий вопрос: ждать ли появления поселений у Немезиды?

Ответ оказался отрицательным. Гиперпривод со временем должен стать более эффективным и экономичным. Поселения к тому времени будут обладать новыми сведениями о ближних звездах: их внешнем виде, количестве спутников. Красные карлики людям не понадобятся — все будут стремиться к звездам, подобным Солнцу.

Земля же будет предоставлена собственной судьбе, положение ее станет отчаянным. Деградирующее человечество, боящееся пространства, погружающееся в разруху и нищету — что сможет сделать оно, узнав через тысячу лет о грозящей гибели? На длительные межпланетные путешествия земляне едва ли способны. Жалкие людишки обречены ползать по земной поверхности и ждать, когда придет Немезида. Покинуть Землю у них просто не хватит духа.

И Питту привиделась сотрясаемая катастрофой Земля, жители которой пытаются найти спасение в тесной планетной системе Немезиды, ищут убежища на планете звезды, несущей смерть уютному миру возле Солнца.

Перспектива жуткая, но неизбежная. Жаль, что Немезида не удаляется от Солнца — тогда все было бы гораздо проще. В этом случае открытие Немезиды становилось бы все менее и менее вероятным, ну а если бы такое все-таки случилось, карликовая звезда вряд ли заинтересовала бы землян, тем более в качестве последнего убежища. Однако если бы она удалялась, землянам не пришлось бы искать последнего приюта.

Но все обстоит по-другому. Приходится ожидать землян — это вырождающееся отребье, это пестрое

скопище немыслимо разнообразных культур. И что же тогда делать роторианам? Выход один — уничтожать незваных гостей прямо в космосе. Правда, принять такое решение способен только другой Янус Питт, четко понимающий, что иначе нельзя. Но найдутся ли к тому времени другие Питты, которые обеспечат Ротор необходимым количеством оружия и научат роториан, как поступить, когда настанет срок?

Однако результаты компьютерного анализа все-таки внушали обманчивый оптимизм. В Солнечной системе узнают про Немезиду еще до исхода этого тысячелетия — так следовало понимать компьютер. Но когда? Что если ее обнаружат уже завтра? Что если открытие уже состоялось три года назад? Может быть, по следу Ротора уже отправилось какое-нибудь из поселений?

И каждый день Питт просыпался с мыслью: не сегодня ли?

За что ему эта напасть? Почему всякий может спокойно наслаждаться выделенным ему куском вечности, а лишь он один должен ежедневно размышлять о грядущей всеобщей гибели?

Конечно, кое-что Питт уже успел предпринять. Свою наблюдательную службу он разместил по всему периметру пояса астероидов, чтобы по колоссальному энергоизлучению еще на предельном удалении заметить приближающееся поселение, и автоматические датчики службы неустанно прощупывали небо.

На ее создание ушло много времени, однако уже с дюжину лет наблюдатели не пропускали ни одного подозрительного объекта и немедленно предупреждали Питта. И всякий раз в голове его тревожно звякал колокольчик.

Тем не менее до сих пор — до сих пор — ~~ничего~~ не случилось, и постепенно первоначальное чувство облегчения сменилось привычным раздражением по отношению к наблюдателям. Они старались умыть руки при малейшем подозрении, вновь перекладывая всю ответственность на Питта — пусть-де он берет все на себя: думает, решает, страдает.

Здесь жалость Питта к себе становилась всепоглощающей, на глазах выступали слезы... — и он начинал беспокоиться, как бы не обнаружить свою слабость.

Вот и теперь Питт опустил руку на отчет, расшифрованный компьютером, и погрузился в горестные размышления о том, что роториане недооценивают его преданного и бескорыстного служения общему благу.

Таких отчетов не поступало уже месяца четыре, и этот наверняка будет столь же никчемным, как и предыдущие. Обнаружен приближающийся источник энергии, мощность его теплового излучения на четыре порядка слабее, чем та, что могла бы быть у поселения. Пустяковый источник, лишь едва выделяющийся на общем фоне.

Уж от этого его могли бы избавить. В комментариях было отмечено, что длина волн излучения допускает возможность его искусственного происхождения. Вздор! Что можно сказать о столь слабом источнике кроме того, что это не поселение? Ну а если так, то объект просто не может быть делом рук человека.

Наблюдатели... идиоты, а не наблюдатели, думал Питт, вечно досаждают неизвестно чем.

С негодованием отбросив отчет в сторону, он взял последнее сообщение Рене Д'Обиссон. Дура Марлена все еще не подцепила лихоманку. Настойчиво лезла туда, где опасно, старалась как могла — и ничего.

Питт вздохнул. Быть может, это и к лучшему. Девушка хочет находиться на Эритро, ну и пусть там сидит — лихоманка не могла бы дать лучшего результата. Эугения Инсигна тоже останется на Эритро, и он разом избавится от обеих. Было бы неплохо, на всякий случай, чтобы не Генарр распоряжался в Куполе, а Д'Обиссон. Она лучше приглядит за матерью и дочерью. Надо бы устроить это, не откладывая в долгий ящик, — да так, чтобы заодно не сделать Генарра мучеником.

Может быть, назначить его комиссаром Нового Ротора? Конечно же, это повышение, едва ли Генарр откажется от должности, ставящей его вровень с самим Питтом. А вдруг Генарр получит настоящую власть, а не видимость ее? Но есть ли альтернатива?

Надо подумать.

Даже смешно! Насколько проще было бы все, если бы эта девушка, эта Марлена, сделала суший пустяк — подхватила лихоманку.

Обнаружив, что вновь с раздражением думает о своевольной особе, он опять взял отчет о приближающемся источнике энергии.

Надо же! Какой ерундой его беспокоят. Нет, больше он не станет терпеть. И Питт немедленно ввел в компьютер: «По пустякам не беспокоить! Наблюдатели должны искать в небе поселения».

81

Тем временем на борту «Сверхсветового» одно за другим делались открытия. Еще издалека обнаружилось, что рядом со звездой-Соседкой находится планета.

— Планета! — воскликнул Крайл, не сдерживая буйной радости. — Я знал...

— Нет, — торопливо вмешалась Тесса Уэндел, — она не такая, как ты думаешь. Знаешь, Крайл, есть планеты и планеты. Чуть ли не любую звезду окружает нечто вроде планетной системы. В конце концов, больше половины звезд в Галактике являются кратными, а планеты — те же звезды, только слишком маленькие. Эта планета непригодна для жизни. Если бы было наоборот, мы бы не увидели ее на таком расстоянии, тем более в тусклом свете Звезды-Соседки.

— Ты хочешь сказать, что это газовый гигант?

— Конечно. И я была бы удивлена, если бы такового здесь не обнаружилось.

— Но мы нашли одну большую планету, значит, могут найтись и поменьше.

— Могут, — не стала возражать Уэндел, — но едва ли и они пригодны для обитания. На них может быть слишком холодно, или они не вращаются и обращены к звезде только одной стороною; таким образом, в одном полушарии будет слишком жарко, а в другом чересчур холодно. Конечно, Ротор — если он здесь — может находиться на орбите звезды или газового гиганта.

— Так оно, наверно, и есть.

— Столько лет? — Уэндел пожала плечами. — Не исключено. Но ты, Крайл, лучше не надейся на это.

82

Следующие открытия оказались еще более ошеломляющими.

— Спутник? — произнесла Тесса Уэндел. — А почему бы и нет? У Юпитера целых четыре крупных спутника. И ничего удивительного, что у здешнего газового гиганта есть по крайней мере один.

— Но в Солнечной системе таких нет, — возразил Генри Ярлоу. — Он величиной едва ли не с Землю — судя по моим данным.

— Ну и что же из этого следует? — невозмутимо осведомилась Уэндел.

— Ничего особенного, — ответил Ярлоу, — однако спутник обладает некоторыми особенностями. Жаль, что я не астроном.

— В данной ситуации, — проговорила Уэндел, — я тоже хотела бы, чтобы среди нас оказался хотя бы один астроном. Однако, — продолжала она, — вы ведь не полный профан в астрономии.

— Дело в том, что спутник обращен одной стороной к газовому гиганту, а это значит, что другая его сторона повернута к Звезде-Соседке. Орбита его такова, что вода, насколько я могу судить, находится там в жидком состоянии. И у него есть атмосфера. Я же говорю, что не знаю всех тонкостей. Я не астроном. Но мне кажется, что спутник наверняка пригоден для жизни.

Эту новость Крайл Фишер выслушал с широкой улыбкой.

— А я не удивлен, — сказал он. — Игорь Коропатский предполагал, что мы обнаружим здесь обитаемую планету. Заметьте, без всякой предварительной информации. Своего рода дедукция.

— Значит, Коропатский? И когда же вы с ним говорили?

— Перед отлетом. Он был уверен, что с Ротором ничего не случилось и они не вернулись лишь потому, что обнаружили пригодную для колонизации планету. Вот она, пожалуйста.

— А почему он сказал это именно тебе, Крайл? Фишер помолчал.

— Он попросил, чтобы мы исследовали эту планету на предмет возможного заселения ее землянами — когда придет время эвакуировать население.

— А почему он не сказал этого мне? Как ты считаешь?

— Видишь ли, Тесса, — осторожно ответил Крайл, — скорее всего, он решил, что из нас двоих я более заинтересован в исследовании планеты.

— Из-за дочери...

— Он же обо всем знает, Тесса.

— А почему ты мне этого не сказал?

— Просто не знал, стоит ли говорить. Я думал, что лучше подождать, убедиться, что Коропатский прав. Ну а раз он не ошибся, вот я тебе и говорю. Как он и предполагал, планета пригодна для обитания.

— Но это же спутник, — с явным раздражением проговорила Уэндел.

— В данном случае подобное различие не существенно.

— Вот что, Крайл, — сказала Уэндел. — Похоже, что моим мнением никто не интересуется. Коропатский пичкает тебя всякими небылицами ради того, чтобы мы взялись за исследование этой системы, а потом скорее возвращались на Землю. Ву тоже не терпит: он решил возвращаться, даже не приблизившись к цели, — а у тебя идефикс — во что бы то ни стало воссоединиться со своей семьей. Кажется, все позабыли, что капитан здесь я и я принимаю решения.

Голос Фишера стал умиротворяющим:

— Тесса, ну будь умницей. Что здесь решать? Из чего выбирать? Ты утверждаешь, что Коропатский наговорил небылиц, а ведь это не так. Существует планета. Ну спутник — если тебе так больше нравится. Его же нужно исследовать. Мы открыли его, и это может сохранить жизнь человечеству. Возможно, перед нами будущий дом его. И человечество, скорее всего, уже приступило к его исследованию.

— Это тебе, Крайл, следует наконец прислушаться к голосу разума. Пусть этот мир подходит нам по размерам и температуре — есть же еще бездна причин, по которым его нельзя будет заселить. Атмосфера его может оказаться ядовитой, или чересчур велика вулканическая активность, или там радиоактивность. Этот мирок освещает красный карлик, он обращается вокруг огромного газового гиганта. Разве такие условия приемлемы для землян? Кто знает, как они могли воздействовать на население Ротора?

— Но исследования следует провести даже для того, чтобы установить, что планета непригодна для жизни.

— Возможно, для этого не придется даже садиться, — мрачно произнесла Уэндел. — Подойдем поближе и решим. Только, Крайл, не говори «гоп», пока не перепрыгнешь. Видеть тебя разочарованным мне будет чересчур тяжело.

Фишер кивнул.

— Постараюсь. Однако Коропатский сделал точный вывод, когда все вокруг говорили, что такое невозможно. Ты, Тесса, тоже так говорила. Причем, неоднократно. Однако планета нашлась — и, может быть, действительно подходящая. Так что позволь мне надеяться, что на ней отыщутся и люди Ротора, в том числе и моя дочь.

83

Стараясь выглядеть невозмутимым, Сяо Ли Ву сказал:

— Капитан в ярости. Что она совсем не рассчитывала найти, так это мир, пригодный для обитания — она не позволяет нам называть это планетой. Значит, его придется исследовать, а потом возвращаться домой. Вы же знаете, она мечтала о другом. Другого шанса уйти в дальний космос ей не представится. Иначе можно считать, что жизнь кончилась. Другие будут разрабатывать сверхсветовую технику, другие полетят к звездам. А она... она сможет рассчитывать разве что на роль консультанта. Эта мысль ей ненавистна.

— Ну а вы, Сяо Ли? Полетите снова, если представится возможность? — спросила Бланковиц.

Ву не колебался.

— Не уверен, скитания в космосе меня не соблазняют. Нет, знаете ли, жилки первопроходца. Но прошлой ночью я вдруг подумал, что неплохо было бы здесь поселиться, — конечно, если этот мир пригоден для жизни. А вы?

— Остаться здесь? Конечно, нет. Не хочу сказать, что мечтаю провести всю жизнь на Земле, но мне хотелось бы вернуться домой, побыть там, а потом, быть может, снова куда-нибудь полететь.

— Я тоже думал об этом. Найти такой спутник — это же один шанс из... из десяти тысяч? Кто мог надеяться, что мы обнаружим подобный мир в системе красного карлика? Нет, его просто необходимо исследовать. Я даже согласился бы остаться там на какое-то время, пока кто-нибудь другой доставит на Землю известие о моем приоритете. Как, Мерри, вы согласитесь защищать мои интересы?

— Конечно же, Сяо Ли. Я думаю, и капитан Уэндел тоже. Все данные у нее, все зарегистрировано и подписано.

— Вот-вот. Мне кажется, капитан напрасно стремится в Галактику. Она может облететь сотню звезд, но так и не найти второй такой же. Зачем гнаться за количеством, когда качество под рукой?

— Мне лично кажется, — сказала Бланковиц, — что ее больше волнует ребенок Фишера. Что если он отыщет здесь свою дочь?

— Как что? Возьмет с собой на Землю. Но что тогда делать капитану?

— Там ведь еще и жена была...

— А вы слышали, чтобы он вспоминал о ней?

— Но это же не значит, что...

Заслышав снаружи шум, она мгновенно умолкла — и вовремя: вошел Фишер и кивнул им обоим.

Смешавшись, Бланковиц торопливо спросила:

— Генри завершил спектроскопические измерения? Фишер качнул головой.

— Не знаю. Он почему-то нервничает. Должно быть, опасается ошибиться.

— Ну да! — не согласился Ву. — Расшифровку производит компьютер. Генри-то тут при чем?

— Как это при чем? — возмутилась Бланковиц. — Вот это мне нравится! Вам, теоретикам, кажется, что нам, наблюдателям, достаточно включить компьютер, погладить его, сказать: «Ах ты, собаченька» — и прочитать результаты. Это не так. Компьютер скажет тебе то, что ты заложишь в него. Я еще не знаю случая, чтобы теоретик не обвинял экспериментатора, когда тот обнаруживал не укладывающийся в теорию факт. Что-то не помню, чтобы в таких случаях говорили: «Это у вас, наверное, компьютер наврал...»

— Остановитесь, — прервал ее Ву. — Ваши выпады неуместны. Вы хоть раз слышали от меня обвинения в адрес экспериментаторов?

— Но если вам не понравятся результаты, полученные Генри...

— В любом случае я приму их, поскольку никаких собственных теорий об этом мире не имею.

— Только потому вы и примете их.

Тут вошел Генри Ярлоу, за ним следовала Тесса Уэндел. Лицо Генри напоминало тучу, собирающуюся разразиться дождем.

— Ну вот, Ярлоу, мы все собрались, — сказала Уэндел. — Теперь вы можете сообщить, что нас ждет.

— Беда в том, — начал Ярлоу, — что в спектре этой дохлой звезды ультрафиолета не хватит даже на то, чтобы чуточку обжечь альбиноса на пляже. Приходится использовать микроволны, а сей факт свидетельствует, что в атмосфере этого мира присутствуют водяные пары.

Уэндел нетерпеливо пожала плечами.

— Об этом можно было не говорить. Если на планете размером с Землю уровень температур поверхности допускает существование жидкой воды, наверняка там найдутся и водоемы, и водяные пары. Сделан еще один шаг: мир действительно может оказаться пригодным для жизни, теперь такое предположение делается оправданным.

— Нет же, — неохотно сказал Ярлоу, — этот мир подходит нам вне всяких сомнений.

— Вы заключили это потому, что в атмосфере присутствуют водяные пары?

— Нет, я располагаю более весомыми доказательствами.

— А именно?

Мрачным взглядом окинув всех четверых, Ярлоу проговорил:

— Стоит ли говорить, что мир пригоден для обитания, если он населен?

— Едва ли, — согласился Ву.

— Значит, вы утверждаете, что уже на расстоянии можете определить, что на нем существует жизнь? — резким тоном спросила Уэндел.

— Именно это я и хотел сказать, капитан. В атмосфере спутника присутствует значительное количество свободного кислорода. Вы можете объяснить мне его присутствие чем-нибудь кроме фотосинтеза? Или вы способны назвать планету необитаемой, когда на поверхности ее существует жизнь, производящая кислород?

На миг воцарилось мертвое молчание, потом Уэндел проговорила:

— Ярлоу, это просто нереально. Вы уверены, что не напутали с программой...

Глядя на Ву, Бланковиц двинула бровями — вот видите?

Все так же сурово Ярлоу проговорил:

— Мне еще не случалось, как вы сказали, что-либо путать в программах, но я, безусловно, с охотой выслушаю любые замечания от всякого, кто лучше меня владеет методикой инфракрасного спектрального анализа. Я не знаток в этой области, однако прилежно следовал рекомендациям Бланка и Нкрумы.

Крайл Фишер, восстановивший известную уверенность в себе после инцидента с Ву, не колеблясь, выступил с собственным мнением:

— Конечно, когда мы окажемся ближе, то сумеем подтвердить этот факт или опровергнуть, но пока можно предположить, что доктор Ярлоу прав. Однако если в атмосфере этого мира существует свободный кислород, разве не может он иметь искусственное происхождение?

Все взоры обратились к Фишеру.

— Как это? — невозмутимо произнес Ярлоу.

— Да-да, весь этот кислород может оказаться искусственным. Или это невозможно? Вот мир, пригодный для жизни во всем, кроме атмосферы, состоящей из окиси углерода и азота, как во всех безжизненных мирах, таких, как Марс и Венера. Стоит бросить в океан водоросли, и все: прощай, окись углерода — привет тебе, кислород. Ну или что-нибудь в этом роде. Я здесь не эксперт.

Все по-прежнему молча смотрели на Фишера.

— Я говорю об этом потому, — продолжал он, — что на фермах Ротора поговаривали о создании на планетах земных условий. Я работал на этих фермах.

Роториане проводили семинары по преобразованию планет, и я посещал их потому, что мне казалось, эти разговоры обнаруживают явную связь с разработками гиперпривода. Вышло иначе: вместо гиперпривода мне удалось кое-что узнать о преобразовании планет.

— А вы, Фишер, случайно не помните, сколько времени должно было уйти на все это по их расчетам? — спросил наконец Ярлоу.

Фишер развел руками.

— Увы, доктор Ярлоу. Просветите меня, чтобы сберечь время.

— Хорошо. Ротор добрался сюда за два года — если он действительно где-то здесь. Значит, роториане провели тут уже около тринадцати лет. Если бы весь Ротор состоял только из одноклеточных водорослей, и их бросили бы в океан, и если бы все они выжили и принялись расти, выделяя кислород, то, чтобы достичь нынешнего уровня — а кислорода в атмосфере планеты восемнадцать процентов, и окиси углерода только следы, — на все, наверное, потребовалось не менее нескольких тысяч лет. Ну сотен — если условия необыкновенно благоприятны. Но уж безусловно гораздо больше тринадцати лет. Между прочим, земные водоросли приспособлены к земным условиям. И другой мир скорее всего совсем не подойдет им, или же рост их окажется очень медленным... Пока еще земные организмы сумеют приспособиться к новым условиям. За тринадцать лет такие перемены невозможны.

Фишер невозмутимо слушал.

— Ага, значит, если там изобилует кислород, а окись углерода отсутствует и роториане здесь ни при чем — то что отсюда следует? Выходит, мы обязаны предположить, что мир этот населен жизнью внеземного происхождения?

— Именно к такому выводу я и пришел, — заключил Ярлоу.

— Придется согласиться, — мгновенно отозвалась Уэндел. — Фотосинтез обеспечивает местная растительность. Но это ни в коей мере не означает, что роториане высадились туда или вообще добрались до этой системы.

На лице Фишера отразилась досада.

— Видите ли, капитан, — подчеркнуто официально проговорил он, — вынужден заметить, что это и не значит, что роториан там нет и что они не добрались сюда. Если планета обладает собственной растительностью, значит, роторианам не пришлось ее преобразовывать — они могли просто приступить к ее использованию.

— Не знаю, — проговорила Бланковиц. — Нет никаких оснований предполагать, что растительность чуждого мира годится в пищу людям. Скорее всего, мы не способны переварить ее или как-то использовать. Можно с достаточной уверенностью предположить, что она окажется ядовитой. Но если существует растительный мир, должен быть и животный, а чем это чревато — нам трудно судить.

— В таком случае, — сказал Фишер, — роториане вполне могли выгородить себе кусок земли, уничтожить там всю местную жизнь и насадить собственные растения. И эти плантации с годами должны были только увеличиваться.

— Предположения и предположения, — пробормотала Уэндел.

— Во всяком случае, — отозвался Фишер, — сидеть здесь и сочинять всевозможные варианты — дело бесперспективное. Придется исследовать этот мир самым тщательным образом, с самого близкого расстояния — с поверхности, если понадобится.

— Я целиком с вами согласен! — воскликнул Ву.

— Я биофизик, — заметила Бланковиц, — и если на планете действительно окажется жизнь, то ее необходимо исследовать во что бы то ни стало.

Уэндел оглядела всех и, слегка покраснев, вдруг согласилась:

— Я полагаю, что все вы правы.

84

— Чем ближе мы подлетаем, — сказала Тесса Уэндел, — и чем больше узнаем о планете, тем больше в ней непонятого. Мир этот мертв. Есть ли у кого-нибудь сомнения? На ночной стороне мы не заметили вспышек света, ничто не доказывает существования растительности или других форм жизни.

— Прямых признаков нет, — согласился Ву, — но ведь что-то должно поддерживать содержание кислорода. Правда, я не химик, но что-то не помню такого химического процесса. Может быть, кто подскажет? — Никто не ответил, да Ву и не ждал ответа. — Сомневаюсь, что даже химик сможет предложить рациональное объяснение. Если в атмосфере есть кислород, значит, в ней идут биологические процессы, поддерживающие его наличие. Мы ничего другого не знаем.

— Справедливость ваших слов доказывается существованием единственной планетной атмосферы, содержащей кислород, — сказала Уэндел. — Других, кроме Земли, мы не знаем. Возможно, в будущем над нами еще посмеются, если выяснится, что Галактика полным-полна планет, кислород в атмосфере которых не имеет ничего общего с жизнью. Нас будут упрекать, как, дескать, по одному-единственному примеру можно было решить, что кислород в атмосфере обязательно имеет биологическую природу.

— Нет, — раздраженно ответил Ярлоу, — так, капитан, в науке проблем не решают. Можно придумать бездну гипотез, только не следует полагать, что законы природы будут меняться ради нашего удобства. Если вы хотите обнаружить небιологический источник атмосферного кислорода, будьте добры предложить подходящий механизм.

— Но в отраженном свете, — возразила Уэндел, — мы не видим признаков существования хлорофилла.

— А почему он там должен быть? — спросил Ярлоу. — Вполне возможно, что возле красного карлика эту роль выполняет другая молекула. Могу я высказать предположение?

— Будьте любезны, — ответила Уэндел, — мне кажется, что ничего другого от вас я уже давно не слыхала.

— Великолепно! Пока мы можем сказать только, что суша этого мира полностью лишена жизни. Но это ничего не значит — лишь четыреста миллионов лет назад континенты Земли были столь же безжизненными, однако планета уже имела кислородную атмосферу, даже изобиловала жизнью.

— Ее водными формами.

— Да, капитан. В этом нет ничего плохого. Возможно, и там существуют какие-то водоросли — нечто вроде микроскопических растений, выполняющих роль поставщиков кислорода. Водоросли земных морей выделяют восемьдесят процентов кислорода, каждый год поступающего в атмосферу. Это объясняет все: и наличие в атмосфере кислорода, и отсутствие жизни на суше. А значит, нам никто не мешает исследовать планету: мы опустимся на безжизненной материке и изучим море с помощью доступных средств, а все подробности оставим следующей экспедиции.

— Да, но человек — животное сухопутное. Если бы Ротор находился в этой системе, то роториане наверняка уже приступили бы к колонизации планеты, но признаков этого мы не обнаружили. Неужели вы все еще считаете, что дальнейшие исследования необходимы?

— Конечно же, — торопливо вмешался Ву. — Нельзя возвращаться назад с одними наблюдениями. Нам необходимы факты. Не исключено, что обнаружатся и некоторые сюрпризы.

— А вы их ждете? — с раздражением спросила Уэндел.

— Неважно, чего именно я жду. Но разве можно вернуться на Землю, даже не побывав на планете, и заверить всех, что там ничего нет? Едва ли это разумно.

— По-моему, — проговорила Уэндел, — вы изменили мнение на противоположное, а ведь совсем недавно не собирались даже приближаться к этой звезде.

— Помнится, — произнес Ву, — мне пришлось подчиниться мнению большинства. Но в нынешних обстоятельствах мы обязаны провести исследование. Понимаю, капитан, вы испытываете сильное искушение, вам хочется обследовать еще несколько звездных систем, но раз перед нами пригодный для жизни человека мир, мы обязаны привезти на Землю максимум информации о нем, для человечества куда более важной, чем любой каталог характеристик нескольких ближайших звезд. К тому же, — он показал на иллюминатор, — я хочу увидеть этот мир. Мне кажется, что нам нечего там опасаться.

— Кажется... — язвительно повторила Уэндел.

— И у меня есть право на интуицию, капитан.

— У меня тоже, капитан, и это меня беспокоит, — сказала Мерри Бланковиц и всхлипнула.

Уэндел с удивлением посмотрела на молодую женщину.

— Бланковиц, вы плачете?

— Нет, капитан, просто я очень расстроена.

— Почему?

— Я включала НД.

— Нейродетектор? Изучали этот безжизненный мир? Зачем?

— Потому что для этого я и прилетела сюда, — ответила Бланковиц. — Я должна была.

— Конечно, результат отрицательный, — проговорила Уэндел. — Очень жаль, Бланковиц, но другой шанс вам представится лишь в другой звездной системе.

— Все не так, капитан. Результат не отрицательный. Прибор свидетельствует о наличии жизни в этом мире, и это меня беспокоит. Результат такой неожиданный, и я не понимаю, в чем дело.

— Быть может, какая-то неисправность? — вмешался Ярлоу. — Прибор новый, и неудивительно, что он барахлит.

— Нет, он работает. Но может быть, фиксирует наше собственное излучение? Или ошибается? Я проверила — экранировка в порядке, любую системную ошибку я обнаружила бы. Газовый гигант не дает положительного сигнала, звезда тоже, от точек, наугад выбранных в космосе, его тоже нет, но стоит навести на спутник газового гиганта — и пожалуйста.

— Вы хотите сказать, — промолвила Уэндел, — что обнаружили разум там, где мы не в состоянии уловить признаков жизни?

— Очень слабый сигнал, он едва выделялся.

— Ну, капитан, — сказал Фишер, — что вы думаете о предложении Ярлоу? Что если жизнь кроется в глубине океана и поэтому доктор Бланковиц получает столь слабый сигнал?

— Хорошая мысль, — согласился Ву. — В конце концов, жители моря — пусть и разумные — могут не иметь техники. В воде костер не разжечь. Внешние проявления жизни моря для людей мало заметны. Каким бы разумом ни обладали эти существа, без техники

они не опасны, особенно если они не могут покинуть море: ведь мы будем на суше. Значит, вопрос становится еще более интересным, и мы просто не имеем права не прояснить его.

— Вы все так тарактите, что я не могу вставить слово, — раздраженно заметила Бланковиц. — Все вы не правы. Если бы носители разума обитали лишь в океане, положительный сигнал я получала бы только оттуда. А я получаю его отовсюду — и причем равномерно. И с суши, и с моря. Я этого не понимаю.

— Значит, и с суши тоже, — с явным недоверием повторила Уэндел. — Тогда здесь, конечно, что-то не так.

— Но я не могу понять, что именно, — сказала Бланковиц. — Это меня и беспокоит. Я ничего не понимаю. — И, словно извиняясь, добавила: — Конечно, сигнал очень слабый, но тем не менее он существует.

— Мне кажется, я могу дать объяснение, — проговорил Фишер.

Присутствующие немедленно воззрились на него.

— Я не ученый, — начал он, — однако это не значит, что я ничего не понимаю. Итак, в море присутствует разум, но под водой. Поэтому нам трудно его заметить. Здесь все понятно. Но интеллект существует и на суше. Значит, и тут он скрыт. Он — под землей!

— Под землей? — воскликнул Ярлоу. — Что ему там делать? И состав воздуха, и температура планеты, по нашим сведениям, вполне нормальны. От чего ему прятаться?

— Например, от света, — рассудительно ответил Фишер. — Возьмем тех же роториан. Предположим, что они уже освоили планету. Кто захочет обитать на ее поверхности, в свете красного слонца, угнетающего растительный мир и психику человека? Под землей можно устроить электрическое освещение, там будет лучше и самим роторианам, и их растениям. К тому же... — он замолчал.

— Ну что же ты? Продолжай! — сказала Уэндел.

— Ну хорошо. Постарайтесь понять роториан: они живут внутри Ротора. Они привыкли к этому и считают такую жизнь нормальной. Перебираться на поверхность планеты им просто не хочется. И в конце концов они зароятся.

— Значит, ты предполагаешь, что нейродетектор Бланковиц обнаружил присутствие людей под поверхностью планеты?

— Да. Почему бы и нет? А кора планеты ослабляет излучение до уровня, принимаемого детектором.

— Но ведь Бланковиц утверждает, что на суше и на море реакция одинакова.

— По всей планете... и совершенно однородная, — подтвердила Бланковиц.

— Ну хорошо, — согласился Фишер, — туземцы в море, роториане под поверхностью суши. Разве такого не может быть?

— Постойте, — проговорил вдруг Ярлоу. — Значит, реакция одинакова повсюду — так, Бланковиц?

— На поверхности существует несколько незначительных положительных и отрицательных экстремумов, но они настолько невелики, что в их существовании легко усомниться. Словом, разум как будто целиком охватывает планету.

— Ну хорошо, в море это возможно, — сказал Ярлоу. — Но на суше-то? Разве можно предполагать, что за тринадцать лет — всего за тринадцать лет — роториане нарыли туннелей повсюду под поверхностью этого мира? Если бы вы обнаружили внизу одно, даже два небольших пятна, дающих такую реакцию и занимающих очень малую долю поверхности планеты, я бы согласился с такой перспективой. Но чтобы вся поверхность... Знаете, этому разве что моя тетушка Тили поверит.

— Генри, значит, ваши слова следует понимать в том смысле, что вы предполагаете существование чуждого интеллекта под всей поверхностью этой планеты? — спросил Бу.

— Иного вывода мы, по-моему, сделать не можем, — ответил Ярлоу, — иначе остается считать, что показания прибора Бланковиц — суший вздор.

— Знаете что, — заметила Уэндел, — похоже, что в таком случае лучше не спускаться на поверхность планеты, ведь чуждый нам разум не обязательно окажется дружелюбным, а «Сверхсветовой» — не военный корабль.

— Зачем же сдаваться? — возразил Ву. — Мы обязаны выявить носителей разума и определить, способны ли они помешать землянам переселиться сюда.

— В одном месте, кажется, есть крохотный максимум — больше, чем повсюду, — сказала Бланковиц. — Впрочем, тоже небольшой. Отыскать его?

— Давайте, — проговорила Уэндел. — Надо тщательно исследовать окрестности, после чего и будем решать — спускаться нам или нет.

Ву невозмутимо улыбнулся.

— Уверяю вас — на планете нам ничего не грозит. Уэндел сердито нахмурилась.

85

Странной чертой Салтаде Леверетта — с точки зрения Януса Питта — было его желание обитать в поясе астероидов. Очевидно, некоторым людям действительно нравятся пустота и одиночество.

— Нет, я не презираю людей, — уверял Леверетт. — Просто мою потребность в общении удовлетворяет головизор — и поговорю, и выслушаю, и посмеюсь. Разве что пощупать не могу и обнюхать — но среди людей это не принято. К тому же в поясе астероидов уже строятся пять поселений, и при желании я могу уже там досыта пообщаться с людьми.

Приезжая на Ротор — в метрополию, как он называл, — Леверетт все время опасливо оглядывался по сторонам, словно боялся, что его начнут толкать.

К стульям он тоже относился подозрительно и, усевшись, ерзал, словно хотел стереть отпечаток того, кто сидел на нем раньше.

Янус Питт всегда считал, что лучшего кандидата на должность исполняющего обязанности комиссара пояса астероидов ему не найти. Такой пост давал Леверетту власть над всей внешней областью системы Немезиды. А следовательно, не только над строящимися поселениями, но и над службой наблюдения.

Они как раз заканчивали завтракать в личных апартаментах Питта — Салтаде, наверное, скорее умер бы с голоду, чем согласился есть в общей столовой, куда пускали кого попало (кем попало он считал всех незна-

комых людей). Питта вообще удивляло, что Леверетт соглашается есть даже в его присутствии.

Питт внимательно приглядывался к нему. Сухой и морщинистый, Леверетт напоминал хлыст, казалось, что он никогда не был молодым и не станет старым. У него были блеклые голубые глаза и выпцветшие желтые волосы.

— Салтаде, когда вы в последний раз были на Роторе?

— Всего два года назад. И по-моему, Янус, с вашей стороны непорядочно вновь подвергать меня таким испытаниям.

— Я здесь ни при чем. Я не вызывал вас, но, если уж вы здесь — милости просим.

— Могли бы и вызвать. В своем последнем послании вы объявили, что не желаете, чтобы вас беспокоили по пустякам. Наверное, вы, Питт, уже считаете себя настолько крупной фигурой, что желаете иметь дело лишь с себе подобными.

Улыбка Питта стала напряженной.

— Не понимаю, о чем вы, Салтаде?

— Вам послали отчет. Наблюдатели обнаружили источник излучения, приближающийся извне. Материал отослали вам, но в ответ получили меморандум, где указано, в каких случаях вас следует беспокоить.

— Ах это! — Питт вспомнил: то был момент жалости к себе и раздражения. Ведь и он имеет право на раздражение, хотя бы изредка... — Вашим людям приказано ждать появления поселения. С вопросами менее важными ко мне обращаться необязательно.

— Прекрасно, что вы так решили. Но что делать, если наблюдатели обнаружили не поселение и опасаются докладывать вам? Они направили мне новый отчет, чтобы я передал его вам, невзирая на то что вы считаете такие случаи пустяковыми. Наблюдатели полагают, что мне легче справиться с Питтом, хотя я не испытываю ни малейшего желания общаться с вами. Под старость лет вы становитесь брюзгой, Янус.

— Хватит болтать, Салтаде. Так что они у вас там обнаружили? — по-прежнему брюзгливо спросил Питт.

— Они обнаружили корабль.

— Что значит корабль? Не поселение?

Леверетт поднял руку с узловатыми пальцами.

— Я не говорил «поселение», я сказал — «корабль».

— Не понимаю.

— А что тут понимать? Или компьютер нужен? Если так — вот он. Корабль — это транспортное средство, перемещающееся в космосе с экипажем на борту.

— Большой?

— Я предполагаю, что он вряд ли вмещает больше шести человек.

— Один из наших, наверно...

— Нет. Мы проверили. Этот был сделан не на Роторе. Служба наблюдения по собственной инициативе кое-что предприняла, однако они побоялись доложить вам. Ни один компьютер нашей системы не принимал участия в сооружении этого корабля, а такого судна, не обратившись к компьютеру на той или иной стадии, не соорудить.

— И что вы решили?

— Это не роторианское судно. Оно идет издалека. И пока еще оставалась надежда, что корабль окажется нашим, мои ребята сидели тихо и не беспокоили вас, согласно полученным указаниям. Ну а когда оказалось, что нам он не принадлежит, они обо всем доложили и просили сообщить вам, но сами делать это отказались. Знаете, Янус, в пренебрежении людьми не следует заходить слишком далеко — в конце концов это может плохо кончиться.

— Да помолчите же! — раздраженно выкрикнул Питт. — Как это — не роторианский корабль? Откуда он может здесь взяться?

— Скорее всего, он прибыл из Солнечной системы.

— Невероятно! Чтобы такой крошечный кораблик, с полудюжиной человек на борту, мог осилить путь от Солнечной системы? Даже если земляне изобрели гиперпривод — а в этом теперь едва ли можно сомневаться, — в таком тесном корабле шестерым не выдержать целых два года. Разве что удалось подобрать прекрасно обученный образцовый экипаж, приспособленный к межзвездным перелетам. Впрочем, в Солнечной системе никто на это не решится. Только поселение, замкнутый мир, населенный людьми, с детства привычными к такому образу жизни, может совершить межзвездное путешествие и уцелеть.

— Тем не менее, — сказал Леверетт, — сюда летит небольшой корабль, который сделали не роториане. Это факт, и вам остается только смириться с ним. Откуда он? Ближайшая к нам звезда — Солнце. С этим тоже не поспоришь. И если корабль не из Солнечной системы, значит, он летит от какой-то другой звезды, и тогда его путь длился дольше чем два года. Впрочем, если уж два года, по-вашему, чересчур много — что уж думать о другом?

— А если этот корабль сделан не людьми? — спросил Питт. — Предположим, что существуют иные формы жизни, с психологией, отличающейся от человеческой. Возможно, они способны к долгим путешествиям в тесном помещении.

— Если они вот такого роста, — Леверетт развел большой и указательный пальцы на четверть дюйма, — тогда корабль для них поселение. Но это не так. Это не чужаки. И не какие-то гномы. Корабль сделали люди — но не роториане. Мы считаем, что чужаки во всем отличаются от людей, а значит, и корабли их должны быть совершенно не похожи на наши. А этот имеет вполне земной внешний вид, вплоть до серийного обозначения, выведенного земными буквами.

— Вы не сказали об этом!

— Полагал, что и так понятно!

— Но если корабль земной, он может оказаться автоматическим. На борту его могут быть только роботы.

— Возможно, — согласился Леверетт, — а раз так, нам следует взорвать его. Раз людей на борту нет, то и этических проблем не возникнет. Мы уничтожим чью-то собственность, но ведь они нарушили границы наших владений.

— Вот и я об этом думаю, — сказал Питт.

Леверетт широко улыбнулся.

— Пожалуй, не стоит. Этот корабль провел в космосе меньше двух лет.

— О чем вы?

— А вы забыли, каким был Ротор, когда мы сами здесь появились? Мы летели больше двух лет. И половину этого времени провели в нормальном пространстве при скорости чуть меньше световой. У нас вся поверхность была побита, исцарапана атомами, молеку-

лами и частицами пыли. Пришлось полировать и чинить, насколько я помню. Вы-то не забыли?

— А этот корабль? — спросил Питт, не потрудившись ответить на вопрос.

— Блестит, словно прошел всего каких-нибудь несколько миллионов километров с обычной скоростью.

— Но это невозможно! Что вы опять несете?

— Вовсе не невозможно. Несколько миллионов километров они и прошли с обычной скоростью — остальную путь проделали в гиперпространстве.

— О чем вы говорите? — Терпение Питта явно истощалось.

— О сверхсветовом полете. Они освоили гиперпространство.

— Но это теоретически невозможно.

— Да? Соглашусь, если вы найдете другое объяснение.

Питт открыл рот.

— Но...

— Я знаю. Физики будут утверждать, что такое немисливо, — однако же корабль здесь. А теперь позвольте сказать вам следующее. Если они уже умеют путешествовать со скоростью света, значит, обладают и сверхсветовой связью. И Солнечная система знает, где они находятся и что здесь происходит. И если мы взорвем судно, об этом станет известно на Земле и через некоторое время сюда явится целый флот таких кораблей и примется за нас.

— Что же делать-то, а? — Питт на время даже потерял способность соображать.

— Остается принять их как друзей, выяснить, кто они и откуда и зачем явились сюда. Я предполагаю, что они собираются высадиться на Эритро. Нам тоже придется полететь туда, чтобы вступить в переговоры.

— На поверхности Эритро?

— Янус, если они опустятся на Эритро, где еще мы сможем с ними переговорить? Придется встретиться там. Рискнем.

Питт почувствовал, как в голове вновь начали двигаться колесики.

— Раз вы полагаете, что это необходимо, быть может, вы и займетесь? Возьмете корабль с экипажем и...

— А вы, значит, не собираетесь?

— Разве комиссар обязан встречать неизвестные корабли?

— Понимаю, это унижает ваше достоинство. Значит, с этими инопланетянами, гномами, роботами — чем там еще? — придется разговаривать мне одному?

— Салтаде, я, конечно, буду на связи. Голос, изображение...

— Но издалека.

— Да, однако успех вашей миссии будет отмечен наградой.

— Если так, то... — и Леверетт многозначительно взглянул на Питта.

Тот помолчал.

— Вы собираетесь назвать цену?

— Я собираюсь предложить вам свои условия. Если вы хотите, чтобы я встретил корабль на Эритро, — отдайте мне планету.

— Что это значит?

— Я хочу там жить. Я устал от астероидов. Я устал от чужих глаз. Я устал от людей. С меня довольно. Мне нужен пустой мир. Я хочу соорудить себе дом на Эритро, получать все необходимое из Купола, завести там животноводческую ферму — если мне это удастся.

— И давно вам этого хочется?

— Не знаю. Но чем дальше, тем больше. И сейчас, когда я снова здесь, на Роторе, с его шумом и столпотворением, Эритро кажется мне еще более привлекательной.

Питт нахмурился.

— С вами — уже двое. Вы прямо как эта свихнувшаяся девица.

— Что за свихнувшаяся девица?

— Дочь Эугении Инсигны. Вы же знаете ее — она астроном.

— Астронома-то знаю, но с дочерью не встречался.

— Совершенно сошла с ума. Ей хочется жить на Эритро.

— Подобное желание считать безумным я не могу, по-моему — это весьма здравая мысль. Кстати, если она желает жить на Эритро, с присутствием женщины я еще могу смириться.

Питт поднял палец.

— Девушки, я сказал.

— Сколько ей?

— Пятнадцать.

— Ага. Ну ничего, повзрослеет. Правда, я, к сожалению, состарюсь.

— Она не из красавиц.

— Янус, — сказал Леверетт, — и я тоже — пожалуйста внимательнее. Итак, мои условия вы знаете.

— И вы хотите официально ввести их в компьютер?

— Обычная формальность, Янус, не более...

Питт не улыбнулся.

— Очень хорошо. Попробуем проследить, куда сядет корабль, — и отправляйтесь к нему на Эритро.

Глава 36

ВСТРЕЧА

86

В голосе Эутении Инсигны слышались удивление и досада.

— А Марлена пела сегодня. Что-то о «доме, доме в небесах, где плывут свободные миры».

— Знаю, — кивнул Сивер Генарр, — я бы напел мотив — да слуха нет.

Они только что покончили с завтраком. Теперь они каждый день завтракали вместе, и Генарру это нравилось, хотя всякий раз приходилось разговаривать только о Марлене. Инсигна прибегала к его обществу от отчаяния — поскольку больше ни с кем не могла свободно говорить о дочери.

— Неважно. Каковы бы ни были причины...

— Я еще не слыхала, чтобы она пела, — сказала Инсигна. — И уж думала, что она не умеет — но оказывается, у Марлены приятное контральто.

— Это значит, что она рада... или возбуждена... или удовлетворена... словом, у нее все хорошо, Эутения. Мне лично кажется, что она нашла свое место под солнцем, поняла, зачем живет. Это дано не каждому. Люди, Эутения, по большей части влачатся по жизни, пытаются отыскать ее смысл, не находят его и умирают в отчаянии или полном безразличии. Лично я принадлежу к последнему типу.

Инсигна попробовала улыбнуться.

— Подозреваю, что обо мне ты так не думаешь.

— Нет, Эугения, ты не отчаялась, ты продолжаешь сражаться, хотя битва давно проиграна.

— Ты про Крайла? — Она опустила глаза.

— Если ты об этом подумала, пусть так оно и будет. Но, если честно, я думал о Марлене. Она уже много раз выходила наружу. Ей там хорошо. Она счастлива, а ты все сидишь здесь и не можешь преодолеть ужаса. Что же еще тебя беспокоит?

Инсигна прожевала, положила вилку на тарелку и сказала:

— Чувство потери. Несправедливости. Крайл сделал свой выбор — и я его потеряла. Теперь Марлена — я теряю ее. И это уже не лихоманка, а Эритро.

— Понимаю. — Он протянул ей руку, и она рассеянно пожала ее.

— Теперь Марлена всякий раз уходит все дальше, ей неинтересно с нами. Когда-нибудь она останется там и будет возвращаться все реже и реже, а потом и вовсе исчезнет.

— Возможно, ты права, но ведь жизнь — это цепь потерь. Ты теряешь молодость, родителей, любимых, друзей, удовольствия, здоровье и, наконец, саму жизнь. Ты можешь не принимать этого — и все равно будешь терять. Да еще потеряешь спокойствие и душевное равновесие.

— Север, она никогда не была счастливым ребенком.

— И ты винишь в этом себя?

— Я могла бы проявить больше понимания.

— Начать никогда не поздно. Марлена хотела этот мир — и получила его. Она стремилась научиться общаться с чужим разумом с помощью своих необыкновенных способностей — и добилась этого. И ты хочешь заставить ее отказаться от достигнутого? Ради твоего спокойствия она должна пожертвовать тем, чего ни я, ни ты даже представить себе не можем?

Инсигна рассмеялась, хотя в глазах ее стояли слезы.

— Север, ты, наверное, и кролика сумеешь уговорить вылезти из норки.

— Ты думаешь? И все-таки мое красноречие оказалось бессильным перед молчанием Крайла.

— Тут были другие причины. — Инсигна нахмурилась. — Теперь уже это ничего не значит. Сивер, ты рядом, и это меня поддерживает.

— Это самый верный признак того, что я действительно состарился, — грустно сказал Генарр, — но я рад, что тебе спокойно со мной. С годами мы начинаем искать не чего-нибудь эдакого, а покоя.

— Но в этом нет ничего плохого.

— В мире вообще нет ничего плохого. Должно быть, многие пары, испытавшие экстаз и страсть, но так и не нашедшие утешения друг в друге, в конце концов охотно согласились бы отдать все это за минуту покоя. Не знаю. Незаметный человек всегда незаметен, но и он умеет любить.

— Как ты, мой бедный Сивер?

— Эугения, я всю жизнь старался избежать этой ловушки, которая зовется жалостью к себе самому, и не надо вновь искушать меня ею, просто чтобы посмотреть, как я корчусь.

— Ах, Сивер, я хочу вовсе не этого.

— Ну вот, именно этих слов я и ждал от тебя. Видишь, какой я умный. И учти, когда тебе потребуется утешение, я буду рядом с тобой вместо Марлены. Конечно, если ты не станешь возражать против моего присутствия.

— Сивер, я этого не заслужила. — Инсигна пожала ему руку.

— Не старайся отказаться от моего общества под этим предлогом. Я намереваюсь посвятить тебе всю жизнь, и не пытайся остановить меня — я хочу принести тебе эту высшую жертву.

— Неужели ты не нашел никого достойнее?

— Я и не искал. Впрочем, женщины на Роторе и не обнаруживали особого интереса ко мне. К тому же что бы я делал с этой более достойной? Какая тоска — быть заслуженной наградой. Куда романтичнее оказаться незаслуженным даром, благодеянием небес.

— И в божественном облике спуститься ко мне, недостойной.

Генарр энергично кивнул.

— Вот-вот, именно так. Эта перспектива и вдохновляет меня.

Инсигна вновь рассмеялась — уже непринужденней.

— А ты тоже свихнулся. Знаешь, я этого как-то не замечала.

— О, во мне таятся неизведанные глубины. И когда ты узнаешь... конечно, в должное время...

Слова его прервал резкий звонок приемника новостей.

Генарр нахмурился.

— Ну вот, Эугения, только мы с тобой подошли к нужному месту — даже не понимаю, как это мне удалось, — и ты уже готова упасть в мои объятия, как нас сразу же перебивают. Ух ты, вот так-так! — Голос его изменился. — Это от Салтаде Леверетта.

— Кто это?

— Ты не знаешь его. Его вообще почти никто не знает. Я еще не встречал человека, более соответствующего понятию «отшельник». Леверетт работает в поясе астероидов — потому что ему нравится там. Когда же это я в последний раз видел старикашку?.. Впрочем, почему старикашку — ведь мы с ним ровесники... Видишь, печать — под мои отпечатки пальцев. Вообще-то, прежде чем это вскрыть, я должен попросить тебя выйти.

Инсигна немедленно встала, но Генарр жестом велел ей сесть.

— Эугения, не глупи. Склонностью к секретности пусть маются официальные инстанции. Я предпочитаю пренебрегать ею. — Он приложил к бумаге большой палец, потом другой — и на бумаге стали проступать буквы. — Хотелось бы знать, что бы мы делали без больших пальцев? — пробормотал Генарр и замолчал.

Потом, ни слова не говоря, передал Инсигне послание.

— А мне можно его читать?

Генарр отрицательно качнул головой.

— Конечно, нет, но я не возражаю.

Она пробежала его глазами и взглянула на Генарра.

— Чужой корабль? Собирается здесь сесть?

Генарр кивнул.

— Так здесь написано.

Инсигна встрепенулась.

- А что будет с Марленой? Она же там.
- Эритро защитит ее.
- Откуда ты знаешь? Может быть, это корабль инопланетян. Настоящих. Не людей. И Эритро не властна над ними.
- Для Эритро мы и есть инопланетяне, но планета прекрасно с нами справляется.
- Мне надо быть там.
- Но зачем?
- Я должна быть с ней. Идем со мной. Ты поможешь. Мы приведем ее в Купол.
- Но если пришельцы всесильны и злы, здесь будет небезопасно.
- Сивер, не время рассуждать! Прошу тебя. Я должна быть рядом с дочерью!

87

Они провели фотосъемку и теперь изучали снимки. Тесса Уэндел качала головой.

— Глазам не верю. Кругом пустыня. Кроме одного уголка.

— А разум повсюду, — нахмурилась Мерри Бланковиц. — Теперь, когда мы рядом, в этом сомнений нет. Пустыня здесь или нет, но разум присутствует всюду.

— Но интенсивнее всего под этим куполом? Так?

— Да, капитан. Там сигнал сильнее и даже имеет привычный рид. Снаружи — вне купола — он немного другой. Я не понимаю, что это значит.

В разговор вмешался Ву.

— Нам еще не приходилось иметь дело с разумом, отличающимся от человеческого, так что...

Уэндел повернулась к нему.

— Значит, вы считаете, что разум, обретающийся за пределами купола, имеет нечеловеческую природу?

— Раз все мы согласны, что за тринадцать лет люди просто не могли источить ходами планету, ничего другого нам просто не остается.

— А как же купол? Это дело рук человека?

— Ну, здесь дело другое, — ответил Ву, — и можно обойтись без плексонов Бланковиц. Я заметил там

астрономические приборы. Купол, по крайней мере часть его, является астрономической обсерваторией.

— Неужели инопланетяне не способны овладеть астрономией? — с легким скептицизмом осведомился Ярлоу.

— В их способностях я не сомневаюсь, — ответил Ву, — однако тогда они должны были создать собственные приборы. А если я вижу инфракрасный сканер с компьютером точно того же типа, который используется на Земле... Скажем проще. Нам незачем рассуждать о природе разума. Приборы обсерватории изготовлены в Солнечной системе или здесь, по чертежам, привезенным оттуда. В этом можно не сомневаться. Едва ли существа с другой планеты способны сделать точно такие приборы без участия землян.

— Очень хорошо, — отозвалась Уэндел. — Ву, я согласна с вами. Что бы ни обитало на этой планете, под куполом живут или жили человеческие существа.

— Что еще за человеческие существа, капитан? — резко произнес Крайл Фишер. — Люди, роториане. Кроме них и нас, здесь не может быть никого.

— На это возразить нечего, — согласился Ву.

— Купол-то небольшой, — заметила Бланковиц, — а на Роторе было несколько десятков тысяч человек.

— Шестьдесят тысяч, — уточнил Фишер.

— Все они под куполом не поместятся.

— Это ничего не значит, — сказал Фишер. — Купол здесь, скорее всего, не один. Можно тысячу раз облететь вокруг планеты и всего не заметить.

— Но вид плексонов меняется только здесь. Если у них есть еще куполы, подобные этому, не сомневаюсь, я бы заметила их, — проговорила Бланковиц.

— Или же, — продолжал Фишер, — мы видим только макушку сооружения, находящегося под землей.

Ву возразил:

— Сюда прилетело поселение. Ротор наверняка еще цел. Возможно, он уже не один. Так что перед нами просто форпост роториан на этой планете.

— Но мы не обнаружили поселения, — заметил Ярлоу.

— Мы не искали его, — возразил Ву. — Мы глаз не отводили от планеты.

— И я тоже нигде больше не нашла разума, — добавила Бланковиц.

— И вы тоже не искали, — сказал Ву. — Надо было исследовать все здешнее небо, но, обнаружив свои плексоны, испускаемые этим миром, вы ни на что более не смотрели.

— Я проверю теперь, если необходимо.

Уэндел подняла руку.

— Если поселения существуют, почему нас никто не заметил? Ведь мы не пытались экранировать собственное излучение корабля. В конце концов, мы же практически не сомневались, что окажемся в необитаемой системе.

— Капитан, они могут проявить такую же самоуверенность, как и мы, — заметил Ву. — Они не ждут нас, а потому не заметили. Или же, если заметили, то еще не поняли, кто мы, и не знают, что предпринять. И я хочу сказать: раз мы уверены, что люди обитают в одном месте на поверхности этого большого спутника, значит, следует спуститься и вступить с ними в контакт.

— А вы уверены, что это не опасно? — спросила Бланковиц.

— Полагаю, что нет, — бодро ответил Ву. — С ходу по нам стрелять не будут. В конце концов, прежде чем нас убить, следует узнать о нас поподробнее. И к тому же, если мы не проявим смелости, проболтаемся на орбите, ничего толком не выяснив, и вернемся домой, Земля непременно вышлет сюда целый флот сверхсветовых кораблей. И дома никто не скажет спасибо, если мы не привезем информации. А в истории Земли нас назовут трусами. — Он улыбнулся. — Видите, капитан, я уже усваиваю уроки Фишера.

— Значит, вы полагаете, что нам следует спуститься и вступить с ними в контакт?

— Именно так, — проговорил Ву.

— Ну а вы как считаете, Бланковиц?

— Мне интересно. Не то, что нас ожидает под куполом, а то, что вокруг него. Хотелось бы выяснить, что там такое.

— Ярлоу?

— Хотелось бы располагать сейчас связью или надежным оружием. Если нас уничтожат, Земля ничего,

абсолютно ничего не узнает о нашем путешествии. И тогда кто-нибудь еще явится сюда такой же неуверенный в себе, как мы. Но если контакт пройдет благополучно и мы останемся живы, то повезем назад важную информацию. По моему, стоит рискнуть.

— А мое мнение, капитан, вас не интересует? — тихо спросил Фишер.

— Ты, естественно, рвешься навстречу роторианам.

— Совершенно верно, и я хочу предложить опуститься без особого шума — сколько это возможно, — потом я пойду на разведку. Если что-нибудь случится — возвращайтесь на Землю, я останусь. Меня-то можно оставить здесь, — но корабль должен вернуться.

С внезапно окаменевшим лицом Уэндел спросила:

— А почему тебя?

— Потому что я знаю роториан, — ответил Фишер, — ну и потому, что я добровольно иду на это.

— Я тоже пойду с вами, — сказал Ву.

— Зачем нам обоим рисковать? — возразил Фишер.

— Потому что вдвоем безопаснее. Потому что в случае чего мы будем прикрывать друг друга. Но более всего потому, что вы знаете роториан и ваши суждения могут оказаться предвзятыми.

— Что ж, спускаемся, — решила Уэндел. — Фишер и Ву покидают корабль. В случае разногласий решение принимает Ву.

— Почему? — возмутился Фишер.

— Ву сказал, что ты знаешь роториан и твое решение может оказаться необъективным. — Уэндел строго посмотрела на Фишера. — И я с ним согласна.

88

Марлена была счастлива. Ее словно обнимали ласковые руки, покоили, защищали. Красным огоньком горела над головой Немезида, ветерок прикасался к щеке. Время от времени облака закрывали диск звезды, и тогда свет тускнел и становился сероватым.

Но Марлена привыкла к сиянию звезды, и в сером свете не хуже, чем в красном, различала все тени и оттенки, складывавшиеся в причудливый рисунок. Когда облака заслоняли Немезиду, становилось прохлад-

нее — но Марлена не чувствовала холода. Эритро словно согревала ее, заботливо следила за каждым ее шагом.

С Эритро можно было поговорить. Марлена решила называть крошечные клеточки, слагающиеся в жизнь на Эритро, именем планеты. А почему бы нет? Как же иначе? Конечно, эти клетки были весьма примитивными организмами, куда более примитивными, чем те, из которых состояло ее собственное тело. Все эти бесчисленные миллиарды триллионов крошечных частиц жизни соединялись друг с другом в единую сущность, окружающую планету, пронизывавшую и наполнявшую ее — и трудно было придумать им другое имя.

Как странно, думала Марлена. Эта гигантская разумная форма жизни до появления Ротора даже не знала, что на свете существует еще что-то живое.

Ощущения Марлены были не только мысленными. Иногда перед ней возникало нечто подобное серой дымке, которое сливалось в призрачную человеческую фигуру с нечеткими очертаниями. Она всегда казалась какой-то текучей. Марлена не видела, а скорее ощущала, как миллионы невидимых клеток ежесекундно покидали призрачный силуэт и на их месте появлялись новые. Клетки прокариотов не могли существовать вне водяной пленки, и каждая из них вселялась в странную фигуру лишь на миг.

Облик Ауринала Эритро больше не принимала. Она без всяких слов поняла, как путает этим Марлену. Теперь лицо было незнакомым. Оно лишь иногда менялось, потому что так хотелось Марлене. Эритро научилась следовать за мыслями Марлены — и фигура вдруг начинала казаться знакомой, а едва Марлена пробовала приглядеться, сразу изменялась. Иногда она успевала рассмотреть то знакомый изгиб щеки матери, то крупный нос дяди Сивера, а то и лица девчонок и мальчишек, с которыми когда-то вместе ходила в школу.

Это была какая-то гармония взаимодействия. Не разговор, а какой-то балет мыслей, не поддающийся описанию, яркий и умиротворяющий, бесконечные превращения образов, голосов, мыслей.

Разговор этот велся в столь многих измерениях, что возвращаться к обычной форме общения, с помощью

слов, было просто невысказуемо. Способность Марлены воспринимать телесный язык превратилась в нечто такое, о чем она даже мечтать не могла. Мысленный разговор был таким стремительным и богатым — куда уж там убогим, примитивным словам!

Эритро наполняла сознание Марлены тем потрясением, которое испытала, обнаружив такое количество разумов. Разумы. Их было так много. Один разум еще можно было понять, охватить. Другой мир. Другой разум. Но когда их много, таких разных, в одном месте... Неверьятно.

Мысли, которыми Эритро наполняла сознание Марлены, можно было кое-как объяснить словами. Но слова тонули в могучем потоке эмоций, ощущений, нейронных вибраций Эритро.

Планета экспериментировала с умами, исследовала их — но не в том смысле, как это делают люди, ибо человеческое понятие лишь отдаленно передает смысл этого явления. И некоторые из них не выдержали — испортились, разбились. Эритро перестала их исследовать и начала искать такие, которые были бы способны к контакту.

— И тогда ты нашел меня? — спросила Марлена.

— Я нашел тебя.

— Но почему? Зачем это тебе понадобилось?

Фигура задрожала и расплылась.

— Чтобы найти тебя.

Это был не ответ.

— Почему ты хочешь, чтобы я была с тобой?

Фигура начала таять, и до Марлены еле донеслось:

— Чтобы ты была со мной.

И она исчезла.

Но пропал только силуэт. Марлена по-прежнему ощущала теплое объятие. Почему он исчез? Или она задала неудачный вопрос?

И тут она услышала звук.

В здешней пустыне все звуки были ей знакомы — ведь их не так много: журчание воды, шум ветра. И еще шаги, шелест одежды, дыхание.

Но сейчас Марлена услышала нечто другое и обернулась на звук. За невысокой скалой слева от нее появилась голова мужчины.

Она решила, что за ней пришли из Купола, и рассердилась. Зачем она им понадобилась? Придется больше не брать с собой излучатель.

Но лицо человека оказалось незнакомым — а ведь Марлена видела, пожалуй, всех обитателей Купола. Память на лица у нее была отменной. Увидев хоть раз человека, Марлена уже не забывала его лица.

Мужчина смотрел на Марлену, не отрывая глаз и слегка приоткрыв рот. Потом вдруг соскочил со скалы и бросился к ней.

Марлена не испугалась. Она была под надежной защитой Эритро.

Не добежав до девочки футов десяти, он остановился как вкопанный, словно наткнулся на какое-то препятствие.

И сдавленным голосом произнес:

— Розанна!

89

Марлена внимательно разглядывала его. Малейшие движения его тела выражали нетерпение и... какое-то чувство принадлежности к ней.

Она сделала шаг назад. Неужели? Это...

В памяти всплыло смутное изображение на голокарточке, которое она видела в детстве...

Да, сомнений быть не может. Но это невозможно, немыслимо.

Она съежилась под своим защитным покровом и произнесла:

— Отец?

Он рванулся вперед, словно хотел схватить ее, но она опять сделала шаг назад. Он замер, покачнулся, поднес ладонь ко лбу, словно ощутил головокружение, и сказал:

— Марлен. Я хотел сказать — Марлена.

Неправильно говорит, отметила про себя Марлена — в два слога. Ничего. Откуда ему знать?

Подошел второй мужчина. И остановился рядом с первым. У него были прямые черные волосы, широкое желтоватое лицо, узкие глаза. Марлене еще не доводилось видеть таких людей. Она даже открыла от удивления рот и не сразу сумела его закрыть.

— Так это и есть ваша дочь, Фишер? — тихо спросил второй мужчина.

Глаза Марлены расширились. Фишер! Это был ее отец.

Он даже не посмотрел на второго.

— Да.

— Вот это да, — сказал второй еще тише. — Спуститься сюда и сразу нос к носу столкнуться с собственной дочерью.

Фишер попытался отвести глаза от лица дочери, но не смог.

— Похоже на то, Ву. Марлена, твоя фамилия Фишер — так? А мать зовут Эугения Инсигна. Я не ошибся? Меня зовут Крайл Фишер. Я твой отец.

Он протянул к ней руки.

Марлена видела, что радость отца неподдельна, но отступила еще на шаг и холодно спросила:

— А как ты здесь оказался?

— Я прилетел с Земли, чтобы найти тебя. Чтобы найти тебя. Через столько лет!

— Зачем я тебе понадобилась? Ведь ты бросил меня, когда я была совсем маленькой.

— Да, я бросил тебя, но никогда не терял надежды снова найти.

— Значит, ты приехал за Марленой? — вдруг раздался чей-то голос. — А больше тебе ничего не нужно?

Рядом стояла Эугения Инсигна: лицо бледное, бесцветные губы, руки дрожат. В стороне стоял Сивер Генарр. Он выглядел смущенным. На обоих не было защитных комбинезонов.

Инсигна торопливо заговорила:

— Я думала, что это люди с какого-нибудь поселения, из Солнечной системы. Я предполагала, что это могут оказаться чужаки. Я предусмотрела все, кроме одного — что сюда пожалует сам Крайл Фишер. Да еще за Марленой!

— Я прибыл сюда по важному делу. Это — Сяо Ли Ву, мой спутник. И... и...

— И мы встретились. А тебе не приходило в голову, что ты можешь встретиться и со мной? Или ты только о Марлене думал? И какое поручение тебе дали? Разыскать Марлену?

— Нет. Это не поручение, это мое страстное желание.

— А я?

Фишер опустил глаза.

— Я прилетел за Марлен.

— За Марленой? Чтобы взять с собой?

— Я думал... — начал Фишер и умолк.

Ву удивленно посмотрел на него. Генарр задумчиво нахмурился.

Инсигна резко повернулась к дочери.

— Марлена, ты полетишь куда-нибудь с этим человеком?

— Я не собираюсь улетать отсюда никуда, мама, — спокойно ответила Марлена.

— Слышал, Крайл? — спросила Инсигна. — Ты бросил меня с годовалой крохой на руках и явился через пятнадцать лет. «Я хочу взять Марлену с собой». Обо мне ты даже не подумал. Конечно, она твоя дочь — по крови. Но пятнадцать лет любви и заботы дают мне право считать ее только моей.

— Мама, не нужно ссориться из-за меня, — сказала Марлена.

Сяо Ли Ву шагнул вперед.

— Простите. Меня-то представили, но вот мне никто не представился. Кто вы, мадам?

— Эугения Инсигна Фишер. — Она ткнула пальцем в сторону Фишера: — Его бывшая жена.

— А это ваша дочь, мадам?

— Да, это Марлена Фишер.

Ву поклонился.

— А кто этот джентльмен?

— Я Сивер Генарр, — ответил тот, — командир того самого Купола, который вы видите за моей спиной.

— Хорошо. Командир, мне хотелось бы поговорить с вами. Очень жаль, что мы вынуждены присутствовать при семейной ссоре, однако она не имеет никакого отношения к нашей миссии.

— И в чем же состоит ваша миссия? — пророкотал чей-то голос.

К ним приближался седой человек, в руке он держал какой-то предмет, напоминавший оружие.

— Привет, Сивер, — сказал он, поравнявшись с Генарром.

— Салтаде, какими судьбами? — удивился тот.

— Я представитель Януса Питта, комиссара Ротора. Я повторяю свой вопрос, сэр. В чем состоит ваша миссия? И как вас зовут?

— Ну свое-то имя мне назвать нетрудно, — ответил Ву. — Я доктор Сяо Ли Ву. А как ваше имя, сэр?

— Салтаде Леверетт.

— Приветствую вас. Мы прибыли с миром, — сказал Ву, разглядывая оружие.

— Надеюсь, — мрачно промолвил Леверетт. — У меня здесь шесть кораблей, и все они следят за вашим.

— В самом деле? — спросил Ву. — А зачем такой мощный флот крошечному сооружению?

— Это крошечное сооружение — аванпост, — ответил Леверетт. — Флот здесь — не думайте, что я блефую.

— Верю, — сказал Ву. — А наш крохотный корабль прилетел с Земли. Мы добрались сюда потому, что научились передвигаться быстрее света. Вот так. Понимаете? Быстрее света.

— Понятно.

— Доктор Ву говорит правду, Марлена? — вдруг спросил Генарр.

— Да, дядя Сивер, — ответила она.

— Интересно, — пробормотал Генарр.

— Я восхищен, что юная леди подтвердила истинность моих слов, — хладнокровно заметил Ву. — Должен ли я предположить, что она является здешним специалистом по сверхсветовому полету?

— Нечего предполагать, — раздраженно произнес Леверетт. — Зачем вы прилетели? Мы вас не звали.

— Не звали. А мы просто не знали, что здесь найдется кто-то, кому будет не по душе наше появление. Однако прошу вас не нервничать. Малейшее проявление недоброжелательства с вашей стороны — и наш корабль уйдет в гиперпространство.

— Он в этом не совсем уверен, — быстро вставила Марлена.

Ву нахмурился.

— Я в достаточной степени уверен в этом, а если вы попытаетесь уничтожить корабль — дома, на Земле, немедленно узнают, что произошло. Мы постоянно под-

держиваем связь с базой. И если с нами что-то случится, следующая экспедиция будет состоять уже из пятидесяти сверхсветовых крейсеров. Так что не стоит рисковать, сэр.

— Это не так, — произнесла Марлена.

— Что не так? — спросил Генарр.

— Он говорит, что они поддерживают связь с Землей, а это не так, и сам он это знает.

— Понятно, — сказал Генарр. — Салтаде, гиперсвязи у них нет.

Выражение на лице Ву не изменилось.

— Стоит ли верить догадке подростка?

— Это не догадка, а факт. Салтаде, потом я все объясню вам. А пока поверьте на слово.

— Спросите отца, — вдруг сказала Марлена. — Он подтвердит.

Она не понимала, как отец узнал о ее даре, ведь он оставил ее годовалой — однако... Марлена видела, что он все понимает, это было так ясно — но другие ничего не замечали.

— Бесполезно, Ву, — произнес Фишер. — Марлена видит нас насквозь.

Тут самообладание впервые изменило Ву. Нахмурившись, он огрызнулся:

— Откуда вы можете что-то вообще знать об этой девушке, хоть она и ваша дочь? Вы же так давно не видели ее.

— У меня была младшая сестра, — негромко пояснил Фишер.

Генарра вдруг осенило:

— Это передается по наследству! Интересно. Видите, доктор Ву, мы здесь можем отличить правду от блефа. Давайте говорить в открытую. Зачем вы прибыли сюда?

— Чтобы спасти Солнечную систему. Спросите у молодой леди — ведь она у вас абсолютный авторитет, — правду ли говорю я на этот раз.

— Конечно, на этот раз, доктор Ву, вы говорите правду, — подтвердила Марлена. — Мы знаем об опасности. Моя мать обнаружила ее.

— А мы, юная леди, обнаружили ее без всякой помощи вашей матери, — сказал Ву.

Недоуменно оглядев всех, Салтаде Леверетт спросил:

— Могу ли я поинтересоваться, о чем идет речь?

— Поверьте мне, Салтаде, — ответил Генарр, — Янус Питт прекрасно знает обо всем. К сожалению, вас он не проинформировал. Однако теперь все расскажет, если вы свяжетесь с ним. Скажите ему, что мы имеем дело с людьми, освоившими сверхсветовой полет, и можем с ними договориться.

90

Четверо человек сидели в личных апартаментах Сивера Генарра внутри Купола. Генарр пытался подавить в себе ощущение исторической важности события. Шли первые в истории человечества межзвездные переговоры. И даже если их участники ничего примечательного в жизни не совершали, их имена навечно останутся в истории Галактики.

Двое и двое.

Солнечную систему — подумать только! — представляла гибнущая Земля, невесть как сумевшая обойти передовые энергичные поселения, в лице своих уполномоченных Сяо Ли Ву и Крайла Фишера.

Разговорчивый Ву говорил обвинительным тоном — математик явно обладал практический жилкой. Фишер же — Генарр до сих пор не мог поверить своим глазам — сидел, погрузившись в глубокую задумчивость и редко вступал в разговор.

Столь же невозмутимо держался и сам Генарр. Он ждал, когда они уладят дело. — он знал нечто такое, что не было известно остальным.

Шли часы, настал вечер. Подали обед. Генарр отправился навестить Эугению Инсигну и Марлену.

— Пока ничего, — сказал Генарр. — Обоим сторонам есть о чем поторговаться.

— А что Крайл? — нервно спросила Инсигна. — Вопрос о Марлене он не поднимал?

— Поверь мне, Эугения, об этом не было и речи, он молчит и, по-моему, очень расстроен.

— Еще бы, — сердито сказала Инсигна.

Поколебавшись, Генарр спросил:

— А что ты об этом думаешь, Марлена?

Та посмотрела на него темными, бездонными глазами.

— Я далека от этого, дядя Сивер.

— Немного жестоко, — пробормотал Генарр.

— Почему? — воскликнула Инсигна. — В конце концов, он бросил ее совсем маленькой.

— Я не жестокая, — задумчиво сказала Марлена. — Если смогу, постараюсь сделать так, чтобы ему стало легче. Но я уже не принадлежу ему. И тебе тоже, мама. Прости меня, но теперь я принадлежу Эритро. Дядя Сивер, вы ведь скажете мне, какое решение будет принято?

— Обещаю.

— Это важно.

— Я знаю.

— Вообще-то я должна была бы представлять Эритро.

— Полагаю, что Эритро уже здесь, так что ты будешь участвовать в переговорах, прежде чем они закончатся. Даже если бы я возражал, полагаю, Эритро заставила бы меня передумать.

И он вернулся продолжать обсуждение.

Сяо Ли Ву сидел, откинувшись на спинку кресла, пронизательное лицо его не обнаруживало признаков усталости.

— Давайте подведем итоги, — сказал он. — Эта звезда — я буду называть ее Немезидой, как вы, — является ближайшей к Солнечной системе, и любой уходящий к звездам корабль должен сделать первую остановку возле нее. Но раз теперь человечество освоило сверхсветовой полет, расстояния уже не будут его ограничивать, и люди станут искать не ближайшие, а самые удобные звезды. Нам нужны светила, подобные Солнцу, и планеты, схожие с Землей. Немезида сразу же окажется ненужной. Ротору больше нет смысла прятаться. Немезида перестанет представлять интерес не только для других поселений, но и для самого Ротора. И Ротор займется поиском звезды, подобной Солнцу. В спиральных рукавах нашей Галактики их миллиарды.

Вам может показаться, что, для того чтобы у Ротора появились сверхсветовые корабли, достаточно приставить к моей груди оружие и потребовать, чтобы я выложил все, что знаю. Я математик, занимаюсь теоретическими вопросами и обладаю ограниченным объе-

мом информации. Даже если вы сумеете захватить наш корабль, то не многое сумеете узнать. Проще послать на Землю ученых и инженеров, где мы всему научим. Взамен мы просим у вас планету, которую вы зовете Эритро. Насколько я понимаю, вы не используете ее. Здесь лишь маленький купол, пригодный для астрономических и прочих наблюдений. Вы сами живете в поселении. Поселения Солнечной системы могут отправиться на поиски подходящих звезд и планет. А вот земляне... Нас восемь миллиардов, и всех придется эвакуировать за несколько тысяч лет. Пока Немезида приближается к Солнцу, Эритро может стать удобной пересадочной станцией, откуда землян можно будет переправлять к мирам, подобным Земле.

Мы должны вернуться на Землю с роторианином, чтобы доказать, что мы действительно здесь побывали. Мы построим новые корабли, и они возвратятся сюда, не сомневайтесь, — Эритро нужна человечеству. Мы привезем ваших ученых, овладевших техникой сверхсветового перелета, мы передадим ее другим поселениям. По-моему, я подвел итог всему, что мы решили.

— Дело это гораздо труднее. — сказал Леверетт. — Чтобы земляне могли жить на Эритро, необходимо как следует над ней поработать.

— Конечно, я опустил детали, — ответил Ву. — Но их можно будет обсудить потом, и уже не нам.

— Конечно, комиссар Питт и совет будут принимать решения от имени Ротора.

— А Землю будет представлять Всемирный конгресс, ведь дело настолько важное, что неудачи не должно быть.

— Нельзя забывать о безопасности. Можем ли мы доверять Земле?

— А может ли Земля верить Ротору? На выработку мер предосторожности уйдет год... или пять... или десять. Кроме того, потребуются годы, чтобы построить необходимое количество кораблей, на которых человечество могло бы оставить Землю и заселить Галактику.

— Если в ней некому будет конкурировать с нами, — проворчал Леверетт.

— Будем исходить из этого предположения, пока нас не вынудят отказаться от него. Но это в будущем.

Вы будете обращаться к комиссару? Надо поскорее выбрать роторианина, который отправится с нами.

Фишер подался вперед.

— Могу ли я предложить, чтобы им была моя...

Но Генарр не позволил ему окончить.

— Извините, Крайл. Я беседовал с ней — она не покинет этот мир.

— Но если ее мать тоже полетит...

— Нет, Крайл. Ее мать здесь ни при чем. Даже если бы вы хотели, чтобы Эугения вернулась и уговорили ее — Марлена осталась бы на Эритро. Ну а вам тоже ни к чему оставаться с ней. Она потеряна и для вас, и для ее матери.

— Но ведь она совсем ребенок! — рассердился Фишер. — Ей еще рано принимать подобные решения.

— К сожалению — вашему, Эугении, нашему, быть может, даже всего человечества, — она вправе принять такое решение. Мало того, я обещал ознакомить ее с нашим решением.

— В этом нет необходимости, — возразил Ву.

— Что вы, Сивер, — проговорил Леверетт, — зачем нам спрашивать разрешения у маленькой девочки?

— Пожалуйста, выслушайте меня, — произнес Генарр. — Это необходимо, нам следует посоветоваться с ней. Давайте попробуем. Я предлагаю пригласить Марлену сюда и рассказать о наших выводах. А если кто-нибудь из вас не согласен со мной — пусть сейчас же уйдет. Просто встанет и уйдет.

— По-моему, Сивер, вы сошли с ума, — заявил Леверетт. — Я не намерен играть с подростками. Мне нужно переговорить с Питтом. Где тут у вас передатчик?

Он поднялся, но вдруг пошатнулся и упал.

— Мистер Леверетт... — Ву в тревоге привстал.

Леверетт перекатился на бок и простонал:

— Помогите мне кто-нибудь.

Генарр помог ему встать и усадил в кресло.

— Что с вами? — спросил он.

— Не знаю, — отозвался Леверетт. — Вдруг так заболела голова, что я даже ослеп.

— Значит, вы не сумели выйти из комнаты. — Генарр повернулся к Ву. — Вы тоже предполагаете, что

Марлена нам не нужна? Быть может, вы попытаете выйти?

Осторожно, не отводя глаз от Генарра, Ву медленно встал с кресла, но пошатнулся и снова сел.

— Кажется, нам следует переговорить с юной леди, — вежливо произнес он.

— Необходимо, — добавил Генарр. — По крайней мере на этой планете ее желание — закон.

91

— Нет! — Марлена едва не сорвалась на крик. — Этого нельзя делать!

— Чего нельзя делать? — спросил Леверетт, нахмутив седые брови.

— Нельзя использовать Эритро ни в качестве пересадочной станции, ни для чего-то другого.

Леверетт сердито посмотрел на нее и открыл рот, собираясь что-то сказать, но Ву опередил его.

— Почему же, сударыня? Это же пустой, безжизненный мир.

— Он не пустой — он обитаемый. Дядя Сивер, объясните им.

— Марлена хотела сказать, что Эритро населена бесчисленным множеством клеток-прокариотов, способных к фотосинтезу. Они обеспечивают кислородом атмосферу Эритро.

— Великолепно, — сказал Ву. — И что же?

Генарр откашлялся.

— Каждая клетка весьма примитивна — где-то на уровне вируса, однако их нельзя рассматривать по отдельности. Все вместе они образуют чрезвычайно сложный организм, охватывающий всю планету.

— Организм? — Ву сохранял учтивость.

— Да, единый организм, который Марлена называет именем планеты, поскольку он однороден.

— Вы серьезно? — спросил Ву. — Откуда вам это известно?

— Главным образом от Марлены.

— Молодые женщины, — проговорил Ву, — иногда обнаруживают истерические...

Генарр поднял вверх палец.

— Не пытайтесь ей возражать. Я не уверен, что Эритро — этот самый организм — обладает чувством юмора. Все сведения мы получаем главным образом от Марлены, но не только от нее. Не успел Салтаде Леверетт подняться, чтобы выйти, как сразу упал. Вот и вы привстали — наверное, тоже хотели уйти — и вам стало нехорошо. Это Эритро. Она защищает Марлену, воздействуя на наш разум. После нашего появления здесь Эритро вызвала целую эпидемию душевных расстройств, названных нами эритрийской лихоманкой. Боюсь, что при желании она способна вызвать необратимые изменения рассудка — даже убить. И прошу вас не проверять справедливость моих слов.

— Вы хотите сказать, что это не Марлена... — начал Фишер.

— Нет, Крайл. У Марлены есть определенные способности, но она не в силах причинить вред. Опасна Эритро.

— И как же мы можем избежать опасности? — спросил Фишер.

— Для начала прислушайтесь к мнению Марлены. И позвольте мне разговаривать с ней от лица всех. Меня Эритро по крайней мере знает. И поверьте, я тоже хочу спасти Землю. Я не хочу, чтобы погибли миллиарды людей. — Он повернулся к Марлене. — А ты понимаешь, что Земля в опасности? Твоя мать объясняла тебе, что близость Немезиды может погубить Землю.

— Я знаю, дядя Сивер, — грустно ответила Марлена, — но Эритро принадлежит лишь себе.

— Она может поделиться с тобой, Марлена. Ведь она же разрешила построить Купол. И мы вроде бы не мешаем ей.

— Но в Куполе меньше тысячи человек, и они никуда не выходят. Эритро не возражает против существования Купола, потому что там она может изучать человеческий разум.

— Тем больше у нее будет возможностей, когда сюда прилетят земляне.

— Все восемь миллиардов?

— Нет, конечно, не все. Они будут временно останавливаться здесь, а потом снова улетят. Я думаю,

постоянно здесь будет находиться только часть населения Земли.

— Все равно это миллионы. Я уверена. Такое количество людей нельзя посадить под Купол и обеспечить едой, питьем и всем необходимым. Придется расселять их по Эритро, преобразовывать ее поверхность. Эритро не вынесет этого. Она будет защищаться.

— Ты уверена?

— Да. А как бы вы поступили?

— Но тогда погибнут миллиарды людей.

— Я ничем не могу помочь. — Марлена сжала губы, потом сказала: — Есть другой способ.

— О чем говорит эта девица? — буркнул Левретт. — Какой еще другой способ?

Марлена покосилась на него и повернулась к Генарру.

— Я не знаю. Эритро знает. По крайней мере она утверждает, что знает, но не может объяснить.

Генарр поднял руки, предупреждая вопросы.

— Говорить буду я. — И спокойно сказал: — Марлена, не волнуйся. Не бойся за Эритро. Ты же понимаешь, что она в состоянии справиться с чем угодно. Скажи, как понимать твои слова, что Эритро не может объяснить?

Марлена судорожно вздохнула.

— Эритро известно, что знание присутствует здесь, однако у нее нет разума и опыта людей, она не умеет думать, как мы. Она не понимает.

— И это знание содержится в умах, присутствующих здесь?

— Да, дядя Сивер.

— И она умеет зондировать человеческие умы?

— Она может причинить им вред. Только мой мозг она в состоянии зондировать без риска.

— Надеюсь, что так, — сказал Генарр, — а ты обладаешь этим знанием?

— Нет, конечно, нет. Но она может использовать меня как инструмент для зондирования других разумов. Вашего. Моего отца. Всех.

— А это не опасно?

— Эритро полагает, что нет, но... ой, дядя Сивер, я боюсь.

— Безумие какое-то, — прошептал Ву, но Генарр торопливо приложил палец к губам.

Фишер вскочил.

— Марлена, нельзя...

Генарр махнул рукой.

— Ну что же делать, Крайл? Под угрозой жизнь миллиардов людей. Мы без конца говорим об этом. Пусть этот организм сделает то, что может. Марлена!

Глаза девушки закатились. Казалось, что она впала в транс.

— Дядя Сивер, — шепнула она, — поддержите меня...

Нетвердой походкой она подошла к Генарру — тот подхватил ее.

— Марлена... расслабься... все будет в порядке...

И он осторожно опустил ее в кресло, поддерживая ее напрягшееся тело.

92

Это было похоже на бесшумную вспышку света, которая уничтожила мир. Все исчезло.

И Генарр уже не был прежним Генарром. Его личность словно перестала существовать. Только светящаяся сложная туманная сеть, состоявшая из нитей, которые увеличивались, росли и обнаруживали не меньшую сложность.

Они приближались и удалялись — и снова наплывали, как нечто, что было всегда и вечно пребудет. И движению этому не было конца.

И осыпались в отверстие, что ширилось им навстречу, но шире не становилось. Изменяясь без изменения. Маленькие клочья тумана, обнаруживающие в себе новую сложность.

А потом с болью — если Вселенная чувствовала боль, — с рыданием — если Вселенная ведала звук, — они начали тускнеть, перепутались, закружились, все быстрее и быстрее, стягиваясь в яркую точку, которая брызнула ослепительным светом и исчезла.

93

Вселенная навязчиво лезла в глаза.

Ву потянулся и спросил:

— Кто-нибудь еще ощутил это?

Фишер кивнул.

— Хорошо, я уверовал, — сказал Леверетт. — Но если это безумие, то мы все одновременно сошли с ума.

Генарр все еще держал Марлену, тревожно склоняясь над ней. Она прерывисто дышала.

— Марлена. Марлена...

Фишер с трудом поднялся.

— С ней все в порядке?

— Не могу сказать, — пробормотал Генарр. — Она жива, довольно и этого.

Глаза ее открылись. Отсутствующие, пустые, они смотрели на Генарра.

— Марлена! — в отчаянии прошептал Генарр.

— Дядя Сивер, — еле слышно ответила она.

Генарр позволил себе вздохнуть. По крайней мере она узнала его.

— Не шевелись, — велел он. — Пусть все пройдет.

— Все прошло. Я так рада.

— Но с тобой все в порядке?

Она помолчала.

— Да, я чувствую, что все в порядке, и Эритро говорит мне то же самое.

— Вы обнаружили то самое скрытое знание, которым мы обладаем? — осведомился Ву.

— Да, доктор Ву. — Она провела ладонью по взмокшему лбу. — Это знание обнаружилось у вас.

— У меня? — изумился Ву. — И что же я скрывал?

— Я не поняла, — ответила Марлена. — Быть может, поймете вы, если я опишу это?

— Что опишете?

— Что-то, когда гравитация отталкивает тела, вместо того чтобы притягивать.

— Гравитационное отталкивание... — пробормотал Ву. — Физика сверхсветовых скоростей... — Он вдруг глубоко вздохнул и выпрямился. — Это же мое открытие.

— Ну вот, — сказала Марлена. — Если пролететь на сверхсветовой скорости мимо Немезиды, возникнет гравитационное отталкивание. И чем быстрее летишь, тем оно сильнее.

— И корабль отбросит в сторону.

— Но и Немезида отодвинется в противоположном направлении.

— Да, пропорционально отношению масс... Только Немезида сместится на ничтожно малое расстояние.

— А что если так делать в течение сотен лет?

— Движение Немезиды все равно не намного изменится.

— Да, но через несколько световых лет траектория слегка отклонится, Немезида сможет пройти мимо Земли на значительном расстоянии, и планета уцелеет.

— Разумно, — согласился Ву.

— Можно ли здесь что-то придумать? — спросил Леверетт.

— Надо попробовать. Можно использовать астероиды, которые будут входить с нормальной скоростью в гиперпространство на триллионную долю секунды и выскакивать из него уже в миллионе миль. Пусть астероиды вращаются вокруг Немезиды и входят в гиперпространство с одной стороны. — Ву на секунду задумался и воскликнул: — Я и сам догадался бы об этом, если бы было время посоображать!

— Можете считать, что честь открытия принадлежит вам, — сказал Генарр. — В конце концов, Марлена извлекла это из вашей же головы. — Он оглядел присутствующих. — Что же, джентльмены, придется позабыть о транзитных пунктах на Эритро — если только не произойдет ничего из ряда вон выходящего. Население Земли теперь эвакуировать незачем — следует лишь в полной мере воспользоваться возможностями гравитационного отталкивания. Мне кажется, что ситуация разом переменялась к лучшему — и только потому, что мы пригласили Марлену.

— Дядя Сивер, — вдруг сказала Марлена.

— Да, дорогая?

— Спать хочется.

94

Тесса Уэндел нерешительно взглянула на Крайла Фишера.

— Я все время твержу себе: «Он вернулся». Я почему-то не думала, что ты вернешься, особенно после того, как стало ясно, что ты разыскал роториан.

— Марлена оказалась первой... первой, кого я увидел на этой планете.

Он смотрел в никуда. И Уэндел оставила его. Пусть обдумает все. У нее и без того хватало забот.

Они везли с собой роторианку Д'Обиссон, нейropsychолога. Двадцать лет назад она работала в госпитале на Земле. Там должны были остаться люди, которые могли бы вспомнить ее и узнать. И в архиве должно было сохраниться ее личное дело. Словом, она была живым доказательством того, что они сделали.

Ву преобразился. У него было множество планов, как использовать гравитационное отталкивание, чтобы изменить движение Звезды-Соседки. Теперь он тоже звал ее Немезидой — однако если ему удастся добиться успеха, звезда уже не будет угрожать Земле.

И еще он стал скромнее. Он больше не требовал себе почестей за новое открытие, чему Уэндел не могла нарадоваться. Он говорил, что проект разработан коллективно и не желал вдаваться в подробности.

Более того, он хотел вернуться в систему Немезиды — и не только для того, чтобы руководить проектом. Ему просто хотелось быть там. «Пешком уйду», — говорил Ву.

...Уэндел заметила, что Фишер, нахмурившись, смотрит на нее.

— Почему ты подумала, что я не вернусь, Тесса?

Она решила говорить начистоту.

— Крайл, твоя жена моложе меня, и дочь она никуда не отпустила бы. Я в этом не сомневалась. К тому же ты так рвался к дочери, что я подумала...

— Что я останусь с Эугенией?

— Да, что-то в этом роде.

Фишер качнул головой.

— Этого просто не могло бы случиться. Сперва мне показалось, что я вижу Розанну — мою сестру. В основном, конечно, глаза, но и вообще она была похожа на Розанну. Но это оказалась не Розанна. Тесса, она не была человеком, она не человек. Я тебе потом все объясню. Я... — Он опять покачал головой.

— Не беспокойся, Крайл, — сказала Уэндел. — Когда-нибудь потом расскажешь.

— В общем, потери-то нет. Я видел ее. Она жива. Ей хорошо. В конце концов, на большее едва ли можно рассчитывать. Марлена стала для меня просто Марленой. И до конца дней моих, Тесса, кроме тебя, мне никого не надо.

— Значит, мы используем эти годы самым лучшим образом, Крайл?

— Лучшим из лучших. Я оформлю развод. Мы поженимся. Пусть Ротором и Немезидой занимается Ву, а мы с тобой останемся на Земле — или в каком-нибудь поселении, если захочешь. Будем получать пенсию, и пусть с этой Галактикой и всеми ее проблемами имеют дело другие. А с нас хватит, Тесса. Ну как, ты не против?

— Крайл, не могу дождаться.

Прошел час, а они все держались за руки.

95

— Я так рада, что меня там не было, — сказала Эугения Инсигна. — Я все думаю об этом. Бедняжка Марлена. Наверно, ей было очень страшно.

— Да, было. И пошла она на это, чтобы спасти Землю. Теперь даже Питт ничего поделывать не сможет. В некотором смысле все труды его жизни потеряли значение. Даже речи не может быть о том, чтобы продолжать тайком от Земли строить новую цивилизацию. Мало того, теперь он вынужден поддерживать проект по ее спасению. Придется. Земля знает, где находится Ротор, и всегда может до него добраться. И человечество, будь то на Земле или вне ее, не поддержит нас, если мы не обратимся к людям. Без Марлены этого бы не случилось.

Инсигна размышляла о материях менее высоких.

— Значит, когда она испугалась, по-настоящему испугалась, то обратилась к тебе, а не к Крайлу? — спросила она.

— Да.

— И не Крайл, а ты держал ее?

— Да. Только, Эугения, не усматривай здесь ничего таинственного: просто меня она знает, а Крайла — нет.

— Сивер, я понимаю, что ты хочешь все объяснить рационально. Но я рада, что она искала помощи у тебя. Он не заслужил этого.

— Согласен. Он не заслужил. Но давай забудем об этом. Крайл улетел и уже не вернется. Он видел свою дочь. Видел, как она сумела спасти Землю. Я не жалею об этом, и тебе тоже не следует. Ну а раз так, лучше сменим тему разговора. Ты знаешь, что Рене Д'Обиссон улетела с ними?

— Да, все об этом говорят. Однако я скучать не буду. Все-таки Марлене она была не симпатична.

— И тебе, Эугения, тоже — иногда. Рене выпал крупный шанс. Как только обнаружилось, что эритрийской лихоманки не существует, ей стало нечего делать здесь, а на Земле она со своим передовым методом сканирования мозга будет иметь огромный профессиональный успех.

— Ну и прекрасно. Удачи ей.

— А вот Ву вернется. На редкость умный человек. Ведь именно в его голове оказалась эта идея. Знаешь, я уверен, что он не столько хочет поработать над эффектом отталкивания, сколько остаться на Эритро. Организм планеты выделил его — как Марлену. Но еще более забавно, что, кажется, и Леверетт...

— Как ты полагаешь, Сивер, чем руководствуется этот разум?

— Тебя интересует, почему Эритро нужен Ву, а не Крайл? Почему ей подходит Леверетт, а не я?

— Ну, конечно, я понимаю, что Ву человек более яркий, чем Крайл, но ведь ты во всем превосходишь Леверетта. Естественно, мне не хотелось бы тебя потерять.

— Благодарю. Мне кажется, что у эритрийского организма собственные критерии. И похоже, я догадываюсь какие.

— В самом деле?

— Да. Когда эритрийский организм зондировал наши умы, он входил в нас через разум Марлены. И кажется, я уловил кое-что из его мыслей. Конечно же, не сознательно. Но после зондирования я узнал такое, чего не знал раньше. Станный дар Марлены позволяет ей общаться с организмом и предоставлять ему свой

разум в качестве зонда для сканирования других умов. Впрочем, это чисто практическая сторона. Он выбрал ее по более неожиданной причине.

— По какой же?

— Эугения, представь себе, что ты — кусок веревки. Что бы ты почувствовала, ни с того ни с сего обнаружив кружево? Или же ты — круг... Что ты будешь ощущать, увидев сферу? Эритро обладает познаниями одного сорта — своими собственными. Разум ее колоссален, но неповоротлив. Он такой потому, что состоит из триллионов триллионов весьма свободно связанных отдельных клеток. И вот он встречается с человеческим разумом, в котором клеток немного, однако взаимосвязи их невероятно сложны. Кружево, а не веревка. Его привлекла красота. То есть разум Марлены показался Эритро прекрасным. Потому-то она и понадобилась планете. А ты отказалась бы от подлинного Рембрандта или Ван Гога? Потому Эритро и защищала Марлену. Разве ты не стала бы защищать шедевр? Но все же планета рискнула ею ради всего человечества. Марлене пришлось тяжело, но планета совершила благородный поступок. Я думаю, что Эритро собирает красивые разумы.

Инсигна расхохоталась.

— Значит, у Ву и Леверетта тоже красивые умы?

— Для Эритро они, вероятно, прекрасны. У нее еще будет возможность пополнить коллекцию, когда придут ученые с Земли. И знаешь, чем дело закончится? Она подберет группу людей, отличающихся от породы. Так сказать, эритрийскую разновидность. Поможет им разыскивать в пространстве новые места для обитания и, быть может, в конце концов, Галактику заселят два вида разумных организмов — простые земляне и более смышленные эритрийцы — истинные пионеры, жители пространства. Интересно, на что это будет похоже? Будущее, скорее всего, принадлежит не нам. Жаль, конечно.

— Не надо об этом думать, — взволнованно проговорила Инсигна. — Пусть люди будущего сами улаживают свои дела. Но мы с тобой живем сегодня и судим друг друга по человеческим стандартам.

Генарр радостно улыбнулся, его добродушное лицо просияло.

— Я рад — по-моему, твой разум тоже прекрасен. И быть может, ты наконец заметишь, что и мой неплох.

— Ах, Сивер. Я всегда так думала. Всегда.

Улыбка исчезла с лица Генарра.

— Но ведь бывает красота и другого рода.

— Только не для меня. Для меня в тебе довольно красоты — и той и этой. Сивер, мы с тобой потеряли утро. Но у нас есть вечер.

— В таком случае, Эугения, мне нечего больше желать. Бог с ним, с утром... мы вместе скоротаем вечер.

Их руки соприкоснулись.

ЭПИЛОГ

И опять Янус Питт сидел в одиночестве.

Красная карликовая звезда больше не грозила смертью. Это была теперь просто красная звездочка, которую человечество, поднабравшись сил, собиралось отодвинуть в сторону.

Но Немезида — возмездие — существовала, хоть и перестала быть звездой.

Миллиарды лет жизнь на Земле развивалась обособленно. На смену пышному цветению приходил полный упадок. Быть может, где-то были и иные миры, где миллиарды лет жизнь существовала в такой же изоляции.

Все эксперименты — или почти все — долгое время кончались неудачей. Но одна или две попытки оказались успешными.

Если бы Вселенная оказалась достаточно большой для всех экспериментов... Если бы Ротор — его Ковчег — мог существовать обособленно, как Земля и Солнце — возможно, и удался бы его собственный эксперимент.

Но теперь...

В ярости и отчаянии он сжимал кулаки. Он знал, что скоро человечество начнет кочевать от звезды к звезде, как некогда путешествовало от материка к матерiku. И обособленности больше не будет. Его великий эксперимент провалился — их нашли.

И то же безвластие, то же вырождение, та же недалекость, то же культурное и социальное неравенство охватят ныне всю Галактику.

Что же теперь будет? Галактические империи? Грехи и безумства из одного мира разлетятся по миллионам

таких же миров? И горестей и невзгод станет во сто крат больше?

У кого же хватит сил образумить целую Галактику, если никто не сумел образумить один мир? Кому удастся заглянуть в будущее Галактики, населенной людьми?

Воистину пришло Возмездие. Немезида.

Содержание

Немезида, роман,

перевод с английского Ю. Соколова

5

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

В двенадцати книгах

Книга одиннадцатая

**В оформлении использована работа
Тима Уайта**

Главный редактор А. Захаренков

Редактор М. Проворова

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Г. Бочарова, К. Вартанова

Операторы компьютерной верстки Н. Амосова,

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление шмуцтитлов: А. Бибанаев

ЛР № 062455 от 03.10.93.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.11.94.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 22,84. Уч.-изд. л. 23,6.

Тираж 18 500 экз. Заказ № 4-411.

Издательская фирма «Полярис»,

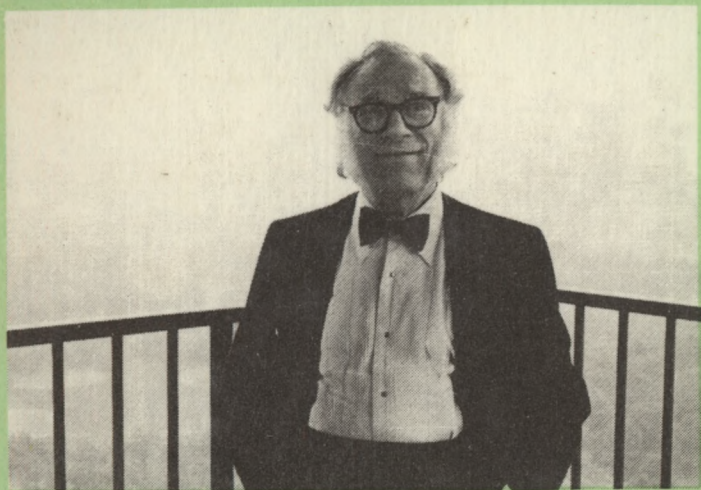
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,

310057 Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8

НЕМЕЗИДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994